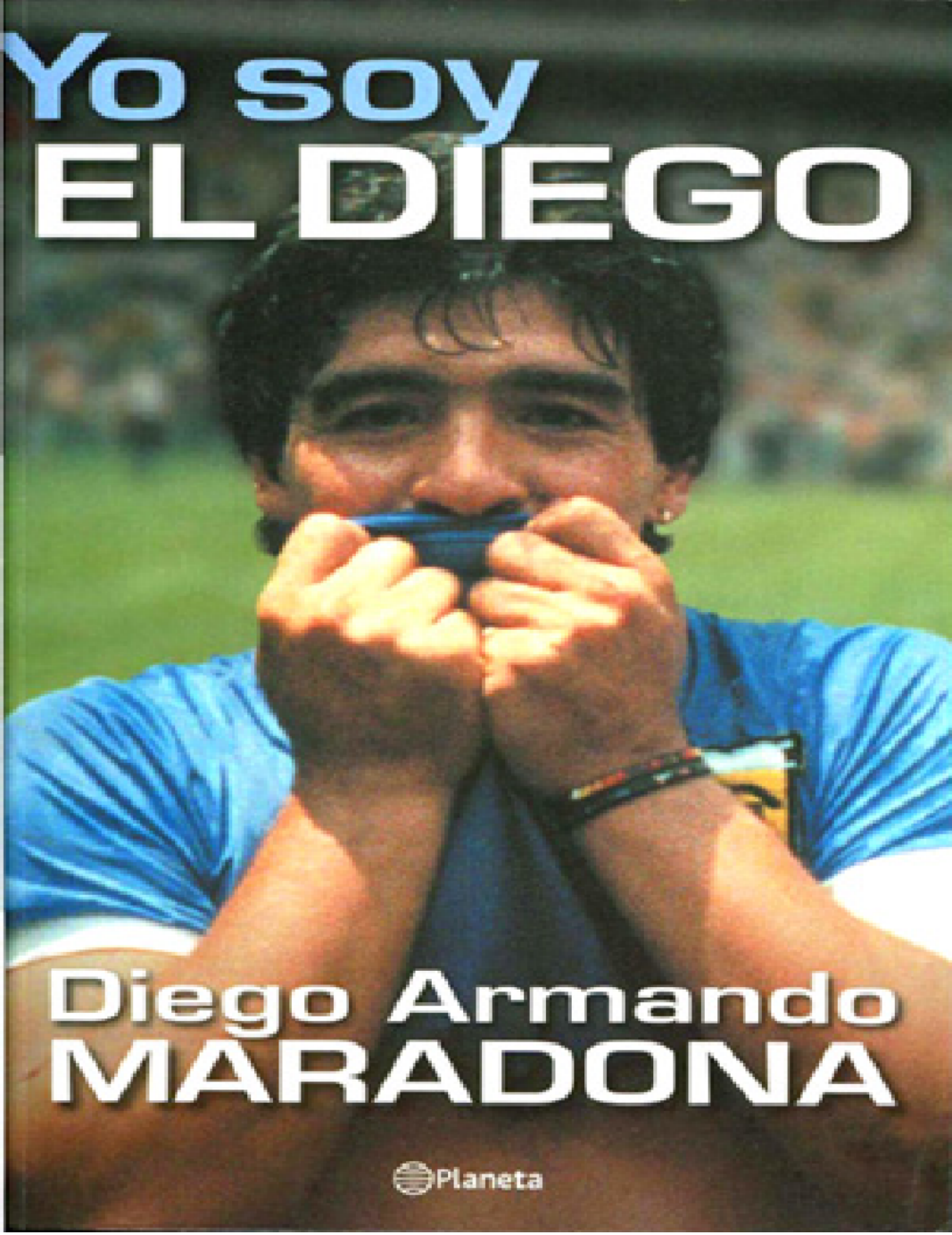
Yo soy EL DIEGO



Diego Armando MARADONA

Planeta

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Диего Армандо Марадона, родившийся в трущобах Буэнос-Айреса, вознесся на вершину европейского и мирового футбола, но жизненные обстоятельства едва не сломили его. Герой он или нет, несомненно одно: он был величайшим игроком своего поколения, а возможно, что и всех времен. Шокируя откровенностью, демонстрируя блестящее знание футбола, Марадона в этой книге вспоминает поворотные моменты своей легендарной карьеры: от нищего детства до мгновений величайшей славы — нелегкий путь мальчика-вундеркинда, знаменитый матч с Англией на чемпионате мира 1986 года, невероятные достижения и крах в "Наполи", позор и разочарование США-94.

Автобиография Диего Марадоны — это исповедь, откровение, покаяние и триумф.

«Я — Эль Диего» — это история футбольного гения и сумасшедшего в одном лице, который чувствовал себя как рыба в воде только с мячом в ногах. Это история безграничной любви к футболу и ненависти к тем, кто видит в этой игре, любимой миллионами людей, всего лишь средство для зарабатывания миллионов долларов. И в то же время это книга не только о футболе, но и о том, что знаменитый аргентинец пережил за годы своей жизни, о том, что оставило в его сердце наиболее глубокий след.

Проходя на Острове Свободы курс избавления от наркотической зависимости, Марадона работал над этой книгой в течение 94 дней, наговорил 38 часов диктофонных записей, которые впоследствии были расшифрованы аргентинскими журналистами Даниэлем Аркуччи и Эрнесто Черкисом Бьяло.

На страницах книги лучший, по мнению многих специалистов и болельщиков, игрок за всю историю мирового футбола делится с читателем откровениями, вспоминая наиболее яркие и интересные моменты своей жизни. Здесь можно найти все то, что ранее оставалось «за кадром» — от жесткой критики в адрес бывшего тренера сборной Аргентины Даниэля Пассареллы до нелицеприятных высказываний о Пеле, Жоао Авеланже и даже Папе Римском. Никогда раньше Марадона не рассказывал о тайнах своей футбольной карьеры от первого лица, и вот теперь решился «рассказать все».

Первое издание книги «Я — Диего» было выпущено в Аргентине тиражом 150 000 экземпляров на испанском языке, и

тогда же поступило в продажу в 28-ми странах мира. Теперь пришло время и российскому читателю узнать наиболее интересные факты из биографии Марадоны, чья неординарная личность будет притягивать к себе внимание еще много-много лет.

Литературная запись: Даниэль Аркуччи, Эрнесто Черкис Бьяло

- Диего Армандо Марадона
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14, заключительная
- notes
  - 1

Диего Армандо Марадона
Я — Эль Диего

Глава 1
ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Вилья Фьорито, «Лос Себольитас», «Архентинос Хуниорс», сборная Аргентины

Спокойствие мне приносила только игра в футбол.

Я начинаю писать эту книгу в Гаване. В конце концов, я решил рассказать всё. Не знаю, но мне всегда казалось, что многие вещи еще остались недосказанными. Как странно! И я не уверен, что рассказанное мной ранее было самым важным из того, что я мог бы поведать.

Здесь, вечерами, наслаждаясь кубинской сигарой, я начинаю вспоминать. Это приятно делать, когда ты в порядке и когда, несмотря на ошибки, тебе уже не о чем сожалеть.

Волнительно переживать прошлое, когда ты вышел из самых низов, и знаешь, что все, что с тобой было, есть и будет — это сплошная борьба.

Знаешь, откуда я родом? Знаешь, как началась эта история?

Я хотел играть, но не знал, в каком амплуа я буду чувствовать себя лучше всего… У меня не было ни малейшего представления об этом. Сначала я был защитником. Мне всегда нравилось играть на позиции либеро, и меня все еще тянет занять это место на поле, даже сейчас, когда мне едва позволяют прикоснуться к мячу, потому что боятся, что моё сердце разорвется. На позиции либеро на все смотришь сзади, все поле перед тобой, у тебя мяч и ты говоришь: «Давайте туда, бегите в другую сторону»; ты — хозяин команды. Спокойствие мне приносила только игра в футбол. И это ощущение — именно это — всегда было при мне, вплоть до сегодняшнего дня: дай мне мяч, и я буду развлекаться; я хочу победить и при этом хочу победить красиво. Дай мне мяч и позволь мне делать то, что я умею. И это потому, что я играю для людей; они — самое главное. Они тебя настраивают на игру, но в то же время их нет на поле в отличие от того, кто развлекается больше всех… Так мы поступали во Фьорито, и то же самое я делал всегда, независимо от того, в каком месте я играл — на «Уэмбли» или на «Маракане» при ста тысячах зрителей.

Еще играя во Фьорито, мы бросали вызов всем и вся. Мы

бросали вызов даже солнцу. Моя мама, Тота, которая за мной ухаживала и все время меня баловала, говорила мне: «Пелу, ты будешь играть… но после пяти, когда сядет солнце». А я ей отвечал: «Да, мамочка, конечно, не беспокойся». И в два часа дня мы выходили из дома с моим другом Негро, с моим кузеном Бето и еще с кем-нибудь, а в два пятнадцать мы уже играли, до изнеможения, под лучами палящего солнца! И нам было наплевать на всё, мы убивали себя игрой… В семь часов вечера мы брали небольшой перерыв, просили воды в каком-нибудь доме и продолжали играть, пока не потемнеет и на небе, и в глазах. И сейчас, когда я от кого-нибудь слышу, что «это поле недостаточно освещено», меня так и подмывает сказать: «Да я играл в настоящих потемках, сукин ты сын!». Я не знаю, были ли мы «детьми улицы» — скорее «детьми потрерос1». Если предки нас искали, они всегда знали, где мы находимся — на поле, бегая с мячом.

Так проходили все субботы и воскресенья, а в рабочие дни мы начинали играть с пяти, так как я должен был идти в школу. Я учился в школе «Ремедиос де Эскалада де Сан-Мартин», прямо напротив станции Фьорито. В школу я ходил потому, что должен был это делать, чтобы не расстраивать моих стариков. Все остальное, чем я занимался, каждый мой шаг, обязательно были связаны с мячом. Если Тота меня куда-нибудь посылала, она мне давала в руки что-нибудь, напоминающее футбольный мяч, чтобы мои ноги были в действии: апельсин, бумажные шарики или тряпичный мячик. Таким способом я поднимался на мост, прыгая с одной ноги на другую, чеканя мячик правой ногой и ударяя по нему левой — так, так, так… Так я ходил в школу или в любое другое место, выполняя поручение Тоты. Люди оборачивались и смотрели на меня, ничего не понимая. Те же, кто меня знали, уже не удивлялись. Это были мои друзья, пареньки, с которыми я делил все, вплоть до порции пиццы. Мы шли вчетвером или впятером в Ла Бланкеаду, к мосту Альсина, где до сих пор делают самую лучшую пиццу в мире, и там мы покупали одну-единственную порцию на всех, и съедали её — каждый по малюсенькому кусочку.

У меня хорошие воспоминания о моем детстве, хотя район Вилья Фьорито, где я родился и вырос, я могу охарактеризовать только одним словом: борьба. Во Фьорито, если ты позволяешь себя сожрать, тебя сожрут, а если нет — значит нет. Я помню, что зимой там было очень холодно, а летом — очень жарко. Наш дом был трехкомнатным: ты проходишь через входную дверь со звонком, попадаешь в некоторое подобие «патио»2, и, наконец, в сам дом. Столовая, где готовилась еда и поедалась нами, и где мы

делали уроки. Справа была комната моих родителей, а налево, не больше чем два метра на два, комната братьев. Восьми братьев и сестер. Когда шел дождь, нужно было прятаться от падающих с потолка капель, потому что внутри дома ты промокал больше, чем снаружи. У нас были ванна и умывальник, но не было воды; тогда я и начал заниматься «гирями», поднимая вместо них двадцатилитровые ведра из-под машинного масла. Мы их использовали для того, чтобы носить в них домой воду от единственной колонки в квартале, чтобы моя мама могла стирать, готовить и т. п. И также для того, чтобы мы могли купаться: рукой осторожно льешь на себя воду из ведерка, чтобы она попала на каждый участок твоего тела. Труднее всего было мыть голову, и зимой мы старались избегать этой процедуры.

На самом деле у нас было не слишком много способов заработать себе на развлечения, но с моим другом Негро мы делали небольшие бочонки и потом их продавали. Ну и, конечно же, у меня был мяч. Футбольный мяч стал самым приятным подарком, который мне сделали в жизни: его мне дал мой кузен Бето, Бето Сарате, сын тёти Нены. Это был мой первый кожаный мяч; и я, тогда еще трех лет от роду, спал всю ночь с ним в обнимку.

Я всегда говорю, что стал профессионалом, начиная с самого маленького возраста: я играл за команду, которая приглашала меня первой, иногда меня не отпускали из дома, и тогда я ревел как сумасшедший. И все-таки за пять минут до начала нашего матча Тота всегда давала мне разрешение. Ну а для того, чтобы убедить дона Диего, моего отца, усилий требовалось значительно больше.

Я понимал своего старика и как было не понять, если он буквально выбивался из сил для того, чтобы мы могли есть и учиться? И он очень хотел, чтобы я учился. Отец приехал во Фьорито из Коррьентес в 1955 году, уже после Тоты. Тота оказалась здесь первой, с моей старшей сестрой Аной на руках. Во Фьорито уже жила моя тётя, Сара, и именно она сказала, что в Буэнос-Айресе им стало жить лучше. В Эскине оставался мой старик в ожидании новостей вместе с Ритой, другой моей сестрой, и своей матерью Дорой, моей бабушкой, чудо-человеком. Там он был лодочником, работал на дона Лупо, Гвадалупе Галарсу: на лодчонках он перевозил скот на острова, когда река мельчала, и забирал его обратно, как только уровень воды поднимался для того, чтобы вновь вернуть животных на пастбища. Он жил на реке и знал все ее секреты. И знает их до сих пор. Там у него было всё то, что ему нравилось и то, что нравится мне теперь: рыбалка, асадо3 и футбол. Никто никогда

не сделает такое великолепное асадо как мой старик. И как мне всегда рассказывали, он действительно хорошо играл в футбол, управлялся с мячом как погонщик с мулом. Когда же Тота его позвала, он отправился в Буэнос-Айрес чтобы найти работу. И нашёл её… На мельнице Тритумоль он работал с четырех утра до трех часов дня.

Каждый устраивается так, как может. Это было нелегко, а? Совсем нелегко. Сначала они снимали маленький домик. Затем они поменяли его на другой, еще меньше, но лучше. И, наконец, перебрались в собственную развалюху из жести, дерева и кирпича, недалеко от пересечения улиц Асамор и Марио Браво. Этот домик сохранился и до сего дня, почти в своем первозданном виде. Здесь родились Эльса, Мария, потом я, Рауль (Лало), Уго (Турко) и Клаудия (Кали).

Нужно было очень много работать для того, чтобы прокормить столько ртов. Нужно было много работать, и мой старик работал, убивая себя. Поэтому я старался пакостничать как можно меньше, но… Иногда ему удавалось заработать, он покупал мне новые ботинки, но я разбивал их тут же, потому что играл в футбол целый день. От обиды можно было заплакать! И мы действительно плакали, потому что после того, как я их разбивал, мой отец обязательно давал мне довольно ощутимую затрещину. Но я рассказываю это не для того, чтобы поставить такой метод воспитания ему в вину… Тогда были другие времена и другие традиции… У моего старика не было времени со мной разговаривать! И в таком случае он должен был лупить меня. У него не было времени говорить со мной, как оно есть сейчас у меня для того, чтобы сказать Дальме или Джаннине: «Иди сюда, я хочу объяснить тебе это». Мой отец должен был спать, пусть даже и урывками, так как на следующий день он шел к четырем утра на работу. Я рассказываю это для того, чтобы все знали, что есть много семей, вынужденных жить так, и жизнь в этих условиях послужила мне хорошим уроком. Сегодня я признаюсь себе в том, что мой отец, дон Диего, является самым хорошим человеком из всех, что я знаю, и повторяю это для всех, для него и для Тоты.

Это то, что я хочу вам передать: я закалился и стал более крепким, поскольку жил во Фьорито, но ощущения никогда не поменяются. И они не изменят меня. Я хочу передать всем, что те кумиры и идолы, которым люди поклоняются в своих домах, живут рядом с ними и такие же люди из плоти и крови как они сами. Они не на телеэкранах и страницах журналов, они здесь… Поэтому я всегда говорю, что я не собираюсь быть примером для подражания. Разве что только для моих дочерей; только им я должен, и только они могут меня судить.

И правда то, что благодаря моему старику я никогда не был голодным. Поэтому у меня были крепкие ноги, несмотря на то, что сам я выглядел довольно субтильным. В соседних домах дети ели не каждый день, и по этой причине уставали раньше меня. В этом плане я выгодно отличался от остальных. Я никогда не думал, слышите — никогда, о том, что рожден для того чтобы играть в футбол, что со мной будет происходить то, что потом произошло. Я мечтал, в частности о том, что меня покажут по телевизору, а когда я был уже более известен, то сказал, что мечтаю о том, чтобы сыграть на Мундиале и стать чемпионом мира в составе сборной Аргентины. Но спросите любого — в то время об этом мечтал каждый аргентинский мальчишка. Я чувствовал, что с мячом я отличаюсь от остальных, и с мячом я выходил победителем из любой сложной ситуации.

Мы всегда играли по другую сторону от дома, на Семи Полянах. Это были огромные поля, некоторые из них имели ворота, а другие нет. Семь Полян, если бы вы были таким комплексом, которые есть сейчас, с синтетическим покрытием и прочими удобствами! У тех полей не было и в помине ничего такого, но нам они казались самыми прекрасными. Когда мы начинали носиться, поднималась такая пылища, что создавалось впечатление, будто мы играли в тумане на «Уэмбли».

Одно из этих полей принадлежало клубу моего старика «EstrellaRoja» («Красная Звезда»), на котором я иногда играл. Другое находилось в собственности «TresBanderas» («Трёх Знамён»), команды отца моего друга, Гойо Каррисо. «Красная Звезда» против «Трёх Знамён» это как «Бока» против «Ривера»! Наверное, для тех времен было обычным делом, когда отцы, которые без ума от футбола, заставляют играть своих пареньков за свои команды, и иногда — за деньги. Матч между этими командами был настоящим «класико»4 района. Но с Гойо мы всегда были в хороших отношениях. В таких хороших, что однажды, в середине 1969 года в школе, где мы были товарищами по классу, он мне сказал:

— Диего, в прошлую субботу я был на тренировке «Архентинос Хуниорс», и мне сказали, чтобы я привел мальчишек на просмотр. Хочешь пойти?

— Не знаю, я должен спросить своего отца. Не знаю…

На самом деле я знал, что если попрошу своего отца, чтобы он меня туда отвел, он должен будет потратить деньги на билет и выкроить время из своего короткого отдыха. И это обстоятельство охлаждало мой пыл. Но как это всегда происходило, если я хотел о чем-либо поговорить с отцом, то рассказывал об этом маме… И Тота, как всегда, поведала об этом отцу и оказалось, что он

согласился сводить меня на просмотр и посмотреть, что из этого может выйти. Узнав об этом, я понесся к дому Гойо быстрее, чем Бен Джонсон. До него было что-то около трёх километров, я пробежал Семь Полян, примчался туда на последнем издыхании и сказал: «Гойо, я иду, иду, мне разрешили! Когда это будет?». Оставалось всего несколько дней, но для меня они тянулись словно столетие.

С моим отцом мы нашли Гойо и Монтаньиту, другого паренька из нашего района, который также хорошо играл в футбол. Из Фьорито на просмотр отправилась целая куча детей, но мы втроем пошли вместе и в итоге взяли всех нас троих.

Даже сама поездка была приключением. Я впервые в своей жизни отправился по пути, который потом проходил тысячи раз. Из Фьорито мы выехали на «зелёном», как мы называли 28-й автобус, и в Помпейе пересели на 44-й для того, чтобы добраться до Лас Мальвинас, где тренировались «Архентинос». Для меня тогда перебраться через мост Альсина было равнозначно переходу через Манхэттенский мост. Когда мы добрались до Лас Мальвинас, с неба лило так, что нам не разрешили играть, заявив, что нужно беречь газон. Какое разочарование! Думаю, что если бы дети начали плакать, они бы залили слезами всё вокруг. Тогда Франсис, чудо-человек, заправлявший там всеми делами, сказал: «Не выдумывайте проблем на свою голову, сейчас мы возьмем колымагу дона Яйо и отправимся на стадион «Парке Сааведра», где сможем играть».

Франсис — это Франсиско Грегорио Корнехо, основатель «Лос Себольитас» («Луковок»), группы мальчиков 60-го года рождения, собранной для того, чтобы к 14 годам «Архентинос Хуниорс» могли сделать их своей собственностью и заявить для участия в первенстве 9-го дивизиона. А дон Яйо — это Хосе Эмилио Тротта, его помощник примерно того же возраста, который развозил нас на своем грузовичке.

На «Парке Сааведра» собрались две команды, и мне выпало играть в одной команде с Гойо. Хотя мы с ним всегда были соперниками, мы сразу нашли взаимопонимание и показали себя с наилучшей стороны. Я бил по воротам, как только умел, забил пару мячей, не помню точно сколько. Помню, что Франсис сказал Гойо, чтобы он продолжал играть, а меня с серьезным лицом подозвал к себе. Он не мог поверить, что мне было девять лет.

— Детка, это правда, что ты с 1960 года?

— Да, дон Франсис…

— Посмотрим… Покажи мне свои документы.

— Я забыл их дома…

Это было действительно так, но он мне не поверил.

Впоследствии он сообщил мне, что посчитал меня тогда врунишкой.

К тому времени он уже стал другом моего отца, который делился с ним и с доном Яйо самым сокровенным, как будто бы это были члены его семьи. Из-за этого доверия я в итоге остановил свой выбор именно на «Архентинос Хуниорс» и ни на какой другой команде. Из того района, где мы жили, я мог отправиться в «Индепендьенте» или в «Ланус»… О «Ривере» я даже и не думал… Если бы я мог выбирать сейчас, я бы выбрал «Боку». В тот период, когда я формировался как игрок, я был влюблен в Бочини. Я влюбился в него со страшной силой и должен сознаться, что в начале семидесятых я болел за «Индепендьенте» в Кубке Либертадорес, когда уже готовился перейти из «Лос Себольитас» в девятый дивизион. Бочини меня просто очаровал! Бочини… и Бертони. «Стенки», которые разыгрывали Бочини и Бертони, навсегда отложились у меня в памяти, и некоторые из тех приемов, что они использовали, я бы занес в историю мирового футбола. Также мне нравился Бето Алонсо, поскольку он был левшой, и мне казалось (не знаю, так ли это на самом деле), что левши играют более зрелищно. Лучшим примером в этом смысле был Ривелиньо. Думаю, что «Боке» в то время не хватало именно Бочини. Он обыгрывал защитников одной левой, а я смотрел и думал: «Этого не может быть, это неподвластно моему разуму. Я обыгрываю одного, а затем должен бежать дальше, чтобы сделать пас партнеру». «Эль Боча» не бежал дальше с мячом, он выжидал и так же успешно сажал защитников на задницы. Когда мне было 16 лет, ходили слухи, что меня хотел купить «Индепендьенте»; тогда я просто мечтал сыграть вместе с Бочини, и впоследствии это произошло.

Но я внимательно наблюдал за всеми лучшими футболистами страны и учился. Тем временем «Лос Себольитас» обыгрывали всех, кто становился на их пути. Мы одержали 136 побед подряд, они все записаны в тетрадке, которую мне потом подарили Франсис и дон Яйо. Клаудия до сих пор хранит ее как реликвию… Если бы мне засчитали все те голы, что я тогда забивал, их на моем счету сейчас было бы больше, чем у Пеле! Конечно, это сейчас нельзя проверить, но я знаю, что забивал очень много. Я также помню, что наша победная серия закончилась в Наварро. У нас была суперкоманда! И именно там, во Фьорито, я сделал свой первый шаг к тому, чтобы стать настоящим футболистом.

Я всегда играл, несмотря ни на что: однажды я вышел на поле весь забинтованный, с семью швами на руке. Как-то мы вместе обедали с Гойо у меня дома, и Тота попросила меня пойти

поискать сифон для содовой. Мы выбежали вместе с Гойо, а по возвращении я с размаху врезался об угол. Это был страшный удар! Сифон взорвался, и осколками мне распороло всю руку. Мне было обидно за все: за сифон, за испуг Тоты, за взбучку от отца, и особенно я переживал насчет матча, который должен был состояться на следующий день — в субботу мы играли в Банфильде. Меня привели в больницу, где зашили и забинтовали так, что я стал похож на мумию.

На следующий день я уехал вместе с остальными ребятами на колымаге дона Яйо. Я боялся, что Франсис не поставит меня на игру и, может быть, устроит мне выволочку; наше к нему уважение граничило со страхом. И уже в раздевалке Франсис подозвал меня и спросил:

— Что у тебя с рукой, Марадона?

— Я упал и порезал ее, дон Франсис. Но я могу играть…

— Что?? С ума сошел?! В таком состоянии ты не можешь играть.

Я развернулся и вернулся на скамейку, кусая в кровь губы, чтобы не заплакать. Гойо это увидел и подошел к Франсису…

— Франсис, позвольте ему сыграть, пусть совсем чуть-чуть. Даже дон Диего ему разрешил.

Франсис наморщил лоб и пробурчал себе что-то под нос, похожее на «ну ладно, только совсем чуть-чуть». Я воспрял духом… Я не сыграл «чуть-чуть»; я провел на поле весь матч. Мы выиграли 7:1, а я забил пять мячей.

За нашу команду под восьмым номером выступал сын Перфекто Родригеса, Моно Клаудио. Девятый номер был у Гойо, десятый у меня и одиннадцатый у Польворо Дельгадо. Но папа Родригеса имел связи в «Чакарите», и когда нам по возрасту подошло время играть в девятом дивизионе, он отправил сына в этот клуб, чем ослабил нашу команду. Таким образом ситуация еще более усложнилась. Вот так на свет и появилось «класико» низших дивизионов: наш «Архентинос Хуниорс» против «Чакариты» Пичи Эскудеро и Моно Родригеса, и мы всегда выигрывали. Наш обычный состав выглядел так: Охеда, Тротта, Чайле, Чаммах, Монтанья, Лусеро, Далла Буона, Марадона, Дурэ, Каррисо и Дельгадо.

О тех «Лос Себольитас» у меня осталось множество воспоминаний, которые я сохранил в памяти навсегда. Теперь столько шумихи вокруг «возрастных обманов», как например это происходит с бразильцами, которые занижают возраст игроков и отправляют их выступать за юношеские команды. Должен рассказать, что со мной произошло то же самое, только наоборот: мне было 12 лет, на три года меньше, чем всем остальным, и

Франсис держал меня на скамейке запасных. Если дела шли плохо, он выпускал меня на поле. Первый раз это произошло в матче против «Расинга», на стадионе «Сакачиспас»: до финального свистка оставалось полчаса, счет был 0:0, и на поле не происходило ничего интересного. Он выпустил меня на замену, я забил два мяча, и мы победили. Тренер соперников, Паломино, которого я хорошо знал, подошел к Франсису и спросил: «Как ты можешь держать этого парня на скамейке? Береги его, он станет гением». Франсис показал ему мои документы, и Паломино отказался ему поверить. В другой раз, против «Боки», я сделал то же самое, но так как в низших дивизионах меня уже знали, я взял себе другое имя: Монтанья.

Мы проигрывали 0:3, я вышел на поле, забил гол, преимущество перешло на нашу сторону, и в итоге мы сумели свести матч к ничьей. Проблема была в том, что мое «инкогнито» раскрыли партнеры по команде, которые кричали: «Браво, Диего!» и кричали так, что тренер «Боки» оживился, встал со своего места и направился к Франсису: «Ты выставил против меня Марадону. На этот раз пусть все остается как есть, я не буду опротестовывать результат игры. Тебе повезло. Этот парень просто великолепен». Правда, однажды мне все-таки не удалось сыграть за свою команду, но не только по причине возраста. Это произошло в 1971 году, когда нам предстояло отправиться на международный турнир в Уругвай, впервые выехать за границу. Я не смог играть потому, что у меня просто-напросто не было документов. Я сфотографировался на память вместе с командой, но длинные трусы и расстроенное лицо говорили сами за себя. В этом году также впервые мое имя появилось на страницах печати: 28 сентября «Clarin»5 написал в одном из номеров о том, что «появился один мальчик со сформировавшимся стилем и классом звезды». По их версии, меня звали… Карадона. Подумать только, впервые обо мне написали и написали, переврав фамилию! Ко всему прочему Пипо Мансера привел меня на телевидение для того, чтобы я продемонстрировал с мячом то, что умею, в программе «Sabados Circulares», которую в Аргентине смотрят все от мала до велика.

В действительности, люди, которые посещали игры «Архентинос», меня знали, но не по имени. Так получилось, что на одном из матчей первого дивизиона я вместе с другими мальчишками подавал мячи, а в перерыве Франсис выпустил меня порезвиться с мячом. Я воспользовался этим и начал жонглировать как обычно: подъемом, бедром, пяткой, головой, плечом, спиной, как только можно. Франсис на ходу стал подгонять меня к центру поля. Это меня смутило, так как другие

ребята не могли за мной ни успеть, ни повторить моих движений. Я чувствовал, что люди смотрят только на меня, и вскоре они начали аплодировать. Но самый приятный момент произошел во время матча «Архентинос Хуниорс» — «Бока Хуниорс» в 1970 году, на стадионе «Велеса». Представьте себе, что всю неделю мы играли разбитым мячом, сущий кошмар, а когда наступало воскресенье, и мы отправлялись на Пинтьер, где проходили официальные матчи первого дивизиона, у нас горели глаза… В перерыве нам дали поиграть на поле. В одном из игровых эпизодов я ударил по воротам из-за штрафной площади, мяч кого-то задел и попал в голову дону Яйо, стоявшему рядом со штангой. Это привлекло внимание зрителей на трибунах, и они стали смеяться. Дон Яйо вернул мне мяч, и я продолжил игру, обводя соперников одного за другим, так-так-так-так, зрители начали мне аплодировать. Команды уже вернулись на поле, вернулся и судья, а люди на трибунах стали скандировать: «Пусть ос-та-нет-ся, пусть ос-та-нет-ся!». Это скандировали и болельщики «Архентинос», и даже болельщики «Боки». Это одно из самых хороших воспоминаний об инчаде «Боки». Думаю, что тогда я и начал испытывать особые чувства к этому клубу, и я уже знал, что наши пути обязательно еще пересекутся.

«Лос Себольитас» потерпели поражение в финале национального первенства, в Рио Терсеро, Кордоба. Нас обыграла команда из Пинто, «Сантьяго дель Эстеро», которой руководил сеньор по имени Элиас Ганем. Его сын, Сесар, увидев меня ревущим в три ручья, подошел ко мне и сказал: «Не плачь, брат, ты станешь лучшим футболистом мира». Все почему-то думают, что он мне подарил свою чемпионскую медаль, но это не так: честно завоеванная, она осталась при нем.

На память об этом турнире у меня осталась фотография, которую видели многие: я стою на коленях, утешая парня выше меня ростом, который плачет. Этого парня звали Альберто Пачеко, он играл за «Коррьентес», который проиграл в финале «Энтре Риос». Мы с ним стали хорошими друзьями, потому что папа, как и положено болельщику «Коррьентес», посещал все матчи этого клуба. Уже в то время мне нравилось играть против «Ривера», играть и побеждать его. Я помню три матча: один из них, проходивший в группе, где помимо нас были еще «Уракан» и «Ньюэллз Олд Бойз», завершился со счетом 3:2; другой мы выиграли с разгромным счетом 7:1 и, наконец, победа 5:4 в финале чемпионата Эвиты-73. Если бы потребовалось найти двойник знаменитого гола в ворота англичан, я забил его в той встрече: обыграл одного за другим семерых соперников и отправил мяч в сетку.

Ах да… У меня есть и прототип гола с помощью «руки Божьей», который я забил в составе «Лос Себольитас», в «Парке Сааведра». Противники все видели и стали нападать на судью, который в итоге все-таки засчитал мяч, совершив тем самым грубейшую ошибку… Я знаю, что это не очень хорошо, но одно дело, когда ты принимаешь решение на трезвую голову, и совсем другое — когда делаешь это в самом пылу игры: ты хочешь достать мяч во что бы то ни стало, и ближе всего к нему оказывается рука. Я никогда не забуду, как один судья не засчитал мяч, который я забил рукой «Велесу». Это произошло много лет спустя после «Лос Себольитас» и задолго до чемпионата мира в Мексике. Он мне посоветовал, чтобы я больше никогда так не делал; я его поблагодарил, но в то же время сказал, что не могу ничего обещать. Тогда я еще не предполагал, что буду праздновать победу над Англией.

Через неделю после того матча с «Ривером», президент этого клуба Вильям Кент, пожелавший приобрести меня, попросил моего отца назначить за меня цену. Однако, мой старик дал ему лаконичный ответ: «Дьегито очень счастлив в «Архентинос». Но это был далеко не последний раз, когда «Ривер Плейт» захотел меня заполучить.

Примерно в то же время я познакомился с Хорхе Цитершпиллером. Он всегда следил за выступлениями детских и юношеских команд «Архентинос», где выступал его брат, Хуан Эдуардо, который подавал большие надежды. Но он умер от страшной болезни, и это стало сильным ударом для Хорхе. Он больше не возвращался в клуб… Не возвращался до тех пор, пока ему кто-то не рассказал, что в команде объявилось новое дарование. Этим дарованием был я, и Хорхе вышел из своего добровольного заточения. Он стал кем-то вроде координатора детских и юношеских команд. Когда у нас были важные матчи в девятом дивизионе, он приводил нас к себе домой для того, чтобы мы могли как следует поесть, расслабиться и отдохнуть. Он жил на улице Сан Биас, в Ла Патернале, и нередко по пятницам я оставался у него ночевать. Так началась наша дружба… Я спал на кровати Хуана Эдуардо и стал для Цитершпиллеров еще одним членом их семьи.

Когда «Ривер» в 1975 году стал чемпионом 18 лет спустя, я был мальчиком, подающим мячи. В тот вечер, на поле «Велеса» они обыграли «Архентинос» 1:0 благодаря знаменитому голу Бруно. На календаре было 14 августа, и профессионалы тогда не играли из-за забастовки. А я мог дебютировать в первом дивизионе на год раньше! Франсис сказал главному тренеру «Архентинос» Франсиско Кампане, что если он собирается

выставить на игру молодежь, пусть возьмет и меня. Кампана не стал этого делать, остановив свой выбор на Фео Диасе, ну а я занял место за воротами, как и полагается мальчику, подающему мячи. Там же стоял Хуан Альберто Бадия, журналист, писавший с этого места свой репортаж.

Я прекрасно вижу, что проделал свой путь в «Лос Себольитас» очень быстро: мы стали чемпионами девятого дивизиона, на следующий год вышли в восьмой, и когда мы опережали соперника на 10 очков, меня перевели в команду, игравшую классом выше. В седьмом дивизионе я сыграл только два матча, после чего оказался сразу в пятом. Там я провел четыре матча и в одно мгновение очутился в третьем, где дебютировал во встрече против «Лос Андес», на их поле. Я забил гол, отыграл еще два матча и — пум! — оказался уже в первом дивизионе. И все это произошло со мной не более чем за два с половиной года.

Если бы все те люди, рассказывающие о том, что видели мой дебют, говорили правду, этот матч должен был бы проходить скорее на «Маракане», а не на «Ла Патернале». Я уже тренировался с основным составом на поле «Комуникасьонес». Во время вторничной тренировке ко мне подошел главный тренер, Хуан Карлос Монтес, и сказал: «Как ты смотришь на то, чтобы завтра быть в запасе?». У меня перехватило дух и я выдавил из себя только: «Что??? Как???», и ему пришлось повторить еще раз: «Да, ты будешь в запасе. И подготовься как следует, потому что будешь играть». На меня это так подействовало, что я, не чуя под собой земли, на всех парах помчался домой, чтобы рассказать о случившемся моим предкам. И стоило сообщить это Тоте, как через две секунды об этом знал весь Фьорито. Весь Фьорито знал, что я буду играть на следующий день!

Как раз, начиная с этого дня «Архентинос Хуниорс» стал снимать для меня квартиру в Вилья де Парке, на улице Архерич 2746. Но у меня еще оставались дела во Фьорито, где жила моя бабушка, Дора, ничего не желавшая и слышать о переезде. Все мои родственники, Бето, Рауль и другие приходили, чтобы узнать, буду я играть или нет. Они всегда ходили на матчи с моим участием в низших дивизионах, если у них были деньги. А когда у меня не хватало денег на проезд на тренировку, мои замужние сестры, Ана и Кити, тайком брали мелочь у своих мужей для того, чтобы я не пропускал занятия. Обратную же дорогу мне оплачивал Франсис. В «Архентинос» мне также оплачивали дорогу благодаря одному из руководителей клуба, Рею, да пребудет его душа в покое.

Когда я рассказал обо всем Бето, которого любил и люблю больше всех, он начал плакать. И плакал безудержно; так, что я

не мог его остановить. В тот момент я отдавал себе отчет, что в моей жизни произошло что-то важное. А мой отец как раз в день моего дебюта должен был работать, и поэтому не мог отправиться на стадион вместе со мной. А мы так об этом мечтали!

На самом деле я мог дебютировать месяцем раньше, но… Получилось так, что в матче третьего дивизиона против «Велеса» судейство было подобно стихийному бедствию. После финального свистка я подошел к главному арбитру и пока еще спокойным тоном произнес: «Судья, ну вы и чудо, вам нужно судить международные матчи». За эти слова мне влепили пятиматчевую дисквалификацию, отсрочив тем самым мой дебют на целый месяц.

Когда наступил это знаменательный для меня день, 20 октября 1976 года, стояла дикая жара. Но я ее практически не чувствовал. Я надел белую рубашку и брюки с широкими штанинами, единственные, которые у меня были! А что было делать? Других-то у меня не было! Когда говорили о выплате премиальных, я подумал: «Хорошо, за этот матч я получу чуть-чуть, сидя на скамейке запасных, и немного больше, если выйду на замену. И тогда я смогу купить себе другие брюки». В итоге мы проиграли, но казалось, что все не так уж и плохо.

Утром, когда я уходил, моя мама проводила меня до самой двери. «Я буду молиться за тебя, сын мой» — сказала она мне. А мой отец попросил на работе отпустить его пораньше, чтобы он смог успеть к началу матча и увидеть меня. Я не помню точного времени начала игры, три или четыре часа, помню только, что перед тем как я собрался выйти на поле, мне сообщили, что отец уже на стадионе. Первым, что произвело на меня впечатление, была инчада «Тальереса», его болельщики были везде! Мы — футболисты «Архентинос» — собрались перед матчем вместе и отправились пообедать в «Хонте и Бойяка». Классический бифштекс с пюре и слова Монтеса в качестве десерта. После этого мы пошли по направлению к стадиону, прямо в толпе — нас никто не знал! И вокруг были одни болельщики «Тальереса»! «Я — Тааре, я — Тааре!» — кричали они своим неповторимым тоном. Тогда у них была сильная команда: Лудуэнья, Оканьо, Луис Гальван, Овьедо, Валенсия, Браво. У нас не было игроков такого масштаба, но всю нашу команду я помню поименно: Мунутти, Рома, Пельерано, Хетте, Френ, Джакобетти, Минутти, Ди Донато, Хорхе Лопес, Карлос Альварес и Овелар.

Я вышел вместо Джакобетти во втором тайме в красной футболке с белой диагональной полосой под 16-м номером. Как мне нравилась эта футболка! Она была похожа на футболку «Ривера», только наоборот, ха-ха-ха.

Хозяева поля сразу же на нас насели, и на 27-й минуте Ача Лудуэнья открыл счет. Перед перерывом Монтес, сидевший на противоположном краю скамейки, повернулся ко мне и измерил меня взглядом, словно спрашивая: «Ты готов?». Я не отвел глаз, и думаю, что он принял это за мой ответ. Сию минуту я отправился разминаться и в начале второго тайма вышел на замену. Стоя на кромке поля, Монтес сказал мне: «Давай, Диего, играй как ты умеешь»… Я начал на редкость удачно: получил пас, стоя спиной к моему опекуну, которым был Хуан Доминго Патрисио Кабрера, и обыграл его, отправив мяч ему прямо между ног. Почти сразу же я услышал одобрительное «О-о-о-ле!» в мой адрес. На этом матче присутствовали далеко не все те, кто об этом говорит, однако трибуны были заполнены до самого верха, не было видно ни одного кусочка доски. Я помню, что мое внимание привлекло отсутствие свободного места на трибунах, а поле мне показалось верхом совершенства по сравнению с полями низших дивизионов. И еще меня поразили сильные удары по ногам. В юношеском футболе я привык к тому, что мне постоянно пытались нагадить подножками и ударами по ногам, однако и здесь я очень быстро научился от них уходить: обводишь типа, уходишь от удара и продолжаешь бежать с мячом… Если ты этому быстро не научишься, третьего раза может уже и не быть. Так или иначе, я был хорошо подготовлен физически, потому что доктор Паладино, Роберто «Качо» Паладино, давал нам витамины, делал уколы, беспокоился о нашем питании. Думаю, что благодаря ему я вырос в итоге крепким и здоровым. Кстати, когда меня крестили 5 января 1961 года, Тота сказала: «Дай Бог, чтобы он стал хорошим человеком и был здоров».

Мой первый выход на поле обернулся поражением, однако, моя долгая и незабываемая история в «Архентинос» только начиналась. Я всегда говорю, что в тот день я сумел коснуться руками неба. Я уже знал, что в моей жизни начинается очень важный период. В том чемпионате я провел всего десять матчей и забил два мяча, первые в моей карьере: оба — в ворота «Сан Лоренсо» из Мар-дель-Платы, на стадионе «Сан-Мартин» 14 ноября 1976 года.

Обо мне начали делать репортажи и писать заметки. Я помню одну из них, которая вышедшую под заголовком «В детском возрасте он слушает овации». За три года я проделал путь от Фьорито до газет, журналов и телевидения. Это время пролетело настолько быстро, насколько быстро я описываю это здесь. Возможно, поэтому статьи заставляли меня нервничать. Они мне нравились, но не давали мне покоя. Я ничего не ощущал, раздавая интервью, и говорил всегда практически одно и то же:

где родился, как раньше жил, и какие игроки мне нравились. Я должен был повзрослеть очень быстро. Я столкнулся с завистью других людей, не понимал ее причин, замыкался в себе и начинал плакать. Я повзрослел моментально и захотел покупать себе разные вещи: рубашки, пальто, брюки, майки… Я начал держать в себе то, о чем говорил раньше, хотя это было не так уж и легко… Тогда вряд ли кто мог представить себе то, что происходит со мной сегодня. События проносились мимо меня с такой скоростью, что у меня просто не было времени ощутить на себе завистливые взгляды. И теперь у меня было все, что я мог пожелать! Я отдавал себе отчет в том, что период нечеловеческих усилий, и не только моих, остался позади. Усилий, которые прилагал мой отец, и жертв, которые он приносил ради того, чтобы я продолжал жить своей мечтой. А сейчас я получил возможность парковать свой собственный автомобиль у двери моего дома. Это был «Фиат-125» красного цвета. Со мной произошло много чего, всего не упомнишь, и все это приключилось за считанные мгновения. И другая моя мечта, играть за сборную Аргентины, исполнилась в одно мгновение, когда я тому времени провел всего лишь одиннадцать матчей в первом дивизионе. Всего одиннадцать!

Как и все в моей жизни, это тоже произошло мгновенно; в начале 1977 года, три месяца спустя после моего дебюта в «Архентинос». Я был в составе юношеской сборной, и мы проводили тренировочные матчи против первой сборной. Поэтому я всегда находился в поле зрения Менотти, который возглавлял национальную команду. В юношескую сборную меня пригласил дон Эрнесто Дучини, настоящий маэстро, и мы играли против таких грандов как Пассарелла, Хьюсмен, Кемпес, против таких монстров!

На одной из таких тренировок я, похоже, чем-то выделился, потому что «Эль Флако»6 решил поговорить со мной персонально. Каждое его слово отдавалось внутри меня в гробовой тишине, потому что он был… был для меня Богом! И он стоял рядом со мной и говорил только со мной. Он сообщил мне, что я приму участие в товарищеском матче против Венгрии, что это будет моим дебютом в сборной! Однажды я уже рассказывал об этом, и не думаю, что сейчас смог бы отыскать другие слова…

Когда занятие закончилось, Менотти отозвал меня в сторону и сказал: «Марадона, когда выйдете со стадиона, отправляйтесь в отель на сбор. Единственное, о чем я вас прошу — никому об этом не говорите. Если хотите, можете сказать своим родителям, но постарайтесь, чтобы эта информация не просочилась в печать. Мне бы не хотелось, чтобы поднялся ажиотаж»…

Я воспринял это спокойно. А на следующий день, утром, Менотти снова поговорил со мной: «Я хочу сказать вам, что если ход матча будет складываться удачно, если мы будем забивать, не исключено, что сыграете и вы».

Я продолжал оставаться спокойным. Не знаю почему, но эта новость меня обрадовала, и я ни о чем не беспокоился. Кроме всего прочего, многое зависело от самой команды. 27-го, в воскресенье, в день матча — великий день! — я не завтракал. Я хотел отдохнуть как можно дольше, и встал около 11 часов утра. Я умылся и до полудня смотрел телевизор в комнате отеля. После этого я спустился вниз и немного поболтал с ребятами, после чего мы пошли обедать. Закончив обед, я вернулся в свой номер и снова стал смотреть телевизор. Ну а в 15.30 мы отправились из отеля на стадион «Бока Хуниорс».

Когда микроавтобус остановился у ворот «Ла Бомбонеры», я начал понимать, где я нахожусь, и что со мной происходит. Я увидел огромное количество людей, которые приветствовали нас и выкрикивали разного рода советы, отчего у меня ноги зашлись мелкой дрожью… Я никогда не думал, что толпа может внушать такой страх!

Первыми на поле вышли игроки основного состава, затем уже мы, запасные… Когда я появился на газоне, услышал овацию публики, крики, я подумал, что все это обращено ко мне, что все на трибунах смотрят на Марадону. На самом деле, конечно, никто не должен был обращать на меня внимание, но тогда я представлял все именно так.

Начался матч, и сразу же в ворота венгров был назначен пенальти. Тогда я подумал: «Хорошо, это голеада, готовься, Диего». Однако, когда вратарь отбил мяч, я решил, что мои шансы принять участие в этой встрече не так уж и велики. Но тут последовал красивый гол Бертони, затем второй, третий… после каждого мяча, влетавшего в ворота соперника, я испытывал такое ощущение, словно мне под кожу вгрызался муравей. И я понимал, что если дело пойдет так и дальше, я обязательно сыграю.

Я сидел рядом с Моусо, за ним Пиццаротти, врач сборной Форт и Менотти. Шла 20-я минута второго тайма, когда Эль Флако позвал меня: «Марадона! Марадона!», позвал дважды. Я поднялся и подошел к нему и понял, что буду играть. «Вы замените Луке. Делайте то, что умеете и двигайтесь по всему полю. Ладно?». Эти слова окрылили меня. Я начал разминаться и на ходу услышал, что трибуны начали скандировать мое имя: «Марадо-о-о-о, Марадо-о-о-о!». Я не знал, что со мной случилось — у меня задрожали ноги и руки. На стадионе стоял дикий шум: трибуны кричали, в голове у меня вертелись слова Менотти, а

«Японец» Перес меня наставлял: «Давай, Диего, поднажми что есть силы!», и все это перемешалось. Я говорю об этом честно, тогда я просто дико боялся.

Я почти сразу же вступил в игру. Гатти выбил мяч, и Толо перепасовал его мне в одно касание. Он это сделал специально, видимо, таким образом хотел показать, что меня приняли в команду. Он переправил мне его быстро для того, чтобы я почувствовал уверенность в своих силах, почувствовал мяч. А я пасом вразрез между двумя венграми отправил мяч Хьюсмену. С этого момента я уже полностью успокоился. Меня поддерживал Вилья, обо мне заботился Гальего, Карраскоса мне кричал: «Хорошо, хорошо!», хотя я еще не сделал ничего такого.

Матч закончился и первое поздравление я получил от Гальего: «Я всегда хочу тебя видеть таким, Диего!». «Таким!». Я не поверил ему. Домой отправился я вместе с отцом и Хорхе Цитершпиллером. Поужинал и включил телевизор для того, чтобы посмотреть матч в записи. И тогда я понял, что очень сильно ошибался. В одном из эпизодов я сделал передачу Бертони на правый фланг, он вернул его мне, после чего я попытался обвести соперника и сделал это накоротке. А потом я увидел, как венгр что есть силы саданул мне по ноге, когда я уже был без мяча. Но видеть это по телевизору было не так больно, и я отправился спать. На этот раз мне ничего не снилось, и я спал спокойно, как никогда в жизни.

Я окончательно остановился в домике на улице Архерич, вместе со всей моей семьей. Это был типичный для этого района домик. Мы жили в глубине двора, а напротив нас проживала семья Вильяфанье: дон Коко, таксист и страстный поклонник «Архентинос Хуниорс», дона Почи, домохозяйка, и… Клаудия. Думаю, что мы с ней начали посматривать друг на друга с самого первого дня, как я там поселился в октябре 1976 года. Она смотрела на меня из окошка, когда я выходил из дома, и мне становилось не по себе. Вдохновила она меня восемь месяцев спустя. Если быть совсем точным, 28 июня 1977 года. Я отправился танцевать в самое популярное место нашего района: Эль Сосиаль и Депортиво Парке, где проводились сумасшедшие вечеринки. После двух часов ночи начинались медленные танцы, и это был кульминационный момент. Я остановил свой красный Фиат-125 у входа… Она была там, со своими подругами по школе. Мы вдвоем прекрасно знали, что за нами наблюдают, и стоило мне только едва заметно кивнуть головой, как она шагнула мне навстречу. Я помню все те слова, которые мы тогда друг другу сказали, и эти слова не оказались лишними. С этого самого момента мы — Диего и Клаудия… Ей пришлось

привыкнуть ко многому: однажды я вернулся домой очень поздно, практически утром, не заснул ни на минуту, помылся и поехал на тренировку. Мой отец слышал, как я пришел, но ничего мне не сказал. В полдень, когда я приехал назад, то увидел, как он на повышенных тонах разговаривает с Клаудией: «Ты не можешь заставить его лечь спать так поздно! Ты должна больше заботиться о нем, ему же ехать на тренировку!». Я был готов провалиться со стыда под землю, и в ту ночь с Клаудией у нас так ничего и не получилось.

Примечания:

1 Потрерос — необорудованные, «дикие» футбольные поля в бедных кварталах Буэнос-Айреса, стихийно возникавшие на месте пустырей.

2 Патио — маленький внутренний дворик дома.

3 Асадо — аргентинское национальное блюдо, жаркое из говядины на углях.

4 Класико — матчи между ведущими аргентинскими клубами, имеющими богатую историю соперничества.

5 «Clarin» — одна из крупнейших аргентинских ежедневных газет.

6 «Эль Флако» — «Тощий»; прозвище главного тренера сборной Аргентины Сесара Луиса Менотти.

Глава 2
ВЗРЫВ

«Архентинос Хуниорс», Аргентина-78, Япония-79

Мне предложили взять реванш за Мундиаль-78. И в Японии я сделал это.

Думаю, что я мог бы сыграть на Мундиале-78. Я был на пике формы, отточил свое мастерство и чувствовал себя уверенным как никогда. Но то, что произошло… Я плакал очень много, плакал так, что… Я не плакал так даже в 1994 году, когда приключилась та история с допингом. Для меня два эти случая — две самых больших несправедливости, допущенные по отношению ко мне. Я не простил и никогда не прощу этого Менотти — я продолжаю чувствовать себя так, словно от меня убежала черепаха. Но в то же время у меня никогда не возникло к нему ненависти. Ненавидеть — это не то же самое, что и не простить. По крайней мере, я так думаю. Поэтому я говорю, что мое представление об Эль Флако, о его мудрости, никогда не изменится.

Было 19 мая, и на Хосе К.Пас в усадьбе Наталио Сальватори, где игроки национальной команды проводили сборы, шел дождь. Эль Флако собрал нас всех, 25 человек, в центре поля, на котором мы тренировались. В сборной было пять игроков, выступавших на позиции «десятого номера»: Вилья, Алонсо, Валенсия, Бочини и я. Мне кажется, что из нас пятерых Менотти больше нравился Валенсия, потому что именно он открыл этого футболиста; затем Вилья. Алонсо он позвал потому, что в его поддержку прошла масштабная кампания в прессе и потому, что не знал, кого еще можно позвать; Бочу — потому что понимал его, как никого другого. А меня, наверное, потому, что просто пришло мое время.

За день до этого в расположение сборной приехал Франсис, он застал меня в номере плачущим… Поэтому я говорю, что мне дорого стоил этот вызов в сборную. Когда все узнали новость о том, что Браво, Боттанис и я остались вне команды, очень немногие подошли ко мне со словами утешения — Луке, Толо Гальего… И больше никто. В этот момент они были слишком великими для того, чтобы тратить время на утешение какого-то паренька. Я не говорю, что они повели себя со мной плохо, но… Каждый хотел бы сыграть на своем первом мундиале, и каждый

бы дорожил этим шансом. Кто должен был воспользовался заступничеством Менотти, тот воспользовался, кто полагался на Писсаротти — тоже. Все это очень легко понять; в футболе дела обстоят таким образом со «звездами», а я был всего лишь еще одним пареньком. Сейчас, по прошествии времени, все это кажется логичным. К примеру, то, как поступил Боттанис, мне не понравилось, но он решил остаться потому, что таков уж его характер. Я же не оставался там больше ни секунды; я уже не чувствовал себя членом группы. Лучше было уйти.

Но хуже всего мне было, когда я вернулся домой. Плакала моя мать, плакал мой отец, плакали мои братья и сестры. Мне говорили, что я был лучше всех, что мне не нужно переживать, поскольку я сыграю еще на пяти мундиалях… Но они плакали. В тот день, самый грустный в моей карьере, я поклялся, что возьму реванш. Это было самым большим разочарованием в моей жизни, которое поставило на мне свою отметину, которое я запомнил навсегда. Я чувствовал ногами, сердцем и умом, что я смогу им показать, на что я способен, и у меня впереди будет еще много мундиалей. То же самое мне сказал Менотти, но в тот момент я не понимал причин его решения. Так или иначе, чемпионат мира я переживал как простой аргентинец. Даже ходил на стадион. Я был на матче против Италии и на финале против Голландии. После него я забрался на фургончик моего тестя и отправился праздновать по всему Буэнос-Айресу. Я думал, что мог быть в команде и принести ей много пользы.

Когда я не попал в «список 22», потому что «был очень молод», я начал отдавать себе отчет в том, что это стало для меня чем-то вроде горючего для машины. Я завел мотор на полную мощность. Когда я искал реванша, то играл лучше. Через два дня после того, как Эль Флако сообщил мне эту зловещую новость, я надел футболку «Архентинос Хуниорс» и вышел на поле: мы обыграли «Чакариту» 5:0, а я забил два мяча и организовал еще два… Я помню, что после одного из них ко мне подошел Пена, Угито Пена, выдающийся тип, пусть покоится с миром. Он положил мне руку на плечо и сказал мне на ухо: «Дьегито, если бы на мне не было этой футболки, я я бы отпраздновал этот гол вместе с тобой. Успокойся, мальчик, ты сыграешь на многих мундиалях и всем заткнешь рот».

Там, в «Архентинос» я научился тому, что бороться нужно с самого начала, бороться мальчиком против великих. Забыть о слове «вылет» для того, чтобы мечтать о чемпионстве. Мы начали подниматься, подниматься… Вопреки всему и вопреки всем. В чемпионате Метрополитано-78 мы финишировали пятыми, а я с 22 голами стал лучшим бомбардиром. В чемпионате Насьональ я

практически не играл, но представившиеся мне возможности использовал полностью: в четырех матчах забил четыре мяча.

Тогда мы официально оформили наши отношения с Циттершпиллером. В это невозможно поверить: с того момента, как я пришел в «Себольитас» и по 1977 год, мы строили наши дела только на дружеской основе, не подписав никакой бумаги. Однако, времена менялись и дальше продолжать в том же духе было уже нельзя. Пришло время стать окончательно и бесповоротно профессионалами. Я хотел иметь рядом такого человека, которому можно было бы довериться, и он внушал доверие. На меня со всех сторон сыпались предложения: играть, рекламировать… Приглашение поступило даже из Англии: 1 040 000 долларов за меня и Карлитоса Френа. 1 040 000 долларов! В тот день, выходя из моего дома на улице Архерич, я, 16-летний, сказал 18-летнему Циттершпиллеру: «Головастик, я хочу чтобы ты управлял моими делами». Вот так все и началось. Он, оставив на втором курсе обучение на экономиста, отправился вместе со мной на юношеский чемпионат Южной Америки, проходивший в Венесуэле, в Каракасе, в 1977 году, который оказался полным провалом. Мы не были плохой командой, но чувствовали себя более одинокими, чем Адам в День Матери.

Когда закончился чемпионат мира в Аргентине, вспомнили и о нас. После победы Менотти сразу же решил заняться юниорами. Это была впечатляющая группа, возглавляемая маэстро Дучини: вратарь Серхио Гарсия из «Тигре»; Карабелли из «Архентинос Хуниорс», который ранее играл против «Себольитас» в составе «Уракана»; Хуанчи Симон и Гринго Сперандио из «Ньюэллз Олд Бойз»; Угито Альвес и Бачино из «Бока Хуниорс»; Хуансито Барбас и Габри Кальдерон из «Расинга»; Освальдито Ринальди из «Сан Лоренсо»; Пичи Эскудеро из «Чакарита Хуниорс»; Рамон Диас из «Ривер Плейта»; Пьяджо и Альфредито Торрес из «Атланты»; Флако Ланао из «Велес Сарсфилда»; Туку Меса… Мы проехали по всей стране, встречались с более сильными командами, громили их и собирали полные стадионы!

Я помню, как в ноябре 78-го мы обыграли «Космос» в Тукумане на премерзком поле, со счетом 2:1. Один мяч забил я, а другой — Баррера. В конце матча я обменялся футболками с Францем Беккенбауэром, который подошел меня поприветствовать.

Эль Флако пообещал нам, что всегда будет с командой. И он сдержал свое обещание… Он сопровождал нас на юниорском чемпионате Южной Америки, который проводился в уругвайском Монтевидео и оказался чертовски трудным. Там мы завоевали путевку на чемпионат мира в Японию. Я был преисполнен

гордости от того, что вошел в команду Менотти! Это было для меня высокой честью, потому что был убежден в том, что он являлся тем орудием, с помощью которого можно было вбить всем в голову то, что недостаточно считаться просто «достойными чемпионства». Я всегда рассказываю об этом: когда в 12-летнем возрасте Аргентинская футбольная ассоциация (АФА) внесла меня в свой реестр, я не видел ни одного Кубка мира, наши витрины для трофеев были пусты… Сейчас, слава Богу, у нас есть несколько, и Эль Флако причастен к их завоеванию.

Итак, в Монтевидео мы начали свой путь. Разгромили Перу, сыграли вничью с Уругваем и Бразилией. Бразильцы нас зажимали… В перерыве мы собрались в центре поля, и Менотти сказал нам: «Будем делать то же самое, что и они!». И получился потрясающий матч! Негритята передавали друг другу мяч, така-така, добирались до нашей штрафной, били по воротам, и каждый раз мяч пролетал рядом со штангой. Мы тоже не упускали возможности обстреливать их ворота, которые «горели» после наших ударов. В итоге игра завершилась вничью 0:0, но мы оставили их за бортом розыгрыша, выйдя в следующий круг вместе с Уругваем и Парагваем.

В конце того Южноамериканского чемпионата, кроме результата, исполнилась и моя мечта, может быть, более важная: я наконец-то вывез всю свою семью на море. Мы провели несколько дней в местечке под названием Атлантида, в Уругвае, и там, на пляже, отдыхая так, как раньше могли об этом только мечтать, я попросил своего отца бросить работу. Ему было уже 50 лет, и он многое сделал для нас. Теперь пришла моя очередь.

Почти сразу же Эль Флако стал вызвать юниоров в национальную сборную. Он готовил нас к следующему мундиалю, чтобы мы подошли к нему во всеоружии. Меня и Барбаса он выпустил против Болгарии, на поле «Ривера», в первом матче после чемпионата мира. Мы выиграли 2:1, после чего он повез нас в Берн на встречу с Голландией, посвященную какому-то празднику ФИФА или чему-то в этом роде. Он взял меня, но с тем условием, что если приедет Кемпес, я играть не буду… Я никогда не спрашивал «Тощего», никогда: поставил бы он меня в состав, если бы Марио все-таки приехал? Так или иначе, Кемпес не объявился, и на поле вышел я, против Неескенса, против Крола, против настоящей банды! Мы сыграли вничью 0:0 и победили в серии пенальти: один забил я, другой Барбас… Мы были молодыми, но чувствовали себя значимыми.

Настолько значимыми, что меня объявили не подлежащим продаже. Речь шла о том, что сделать для того, чтобы удержать меня в связи с предложениями, поступавшими из-за рубежа.

Тогда же было заключено соглашение с компанией «Аустраль»: меня одели с ног до головы в ее цвета и разместили рекламу на футболке «Архентинос». Таким образом я продолжил играть… Если бы этого не произошло, я бы, наверное, задержался в Аргентине еще меньше; я и так играл слишком мало в своей стране. Тут же объявились «Puma», «Coca-Cola», «Agfa» и еще куча торговых марок, о которых я еще два года назад не имел никакого представления. Вскоре я сыграл еще один матч за первую сборную, в Риме, против Италии, после чего целиком посвятил себя достижению своей цели…

Когда мы наконец прилетели в Японию, то уже знали, что не можем проиграть. В частности, я, ведь мне предложили взять реванш за мундиаль-78. И в Японии я сделал это. На тот момент юниорская сборная была лучшей командой, за которую я выступал в своей карьере. Я никогда не получал такого удовольствия на поле! Тогда я считал это самой большой радостью в моей жизни, и, если не принимать в расчет моих дочерей, имея в виду одну лишь карьеру, то мне трудно найти что-то подобное… Как красиво мы играли! И за нами наблюдали все, а? Достаточно спросить любого аргентинца, что он помнит о той команде, и я уверен, что он ответит: «Это была команда сумасшедших. Мы вставали в четыре утра, чтобы увидеть ее по телевизору». Так оно и было: в течение двух недель мы заставляли всю страну подниматься в четыре утра.

Не знаю, использовали ли военные из правительства нас в своих целях. Скорее всего, да, потому что они поступали так со всеми. Но одно не исключает другого: нельзя все очернять только из-за военных, и в то же время ни у кого не должно оставаться сомнений относительно того, что я о них думаю. Типы вроде Виделы, заставившие исчезнуть без следа 30 000 человек, не заслуживают нормального к себе отношения. По крайней мере, нельзя очернять воспоминания о победе кучи пареньков… Поэтому я говорю: они жалуются на меня, говорят, что я противоречивая фигура; а наша страна? В нашей стране до сих пор еще есть люди, которые защищают Виделу, и гораздо меньше тех, кто защищает Че. Намного меньше! Они его нисколько не знают. Такие типы как Видела делают все для того, чтобы Аргентина за рубежом воспринималась как грязная страна; напротив, имя Че должно заставить нас ей гордиться.

Но тогда у власти был Видела. И с той поры у меня осталась фотография, на которой я протягиваю ему руку. Я должен сказать, что у меня… не было другого выхода.

Что касается военных, то я всегда буду вспоминать о поведении «Пато» Фильола по отношению к адмиралу Лакосте,

который имел вес в аргентинском футболе. В футболе в целом и в «Ривере» в частности. Когда при подписании нового контракта Фильол выставил свои условия — он был суров в денежных вопросах! — Лакосте захотел надавить на него. Фильол же и глазом не повел: перед одним из матчей до исполнения гимнов Лакосте прошел мимо нас, подавая руку каждому. Когда же дошла очередь до «Пато», он так и не шелохнулся. Настоящий феномен!

Но вернемся к этой истории. Японцы почти сразу же нас приняли, мы показались им симпатичными. В матче открытия, 26 августа, в Омийе, мы забили пять безответных мячей Индонезии. С тех пор мы больше не останавливались: 28-го обыграли 1:0 Югославию, 30-го Польшу — 4:1. Мы играючи заняли первое место в группе. Я был капитаном сборной и мне доставляло удовольствие занимать эту должность: каждый раз, когда я разговаривал с Клаудией по телефону, она говорила мне, что когда на моей левой руке была капитанская повязка, я поднимал эту руку выше и выше. Она называла меня Большой Капитан. В действительности из-за этого я чувствовал за собой большую ответственность, хотя все равно в некоторых вещах не мог себя сдержать. Это имеет отношение к моей личности, к моему пониманию футбола: я думал только о реванше, о том, что мне дали возможность сыграть все матчи на мундиале, целых 90 минут в каждом, и я не хотел упускать свой шанс. В 1/4 финала против Алжира Флако меня заменил. Зачем?! Я закатил кошмарный скандал… Сперва я сел на скамейку запасных с побагровевшим лицом. А потом отправился прямиком в раздевалку, где меня захлестнула волна чувств, и я стал реветь в три ручья как сумасшедший. Когда матч закончился, и вернулись ребята с очередной победой 5:0 в кармане, они заметили, что со мной не все в порядке.

Они спросили меня, и я ответил, что произошло. Все пытались утешить меня, в особенности Эль Флако, который сказал мне: «Диего, вы хотите играть всегда. Я уже думал о том, чтобы заменить вас в игре с Польшей. Неужели вы не отдаете себе отчет в том, что я хочу вас поберечь?». Какое к чертовой матери «поберечь», я думал о том, чтобы сыграть во всех матчах от начала и до конца!.. В тот вечер я почти не ужинал и все время думал о своем капитанстве, об ответственности. Так или иначе все позабылось через два дня, когда пришло время сыграть против Уругвая, в полуфинале, 4 сентября. Моя обида была недолгой, не правда ли? Вот таким я был уже в то время.

Тот матч против уругвайцев был матчем против… уругвайцев. Для «класико риоплатенсе»1 присутствовали все традиционные

атрибуты. Меня достали ударами по ногам, и мы обыграли их, потому что оставались верными своему стилю. Встреча завершилась со счетом 2:0 в нашу пользу; один гол записал на свой счет Рамон Диас, другой — я, головой. Когда он забил первый мяч, я закричал как сумасшедший и в мгновение ока оказался у скамейки запасных соперника. Шут да и только! Со стороны могло показаться, что я над ними издеваюсь… Потом, когда матч закончился, я попросил у них прощения. Я был не в себе: все-таки мы уже вышли в финал. Меня преследовала мысль о том, чтобы вернуться в Аргентину с золотыми медалями. Каждую минуту в моей голове проносились кадры из фильма, как мы спускаемся по лестнице самолета с трофеем в руках… Но существовало опасение, что этого может и не произойти. Потому что мы могли проиграть русским? Нет, лично я нисколько не сомневался в нашей победе. Дело в том, что Менотти уже объявил мне о том, что возьмет меня в национальную сборную в турне по Европе, и у меня уже не оставалось времени… Я хотел умереть: с одной стороны, я не собирался отказываться выступать за национальную команду, но, с другой, не хотел, чтобы разрушилась моя мечта. Знаете, что меня спасло? Военная служба! Да, сеньор, мне и Барбасу пришли повестки, так что по любому мы должны были вернуться. Эта новость пришла за день до финала, и теперь мне ничего не оставалось, кроме как обыграть советских.

С Барбасом, которого я очень люблю, мы делили номер. Финал должен был пройти в семь часов вечера, 7-го сентября. С Хуаном мы попытались поспать во время сиесты, однако не смогли сомкнуть глаз: мы смотрели на стрелки часов. Черт подери, на них всегда было три часа дня! Какая мука! Эти часы ожидания всегда меня убивали. Я предпочитал играть днем, потому что любил спать до полудня, и в таком случае у меня не оставалось времени на терзания… Но с этим временем царила полная неразбериха. Утешением служило то, что нам не нужно было вставать ни свет, ни заря: когда нам предстояло выйти на поле, в Аргентине часы показывали семь утра.

Наконец, на микроавтобусе мы отправились на Национальный стадион, который расположен в центре Токио, и там начали соблюдать все те приметы, что мы раньше призывали себе на помощь. Например, перед матчем с Уругваем Сесар собирался провести совещание, а я задерживался. Тогда Рохелио Понсини, который был его помощником, позвал меня: «Диего, не хватает только вас». Перед игрой с СССР я задержался специально, дожидаясь, когда Понсини вновь меня позовет. Сам Менотти стучал пальцами по стене, и казалось, что звучит какая-

то тропическая музыка. Пока не начался последний матч, я подошел к нему и спросил: «Сесар, сегодня вы не играли на пальцах?». И тогда он начал выбивать ритм, другой, более интимный, до тех пор, пока я не отправился в душ. Там я молился, просил, чтобы мне помогла моя мама, и Бог играл за меня; чтобы за меня молилась Клаудия, и мы победили.

Мы выиграли, да, мы выиграли финал первого юниорского чемпионата мира ФИФА «Кока-Кола» у сборной Советского Союза, в тот незабываемый день 7 сентября 1979 года, и об этой поездке я написал в своем дневнике…

В первом тайме я не мог ни на секунду подумать о том, что нам могли забить гол. Наоборот, хотя мы и не сильно напирали, играли лучше. Во втором, когда они нам все-таки забили, в течение пяти-шести минут на поле царила настоящая суматоха. Я стал вспоминать о матче против Бразилии на юниорском чемпионате Южной Америки в Уругвае, когда мы никак не могли размочить счет, избороздили всю вратарскую площадь и попадали во вратаря, стоящего на коленях. Бред какой-то. Но самым главным было то, что мы не потеряли надежду. Когда на поле вышел Меса, он повел нас за собой. Он сыграл лучший матч в своей жизни. Игра была не такой жесткой как против Уругвая. Столкновений было значительно меньше; они слепо верили в свою физическую подготовку и пытались отнять мяч решительно, но в пределах правил.

Мы продолжали играть без отчаяния, не разменяваясь на удары; мы попытались противопоставить им ловкость, и это нам помогло. Мы никогда не действовали исподтишка, только с открытым забралом. И мы сравняли счет благодаря голу Альвеса с пенальти. Тогда я понял, что мы выиграем. Я был убежден в этом. Даже уступая в счете 0:1 мы выглядели лучше, и мы слепо верили в успех. Продолжая в том же духе, мы бы обязательно победили.

Все случилось за считанные минуты. Гол «Пеладо» Диаса и штрафной удар, с которого забил я. Я увидел свободное место, пробил туда и попал. Когда прозвучал финальный свисток, я не мог в это поверить: мы — чемпионы мира!

Первым, кто попался мне на пути, был Кальдерон. Затем я обнялся со своим стариком, с Хорхе, с остальными ребятами и тут же посмотрел наверх, выискивая глазами маму, которой я хотел подарить эту победу. Я снова вспомнил о тех временах, когда остался за бортом мундиаля-78, и я взял этот реванш…

Я отправился за Кубком сквозь толпу людей, увидел Авеланжа, который протягивал мне руку, и спросил его, могу ли я взять трофей; я не мог больше терпеть… И я его взял. Я сделал

шаг назад, изобразил какой-то японский реверанс, и мы пошли искать Сесара, которого в тот момент не было с нами. Мы побежали к Менотти с Кубком, вручмли ему этот трофей, подняли его на руки и совершили с ним круг почета. И мы слышали, как японцы скандировали: «Ар-хен-тина! Ар-хен-тина!».

Внезапно на стадионе погас свет, и только один луч сопровождал нас, пока мы проделывали круг почета. Тогда мы плакали словно дети. Все вокруг словно сошли с ума, люди просили нас показать им Кубок, словно они были аргентинцами.

Когда я вернулся в раздевалку, там шел настоящий праздник. Мы не хотели уезжать со стадиона, но фиеста продолжалась в отеле, нужно было идти. Это был очень особенный момент. Эль Флако Менотти, сделав узел из галстука, сказал мне тихо-тихо, чтобы остальные не услышали: «Диего, ты был избран лучшим футболистом чемпионата. Тебе дадут Золотой Мяч». Для меня это было уже слишком.

Мы закончили праздновать на рассвете, в номере Понсини, попивая мате2. Как будто бы мы были в Аргентине, и ничего не произошло. Тогда, обсасывая бомбилью3, я вспомнил слова Франсиса Корнехо. Фразу, которую он употреблял для того, чтобы охарактеризовать меня, когда мое имя уже начал узнавать весь мир. Франсис всегда говорил, что я мог прийти на званый вечер в белом костюме, но если бы увидел летящий мяч, то, не задумываясь, остановил бы его грудью. Именно такое чувство меня и преследовало, когда я играл в Японии в составе той великолепной команды. Если бы мяч летел мне в голову, я бы ударил по нему; если бы на левую ногу — то я пошел бы в обводку между столами.

Поскольку так я и чувствую футбол, я пожелал вернуться в Аргентину любой ценой, чтобы спуститься с трапа самолета с Кубком в руках. Я добился того, чего хотел, и это был один из самых чудесных моментов в моей жизни. Кроме того, я одержал еще одну победу; все те, кто бился на поле — Эскудеро, Симон, Барбас — отправили меня к руководителям, чтобы я попросил их об отдыхе. Я предстал перед ними, встал по стойке «смирно» и сказал: «Мы вам дали титул, неужели вы не дадите нам выходной?». Невозможно поверить, но я получил то, что требовал, и вышел, с трудом сдерживая крик радости.

Сразу же после этого я вновь попал в распоряжение Флако. Разве я мог отказаться? Тогда исполнились все мои мечты, все вместе. В Глазго, на стадионе «Хэмпден Парк», 2 июня 1979 года, я забил свой первый гол за национальную сборную страны. Мы выиграли у Шотландии 3:1, и я почувствовал, что мы способны победить весь мир. В той поездке я стал свидетелем несчастья с

Оскаром Ортисом, беднягой, который был вынужден вернуться в Аргентину из-за приступа, оставившего его наполовину парализованным. Для меня он выполнял работу почтальона: приносил Клаудии письма, что я ей писал, день за днем. На меня обрушилось столько всего, что в это трудно поверить: 25 июня, год спустя после финала мундиаля-78, финала, в котором я должен был играть, мы провели товарищеский матч: сборная Аргентины против сборной остального мира. Я забил бразильцу Эмерсону Леао один из самых красивых голов, которые я помню, попав из-за штрафной в самый угол. Твою мать… ничто не остановило бы меня, если бы год назад мне позволили сыграть на мундиале! Черт побери, неужели я был настолько молод?

В этот момент я поклялся себе, что не пропущу ни одного матча сборной, где бы я ни был, что бы ни происходило, и с кем бы мы ни играли. Англия на «Уэмбли» была не проходным соперником, и я был там: мы проиграли 1:3, и у меня осталось желание забить им красивый гол. То, что произошло со мной в Лондоне 13 мая 1980 года, послужило мне уроком для того, чтобы шесть лет спустя, забить им лучший гол в своей жизни; на Уэмбли же, обыграв всех на своем пути, я вместо того, чтобы обыграть вратаря, решил ударить… И попал в штангу. Мой брат, Турко, которому в ту пору было 7 лет, сказал мне, что я ошибся. И на чемпионате мира в Мексике я прислушался к его совету.

В то же время я продолжал борьбу в составе «Архентинос». В чемпионате Метрополитано-79, где я забил 22 мяча вместе с Серхио Элио Фортунато, мы поделили второе место с «Велесом» и должны были играть дополнительный матч до победы. Впервые я вынужден был наблюдать за решающими для «Архентинос» встречами со стороны, и, к сожалению, не в последний раз. Тогда с нами заключили множество контрактов, согласно которым в течение недели мы должны были принимать участие в куче товарищеских матчей. Все хотели нас видеть. Мы отправились в Мендосу, играть с «Химнасией» на стадионе, где проходили матчи мундиаля. Все шло хорошо до тех пор, пока — как это часто бывает в подобных случаях — рефери не захотел стать героем матча. Как обычно… Я не помню его имени, оно слишком трудное для запоминания.4 Дело в том, что когда он стал на нас давить, я подошел к нему и сказал: «Маэстро, остановитесь, это всего лишь товарищеская встреча…» И этот тип мне ответил: «Я не буду тебя удалять с поля, но я буду доставать тебя весь матч». В итоге он меня все-таки выгнал, написав в протоколе, будто бы я сказал ему: «Ты неплохо заработаешь, мендосец» и «Продолжай работать за гроши, когда я получаю 3 тысячи в месяц». Хуже всего было то, что матч проводился в середине июня, 14-го числа, а

АФА дисквалифицировала меня только две недели спустя! Я пропустил несколько важных встреч, в том числе, и против «Велеса», которую мы проиграли 0:4.

В чемпионате Насьональ-79 я стал лучшим бомбардиром с 12 мячами, а также победил в споре голеадоров чемпионата Метрополитано-80, записав на свой счет 25 голов. Однако, на этот раз я вновь пропустил решающую игру, правда, по причине болезни, и когда мы праздновали второе место на поле «Тигре», я был в свитере и джинсах. Выходя на поле после матча в такой одежде, я надеялся, что это будет единственное второе место, которое я праздную в своей карьере… Хотя для «Архентинос» того времени оно было равноценно чемпионскому титулу.

В чемпионате Насьональ-80, последнем в составе «Чудаков»5, я пережил пару незабываемых событий: сперва я забил свой сотый гол в матче против «Сан Лоренсо» из Мар-дель-Платы, 14 сентября, а затем приключилась та знаменитая история с «Сумасшедшим» Гатти.

Был конец октября, и решалась судьба чемпионата Насьональ. Одна из газет Санта-Фе взяла интервью у Уго, а газета «La Razon», продававшаяся тогда на каждом углу, разместила его на своих страницах. Они опубликовали его как раз в субботу вечером, перед матчем с «Бокой». Он говорил о том, что я играю неплохо, но мою персону раздули журналисты… И что я толстоват сейчас, а потом вообще разжирею…Я вышел из себя, потому что собирался выложиться на все сто в этом решающем матче, а тут обо мне заявляют такое… В среду мы сыграли с «Унионом» в Санта-Фе, а уже на следующий день — на следующий! — предстояла товарищеская встреча в Сан-Хусто, неподалеку; в случае же, если мы побеждали «Боку», оставался шанс выйти в финальную часть Насьоналя. Гатти я ответил по полной программе: я сказал ему, что дело тут не только в его ненормальности, но и в зависти, что для меня он был великим вратарем, но сейчас он — никто; что ему забивали глупейшие голы… Он сцепился не только со мной, но и с Фильолом, заявив из зависти, что тот отбивал мячи благодаря чистому везению. Меня очень все это удивило, ведь раньше мы с ним не выходили за рамки приличия. После одного из матчей между «Бокой» и «Архентинос» мы даже сфотографировались вместе, и никаких проблем. Так или иначе, его слова заставили меня разойтись не на шутку. Как Циттершпиллер, так и я, понимали, что чем больше я злился, тем лучше играл, и поэтому я начал подначивать себя

— Ладно, сегодня ты забьешь ему два мяча, и на этом закончим. Нет?

— Нет, Хорхе, нет… Не два. Я забью ему четыре.

Перед началом матча Уго подошел ко мне и заявил, что он не говорил тех слов, что считает меня настоящим феноменом. Но мне было уже все равно… Больше меня волновало то, смогу ли я выполнить обещание, данное Хорхе. И я наказал его четыре раза.

В первом случае я получил мяч справа и направил его в центр штрафной площади, где он попал в руку Уго Альвеса. Пенальти я пробил мягко в правый от Гатти угол, тогда как он бросился в левый.

Во второй раз я прошел с мячом по правому флангу, остановился а 4–5 метрах от углового флажка и по диагонали направился к центру поля. Руджери сфолил на мне, они на некоторое время отвлеклись, и я сразу же пробил. Мяч пошел верхом и опустился в дальний угол.

В третьем случае мне доставил мяч Паскулли как левый крайний. Я прошел по центру, он мне сделал великолепную передачу на границу штрафной площади. Я перебросил мяч через Абеля Альвеса и остановил его грудью. Затем я сместился вправо, и когда Гатти рванулся мне навстречу, мягко отправил мяч над ним в дальний угол.

И, наконец, мы разыграли «стенку» с Паскулли, я прошел по центру, и Абель Альвес ударил меня сзади по ногам; мне показалось, что я уже был в штрафной площади. Судья посчитал, что нарушение было за ее пределами, и назначил штрафной удар чуть правее от центра. Видаль встал перед Гатти, воспользовавшись тем, что Уго Альвес занял место рядом со штангой, и офсайда в таком случае не было. Я пробил сильно, и мяч влетел в верхний угол над вратарем.

Тот матч был для меня важен до невозможности: я ответил Гатти наилучшим образом, помог «Архентинос» выйти в четвертьфинал чемпионата и… впервые трибуна «Боки» скандировала мое имя: «Марадоооо! Марадоооо!». Меня переполняли чувства, те же самые, что и несколько лет назад, когда мне кричали: «Пусть он останется!». Между нами уже появилось нечто особенное. Это называется любовь. А после матча я со всей семьей отправился в США; я повез их посмотреть на… Диснейворлд! Посмотри — из Фьорито до Диснейленда за четыре года!

В то время многие говорили, что я вышел на пик формы в «Архентинос Хуниорс», и это мой лучший уровень с момента дебюта в первом дивизионе. Вполне возможно. Но самое приятное это то, что меня любили болельщики всех команд, и наверняка потому, что «Архентинос» был маленьким небогатым клубом. «Проблема» была в том, что меня любила еще и сборная, и я зачастую пропускал важные матчи с участием «Архентинос».

Приближался молодежный мундиаль в Уругвае, и нас забрали на длительную подготовку к нему. В Монтевидео мы обыграли Германию, сыграли вничью с Бразилией и вернулись… Настал 1981 год, и я уже не надел футболку клуба, в которой я попал в мир футбола, мой мир. «Архентинос Хуниорс» для меня уже заканчивался.

Примечания:

1 «Класико риоплатенсе» — так называются матчи между Аргентиной и Уругваем, граница между которыми проходит по реке Рио-де-ла-Плата.

2 Мате — чай из сухих листьев тропического вечнозеленого дерева, популярный в странах Южной Америки.

3 Бомбилья — трубочка для чая-мате

4 Судью звали Хесус Богдановски

5 «Бичос» — «Чудаки» (Los Bichos); неофициальное название «Архентинос Хуниорс».

Глава 3
СТРАСТЬ

«Бока»-81

Этот переход придумал я…
А у «Боки» не было в кармане ни сентаво, чтобы заплатить мне!

Я всегда знал, что с ними мне придется пережить нечто необыкновенное. И это при том, что меня привлекал «Индепендьенте», где играл Бочини, которым я восхищался. Но в моем доме все болели за «Боку». И были еще болельщики этого клуба, которые кричали мне: «Пусть останется!». Те же самые, что устроили мне овацию, когда я отгрузил четыре мяча Гатти. Я всегда знал, что наши пути пересекутся, но… Насколько же они опоздали с приглашением! Глава моих взаимоотношений с «Бокой» вызывает очень приятные чувства. Особенно потому, что я сам инициировал эту историю.

«Ривер» сделал мне предложение — на самом деле, Цитершпиллеру — более чем интересное. Арагон Кабрера, который был президентом клуба, сказал Хорхе, что я буду зарабатывать столько же, сколько самый высокооплачиваемый игрок команды, на тот момент «Пато» Фильол. Когда он мне это сообщил, я ему ответил: «Дай Бог, чтобы «Пато» зарабатывал 50 тысяч». Я не знаю, может быть, это и завышенная цифра, но так или иначе, туда я не пошел бы ни за какие деньги. Предложение «Ривера» было очень интересным, и что же? В моем доме сердце всегда было с «Бокой»…Однажды, когда я прогуливался с моим отцом по Ла Патерналь, он решил поведать мне свою мечту… Такое редко с ним происходило, и я был очень удивлен, так как он предпочитал больше слушать, чем говорить. Он мне сказал: «Дьегито, знаешь о чем я думал вчера вечером? Мне показалось, что было бы очень здорово, если бы однажды я увидел тебя играющим в футболке «Бока Хуниорс». «Ла Бомбонера», ты, мы, кричащие «гол!», наши родственники из Эскины»… Но «Бока Хуниорс» тогда был банкротом, у него не было за душой ни шиллинга!

Арагон отдавал себе отчет в том, что убедить меня довольно сложно, поэтому передал мне через Цитершпиллера следующее:

«Скажи ему, пусть соглашается на те деньги, что получает Фильол, иначе у него будут проблемы». В этих словах мне послышалась угроза, и вся эта история начинала мне нравиться все меньше и меньше. Хорхе выяснил, сколько зарабатывает Фильол, и оказалось, что это очень неплохие деньги. Но я уже ничего не хотел знать об этом. Кроме того, если бы я присоединился к тому составу, что имел тогда «Ривер», футбол как таковой бы закончился; у них была могущественная команда, за которую выступали Пассарелла, Гальего, Мерло, Алонсо, Хота Хота Лопес, и тогда никто бы не смог ей противостоять. А «Бока Хуниорс» тем временем истекал кровью, проводя с Раттином самую худшую кампанию в своей истории… Раттин добыл с «Бокой» три очка! Поэтому, годы спустя, когда он начал плохо отзываться о Канидже, обо мне, говорить, что команда не играет только по нашей с ним вине, я крикнул ему: «Твою мать, Раттин! Если отдать тебе команду, ты наберешь с ней три очка!».

Мы пребывали в полном замешательстве, когда мне позвонил Франконьери, журналист из «Cronica»: «Привет, Диего, у тебя уже решился вопрос с «Ривером»?! Эти слова застали меня врасплох, но я не растерялся и почти сразу же ответил: «Нет, я не собираюсь подписывать контракт с «Ривером», потому что меня позвали в «Боку». Это произошло моментально, не знаю, может это была чистой воды импровизация, мысль из тех, что вспыхивают в мозгу лишь на секунду. Он схватил на лету новость, которой не существовало, и обнародовал ее. Вечером «Cronica» вышла с заголовком «Марадона — в «Боку». Сделка была уже на мази, не хватало только одного: действий руководителей «Боки». И они не заставили себя ждать.

Меня спросили, действительно ли я хочу выступать за их клуб или же просто оказываю таким образом давление на «Ривер»? Не составит особого труда представить себе, что я им ответил. На переговорах присутствовали руководители Карлос Бельо и Доминго Корильяно. Сложилась довольно редкая ситуация: «Ривер», весь в деньгах, но без малейшего моего желания, и «Бока», без гроша в кармане, но с огромной страстью к этому клубу с моей стороны. Тем временем мы с «Архентинос Хуниорс» отправились в Мар-дель-Плату на матч Золотого Кубка против… «Ривера»! Уже весь мир знал о том, что я готов умереть за «Боку», и во время игры в мой адрес постоянно неслись оскорбления: «Марадона, сукин сын! Сука! Что за шлюха произвела тебя на свет!». Весь матч! На самом же деле я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете, я добился того, чего хотел: они убедились, что я любил этот клуб от чистого сердца. До этого момента, если не брать во внимание заголовок в

«Cronica», я не сделал никакого заявления, но в тот вечер только-только появившись из раздевалки, после того как мы проиграли 0:1, я почтии прокричал: «После всех этих оскорблений у меня не остается никаких сомнений: я хочу уйти в «Боку», а не в «Ривер». Тут же на меня накинулись Мартин Ноэль и старик Просперо Консоли, который был президентом «Архентинос» и восхищался мной… Но сейчас они захотели убить меня прямо на месте! У «Ривера» они запросили за меня 13 миллионов долларов, зная о том, что он в состоянии заплатить эти деньги. А что можно было потребовать с «Боки»? Ничего. Но что делать? И начались переговоры.

Вскоре произошло то, что еще сильнее убедило меня в своей правоте. 3 февраля я не придумал ничего лучше, кроме как пригласить Клаудию вместе с кучей родственников и друзей на финал Детского чемпионата мира, «Интер» против боливийской «Академия Тауичи»… на стадионе «Монументаль»»! Клаудия немного сомневалась, не понимая, почему мне так хочется выставить себя на всеобщее обозрение, но мы все-таки отправились туда. Атмосфера была гнетущей и настроенной против нас. Когда мы подошли к ложе почетных гостей, один тип сказал мне: «Вы и ваша невеста могут пройти, а для всех остальных места нет. Если они хотят, пусть отправляются на платеа1». Для меня это было подобно удару в печень, но я согласился, чтобы еще больше не накалять обстановку. Едва мы расположились на своих местах, как пара каких-то начальников начала кричать мне: «Что ты здесь делаешь, бостеро2!?». Я повернулся к ним, захотел их пришибить, мы схватили друг друга за грудки, и в итоге нас вывели оттуда, меня и Клаудию. Последнее, что я им прокричал, перед тем как присоединиться к остальным на платеа, было то, о чем я уже знал: «Я больше никогда не вернусь в этот клуб! Клянусь, никогда больше!». Никогда.

Тем временем, события развивались следующим образом. В четеверг, 12-го, клубы пришли к соглашению, но на следующий день Арагон исполнил свою угрозу: у «Боки» обнаружились проблемы с уплатой налогов, и те деньги, которые предназначались для оплаты моего трансфера, попросту исчезли. Началась нервотрепка, которая завершилась только в пятницу, 20-го. В итоге я перешел в «Боку» на правах аренды с возможностью моего последующего приобретения. За аренду заплатили — или должны были заплатить — четыре миллиона долларов и передать в распоряжение «Архентинос» кучу игроков: Сантоса, Ротонди, Салинаса, Санабрию, Бордона и Рандассо. И агентом всех их был Гильермо Коппола! А Рандассо — не знаю, известно ли было что-

нибудь Уве Зеелеру — заявил, что и слышать ничего не хочет об уходе из «Боки». На самом деле все это было дело рук Гильермо, из-за которого едва не сорвался мой переход в «Боку». Руководство клуба сказало ему: «Гильермо, это неуважение с твоей стороны, люди нас убьют, если мы не договоримся насчет Диего». И он ответил им: «Неуважение? Это неуважение с вашей стороны по отношению к Рандассо».

Бедный Рандассо; его отец подошел ко мне в слезах, когда уже все было сделано, хотя оставалась надежда, что он сможет вернуться в клуб через год. Коппола и остальные пригласили меня позавтракать на Старый мост, в Альмиранте Браун и Педро де Мендоса. Мы ели лягушек, завезенных из Японии, и отмечали мой переход.

На меня свалилась куча денег, но все это было вилами по воде писано. По процентам от трансфера полагалось 600 000 долларов, но их должны были выплатить мне частями. Мне дали два дома, которые подготовил импрессарио Тито Гурович, казавшиеся на первый взгляд сделанными из картона. Мы их даже не могли нотариально закрепить за собой. Один находился на Корреа и Либертадор, в Нуньесе, где я прожил много лет, прямо напротив Школы механики Вооруженных сил, ставшей знаменитой по вине диктатуры, из-за «исчезнувших». Другой — на улице Индийской республики… И мы никому не могли их продать, кошмар какой-то!

Я отклонил предложение «Ривера», который был набит деньгами, ради того, чтобы перейти в «Боку», не имевшего за душой ни сентаво. Это было похоже на сумасшествие! Как бы то ни было, выступая за «Боку» и выступая неплохо, я знал, что мной интересуется «Барселона»… «Барселона» уже практически была готова выложить деньги на стол. И я не перешел в нее прямиком из «Архентинос» только из-за своего сумасшествия, хотя каталонцы были так могущественны, что покупали все им приглянувшееся, все, что они хотели, как сейчас.

То, что со мной произошло, было подобно перевороту в жизни. Я уже был известен, но никогда не мог представить, что футболка «Боки» будет означать для меня коренной перелом. Начиная с этого момента я уже не мог идти обедать спокойно, без того, что за мной увяжутся 200 человек, или будут просить четыре тысячи автографов. Тогда я уже сменил свой дом на улице Архерич на больший на улице Ласкано. «Фиат-125» также остался в прошлом, и теперь я разъезжал на автомобиле «Мерседес-Бенц». Другая история, другая жизнь. Очень большой прыжок, я бы сказал, громадный.

Я подписал свой контракт на «Ла Бомбонере»3, перед

камерами «Canal 13», который выкупил права на эксклюзивный показ. И в тот же самый вечер я вышел на поле в футболке «Бока Хуниорс» для того, чтобы принять участие в товарищеском матче против «Архентинос», что являлось одним из условий сделки. Было 20 февраля 1981 года. По тайму я провел в футболке каждого из клубов. Ту, что я надел первой — белую, «Архентинос Хуниорс» — я подарил Франсису Корнехо. Затем, на лестнице, ведущей в раздевалку «Боки», я переоделся, и впервые облачился в цвета этого клуба. Я пошел к полю, перекрестился, ступил на газон правой ногой и понял, что начинается великая история… В итоге я забил с пенальти команде всей моей жизни, команде с которой я так мечтал стать чемпионом. Знаешь, что это такое?

На последней тренировке в составе «Архентинос», в клубе Телефонос, в одном из столкновений мне сильно ударили по ноге. Весь вечер я просидел с мешком льда, но боль не утихала. Я берег себя, отдыхал и надеялся, что все будет хорошо, однако в пятницу только-только я побежал, как получил еще один удар… Вот так я и попал в «Боку» с травмой и не мог сразу дать людям то, что они от меня ожидали. Я, как всегда, выкладывался по полной, однако знал лучше всех, что от меня ждут большего… И я сам от себя ждал большего. Однако я не мог толком ни бежать, ни бить. Меня спасло то, что я сразу же начал забивать. Тот гол, что я забил «Архентинос» на своей презентации, был не в счет; мне было больно даже думать об этом, действительно больно… Но почти сразу же последовал мой официальный дебют, 22-го, в воскресенье, против «Тальереса» на «Бомбонере». Боже мой, что тогда творилось на «Ла Бомбонере»!

Когда я вошел на поле, то как всегда перекрестился. Я очень нервничал. Казалось, что земля ходит ходуном под моими ногами. И я думал о том проклятом ударе… Но я не мог пропустить матч, по крайней мере в этот день. В Канделе, за день до этого, мне сделали все для того, чтобы я мог играть. Доктор Луис Пинтос обколол меня, но боль все равно не уходила. Мне даже дали снотворное… Я был готов на 70 %, где-то так. Я скрипел зубами из-за того, что не мог бежать, чувствовал, как волочется сзади нога. И я все равно выносил ее вперед.

Эль Негро Балей, который был голкипером «Тальереса», сфолил на мне, и судья назначил пенальти. Я взялся его бить и забил. Я с нежностью вспоминаю те два гола, мои первые голы за «Боку», которые помогли нам победить 4:1. Тогда в том, чтобы забивать пенальти, не было большого секрета: требовалась только быстрота зрения для того, чтобы заметить, в какой угол собирается броситься вратарь. Я все еще помню свое первое касание мяча в день своего дебюта в «Боке»: мяч был у Моусо, я

отошел назад и открылся, как всегда это делал в «Архентинос», тот увернулся от удара и попал мне в спину… Мы совсем не знали друг друга, ведь еще за пять дней до этого я тренировался в составе «Архентинос». С Мигелито Бриндиси мы совсем немного поиграли в турнире Столица-Провинция на «Монументале». На поле мы кричали друг на друга: я — Мигелю, чтобы он отошел назад, а Марсело Троббиани — мне, чтобы я завел центральных защитников «Тальереса». Каждый действовал на свой лад, а люди пели: «Его хочет «Барселона», его хочет «Ривер Плейт», Марадона в «Боке» навсегда, потому что он не курица4!

За столь короткий срок в моей жизни произошло столько разных событий, что я стал думать о том, что этот момент никогда не настанет — момент, когда я буду играть, выигрывать, забивать… Мои старики и мой брат Лало приехали из Эскины посмотреть на меня. Не смог приехать Турко, потому что он должен был принимать участие в каком-то представлении.

Я был верен себе, хотя мне было больно и обидно за тех ребят, которые должны были покинуть клуб из-за моего прихода. Мне даже было стыдно появиться в Ла Канделе, где находилась на сборах команда. Я не знал, как мне войти, и даже оставил автомобиль вдалеке от ворот базы. Во дворе были Моусо, «Рыжий» Суарес, Перотти. И вот этот момент настал. Тогда мне хотелось бы, чтобы рядом со мной был Галиндес, массажист «Архентинос», который везде и повсюду следовал за мной. Все-таки смена обстановки была очень резкой. Я влился в коллектив, который хорошо знал. У меня там были настоящие друзья, с которыми я познакомился много лет назад: например, я был крестным отцом ребенка «Негра» Каррисо. В «Архентинос» каждый из нас знал свои достоинства и недостатки, и «Левша» Мигель Анхель Лопес, который был нашим тренером, понимал нас как никто другой. Как только я пришел в «Боку», за десять минут до того как войти в ворота Ла Канделы меня подозвал Марсолини и сказал мне, что «Бока» — это не «Архентинос Хуниорс», и если там у меня были какие-то поблажки, здесь о них следует забыть. Если там я привык приходить на стадион со всей моей семьей, в «Боке» этого не будет.

Сильвио совсем меня не знал, и ошибся, заговорив со мной таким тоном при первой же встрече. Тут он оплошал. Наоборот, Йийо Карнилья, работавший в клубе менеджером, сказал мне, чтобы я не чувствовал себя спасителем. Йийо лучше меня понимал. Сильвио был менее терпелив: думаю, что он боялся, что я могу выйти у него из-под контроля… Возможно, обо мне сложилось неверное представление, но я нуждался — действительно нуждался — в понимании других. Это я получал от

Йийо, но не от Сильвио.

У меня остались прекрасные воспоминания о том составе. С Пичи Эскудеро и Угито Альвесом мы были знакомы с юниорской сборной образца 1979 года: вместе мы провели много времени на южноамериканском первенстве в Монтевидео и на мундиале в Японии. Освальдо, выглядевший молчуном, был одним из тех, кто после матчей отправлялся на пляж и танцевал там, словно занимался макумбой5. Уго, наоборот, был одним из самых серьезных… Прибыв в «Боку», я сразу же нашел общий язык с Рамоа, Руджери и Абелем Альвесом, братом Уго. Я не был тем, кому на все наплевать, но из-за своего возраста многого не понимал. Никто мне этого не говорил, но я чувствовал, что как мои партнеры по команде, так и инчада ждут от меня куда большего.

Надо всем этим была проблема денег: в первом матче против «Тальереса» сбор от продажи билетов составил миллион долларов. Во втором я не знаю, собрали ли мы тысячу… Конечно же, нас подкосила девальвация, тот чертов обменный индекс Мартинеса де Ос.

Каждый из первых двух моих матчей я заканчивал еще более травмированным, я ползал по полю. Но все равно забивал: еще раз на «Бомбонере», еще раз команде из Кордобы, теперь «Институто»; их ворота я поразил дважды. Первый мяч я забил с пенальти, а второй… оказался простейшим. Я прошел до полукруга штрафной слева направо, перебросил мяч через Негро Ньето, и не давая ему опуститься на землю, ударил с левой: мяч прошел между ног Мунутти. Супергол!

Здесь мы оставались до самого отъезда в Мар-дель-Плату чтобы сыграть товарищеский матч против «Сан Лоренсо» на стадионе, где проходили игры мундиаля. Эти встречи были необходимы для того, чтобы рассчитаться за мой переход, но они просто меня убили. Я не мог бежать. Казалось, что на моих плечах восседает Мария Марта Серра Лима. Когда я вернулся в раздевалку, то сказал: «Хватит!»… Каждый раз, когда я бил по мячу, было такое ощущение, словно мне вбивают нож в заднюю поверхность правого бедра. Доктор Пинтос сказал мне, что это небольшой разрыв, но все боялись, что он увеличится. Тут же нас ждал «Уракан», я уже хотел взять передышку, но ради Мигеля, дела которого в клубе шли не лучшим образом, все равно решил сыграть. 8 марта мы победили их со счетом 2:0, Мигелито забил им мяч на последней минуте, но я уже не мог ничего сделать… И я остановился.

Я пропустил четыре матча, но все равно «Бока» во всех них одержала победы. Ребята хотели продемонстрировать, что они

могут выигрывать и без Марадоны, и мне это показалось поразительным.

Другой проблемой было то, что тогда мои отношения с Марсолини и профессором Густаво Хаббеггером, тренером по физподготовке, выглядели далекими от идеальных. Они были очень строги во время сборов, на тренировках, предъявляли кучу несуразных требований, что меня совсем не прельщало. Затем, когда пришли победы, мы стали понимать друг друга. Тогда я сказал о Сильвио: «Это честный человек, который работает с утра до ночи для того, чтобы улучшить игру команды, и хотя он не так опытен, заметно, что он знает свое дело». Но сначала у меня были серьезные разногласия с ним и с профессором. Все было отнюдь не так просто.

Я вернулся в матче против «Ньюэллз», 29 марта, забил гол с пенальти, и мы сыграли вничью 2:2. В следующее воскресенье нам предстоял настоящий «класико», к которому я специально готовился, против «Индепендьенте». Тогда я должен был ввязаться в споры с Марсолини, чтобы он наконец-то выпустил Руджери. Как ни в чем не бывало я подошел к ветеранам команды, к Бриндиси, Мосо, Пернии и спросил их: «Скажите мне правду, вы ведь чувствуете себя более уверенными, когда играет этот парень?». Головастик уже тогда славился жутким характером, всегда шел вперед… Они мне ответили: «Да, да, Диего, ты прав, этот парень действительно силен», и после этого мы пошли давить на Марсолини. В итоге Руджери вышел против «Индепендьенте» на «Авельянеде», мы выиграли 2:0, один мяч забил я ударом с лета из-за штрафной площади, а другой… он. Я знал, что Головастик заиграет, и с тех пор он больше не выходил из состава команды, если только не был травмирован или дисквалифицирован.

Вот таким я и был, и больше уже не молчал. Если я был в чем-то уверен, то говорил об этом без тени сомнения. Вот и теперь я заявил, что в «Архентинос Хуниорс» где бы я ни находился на поле, мяч доставляли мне всегда. Я заявил, что не хотел бы, чтобы это считали проявлением эгоизма, но… Со своих мест повскакивали все. Мне возразил Перния, мне возразил Бриндиси, но я был уверен в своей правоте. Я обнял Мигеля и сказал ему: «Нам нужно больше с тобой взаимодействовать, Мигель, намного больше. Не зацикливайся на голах. Конечно, ты забил их очень много, но это не твоя обязанность».

Наконец, настало время расплатиться за тот долг, что я чувствовал перед людьми. В пятницу, 10 апреля, вечером, когда лил такой дождь, словно настал конец света, я принял участие в своем первом «класико» против «Ривера» на «Ла Бомбонере». Все

вышло так, как об этом можно было только мечтать… Мой отец сидел на платеа, в секторе Е, а я, пока текли минуты, и матч превращался в праздник, думал о нем. До этого старик видел в своей жизни только одно «класико», завершившийся поражением «Боки» на «Монументале», за которым он наблюдал с «популара»6.

Мне всегда нравилось чувствовать за собой ответственность, и тогда я понял, что с таким ощущением достигаешь лучших результатов. По очень многим причинам меня преисполняло огромное желание добиться победы в этом матче. Во-первых, из-за моей семьи, которая болела за «Боку» всей душой. Во-вторых, из-за болельщиков и моих товарищей по команде: очень много говорилось о превосходстве «Ривера», и о том, что я не даю команде то, на что она вправе рассчитывать… И я почувствовал себя счастливым как чувствует себя счастливым тот, кто забивает Фильолу. Об этом я никогда не забуду. Этот гол стал для меня первым в «суперкласико». Кордоба сыграл просто потрясающе, и когда он увидел, что я ухожу по диагонали к воротам, он сделал мне передачу на дальнюю штангу. Я остановил мяч левой ногой, собрался было перебросить его через бросившегося мне навстречу Фильола, но убрал его под себя и оставил Пато распластавшимся на земле. Только-только я решил пробить как увидел мчащегося на подмогу Тарантини, от которого можно было ожидать чего угодно. Поэтому я решил прицелиться получше и ударил так, что мяч влетел в сетку впритирку со штангой… В этот момент я прочувствовал ту обстановку, что была на стадионе, которая до выхода на поле ощущалась не так сильно… Это было настоящее сумасшествие, это было… счастье! Бриндиси забил еще два гола, и мы победили 3:0. После этого мы отправились отужинать в заведение под названием «Сумасшедшие годы», где взяли чурраско7 и жареную картошку, запивая все это белым вином «Сан Фелипе», которое мне очень нравилось, и… раздавая автографы. Автографы туда, автографы сюда… и я чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Казалось, что мы уже смогли коснуться неба руками. По прошествии времени я рассказывал, что тогда в команде были игроки — включая меня — которые сами не слишком хорошо представляли, чего они хотели. Ясность настала в середине чемпионата, но достичь этого было очень трудно.

Мы то поднимались в турнирной таблице, то опускались, выигрывали, играли вничью, проигрывали, одним словом, выступали нестабильно. Едва закончилось «класико», как мы уже сыграли вничью с «Велесом» на «Линьерсе», в среду вечером. И

тогда я подумал, что все у нас получится, что мы разыграемся, однако, этого не произошло: нас по-прежнему бросало то в жар, то в холод. С «Ферро», «Феррокаррилем Оэсте» старика Карлоса Тимотео Григуоля, командой, которая была нашим основным соперником в борьбе за титул, самой подготовленной командой, мы сыграли вничью 0:0 на «Кабальито». Тогда, третьего мая, меня били исподтишка по ногам так, как редко впоследствии случалось в моей карьере. Сохранилась фотография с этого матча, на которой я лечу на высоте почти двух метров наподобие Майкла Джордана после кошмарного удара от Карлитоса Арреги. Вряд ли им нужно было грубить; у них была команда-машина, практиковавшая стиль, который не имел с нашим ничего общего. За «Ферро» выступали Купер, Гарре, Саккарди, парагваец Каньете, уругваец Хименес, прославившие эту команду.

К тому моменту у нас была самая черная полоса в этом турнире: после триумфа против «Росарио Сентраль» на «Бомбонере» мы сыграли вничью с «Расингом», проиграли «Тальересу» и разошлись миром с «Институто». Была середина чемпионата, мы на пять очков опережали своих ближайших преследователей, но по-прежнему не подтверждали превосходства своей игрой. Это была борьба.

Основа команды была постоянной за исключением некоторых изменений: в воротах стоял «Пантера» Родригес, потому что Уго Гатти был травмирован, и ему стоило больших усилий вернуться в основу. В защите действовали слева, Тано Перния, на правом фланге «Рыжий» Суарес, в центре Моусо и Руджери — Головастик прочно обосновался в основном составе — и Качито Кордоба слева. В центре поля играли «Китаец» Бенитес, уже поседевший от старости, уругваец Красоуски, от произношения имени которого у тебя начинает болеть голова, и я, хотя иногда мне также нравилось играть впереди. Альтернативой любому из нас был Марселито Троббиани, который отличался от всех тем, что мог и обводить, и отнимать мяч одинаково хорошо… настоящий феномен, оказавшийся надолго вне игры из-за гепатита. Впереди действовал Пичи Эскудера, способный обыграть любого, Мигелито Бриндиси, нашедший правильный путь к воротам, и «Сумасшедший» Перотти, которому если попадал мяч на правую ногу, он мог убить тебя своим ударом. Кроме того, были Панчо Са, являвшийся капитаном команды до тех пор, пока повязку не передали мне; братцы Альвес, Уго и Абель; Паскуччи, который начал сезон на позиции центрального защитника и ушел, когда появился Руджери; Пума Морете, забивший только три мяча, но все три — важные; запасной вратарь Риганте, а также целая куча молодежи: Асеведо, Секки, Рамоа, Санчес, Кирос. Это был очень

хороший состав, и мы были просто обязаны взлететь!

После той серии неудач — худшей за весь сезон — мы провели пару потрясающих матчей. Сперва 31 мая мы обыграли «Уракан» 3:2 и почти тут же разгромили «Платенсе» 4:0. Я забил два гола, но самый из них провел Перотти: обыграл пол-«Платенсе», уложил Бьясутто, который был вратарем, и вогнал мяч в сетку. Казалось, что мы вновь постепенно набираем ход… Это продолжалось до тех пор, пока мы не столкнулись с «Унионом» из Санта-Фе. Я говорю «столкнулись», и делаю это намеренно. Одни удары по ногам, которые мне нанес блондин Регенхардт, чего стоят! Мы проиграли, 14 июня мы проиграли 0:2, и продолжали двигаться вверх-вниз: тут же обыграли «Сан-Лоренсо» 4:0 у себя на «Ла Бомбонере». Я забил один гол Коусильясу — со штрафного, в обвод стенки. Не так давно я видел, как юнец Рикельме сделал нечто подобное в матче с «Ривером»… Я всегда это говорил: при исполнении штрафных ударов вблизи от штрафной площади, нужно всегда бить в обвод стенки; если ты пробьешь над ней, то мяч наверняка пройдет над перекладиной. О том матче у меня осталось еще одно воспоминание: красивый финт в середине поля. И еще: я всегда забивал «Сан-Лоренсо», который раньше держал «Боку» за сынков, а при мне не смог одержать ни одной победы. Не знаю, может быть, это потому, что «Вороны» меня очень любили: по мне это самая замечательная инчада в Аргентине. Они поют самые затейливые песни, развлекают тебя. Я их люблю, очень люблю, и мне действительно хотелось когда-нибудь сыграть в футболке «Сан-Лоренсо».

Ладно, история продолжилась: еще один триумф — против «Ньюэллз», а затем… четыре ничьих подряд. Включая игру на «Монументале», когда я забил один гол, усадив на задницы Фильола и Тарантини, однако… четыре ничьих! Для «Боки», для той «Боки» это было чересчур… И тогда фанаты наводнили Ла Канделу, там, в Сан-Хусто.

Я ждал своей очереди, чтобы позвонить Клаудии, но Перотти и не думал заканчивать разговор. А телефон находился в маленьком зальчике почти рядом со входом на базу…

— Моно, ну давай же, твою мать, ты уже два часа болтаешь по телефону, — говорил я ему. И Моно, выставив ноги, отвечал мне:

— Остановись, Марадона, остановись!

И тогда я заметил, как один из фанатов ударил Моно.

— Эй, стой, ты же его травмируешь! — прокричал я, и когда я посмотрел на него, то увидел здорового черта, который прокричал мне:

— И ты тоже заткнись!

Но я не отступил:

— Эй, что с тобой происходит? Я в своем доме, я….

И тогда он размяк:

— Нет-нет, Дьегито, не беспокойся… Речь не о тебе…

Когда я огляделся, то увидел огромную толпу — как будто в зальчик для пинг-понга набилось бы две тысячи человек. Это были «баррабравас»8, и они направлялись в комнаты игроков — «Дед» Хосе Баррита, все… Я заметил у них револьверы, самые настоящие револьверы. Посмотрел в окно и увидел на стоянке десять машин, которые принадлежали им. Они хотели побить Тано Пернию, Русо Рибольси, Панчо Са… Я не мог в это поверить. И они сказали:

— Ребята, не воспринимайте это плохо, но инчада в ярости, и мы пришли предупредить вас. Если вы не выиграете чемпионат, их уже нельзя будет остановить. Мы лишь пришли предупредить вас, ничего более…

Тогда я им говорю:

— Нет, парни, подождите…

И «Дед» мне отвечает:

— Не вмешивайся, это дело тебя не касается…

Но я не мог смолчать, поскольку развитие событий меня никоим образом не устраивало.

— Может быть, это меня и не касалось бы, но это никому не идет на пользу… Вот так вот прийти и давить, зачем? Завтра никто не будет играть… По крайней мере, я.

А «Дед» настаивал на своем:

— Посмотри, Диего, газеты пишут, что некоторые из этих не хотят делиться с тобой мячом, не хотят бежать для тебя, и таким образом они указывают нам на тех, кто хочет выжить тебя, и мы посчитали, что… Если они не бегут, мы заставим побежать их всех.

Сумасшествие! Поскольку я пришел в команду уже заметной фигурой, и все этого хотели, люди меня обожали, но… они были сумасшедшими! А Сильвио даже не показал носа, он в это время где-то прятался… И когда он наконец появился, я подошел к нему и сказал:

— Так эта команде играть не сможет.

А тогда «Дед» продолжал:

— Хорошо, хорошо, пусть играют… Но лучше пусть бегут, пусть бегут, иначе мы порвем всех.

— Послушай, старик, что будет, если мы не побежим? Вы нас убьете?

— Тебя, мальчик, нет… Ты станешь капитаном, ты — наше лицо, ты сам захотел перейти в «Боку».

Мне было 20 лет, не больше, и я стоял лицом к лицу со всеми «быками» «Боки», лицом к лицу с «Дедом». В этот день я завоевал всеобщее уважение, в том числе и ветеранов… Потому что они не знали меня как человека. Они знали меня только как Марадону, который играет в мяч, но там они поняли, что я способен защитить их и за пределами поля.

На следующий день, 19 июля, я был капитаном команды, и мы выиграли у «Эстудиантес» 1:0 благодаря голу Перотти. Это заслуга сумасшедших… Те люди, что напали на нас в Ла Канделе, сплотили нас, сделали из нас команду, и, начиная с этого момента, все пошло по-другому. К этому матчу мы подошли, четыре раза подряд сыграв вничью, и сзади напирал «Ферро», но наступил вечер, и мы выкрутились.

Я никогда не забуду все, что случилось в тот день, клянусь Богом, и об этом может рассказать любой из футболистов «Боки» образца 1981 года. «Пантера» Родригес побледнел, малыш Кирос начал плакать и сказал мне: «Я поверил, что они всех нас убьют. Спасибо тебе, Диего»… Но кое о чем я должен был рассказать. Меня хотели остановить вот этими словами: «Ты станешь капитаном, ты наше лицо, ты сам захотел перейти в «Боку». «Дед» отдавал себя отчет, что они перешли черту, и если бы в тот момент приехала полиция, неминуемо началась бы перестрелка. Единственный, кто глумился по этому поводу, был «Сумасшедший» Гатти.

В матче с «Эстудиантес» Гатти вновь оказался в центре внимания: в тот день он выбежал к центру поля и сделал голевую передачу Перотти. Потом была игра с «Колоном», невероятная игра. Было 26 июля. Они убили нас ударами по ногам и помимо этого ушли с поля, заявив, что судья свистел против них; они отправились бороться за выживание, а мы вышли на финишную прямую, ведущую к чемпионскому титулу. Оставался еще «Ферро», который был действительно лучшей на тот момент командой… Да, они были лучше нас. Однако для того, чтобы обыграть «Ферро» и обыграть «Боку», которая казалась целой страной, нужны были совсем разные усилия.

На «Ла Бомбонере» «Ферро» устроил нам взбучку, которую трудно себе представить, но два очка взяла «Бокита». «Бокита»!

В тот день произошло много событий, которые я никогда не забуду: я сделал голевую передачу Перотти и подбежал праздновать к трибуне «Боки», к «Желтому дому», и увиденное осталось у меня в памяти на всю жизнь — море голов, словно волна, накатывающих на поле… Впечатляюще. В этот день, 2 августа 1981 года, «Ферро» прижал нас к воротам, и «Сумасшедший» Гатти, ставший героем встречи, вытаскивал

невероятные мячи. Мы обыграли команду Григуоля, старика Тимотео, и добились того преимущества над ней, которое нам было нужно. Мы были уже близки к тому, чтобы совершить круг почета, и никто и ничто не могло нас остановить.

Так думал я, когда мы отправились в Росарио, убежденные в том, что станем чемпионами за тур до финиша. Мы играли против «Сентраля» на «Хиганте де Арройито», и ничьей нам было достаточно для того, чтобы обеспечить себе чемпионский титул. В то фатальное воскресенье 9 августа, я мог принести этот титул своими ногами, но не сумел. Я не забил пенальти, который сделал бы нас чемпионами, и по сей день я не могу простить себе этого… Грустные лица болельщиков «Боки» по дороге домой, из Росарио в Буэнос-Айрес, я не забуду никогда, покуда я жив.

Мы проиграли 0:1, но остались на вершине, и у нас по-прежнему оставался шанс совершить круг почета — теперь уже в матче с «Расингом», на «Ла Бомбонере».

Неделю спустя мы сыграли вничью 1:1, и я взял реванш за тот проклятый пенальти… «Эль Графико» тогда вышел с заголовком: «Спасибо жизни, которая мне столько дала». Расшифровываю: «Я услышал финальный свисток и сошел с ума. Тут же я вижу, как мне на спину запрыгивает какой-то паренек, это был мой брат Туркито… У меня обмякли ноги, я обнимал его так, что не знаю, как ничего ему не сломал. После этого я взял его с собой сделать круг почета, и тут же ко мне подбежал мой шурин Индио и сказал: «Пелуса9, «Архентинос» спасся!». Это было уже слишком, я почувствовал, что задыхаюсь, но не хотел останавливаться. Я был чемпионом… Чемпионом с «Бокой». В конце концов, как я уже говорил, за это стоило страдать в Росарио. Возвращаясь оттуда, я видел микроавтобусы, полные грустных лиц, и не мог простить себе промах с пенальти. Теперь я хотел сказать всем тем людям, что чемпионство я посвящаю им… Знаете, о чем я вспомнил в тот момент? Больше, чем за месяц до этого, моего дедушку поместили на несколько дней в санаторий Гуэмес. С Клаудией мы отправились его навестить, и когда старик, сторoживший парковку, что за рулем Марадона, он начал словно трястись… Он плакал… Он поблагодарил меня за то, что чувствует себя счастливым от того, как играет «Бока», что не пропустил ни одной трансляции по радио… Случившееся меня настолько впечатлило, что я очень много думал об этом, и в момент празднования передо мной появилось лицо того человека, Антонио Лабата, которого я больше никогда не видел в своей жизни… Подводя итог, я по-прежнему чувствую себя в долгу перед инчадой, хотя мне и говорят, что тот случй с пенальти мог произойти с кем угодно… Слава Богу, я смог отдать тот долг…

Как бы то ни было, я чувствовал себя виновным в том, что случилось в Росарио, и не хотел даже думать о том, что «Бока» может остаться без чемпионского титула. Да, на мне тяжелым грузом висели те доллары, что заплатила за меня «Бока», однако на поле я забывал обо всем. Слава Богу, что в момент пробития пенальти я был спокоен, и даже не вспоминал о предыдущей неудаче. Утром я много молился, просил Бога за «Боку» и «Архентинос», и слепо верил, потому что Он был со мной».

По мне, лучшим игроком той команды-чемпиона, выступавшим наиболее стабильно, был Роберто Моусо. Он также был и символом «Боки». С ним за спиной я чувствовал себя спокойно. Кроме того, если я был так счастлив после победы в чемпионате, то представляю, что чувствовал он после пятнадцати лет, проведенных в этом клубе.

Мы отпраздновали чемпионство в Ла Канделе, которая была нашим домом на протяжении всего года. Жаль, что сейчас «Бока» осталась без этой базы, но в то же время надо признать, что она находилась в довольно неудобном месте. И также небезопасном: по вечерам здесь был слышен каждый шорох! Но мне здесь нравилось, это был дом «Боки». Разумеется, из всей команды я был самым большим соней. Даже если я вставал в 11 утра, то шел на кухню в пижаме выпить кофе; я был словно у себя дома. Мы отпраздновали там, приготовив чертовски вкусное асадо; по идее, такая картина наблюдалась каждую субботу — так же, как и игра на гитаре в исполнении Панчо Са или выходки Моно Перотти. Этот сукин сын поставил мне Ники Джонса, потому что говорил, будто бы я похож на одного из участников группы «Клуб дель Клан»! И я не отставал: однажды я разбудил Риганте, который был моим партнером по «Архентинос Хуниорс», окатив его холодной водой.

Там, в Ла Канделе, было два святых места: комната в главном шале, где стоял бильярд и стол для игры в пинг-понг, и служебное помещение. Сильвио писал конспекты к тактическим занятиям на том столе, а Качо Гонсалес, отвечавший за форму, всякий раз готовил огромное количество футболок с десятым номером: у меня их просили со всех сторон, и я их дарил, дарил, дарил!

В свою очередь, «Ривер Плейт», которого завела история с моим переходом, начал искать кого-нибудь, чтобы купить и успокоить таким образом своих болельщиков. Они сделали хороший выбор: вернули на родину моего друга Марио Кемпеса. В действительности это было для меня большой честью. Я всегда восхищался Кемпесом и то, что они затратили только усилий для того, чтобы привезти его в Аргентину ради соперничества со

мной, заставляло меня чувствовать себя важной персоной. В первой же нашей дуэли, в чемпионате Метрополитано, победил я, а вот в чемпионате Насьональ все лавры достались ему.

Слава Богу, у меня была возможность пригласить его к себе в мой дом на Морено. Я вспоминаю, какими глазами смотрели на Марито мои предки, мои братья, друзья…. Еще бы: три года назад он был лучшим на чемпионате мира в Аргентине! Как он велик, Кемпес, как он велик: я всегда его приводил в пример, когда Пассарелла, уже будучи главным тренером сборной, сказал, что нельзя играть с длинными волосами… Вы это себе это представляете? В таком случае, в 78-м мы потеряли бы Кемпеса!

Тот Насьональ закончился для меня наихудшим образом. Думаю, что из за усталости, ведь мы проводили по тысяче матчей в неделю! С тех пор, как завершился Метрополитано, вокруг не говорили ни о чем ином, кроме как о моей продаже в «Барселону», и об усилиях, предпринимаемых «Бокой», чтобы удержать меня. У клуба был только один путь для того, чтобы собирать деньги: проводить товарищеские встречи с моим участием. Так, менее, чем через 15 дней после круга почета, без отпуска, мы отправились в Мексику на матч с «Торос Неса». Оттуда — в Испанию, в Сарагосу. И сразу же — полет в Париж… По крайней мере, я увидел Париж, я впервые оказался в городе, о котором мне столько всего рассказывали. Он меня очаровал! Особенно вечер, который мы провели в Лидо: мне предоставили столик рядом со сценой и разрешили войти, несмотря на то, что у меня не было галстука… Я не знал, что в кабаре нельзя входить без галстука! Там, на «Парк де Пренс» мы разгромили «Пари Сен-Жермен» 5:1. Но никто не говорил о футболе, все говорили только о моем переходе.

В конце концов, меня смогли удержать, но атмосфера вокруг была не самой лучшей. Мы плохо стартовали в Насьонале, и помимо всего прочего у бедного Марсолини уже не выдерживало сердце; он должен был ходить как по ниточке, а иначе бы оно разорвалось. Вот в такой обстановке мы проиграли три матча подряд. После поражения 0:1 от «Институто» на «Ла Бомбонере» — гол забил Туку Меса — в раздевалке появился Пабло Аббатанхело, который был очень большим начальником, и стал обвинять игроков в том, что они не выкладывались до конца… Спрашивается, для чего?! Я не стерпел, и в очень известной телепрограмме «60 минут», которую вела Моника Каэн Д'Анверс, заявил, что только глупец мог сказать такое… И словно нож разрезал воздух. Тем временем, мы мотались по свету, мотались, мотались… Тогда я узнал мир. И я отдавал себе отчет в том, что мир узнал меня…

В середине октября 1981 года мы приземлились в аэропорту Абиджана, столицы Берега Слоновой Кости, после пересадки в Дакаре. До того момента я не видел ничего подобного и думаю, что в моей карьере такого более не случалось: негритята лезли по головам полицейских, вооруженных мачете, и кричали: «Ди-е-го! Ди-е-го!», причем с ударением на последнем слоге. Они произвели на меня неизгладимое впечатление, серьезно… И когда мы отправились обедать в гостиницу, меня окружили около двадцати детей, и один из них обратился ко мне: «Пелуса». Пелуса! Негритенок, здесь, в Африке, на Берегу Слоновой Кости! Мы провели там два матч против клубов первого дивизиона. «Бока» заработала там хорошие деньги, мои товарищи по команде тоже, не говоря уже обо мне: 18000 долларов за каждый выход на поле. Никто из моих партнеров никогда не жаловался на это хотя бы потому, что если бы меня не было в команде, они никогда бы не получили денег за товарищескую встречу в Африке.

На трибунах было 25000 зрителей, и все сравнивали приезд «Боки» с визитом «Сантоса» Пеле. Ничего общего, мы были совсем другими. Прием, оказанный мне негритятами, заставил меня думать, очень много думать: за рубежом ко мне относились как к королю, в Аргентине — лучше и не говорить… В той поездке у меня в голове проскочила мысль о том, чтобы оставить футбол. Серьезно, я подумал об этом. Я поговорил с моим стариком, с Хорхе, с друзьями. В Аргентине говорили о том, что меня посадят в тюрьму за неуплату налогов, что единственное, о чем я думал, — это деньги. Моя мечта в то время была поистине сумасшедшей: сыграть в футбол с детьми и против детей, при зрителях, с детьми «потрерос», с детьми полицейских… Только с детьми. Безгрешными. Я уже не выдерживал давления. Я ничего не хотел знать. Я смотрел на Эскудеро, на Паскуччи, на любого из моих партнеров по команде, спокойно там прогуливавшихся, которых никто не беспокоил, и завидовал им… Как же я им завидовал! Честно говоря, я уже знал, что этого в моей жизни уже никогда не будет, что возврата нет. Я чувствовал себя немного «придавленным» славой, правда. Но я думал о том негритенке, что назвал меня «Пелуса», и благодарил Бога. Они меня принимали так, как никогда в моей жизни. Они мне показывали, как меня любят. Превыше всего.

Мы летели из Африки 27 часов и прибыли аккурат к матчу следующего тура чемпионата. Но все равно мы разгромили «Сан-Лоренсо» из Мар-дель-Плата и готовились продолжать в том же духе. В общей сложности я провел 12 матчей и забил в них 11 мячей, мы дошли до четвертьфинала, где встретились с «Велесом», и на этом все закончилось… 2 декабря 1981 года на

«Ла Бомбонере», вечером, судья Карлос Эспосито удалил меня с поля, когда до конца оставалось 10 минут… Ко мне приставили Моралехо, чтобы он держал меня любой ценой: даже ему было стыдно за то, что он делал; он не дал ни одного паса, достал меня ударами по ногам и цеплялся за меня весь матч. До тех пор пока я ему не ответил. Когда меня выгнали, счет был еще 0:0; в эти заключительные минуты «Велес» вышел вперед, Руджери сравнял счет, и тут же Перотти забил победный гол. Я даже не мог себе представить, что это будет мой последний официальный матч за «Боку» в чемпионате… Никогда. И к тому же меня удалили. В ответной встрече ребята были сильно подавлены, и «Велес» их прикончил. Там закончилась история… официальная. Марсони уже не был главным тренером, и на его место пришел «Поляк» Владислао Кап.

То, что случилось потом, было восхитительно и… утомительно: между тем Насьоналем, который поскорее хотелось забыть, и началом подготовительных сборов к чемпионату мира в Испании было невероятное турне по США, Гонконгу, Малайзии, Японии, Мексике и Гватемале. 8 матчей между 6 и 27 января в обмен на 760 тысяч долларов. 8 матчей за 21 день. Я заставил полететь со мной моих предков, трех моих младших братьев (Уго, Рауля и Кали) и, конечно же, Клаудию и Хорхе. И у меня уже был кинооператор, Хуан Карлос Лабуру, который следовал за мной по пятам… Я помню, как после первого матча, против сборной Сальвадора в Лос-Анджелесе, в раздевалке ко мне подошел один бразильский сеньор и сказал: «Я хочу тебя поприветствовать, потому что несколько лет назад Карлос Алберто, чемпион мира 1970 года, играл против тебя в составе «Космоса» и потом заявил мне: «Только что я видел одного аргентинского паренька, который станет настоящей сенсацией в мире футбола». И посмотри, он оказался прав». Я не мог поверить своим глазам: этим сеньором был Рилдо, третий номер «Сантоса» и сборной Бразилии.

Что касается поездки… чтобы никто не говорил, будто я преувеличиваю, я приведу заявление доктора Эдуардо Мадеро, который в то время был врачом «Боки»: «Я уже много лет занимаюсь всем этим. Разумеется, есть много команд, проводящих по четыре матча за неделю. Даже лично мне пришлось столкнуться с этим в «Эстудиантес» из Субельдии. Но «Бока» поставит мировой рекорд, вне всякого сомнения. Мы начали в прошлое воскресенье в Токио. Сыграли и полетели в Лос-Анджелес. Сменили самолет и отправились в Мексику. Матч против «Америки» состоялся во вторник вечером. Мы поужинали, и спать никто не ложился, потому что в среду в шесть утра мы

отправились в Гватемалу. В тот же день мы сыграли с «Комуникасьонес». В тот же самый день! В четверг мы отпраились назад через Майами. Сели на самолет с пересадкой в Рио-де-Жанейро и в полдень четверга сели в Буэнос-Айресе. И сегодня, в субботу, на другом самолете мы прилетели в Мар-дель-Плату… Мне это кажется чудом. Возьми карту и посмотри: это мировой рекорд».

В ту субботу 30 января 1982 года на переполненном стадионе, где проходили матчи мундиаля, я начал прощаться с «Бокой», теперь уже в товарищеских встречах. Мы обыграли «Расинг» 4:1 в матче за Золотой кубок, летний турнир. Я забил гол с пенальти, но должен был забить и другой. Это произошло на пятой минуте: я начал движение с середины поля, прошел между Бертой и «Японцем» Пересом, который ударил меня по ногам, но не остановил; я прошел Леройера, открываясь справа, я прошел Ван Туйне, обыграл на замахе вратаря Вивальду и оставил его ползать на карачках; я остался один справа от ворот и ударил… Велосо выбил мяч с линии ворот. А ведь был бы гол-красавец.

Потом, в матче за тот же самый Кубок, я сыграл против «Индепендьенте», и, наконец, последний матч против «Ривера»: мы проиграли 0:1, в субботу 6 февраля 1982 года, и гол нам забил Рамон Диас. Затем, «Поляк» Кап, который был нашим новым тренером, разрешил мне вернуться в Буэнос-Айрес — побыть с семьей и отдохнуть немного; в Мар-дель-Плата я даже на пляж не мог сходить. Люди меня очень любили, даже слишком… Я закрылся от мира в доме на Морено и стал ждать.

В то время споры шли в основном о том, останусь я в «Боке» или нет. Экономическая ситуация в Аргентине была ужасающей, и каждое предложение из-за рубежа было в центре внимания всех и вся. Много шумихи, очень много, хотя и не столько, как в 90-е годы. Представьте себе: за меня предлагали несколько миллионов долларов, непостижимую сумму по тем временам, от которой невозможно было отказаться… А сейчас, в 2000-м, столько стоит защитник хорошего, добротного уровня. На одной из пресс-конференций во время турне «Боки» Доминго Корильяно, занимавшего в то время пост президента клуба, спросили, чем завершатся переговоры, и он ответил: «Мы сделаем все для того, чтобы он остался». Услышав эти слова, я вскочил со своего кресла и с явным сарказмом в голосе закричал: «Корильяно! Корильяно!». Я знал, что это было трудно, очень трудно. И это меня выводило из себя. Я хотел сыграть в Кубке Либертадорес — это мой долг перед аргентинским футболом — и выиграть этот трофей.

Поэтому я заявил то, что могу повторить и сегодня, изменив только имена действующих лиц: «Меня огорчают события, происходящие вокруг футбола. Меня огорчает то, что далеко не все так просто. Что есть руководители, которые работают больше не для того, чтобы их клубы процветали, а для того, чтобы покрасоваться на фотографиях. Что в моей стране нет организаций, способных удержать Марадону, Пассареллу, Фильоля. Иногда мне рассказывают о футболе былых времен, и я не знаю, какими великими были те игроки, но именно они принесли Аргентине два титула чемпиона мира и мне хотелось бы, чтобы они никогда не уезжали из страны». И эти слова я произнес в 1982 году!

Я просил Бога о том, чтобы то турне и Золотой Кубок не стали для меня последними в составе «Боки». Но поскольку в то же время я был реалистом, то до того, как уехать, сообщил, что мне больше всего нравилась Испания. Потому что там пройдет мундиаль, который предоставит мне первый шанс для реванша, поскольку в течение четырех ближайших месяцев я буду тренироваться вместе с игроками, которыми я всегда восхищался… и поскольку там меня очень любили.

Я уже начал думать, что за границей меня любят больше, чем дома. Такое впечатление сложилось у меня потому, что во время матчей, которые сборная проводила перед чемпионатом мира на стадионе «Ривера», против Югославии, Чехословакии и Германии, у меня остался осадок в душе: впервые люди меня освистывали, кричали, чтобы я тренировался и перестал валять дурака… Я не мог в это поверить! Я ведь даже отпуска не брал: из «Боки» отправился прямиком в сборную, без передышки. И понятно, что я играл не ахти, но разве Марадона не имеет права иногда сыграть кое-как? В действительности все мои мысли были о мундиале: как меня там будут держать, смогут ли выключить из игры, как это происходило в последних матчах; и я был на это согласен, лишь бы Аргентина стала чемпионом мира.

Когда эта серия закончилась, я отправился в Эскину, в Коррьентес, к своим истокам: я прошелся по окрестностям реки Коррьенте, по Парана-Мини, по тем местам, где только мой отец и его друзья могли бродить и не заблудиться. С Клаудией, с моими братьями, я отправился ловить рыбу дорадо… и думать. Думать о том, что произошло со мной за какую-то пару лет. И мне в душу запала одна фраза, которую я мог бы повторить и сегодня: ”Люди должны понять, что Марадона — это не машина по производству счастья”.

Примечания:

1 Платеа — трибуна на стадионе с лучшими местами.

2 Бостеро — буквально ”говночист”; прозвище болельщиков ”Бока Хуниорс”. Дело в том, что стадион ”Ла Бомбонера” был построен на месте старых конюшен, и перед началом строительства болельщики ”Боки” принимали очищали это место от многолетних залежей конского навоза, ”босты” (bosta).

3 «Ла Бомбонера» — стадион, на котором проводит свои матчи «Бока Хуниорс»

4 Курица или трус, предатель. Прозвище игроков и болельщиков «Ривер Плейта»

5 Макумба — разновидность черной магии, практикуемой в странах Южной Америки

6 Популар — трибуна, где собираются простые болельщики.

7 Баррабравас — наиболее радикально настроенные фанаты, объединяющиеся в группировки.

8 Чурраско — аргентинское мясное блюдо, некое подобие шашлыка.

9 Пелуса — Pelusa (Пушок) — детское прозвище Марадоны.

Глава 4
НЕУДАЧА

Испания-82, «Барселона»

Я очутился в трудном, смутном времени…

После четырех месяцев подготовки, начиная с того летнего турнира в Мар-дель-Плате, что стал для меня прощанием с «Бокой», мы приехали в Испанию на чемпионат мира 1982 года с таким чувством, будто бы мы его уже выиграли. Однако за этим мы забыли об одной детали: для того, чтобы побеждать, нужно играть и выигрывать. Пожалуй, мы думали, что раз в 1978 году все шло так хорошо, а в 1979 — еще лучше, то и дальше все будет так же легко… Но было еще кое-что, фундаментальное: злосчастная физическая подготовка. Это я говорю с полной уверенностью и впервые — та ошибка была самой большой. Ну нельзя заставлять бегать 150 метров с рывками парня, который приехал на сбор, отыграв целый чемпионат! Нельзя! Это меня измотало, и я уверен в том, что и остальных — тоже. Чтобы не быть последним, чтобы не говорили, будто я не работаю, я выкладывался по полной программе… Это так: те упражнения, что нас заставлял делать профессор Рикардо Писсаротти, меня утомили настолько, что на мундиаль-82 я приехал перетренированным. Мертвым. Без искры, без того духа соперничества, который был словно моей торговой маркой.

Жаль, потому что я очень хотел быть на этих сборах. Я знал, что это будет продолжаться четыре месяца — четыре месяца! — с моего последнего матча за «Боку» и до дебюта на мундиале, но меня это ни черта ни волновало. Это был мой первый мундиаль, я был перевозбужден. Мечтал о том, как буду жить в одном номере с моим другом Бето Барбасом, тренироваться со всеми этими монстрами, о которых мне рассказывал Менотти, которые бросали мне вызов… Я пообещал моей матери и Клаудии, что за время сборов буду бить только с правой… И после все пошло к черту.

Очевидно, что в те времена было очень сложно сохранять концентрацию, притираться друг к другу… Я не говорю, что только я один я все делал правильно. Вовсе нет! Я считаю, что мы все, все теряли концентрацию, и это приобрело характер

эпидемии. Футбол заразен: если что-то касается одного, потом другого, то в итоге доходит и до самого последнего осла. Я хочу сказать, что скука, рутина также заразны, особенно на сборах. Ну что я тебе рассказываю! Мы были в Вильяхойосе, в Аликанте, поразительном месте… Мы считали себя лучшими, но так и не провели ни одного матча.

Первый матч на мундиале против Бельгии 13 июня 1982 года (13-го, твою мать!) оказался большой неудачей. Я знаю, что все взгляды были прикованы ко мне, потому что мой переход в «Барселону» был уже делом решенным, и потому что я должен был показать себя; незадолго до начала чемпионата мой переход совершился благодаря невероятному случаю. Каталонцы заплатили за меня более 8 миллионов долларов. Перед мундиалем они заставили меня сфотографироваться с красно-синей футболкой «Барселоны» в руках. И если бы я не выиграл, они бы меня прикончили… Да, мы проиграли, но нам не дали пенальти, который заработал я. После этого мы отыгрались на Венгрии 17 июня, мы забили ей четыре гола, 4:1, и два из них были моими, первыми в истории моих выступлений на чемпионатах мира. Шесть дней спустя мне буквально раздробили ноги в матче против Сальвадора, но мы их все равно обыграли 2:0; однако, я уже представлял себе, что будет дальше… Я не жалуюсь, я не хочу предстать жертвой, но меня лупили нещадно: думаю, что весь мир помнит, как меня опекал Клаудио Джентиле, когда на втором этапе мы встретились с Италией, 29 июня в Барселоне. Мы проиграли 1:2, а ему всего лишь показали желтую карточку. Однако, конечно же, все помнят только результат, ничего больше. В Италии много лет спустя Джентиле признался мне, что играл так, чтобы не дать сыграть мне: всякий раз, когда я получал мяч, он бил меня. А я не мог ответить… И его не удалили! И в этом виноват не Джентиле, это вина арбитров.

После этого нас взяла в оборот Бразилия, 2 июля, и она нас обыграла 3:1. Но всякий раз, когда я смотрю этот матч по видео, я все сильнее убеждаюсь в том, что мы были не хуже их. И на мне опять сделали пенальти… Все закончилось для нас плохо, но очень мало кто знает, что тот удар по яйцам, который я отвесил Батисте, на самом деле предназначался Фалькао. Я не выдержал того давления, которое он на меня оказывал в центре поля — он просто не давал мне вздохнуть свободно, вынуждая делать длинные передачи. И когда я обернулся, то увидел перед собой кого-то, и, разгоряченный, врезал ему что было силы… Бедняга, это был Батиста.

Тот чемпионат мира сложился для меня очень плохо. По сей день я вижу себя уходящим с поля, протягивающим руку

Тарантини… Весь мир думал, что это будет мой мундиаль, и я сам думал точно так же.

В своем первом интервью после возвращения я заявил, что на том мундиале я не провалился; я сделал все, что мог. Игрок никогда не проваливается в одиночку, он может выступать лучше или хуже, но не проигрывает один. И один не делает команду чемпионом… Я знаю то, что я проиграл больше всех; никто так не рисковал, никто так не хотел добиться успеха. Этому вопросу придавалось слишком больше значение, для рекламы мы не очень-то годились, и это был мой первый мундиаль… Перед тем, как уехать, я обратился к плакавшим по поводу моего перехода в «Барселону»: «В нашей стране есть гораздо более важные вещи, чем Марадона… Я хочу стереть этот мундиаль из моей памяти и начать думать о чемпионате мира-86». Вот это я им и сказал.

После всего этого и кроме всего этого настал черед «Барселоны». «Барселона»! Сейчас я считаю, что «Барселона» была наиболее подходящим для меня клубом. Самым лучшим клубом в мире, даже лучшим, чем «Ювентус». Но я не знал о своеобразии каталонцев. И я также не мог себе представить, что мне придется столкнуться с таким маниакальным гомиком-педофилом, как президент «Барсы» Жозеп Луис Нуньес. Он постоянно влезал в кадр фото и телекамер, чтобы покрасоваться, а когда мы проигрывали, появлялся в раздевалке весь в слезах и обещал нам заплатить больше денег за победу в следующем матче — можно подумать, что от этого мы стали бы играть лучше. Он имел большое влияние в прессе, и воспользовался этим, развернув кампанию по моей дискредитации. Он сделал все для того, чтобы осложнить мне жизнь, которая превратилась в сущий ад. Если до этого я наслаждался игрой в футбол, то в «Барселоне» все изменилось коренным образом… Я приехал спокойно играть в футбол, а доходило до того, что даже на тренировках я получал по лицу. Это был уже не футбол! А ведь тогда в «Барселоне» собрались сильнейшие игроки Испании. Я говорю так не потому, что хочу унизить тех ребят из «Барсы», они ведь делали все, что могли, но смена стиля оказалась слишком уж резкой. Они все бежали, а я играл! И я не собирался приучать себя к беспрестанной беготне — бежать, бежать, бежать…. Тест Купера я делал за 2700 метров, тогда как у остальных дело доходило до 5000, 6000. И я начинал отдавать понимать, что это приводило к тому, что они сперва бежали, а уже потом думали, как им распорядиться мячом. Виктор был Бегуном, «Попугайчик» Алонсо был бегуном… Я мог найти взаимопонимание с немцем Берндом Шустером, но когда я приехал, он только восстанавливался после травмы; также с «Волком» Карраско, который мне очень помог.

Вопрос был в том, продолжать вот так же бегать вместе со всеми или же покончить с этим. Сперва я подтянул «физику» и стал сильнее, намного сильнее… Если что-то давалось мне с трудом, то это было не по вине моих партнеров. Тогда я начал потихоньку останавливать их с мячом. И постепенно они начали понимать меня: я задавал ритм игры, заставлял их действовать более технично, не ухудшая их физических кондиций.

Проблема была в том, что когда мы научились понимать друг друга с одного взгляда, когда мы не проигрывали с первого тура, а я провел 15 матчей и забил в них шесть голов, меня свалил с ног этот проклятый гепатит. У меня обнаружили его 15 декабря 1982 года. Голеностоп доставал меня уже несколько дней, и я хотел, чтобы посмотреть его пришел доктор Олива, но он не мог. Прямо с тренировки я отправился в клинику, пройти сеанс лазерного обследования, обычная и быстрая процедура… Но когда я вошел в клинику, врач вместо того, чтобы осмотреть мой голеностоп, заглянул мне в глаза…

— Эй, брат, глаза как глаза, я пришел сюда по поводу голеностопа.

— Нет уж, позволь взять у тебя анализ крови, мне совершенно не нравится цвет твоих глаз.

Я пришел домой в испуге, не зная, что и думать. А на следующий день появился один из врачей «Барселоны», доктор Бестит.

— Что у меня доктор, что у меня? — спрашивал я его.

Я понимал, что он не слишком-то настроен отвечать мне, и он начал идти на попятную.

— Хорошо, все может быть, — говорил он мне, и с каждым разом я напирал на него все сильнее.

— Ну, давай, старик, скажи мне! — прокричал я ему.

— У тебя гепатит, Диего, — ответил он мне. И этим он меня убил.

Ладно, травма — была и прошла, к этому мы, футболисты, привычны. Но гепатит! Я закрылся в своем доме в Педральбес. И я закрылся всерьез, а? Я не хотел смотреть футбол даже по телевизору, в моем доме он был под запретом. К счастью, на праздники приехала Тота. И когда настал момент поднять бокалы, Нуньес доставил мне единственную радость за все время пребывания в «Барселоне»: он отправил в отставку Латтека и взял на его место Менотти.

Когда я приехал в «Барселону» в октябре 1982 года, главным тренером команды был немец Удо Латтек. Потом, когда с ним расстались, и Нуньес назвал мне имя Менотти, я ответил ему — да, все говорит в его пользу. Но я хочу, чтобы вы поняли: это он

спросил меня, а не я ему намекнул. С ним мы выиграли Кубок Испании и Кубок Лиги. Эта «Барселона» была лучшей за все время моего пребывания в клубе, не сравнить с той, куда я сперва попал.

Разногласия начинались с методов тренировочной работы. Латтек заставлял нас работать с медицинскими мячами по восемь килограммов веса, от ворот и до ворот. Однажды я не выдержал и запустил таким мячом в самого Латтека и сказал ему:

— Послушайте, мистер, почему вы никогда не поинтересуетесь, как чувствует себя человек на следующий день после ваших занятий?

Я не изображал из себя обиженного ребенка, этого я не делал в своей жизни… В «Архентинос», в «Боке» я спал до тех пор, пока до матча, до тренерской установки не оставалось два часа; мы ели и отправлялись на стадион. В «Барселоне», при Латтеке, перед одним из первых матчей чемпионата в дверь моей комнаты постучались.

— Да? — ответил я, полусонный, один, потому что у Шустера и меня были отдельные комнаты. — Да? — Что, уже пора? — подумал я и посмотрел на часы; часы показывали 8.30. — Что случилось?! — я уже почти кричал.

— Мистер говорит, что пора подниматься на прогулку, — ответили мне.

— Передайте ему, что я не имею привычки гулять по утрам.

Тут же приходит уже сам Латтек.

— Здесь делают то, что я скажу.

— А я хочу спать… В конце-то концов, это я бегаю и играю в футбол, и я не привык разгуливать в это время дня. Если Вам это нравится, хорошо, если нет — что ж…

— Будут санкции.

— Нет, не будет никаких санкций, — это вмешался Мигели, не оставив мне времени на ответ.

— Меня тоже это уже утомило — прогулки в 8.30 утра, — подключился Шустер.

Немец не знал, что делать. Конечно, для него это было легко — встать ранехонько, выпить два бокала пива и на прогулку! Я положил конец этой традиции, как положил и другой, с медицинскими мячами. Перед матчами, имевшими решающее значение, например против мадридского «Реала», он давал нам мячи уже не по восемь, а по двадцать килограмм… Можно было подумать, что чем труднее предстоящий матч, тем с большим весом нам следует тренироваться. Одно слово — немец. Немец, который заявлял, что совершил революцию в футболе! Я относился к нему с уважением, сколько мог, но потом уже не стал

себя сдерживать.

С Эль Флако все было по-другому. Его любили все, с кем он работал — главным образом за то, как он относился к своим подопечным. Это было для них непривычно. Сегодня, если мы встречаемся с кем-нибудь из той команды, то первым делом они спрашивают про Флако… Это была другая «Барселона», выдающаяся «Барселона»!

Я помню один суперматч из того времени — 2:2 с «Реалом» на «Сантьяго Бернабеу». Я забил гол-красавец: мы начали контратаку с середины поля, я пробежал с мячом, обыграл вратаря, который вышел мне навстречу, и остался один перед воротами. Я знал, что сзади на меня набегает Хуан Хосе, мощный защитник с бородой и очень длинными светлыми волосами. Я немного подождал, пока он подбежит совсем близко, и убрал мяч под себя; когда он пролетел мимо, я тихонько катнул мяч в сетку…

С Менотти мы завершили чемпионат на четвертом месте, я смог принять участие в семи заключительных матчах. Я вернулся на поле 12 марта 1983 года во встрече против «Бетиса», в тот самый день, когда Менотти дебютировал в качестве главного тренера. Мы сыграли вничью 1:1, и я ушел с поля на взводе: я задыхался, я не смог реализовать один момент для взятия ворот, и люди были раздражены нашей игрой. В предпоследнем туре я забил три гола «Лас Пальмас», но даже это меня не успокоило. И помимо всего прочего, мое противостояние с Нуньесом достигло наивысшей точки: предстоял финал Кубка Испании, я очень его выиграть, но, как всегда, Нуньес был в своем репертуаре. Он заставил прийти на тренировку Жорди Пуйоля, который был президентом Каталонии, для того, чтобы тот мне сказал, четко и ясно: «Вся Каталония будет с нетерпением ждать этого матча, нужно его выиграть…». Сукин сын! Нуньес знал о том, что я и Бернд Шустер были приглашены на прощальный матч Пауля Брайтнера за несколько дней до финала Кубка Испании, и Нуньес даже слышать не хотел о том, чтобы нас отпустить. Он пытался давить на нас даже с помощью городских политиков… «Если «Реал» не отпускает Сантильяну, тогда мы также вас не отпустим!» — бился он в истерике.

Полная катастрофа случилась, когда мне не отдали паспорт. Я очень гордился тем, что немец Пауль Брайтнер, великий Пауль Брайтнер пригласил меня — меня! — на свой прощальный матч. И я очень хотел на него поехать. Сейчас там!.. За нами прислали частный самолет, за мной и Шустером. Я позвонил ему и сказал, что собираюсь ехать. И тут Шустер спрашивает меня со своей немецкой интонацией:

— У тебя есть паспоррр-рт?

— Да, конечно. Я пошлю Хорхе (Цитершпиллера) его искать.

И тут я вижу, как толстяк меняется в лице. Этото болван отдал его в клуб, на тот случай, если мы будем часто летать на матчи еврокубков и так далее… Я хотел его убить! У меня было подозрение, что Нуньес сделает все для того, чтобы осложнить мне жизнь… Был понедельник: я заставил Хорхе позвонить в клуб, чтобы мне прислали паспорт, но они этого не сделали. На другой день снова — и снова ничего. Тогда я пришел сам и попросил пустить меня к Нуньесу. Сперва мне ответили, что его нет на месте. Но я видел его машину с шофером. «Сейчас он не может вас принять», — они тут же поменяли тактику. Пришел другой начальник, которого я очень любил, Николас Касаус, родом из Мендосы; он почти плакал: «Нет, Дьегито, мы не можем тебе его дать, президент не хочет»… Мы были в Зале Трофеев «Барселоны» на «Камп Ноу». Тогда я ему сказал: «Так что же, президент не хочет меня видеть? Я буду ждать еще пять минут… Если мне не дадут паспорт, все эти трофеи, что есть здесь, восхитетельные трофеи, из стекла… я буду бить их один за другим». Касаус взмолился: «Нет, Диего, ты не можешь»… И Шустер вновь присоединился ко мне: «Предупреди меня, когда начинать»… Я схватил с полки Кубок Тересы Эрреры, очень красивый трофей, и в последний раз спросил Касауса:

— Так вы не отдадите мне паспорт?

— Нет, президент приказал не отдавать.

— Понятно, значит, он не хочет мне его отдать…

— Нет! Он всего лишь говорит, что не может этого сделать!

Я поднял этот кубок над головой настолько высоко, насколько мог, и со всей силы бросил его на пол… Буммм! «Ты сумасшедший», — сказал мне Шустер. «Да, я сумасшедший. Я сошел с ума, потому что мне не могут отдать паспорт… И чем больше пройдет секунд, минут, тем больше трофеев я разобью». В итоге нам вернули паспорта… но не отпустили на прощальный матч Брайтнера. Я не знаю, какого хрена, но Испанская федерация футбола выплатила неустойку… Но я разбил им Тересу Эрреру, и они вернули мне паспорт; было бы противозаконно, если бы он остался у них…

Мы все равно завоевали Кубок Испании, хотя до того словно дрожал от лихорадки: финал был в Сарагосе, июня 1983 года, против мадридского «Реала», который тренировал великий Альфредо Ди Стефано. Это было выдающееся, красивое противостояние: «Барселона» против «Реала», Менотти против Ди Стефано, Марадона против Штилике… Мы вышли вперед после гола Виктора, голевую передачу которому сделал я, а Саньильяна

счет сравнял; ему тоже не разрешили поехать на прощальный матч Брайтнера. Победный мяч забил Маркос, мой друг Маркитос, когда до финального свистка оставалось 10 секунд. Мы продемонстрировали всей Испании — и Нуньесу! на что мы в действительности способны.

Я уже обжился на новом месте, не жалея на это средств. С Клаудией мы обставили дом в Педральбес, как нам хотелось. Там был один теннисный корт, маленькое футбольное поле, огромный бассейн… И жаровня, не испытывавшая недостатка в мясе. У меня появилось много друзей, и им нравилось есть на аргентинский манер — асадо или что-то еще. К нам в гости приходили Кини, Эстебан, Маркитос. И я подумал, что пришло время устроить праздник. Теперь — да…

Мы решили во что бы то ни стало выиграть чемпионат-1983/84. Стартовали мы плохо, проиграв 1:3 4 сентября «Севилье». Мне кажется, это было плохое предзнаменование. Однако тут же мы начали подниматься: обыграли «Осасуну», «Мальорку», и в четвертом туре на «Камп Ноу» должен был приехать — ни много, ни мало — «Атлетик» из Бильбао… Было 24 сентября 1983 года. В этот самый день, утром, со мной случилось что-то невероятное. Я отправился в больницу, чтобы навестить там одного паренька, которого сбила машина. Бедняга, его ноги были в ужасном состоянии! Когда этот парень меня увидел, его лицо засветилось от радости; я поздоровался с ним, обнялся и поспешил уйти, так как этим вечером я должен был принимать участие в матче. Когда я уже подошел к дверям, он сделал заметное усилие, чтобы приподняться с кровати и почти крикнул мне: «Диего, пожалуйста, береги себя! Теперь они собираются сломать тебя!».

Когда баск Андони Гойкоэчеа сломал меня, мы выигрывали у «Атлетика» со счетом 3:0. 3:0!!! Два дня спустя я смог посмотреть этот момент по телевизору. Я лежал на кровати в барселонской больнице и сказал себе: «Гойкоэчеа знает, что он сделал». Я не видел, как он подбежал ко мне на поле. Если бы я мог видеть, то избежал бы этого, как избегал много раз многих ударов. Но я почувствовал удар, услышал шум, как будто треснула древесина, и тут же понял, что случилось. Когда ко мне подбежал Мигели и спросил, что случилось, как я себя чувствую, я ответил ему сквозь слезы: «Он сломал меня, он сломал меня».

Может показаться невероятным, но незадолго до этого Шустер въехал ногами в Гойкоэчеа, Так как некоторое время тому назад Гойкоэчеа травмировал Шустера, стадион зашелся криком: «Шустер! Шустер!», словно аплодируя мести. Баск пришел в настоящую ярость: «Я убью этого». Он все время был рядом со

мной, поскольку должен был меня опекать. Тогда я сказал ему:

— Гойко, успокойся, вы проигрываете 0:3, и ты получишь желтую впустую…

Клянусь, я сказал это от чистого сердца, потому что видел, как он нервничает; у меня и в мыслях не было унизить его или чего-то подобного. И тут же произошел этот эпизод. Я побежал искать мяч с центра поля к своим воротам. Побежал, подумав, что Гойко попытается опередить меня, и так как мы делали искусственный оффсайд, я его уже видел в нашей штрафной. Я сошелся с ним в единоборстве, обыграл его, и когда уже собирался развернуться, чтобы уйти от него вперед — трак! — последовал удар сзади, словно кто-то хотел отрубить ее топором. Я непонимающим взглядом посмотрел на мою ногу, которая беспомощно болталась из стороны в сторону.

После этого единственное, что я хотел знать — когда я смогу вернуться на поле. Менотти вошел ко мне в больничную палату и сказал: «Диего, ты выдающийся игрок. Ты обязательно поправишься и добьешься больших успехов в своей карьере. Дай Бог, чтобы твоя жертва послужила тому, чтобы с грубостью было покончено раз и навсегда!». Тем временем было решено меня прооперировать. Никто не хотел это мне сообщать до тех пор, пока не зашел служащий, отвечавший за смену белья, и не сказал мне об этом так, словно хотел меня утешить: «Будь спокоен, Диего, операция идет всего лишь два часа». Всего лишь два часа! Напуганный, я попросил доктора Гонсалеса Адрио, которого назначили ее проводить: «Я хочу вернуться быстро, доктор». Наивный, я верил, что смогу восстановиться уже к матчу с «Реалом», через месяц. Глупость, конечно; это было невозможно… Мне было больно, как же мне было больно! Впервые в жизни я ложился под нож хирурга, и когда я проснулся, то первым делом спросил о своем отце, который выглядел очень обеспокоенным, куда более обеспокоенным, чем я сам.

Со временем я простил Гойкоэчеа, хотя это было нелегко. В ту пору мои братья и болельщики «Барселоны» говорили, что он был настоящим убийцей, и я им не возражал. Кого я никогда не прощу — это Хавьера Клементе, возглавлявшего в ту пору «Атлетик». Сразу же после окончания встречи он заявил, что испытывает чувство гордости за своих футболистов, и что следует подождать хотя бы неделю, чтобы узнать, действительно ли Марадона получил такую тяжелую травму. Наилучший ответ ему дала газета Marca, вышедшая с великолепной «шапкой»: «Быть артистом запрещено». Это пришлось очень кстати, поскольку тогда было очень серьезное противостояние нами, кто играл в мяч, и теми, кто… бегал. И я был чем-то наподобие знамени для

тех, кто получал удовольствие от обращения с мячом, в стране, где больше всего били по ногам. Если итальянцы умели опекать соперника, то испанцы тебя убивали прямо на поле.

Травма была настолько серьезной, что заставила меня вкалывать до седьмого пота, чтобы восстановиться. Я сделал это вместе с гением, доктором Рубеном Дарио Оливой, в Буэнос-Айресе, куда я так хотел вернуться.

«Сумасшедший» Олива — так я его называю, с уважением к нему, и он об этом знает — видел каждого насквозь. На мой взгляд, в мире нет такого врача, который настолько хорошо разбирался бы в спортивной медицине. И, конечно же, я обращался к нему раз семьдесят по поводу растяжений и других повреждений, но сейчас, сломанный, я нуждался в нем больше, чем когда-либо. Он жил в Милане, и все еще живет там. Всякий раз, когда я набирал его номер, он садился в самолет и уже через час был в Барселоне. Подчас он прилетал вечером, ночевал в Испании, осматривал меня утром и потом мчался на всех парах обратно в Италию, чтобы успеть к своим пациентам. Если бы он прилетел тогда, сразу же после матча, меня бы не стали бы оперировать, нет, сеньор… Потому что он этого не позволил бы. А меня прооперировали через два часа после окончания встречи, сразу же, тогда как доктор Олива прилетел на рассвете. Он встретился с доктором Гонсалесом Адрио и спросил его, как все было. Тогда они заключили между собой договор. Доктор Олива сказал: «Если через 15 дней мы сделаем радиографию, и обнаружатся первые признаки спаек кости, восстановительным процессом займусь я, по своей собственной методике. В противном случае вы продолжите свою работу». Конечно, если бы этим занялся галисиец, полгода неподвижности были бы мне обеспечены. Но Олива его обставил; он не стал дожидаться, пока пройдет 15 дней, а уже через неделю, не больше, снял гипс, сделал мне радиографию, посмотрел, как обстоят дела, и сказал мне:

— Ставь ногу…

— Что? Доктор, порой я называю вас «сумасшедшим», но это всего лишь прозвище.

— Я когда-нибудь тебя обманывал? Ставь ногу, ставь потихоньку…

И я поставил, чуть не наделав в штаны от страха, но все-таки поставил.

Неделю спустя, когда мы собрались все вместе для того, чтобы обсудить, как идет процесс моего восстановления, Олива и я чуть не довели до инфаркта Гонсалеса Адрио. Я пришел на костылях, поднимая левую ногу… «Сюда, Диего, осторожно», —

сказал мне этот барселонский дрозд и показал несколько ступенек, по которым я должен был спуститься, чтобы сделать радиографию. «Подержите их, доктор», — ответил я ему, и спокойно спустился на своих двоих. У Гонсалеса Адрио от неожиданности сомкнулись веки. После этого он увидел все своими глазами, и моя дальнейшая судьба оказалась в руках Оливы. Мы некоторое время поработали в Барселоне, после чего сразу же решили лететь в Буэнос-Айрес. Конечно, такая головка члена как Нуньес, ничего не хотела знать, но тут Цитершпиллера осенило. И он сказал этому карлику:

— Если вы разрешите Диего уехать в Аргентину, мы обещаем вам, что уже в январе он будет на поле, готовый играть. Если же мы не выполним наше обещание, то откажемся от полагающихся нам по контракту денег за весь период нашего отсутствия.

У несчастного Нуньеса загорелись глаза. Разумеется, врачи «Барселоны» сказали ему, что я не смогу играть по меньшей мере шесть месяцев, и у него появился шанс сэкономить несколько песет.

Благодаря знаниям и идеям доктора Оливы, противоречившим тем, что предлагали большинство врачей, мне сняли гипс через семь дней, а на поле я вернулся через 106 дней: 8 января 1984 года под дождем я сыграл против «Севильи». Мы победили со счетом 3:1, а я забил два мяча — второй и третий. Когда счет был 2:0, трибуны начали просить Менотти заменить меня, чтобы они могли устроить мне овацию. Однако «Севилья» сократила разрыв в счете, и все замолчали. Я забил третий мяч, и они начали снова и продолжали до тех пор, пока Менотти не убрал меня с поля. Зрители на трибунах рванули вниз, к полю, все кричали и аплодировали мне, скандируя вроде бы «Ма-ра-дооо! Ма-ра-дооо!», точно сказать не могу, так как на стадионе стоял оглушительный визг. Эта овация была одной из самых запоминающихся в моей жизни. Никто не мог поверить!

В следующем матче я забил два мяча в ворота «Осасуны», но они оказались бесполезными, так как они отгрузили нам целых четыре. Затем мы сыграли вничью с «Мальоркой», и пришло время матча-реванша с «Атлетиком», 29 января: мы выиграли 2:1, и я забил оба гола… Мы начали бороться за чемпионство с мадридским «Реалом», голова к голове. Однако когда настал черед очного поединка, 25 февраля 1984 года, мы уступили: мы проигрывали 0:1, я сравнял счет, а за пять минут до конца нам забили решающий мяч. Именно поэтому мы выбыли из чемпионской гонки и закончили чемпионат на третьем месте.

Слава Богу, я остался цел и невредим благодаря Оливе, который заставил понять остальных, что одним из ключевых

моментов моей игры является подвижность голеностопа. Если бы процесс восстановления был традиционным, я бы потерял способность поворачивать его в разные стороны больше обычного.

Как бы то ни было, а проблема была не на поле, а за его пределами. Одна из стычек с Нуньесом произошла потому, что мне не давали раскрыть рта. Но я все равно продолжал разговаривать — с Гарсией, с Пересом, с Магойей, я делал это ради людей… Однажды он позвонил и сказал: «Я запрещаю вам разговаривать с Гарсией». На это я ему ответил, что он не не может мне ничего запретить, поскольку я подписывал контракт для того, чтобы играть и тренироваться, и это вовсе не значит, что он купил мою жизнь. Как же он разозлился…

К тому времени я уже знал, что он готов выписать мне «волчий билет». Нуньес мне уже показал, кто всем там заправлял. «Хорошо, мне представляется отличным, что вы здесь главный», — ответил я, и с этого момента на страницах газет началась настоящая травля. Когда мы играли хорошо и выигрывали, не происходило ровным счетом ничего. Но стоило только сыграть с кем-нибудь вничью или, не дай Бог, проиграть, как мне сразу же начинали перемывать кости: что я не до конца вылечился от гепатита, что я ухожу по ночам из расположения команды, веду развратный образ жизни и все в таком роде. Конечно же, эти слухи раздувала пресса, целиком и полностью зависимая от Нуньеса. И в один прекрасный день я пришел к Нуньесу без приглашения и сказал:

— Я хочу, чтобы вы меня продали!

— Нет!

— Тогда я отказываюсь выходить на поле!

И в те дни появился вариант с «Наполи». Нуньес вел себя со мной очень подло и грязно. Так грязно, что много времени спустя, когда я уже играл в Италии и приехал в Испанию для того, чтобы получить приз лучшему латиноамериканскому футболисту, выступавшему в испанском чемпионате, Нуньес искал возможность отомстить мне и выдумал одну историю, которая могла мне дорого обойтись. Один мальчишка сказал, будто бы я сбил его на своей машине и сильно покалечил. Полиция отправилась искать меня туда, где должны были вручать приз, и взяла в наручники. А остальные футболисты собрались мне на выручку… Это были Шустер, Уго Санчес, Хуанито, мир его праху… Хуанито кричал им, стоя у окон участка: «Да здравствует Франко!», а я, внутри, подписывая бумаги, смотрел в глаза тому пареньку: «Когда я тебя сбил? Когда? Расскажи им все, скажим им, что это ложь Нуньеса, пожалуйста!».

Вот так мое пребывание в «Барселоне» превратилось в сущий

ад. Из-за гепатита, из-за перелома, да и из-за самого города тоже — Мадрид мне всегда больше нравился, из-за окончательно испорченных отношений с Нуньесом. И потому, что там, в Барселоне, началась моя связь с наркотиками. Не буду отрицать: я действительно начал там их принимать и начал самым худшим образом. Когда это с кем-нибудь происходит, он всегда хочет сказать «нет», а на деле слышит, как сам произносит «да». Ты веришь в то, что можешь превозмочь себя, что можешь бросить… и потом все только усложняется… Но наркотики в Барселоне никоим образом не повлияли на мою спортивную форму. Если бы это было не так, разве я бы смог добиться тех успехов, которых достиг в «Наполи»? В одном из своих заявлений Нуньес сказал, что продал меня потому, что я принимал кокаин. Ложь! Я не смог бы ничего достичь в Италии, потому что вся эта кокаиновая дрянь вместо того, чтобы тебя мотивировать, на самом деле вгоняет тебя в депрессию. Кокаин — не помощник ни в футболе, ни в жизни, недавно я это понял. Я поступил как еще один долбоёб. И то, что тогда могло показаться веселым, выглядело драматичным. Сейчас я раскаиваюсь в этом, потому что все еще должен любой ценой выкрутиться из этой ситуации. Ради моих дочерей, ради всех людей, которые меня любят, и которых я заставлял или заставляю страдать. Но это неизбежно, это так, и наркотики — это не мое изобретение; это придумали те, кто сегодня правит миром. Я хочу высказаться предельно ясно по этому вопросу: правительства стран не делают ничего для того, чтобы остановить эту заразу. Почему? Потому что их устраивает существование зависимых. Но это уже другая история и для другого раза.

В то время говорили о «клане Марадоны», и это меня очень злило. Что такое был этот клан? Мои люди, моя семья, мои друзья, мои служащие… У меня был дом в районе Педральбес, в наиболее красивой зоне Барселоны. Три этажа, десять комнат, джакузи, теннисный корт. Почему я не мог открыть двери моего дома тем, кому хотел? Сегодня я повторяю то, что говорил тогда: «Я счастлив, когда я вместе с людьми, которых люблю». Для меня они — Освальдо Далла Буона, Галиндес, Нестор «Ладилья» Барроне — были аргентинцами, нуждавшимися в том, чтобы кто-нибудь взял их под свою защиту; и этим «кто-нибудь» был я. Для того, чтобы меня услышали все каталонцы, я заявил по телевизору: «Я хочу сказать людям Барселоны, что не все мы, аргентинцы, такие уж плохие, что никто нами не заправляет, что мы умеем жить нормальной жизнью. В том, что кто-то из приезжих поступает здесь плохо, нет нашей вины, но теперь нас хотят заставить расплачиваться за грехи других». Я не уставал повторять эти слова с тем, чтобы они поняли: есть вещи, на

которые способны мои друзья-аргентинцы — драться, пить, курить, но это не значит, что во всем замешан «клан Марадоны». То, как поступают мои друзья, может показаться мне плохим или хорошим, но от этого они не перестанут быть моими друзьями, а я не стану вмешиваться в их жизнь. Меня уже достали все разговоры о «клане Марадоны»; в Барселоне не было никакого другого клана! Я помогал тем, кто в этом нуждался, и многие меня даже не благодарили. Более того, многие потом стали моими врагами. И тогда я сказал себе: никогда больше… Теперь это — моя семья, мои настоящие друзья, и никто другой. Однако пусть всем станет ясно: ни клан, ни окружение, никто не мог заставить меня делать то, что я сделал, совершить ошибки, которые я совершил. Я имею в виду в том числе и наркотики.

Любопытно, но Нуньес даже не был каталонцем, он родился в Стране Басков. Он не знал, что такое мяч, и никогда этого не узнает; он не может быть важнее футболиста и никогда не будет важнее. Как он сперва преследовал меня, так потом взялся за Шустера, а затем взял в тиски Ривалдо. Он вынужден постоянно что-то придумывать, чтобы остаться у власти: если «Барселона» не становится чемпионом, имея преимущество в два-три очка, то его печаль выглядит правдоподобнее, чем у игроков, выходящих на поле. Если они не выигрывают чемпионат, обязательно что-нибудь придумают про Ривалдо. Он выгнал из команды Ромарио, Стоичкова… Всех выдающихся игроков!

Есть некая разновидность «макримании» среди футбольных руководителей. «Макримания» — это слово происходит от фамилии президента «Бока Хуниорс» Маурисио Макри. Это нечто развращенное. Они неблагодарны: мы даем им власть, мы приносим им славу… Они запускают руку в казну и продолжают оставаться начальниками. Нуньес был президентом «Барселоны», но «Нуньес и Наварро» — это нечто большее, это строительное предприятие, связанное с женщиной, построившей много объектов для Олимпиады-92. И таких случаев большинство.

В общем, я больше уже не мог оставаться в «Барселоне». Последний матч, 5 мая 1984 года в Мадриде, стал отражением всего того, что со мной там произошло: настоящая война с «Атлетиком» в финале Кубка Испании, который мы проиграли со счетом 0:1. Автором гола стал Эндика, про которого баски мне напомнили, когда я вернулся в Испанию, чтобы продолжить свою карьеру в «Севилье». Я был готов драться со всем миром, поскольку они нас сделали и сделали красиво; дело дошло до того, что один из них даже прокинул мне мяч между ног, после чего я совсем расклеился.

В центре поля мы натурально обосрались… Меня взяли под

свою защиту Мигели и ребята, а иначе бы меня определенно прикончили. Думаю, что Гойкоэчеа захотел закончить работу, начатую несколько месяцев назад. Все мои друзья, те, кого называли «кланом», хотели выскочить на поле, чтобы защитить меня, и не могли этого сделать… Они повисли на заграждении в виде решетки, и полицейские били их кулаками, чтобы заставить спуститься… Форменное сумасшествие! Мне потом было стыдно перед королем Испании. Конечно же, Хуан Карлос присутствовал на этом матче, финале Кубка, названного в его честь, сидел в ложе для почетных гостей, а мы обделывались под ударами. Мне было обидно за него, потому что я очень его любил, он мне очень нравился. Я читал в журналах то, что он говорил, и он представлялся мне достойным человеком. Поэтому однажды, еще до этого скандала, я официально попросил у него аудиенции. Через два месяца мне пришел ответ, что он будет ждать меня во дворце, в Сарсуэле. Феноменальный Хуан Карлос, он уделял всем по двадцать минут, а со мной пробыл полтора часа! Мы говорили о футболе, об Аргентине, об асадо… и о яхтах! Ему нравилось ходить под парусом. И я представлял короля Испании плывущим по рекам Коррьентес. Вот так мы с ним болтали, и тут вдруг распахнулась дверь, и появился… Фелипе Гонсалес, президент Испании! И они оба, король и президент, попросили у меня футболку сборной Аргентины для своих детей… Но ладно, история заканчивалась. Пусть плохо, но все-таки заканчивалась.

После скандала с Нуньесом я сделал окончательный выбор и напоследок решил хлопнуть дверью. Вице-президент «Барселоны» Жоан Гаспарт еще пытался уговорить меня, подходил с чистым бланком контракта и говорил: «Поставь свою цифру». Стоявший сзади Цитершпиллер меня подначивал: давай, давай, поставь, и мы останемся… Я сказал ему «большое спасибо» и ушел. Ушел, не имея ни малейшего представления, куда.

Глава 5
ВОЗРОЖДЕНИЕ

«Наполи», 1984-91

Когда я пришел в «Наполи» у меня не было ни гроша в кармане…

Одни лишь долги.

Итальянцы давно уже следили за мной, начиная с 1979 года, когда я выступал за «Архентинос Хуниорс»… Однажды из «Наполи» они даже прислали мне клубную футболку в отель, где команда собиралась перед матчами чемпионата Аргентины, вместе с письмом, в котором было написано, что они ждут момента, когда итальянские клубы распахнут двери для иностранцев, и тогда они пригласят меня к себе. Меня пригласили провести у них десять дней, оплатив все; они хотели завалить меня подарками. Я ничего не понимал! В то время шли разговоры о «Шеффилде» из Англии, о «Барселоне»… Для меня все они были навроде «Красной звезды» из Фьорито… Для меня «Наполи» был чем-то итальянским, как пицца, не более того.

Любопытно, что когда годы спустя они приехали за мной в Барселону, я также особо ничего не знал о них. Они приехали за мной, сказали бы галисийцы… И в действительности, единственное, чего я тогда хотел — это уехать оттуда, уехать из Испании, из Каталонии, от Нуньеса. Куда глаза глядят. Сейчас все меня спрашивают: «Почему не в «Ювентус», почему не в «Милан», почему не в «Интер»?»… Потому что единственным клубом, который посчитал нужным послать за мной, был «Наполи»! И также потому, что Джампьетро Бониперти, который был игроком и президентом «Юве», заявил, что футболисту с моими физическими данными никогда ничего не достичь. Хорошо, я ведь чего-нибудь да достиг, разве нет? Футбол тем и прекрасен, что в нем находится место каждому. Даже таким… карликам как я.

Дело в том, что я хотел сменить обстановку и играть. Посмотрим, понятно ли: я не сказал «играть хорошо», я сказал «играть»… Отыграть весь чемпионат. И были еще причины. С одной стороны, когда «Барселона» продавала меня, она хорошо знала, куда; каталонцы даже не могли себе представить, что эта итальянская команда может стать для них серьезным соперником

в Европе. С другой стороны, и это представляется мне наиболее важным, я никому об этом подробно не рассказывал: нам нужно было провернуть дело, так как на тот момент наше с Цитершпиллером финансовое положение было бедственным: проще говоря, в наших карманах зияла пустота. Да, сеньор, мы были сломаны… Сломаны экономически. Когда я пришел в «Наполи», за душой у меня не было ни гроша… Одни лишь долги. И это еще одна причина, по которой я не перешел ни в «Ювентус», ни в «Милан», ни в «Интер». Подвернулся вариант с «Наполи», и мы поспешили. Хорхе покупал все, что подворачивалось под руку — нефть, дома, бинго в Парагвае… Все за мои деньги, которые были да сплыли. Со мной приключилось то, о чем поет Черная Соса: я упал, я поднялся. Мне было 25 лет, и ни гроша в кармане. Я никому никогда не объяснял этого, даже своей супруге: я только говорю, что остался без единого песо по собственной же вине. Мне нужно было начинать сначала… Очевидно, что у нас была такая необходимость, потому что мы были должны здесь, должны там. Должны так, что из тех 15 %, что приходились на мою долю (а это 1500000 долларов), я не увидел ни цента. И дом в Барселоне, в Педральбес мы были вынуждены отдать за долги.

В день, когда меня представляли болельщикам, 80 тысяч неаполитанцев пришли на стадион «Сан-Паоло» только ради того, чтобы взглянуть на меня хотя бы одним глазком.

Это было 5 июля 1984 года. Единственное, что я в тот вечер сумел выдавить из себя, была фраза, которой меня предварительно научили: «Buona sera, napolitani! Sono molto felice di essere con voi!» (Добрый вечер, неополитанцы! Я очень счастлив быть с вами!»). После этого я взял мяч и запустил его на трибуны. Люди на них неистовствовали, а я ничего не понимал. Я был одет в голубой спортивный костюм с шарфом «Наполи» и стоял на растянутом флаге. Впервые я услышал гимн, который они написали для меня: «Марадона, занимайся собой. Если это не происходит сейчас, то больше и не случится. Твоя Аргентина здесь. Мы не можем больше ждать». И тут же через динамики они запустили другую песню на музыку «Эль Чокло», специально для меня, зная, что я влюблен в танго… Я пробыл там 15 минут, не больше, потому что мы хотели отправиться в Буэнос-Айрес на каникулы. Когда я спустился по ступенькам в тоннель, чтобы уйти со стадиона, то встретил Клаудию и обнял ее, плача… У меня дрожали ноги, как будто бы я дебютировал в первом дивизионе, когда я только начинал в «Боке». Все складывалось для нас очень непросто в последнее время, и мы знали, что на кону стоит наша жизнь, что мы все начинаем заново. И начинаем в том месте, с которсым меня многое связывает. Поэтому я прямо

сказал журналистам то, что шло от сердца: «Я хочу стать идолом для бедных детей из Неаполя, потому что я сам был таким как они, когда жил в Буэнос-Айресе».

Я оказался в «Наполи», и сам того не зная, оказался словно в команде из серии B, которая встречалась в матче на Кубок Италии с кем-то из серии C и наседала на ворота. В контратаке, не знаю, как, я подхватил мяч и вогнал его в угол: мы выиграли 1:0, но я знал, что нам придется тяжело, очень тяжело. Когда я подписывал контракт, мне дали книгу об истории «Наполи»: оттуда я узнал, что на протяжении трех предыдущих сезонов команда вела борьбу за выживание и в последнем чемпионате, 1983/84, спаслась, отойдя от зоны вылета… всего лишь на одно очко! Тогда спросил их, могут ли они гарантировать спокойную жизнь. И так как они ответили «да», я взялся за дело. Между тем, пока шли переговоры, болельщики даже устроили голодовку, требуя, чтобы меня взяли в команду. Я не преувеличиваю. Голодовку! И один из них, думаю, что его звали Дженнаро Эспозито или что-то в этом роде, приковал себя к решетке на «Сан-Паоло». Тогда я начал работать над «физикой», зная, что для того, чтобы добиться успеха в итальянском футболе, нужно было иметь совсем другое тело. Потому что итальянские защитники не были такими как испанские: в Испании тебя убивали локтями и ударами по ногам, однажды мне умудрились попасть даже по языку. Но в Италии — нет, потому что телевидение показывало все эти моменты, а футболисты на тренировках отрабатывали приемы игры в обороне. И я прекрасно помнил Джентиле на чемпионате мира 1982 года! Я адаптировался, адаптировался, и на этом этапе главную роль сыграл Фернандо Синьорини.

Я прозвал его «Слепым», потому что он мог не увидеть корову в ванной, но при этом много знал, очень много, больше, чем кто-либо, о физической подготовке. Я приехал в не самый лучший для себя момент, восстановившись после травмы, полученной в Испании. Там он помогал мне довести этот процесс до конца, поэтому я смог вернуться в строй через 106 дней. В «Наполи» работа была иной: требовалось отладить механизм. И мы достигли этой цели. С самого первого дня, во время предсезонки, которую мы проводили в Кастель дель Пьяно, мне дали почувствовать себя неаполитанцем: они аплодировали каждому моему удару пяткой, через себя (я забил гол таким образом на своей первой тренировке)… Они отмечали каждое мое удачное действие.

Главным тренером был Рино Маркези, и наш дебют пришелся на матч с «Вероной», в гостях 16 сентября 1984 года. Нам забили три гола. У них был датчанин Элкъяер-Ларсен, немец Бригель…

Немец врезал мне по ногам — «так!» — и я был вынужден покинуть поле. Нас встретили баннером «Добро пожаловать в Италию», который сразу же заставил меня понять, что «Наполи» ведет не только футбольную войну. Это была война Севера с Югом, расистов против бедных. Конечно, они выиграли чемпионат, а мы…

За весь первый круг сезона-84/85 мы набрали всего лишь девять очков. Девять! И я улетел в Буэнос-Айрес на праздники, но то свое состояние я не могу передать словами — я просто сгорал от стыда. По возвращении, когда мы фактически были должны начинать второй круг с нуля, в Италии наступили гребаные холода. И 6-го января, в день Всех Святых, мы отправились играть с «Удинезе», который набрал восемь очков и боролся с нами за выживание. Это был матч за вылет в серию B, и я испытывал настоящее разочарование. К счастью, мы смогли тогда вырвать победу со счетом 4:3: за нас играл «Чанча» Бертони, Рикардо Даниэль Бертони, который забил два мяча, а я забил два других, с пенальти. Начиная с рождественских праздников мы начали стремительно набирать очки, и за это время набрали 24, тогда как «Верона», ставшая чемпионом — 22. В тот сезон нам не удалось занять место, позволяющее выступать в Кубке УЕФА, причем не хватило нам для этого какой-то мелочи, двух очков. Я забил 14 мячей, на 4 меньше, чем Мишель Платини, и занял третье место в списке лучших бомбардиров… В чемпионате Италии было полно звезд: сам Платини, Румменигге в «Интере», Лаудруп в «Лацио», Зико в «Удинезе», Сократес и Пассарелла в «Фиорентине», Фалькао и Тониньо Серезо в «Роме».

Когда сезон подошел к концу, я добился аудиенции у президента «Наполи» Коррадо Ферлаино и сказал ему: «Продайте тех, кого освистывают зрители, и на вырученные деньги купите трех-четырех игроков. Если я отдаю кому-то мяч, а его начинают освистывать, значит — чао, до свидания… А иначе думайте над тем, чтобы меня продать, потому что в таком случае я не останусь. Купите мне пару игроков. Ренику из «Сампдории», который заменит сразу троих, и какого-нибудь сукина сына-либеро!». И так мы договорились, мы договорились.

На второй год, в сезоне-85/86, пришли Алессандро Реника, Клаудио Гарелла — вратарь, ставший чемпионом в составе «Вероны» — и Бруно Джордано… Гарелла отбивал мяч ногами, это было что-то невероятное — он не использовал руки! Поэтому я просил его: «Хорошо, ты не берешь его в руки, но и не давай им возможности сыграть на добивании». И он никогда не отбивал мяч так, чтобы его затолкали в сетку. До того в «Наполи» отказался перейти Паоло Росси, заявивший, что этот город не для

него, что в Неаполе была каморра1. Очевидно, что в «Наполи» никто не хотел переходить.

Когда я впервые увидел Джордано, я сразу же понял, что этот футболист нам подходит: он был замешан в скандале с нелегальными ставками на тотализаторе, в «Тотонеро»… Он выступал за «Лацио», умело обращался с мячом, играл на правом фланге, на левом. Я сказал: «Этот игрок — для «Наполи». Я встретился с ним: «Джордано, пожалуйста, играй за нас». И он мне ответил: «Да, когда захочешь». За Джордано у Ферлаино просили три миллиона долларов, и тот плакался мне, говорил, что у него нет таких денег. «Эй, старик, напрягись», — сказал я ему. И, к счастью, он поднапрягся, так как Джордано был настоящим феноменом. С Бруно мы понимали друг друга без слов, он действовал позади, а я — чуть ближе к атаке. Я забил 11 мячей, а он — 10, и мы наконец-то попали в Кубок УЕФА, заняв третье место в чемпионате, отстав от «Ювентуса», выигравшего скудетто2, на шесть очков.

Главным тренером в ту пору являлся Бьянки, Оттавио Бьянки… На самом же деле мы сами были себе тренерами, потому что он мне сразу не понравился. Он был очень жестким, походил больше на немца, чем на латино, и заставить его улыбаться было невозможно даже под палкой. Правда, меня он все-таки остерегался, так как я всегда был готов дать ему отпор и выставить его на посмешище. Он избегал качать права в моем присутствии, несмотря на авторитарный склад характера. Однажды он мне сказал:

— У меня есть упражнение, которое нужно выполнить.

— Какое?

— Я даю вам мяч, а вы будете должны упасть на землю, перебросив его несколько раз с одной ноги на другую.

— Я не собираюсь делать этого, я не буду падать на землю. Падать меня заставляют соперники…

— Ладно, тогда у нас будут проблемы по ходу всего сезона.

— Хорошо, тогда вы будете вынуждены уйти.

Такими были наши отношения, хотя мы все равно давали результат. К счастью, в то время Бог уже свел меня с Гильермо Копполой. В действительности он подписал со мной контракт в октябре 1985 года. Эта перемена произошла, потому что я ушел из «Барселоны» в полной нищете. Я настаиваю: в этом не было вины Хорхе Цитершпиллера; в конце концов, решения принимал и принимаю всегда только я. Хорхе не хотел сдаваться, так как верил в то, что мы сумеем выйти из кризиса, однако я слишком много работал для того, чтобы ничего за это не иметь. «Все изменится», — говорил он мне. А я ему отвечал: «Нет, ничего не

меняется…». Вместе со своей женой я разработал план; мы знали, что у нас впереди еще целая жизнь, и нужно было этим пользоваться. Этот план подразумевал те самые перемены, мы уже не могли больше ждать.

Гильермо я знал с момента моего перехода в «Боку», хотя тогда он был по другую сторону. Он представлял интересы большинства игроков, которые должны были перейти в «Архентинос Хуниорс», особенно Карли Рандассо, меньше всего хотевшего куда-то уходить. В 1985 году мы были в Эсеисе на сборах перед отборочным матчем чемпионата мира, он там занимался делами Руджери, Гареки, и я искал с ним встречи. Я спросил их о том, что это за человек, как он себя вел. И я всегда вспоминал его жест по отношению к Барбасу, привлекший мое внимание: после того, как продать его из «Расинга» в «Сарагосу», Гильермо появился в Аликанте, где мы готовились к испанскому мундиалю, и вернул Барбитасу немного денег, предварительно показав ему все счета. Все это было проделано с такой тщательностью… Этот момент я вспомнил, когда мы впервые сели обсудить наши дела. Гильермо болтал с Фильолом, который также был его клиентом — все были его клиентами! — и я позвал его к себе в номер, объяснил ему, что не намерен больше работать с Хорхе, и может ли он заняться моими делами… Гильермо сказал мне, что не хотел бы вмешиваться, но я остановил его на полуслове: «Ты не должен ничего говорить! Говорить буду я». В ту пору он представлял интересы почти двухсот игроков, Руджери, Гареки и других звезд, работал в банке, а я хотел от него эксклюзивной работы со мной. Он попросил у меня время на раздумья. Закрыл еще один трансфер — Инсуа в «Лас-Пальмас», и когда приехал в Наполи, то начал изучать все мои цифры… У меня был счет в банке Ла Риоха, там я познакомился с Рамоном Эрнандесом, который был секретарем Менема во время его президентства. Кто тогда мог себе представить, как высоко заберется Рамон?! Он сразу же нашел работу для моего отца и шурина в офисе в Буэнос-Айресе; если чего и не хватало, так это инвентаря. Если бы я не доверял им, то кто бы тогда стал доверять? Это был способ объединить всю семью, хотя ни отец, ни шурин ни черта не смыслили в цифрах. Они были кем-то навроде инспекторов.

Много лет спустя Гильермо поведал мне, что для него было честью работать со мной, для него это было честью!

Отличительными чертами Гильермо помимо всего прочего были порядок, умение найти способ реализовать мои планы, вложить деньги… Он никогда ничего не прикарманивал, потому что… он был богаче меня! Много раз мы подкалывали друг друга,

кто из нас больше заработает. В той ситуации, что мы находились, Гильермо сотворил настоящее чудо… Поэтому, когда говорят, что Копполо довел меня до этого, довел до того, я отвечаю: «Коппола вытащил меня из нуля и поставил на ноги!».

А по поводу наркотиков, которые не имеют ничего общего с этой историей, я могу сказать кратко, слушайте внимательно: никогда Коппола не приучал меня к наркотикам, потому что, когда я начал их употреблять, в Барселоне, его и близко рядом не было. И точка.

Итак, мы финишировали третьими. Третьими! Для «Наполи» это было настоящим успехом, моментом славы… Чемпион — «Ювентус», второе место — у «Ромы», а третьими стали мы. И кто вспоминал тогда о том баннере в Вероне, в первом матче итальянского этапа моей карьеры? О том «Добро пожаловать в Италию» для неаполитанцев? Итак, пришло время реванша, вендетты…

Было 23 февраля 1986 года. Вся их курва3 кричала нам: «Мойтесь, мойтесь!». Мы проигрываем 0:2, неаполитанцы возмущены… Я с мячом — пин, пан! — защитник ошибается, и я забиваю гол. И за четыре минуты до конца — пум! — пенальти, который я реализовываю. В итоге — 2:2. Мы праздновали так, словно выиграли Кубок чемпионов! А те наши футболисты, что сидели на скамейке запасных, вместо того, чтобы обниматься с нами, подбежали к трибуне, что кричала нам «Мойтесь, мойтесь!». Вот такими были наша команда и наш город, где мы играли и жили.

В сезоне-86/87 наконец-то получилось все, что мы так долго готовили. После того, как я стал чемпионом мира в Мексике, мне казалось, что для меня уже не существует преград… Да мы проиграли в первом раунде Кубка УЕФА «Тулузе», но мы же ведь не могли выиграть все: к тому же в тот день я не забил пенальти, и мы уступили в серии 11-метровых… Но мы боролись изо всех сил.

Я попросил Ферлаино приобрести Карневале, Андреа Карневале, и поскольку он уже знал, что я прошу что-то зря, то привез его из «Удинезе». Он спросил меня, чего нам не хватает для того, чтобы стать чемпионами, и я ответил: «Немного везения, президент, немного везения, ничего больше». Остальные клубы, гранды, были напуганы. У них был Платини, целая куча феноменальных игроков, но они все равно боялись, жутко боялись! Они вывешивали расистские баннеры, но делали это из-за страха: они не могли понять, как это бедняки с юга смогли унести кусок торта, который раньше кроме них не ел никто другой. И это был самый большой кусок!

Первый за 60 лет скудетто с «Наполи» ни с чем не мог сравниться, даже с победой на чемпионате мира. Почему? Потому что в «Наполи» мы сделали это своими силами, начав путь с самых низов. Мне бы очень хотелось, чтобы все тогда увидели, как мы празднуем эту победу, празднуем сильнее, чем какая-либо другая команда. Это был скудетто всего города. И люди осознали, что ничего не нужно бояться, что побеждает не тот, у кого больше денег, а тот, кто борется до самого конца, тот, кто больше жаждет победы… Для этих людей я был капитаном корабля, знаменем. Они могли наехать на кого угодно, но только не на меня… Это очень просто… когда мы начали превращаться в настоящую команду, пришли результаты: приехал «Интер», мы его разгромили, приехал «Милан», мы его обыграли. Мы побеждали всех.

И в Турине против «Ювентуса» 9 ноября 1986 года случилось нечто невероятное: мы уступали 0:1, сравняли счет, и стадион взорвался, все праздновали… Мы ничего не понимали. Мы забили второй мяч — и вновь радость на трибунах. И после третьего тоже. Оказывается, на стадионе было полно работяг, все родом с юга! «Наполи», «Наполи»! — мы закончили матч под эти крики, что просто поразило мое воображение.

Мы уже были чемпионами, когда мне указали на одну маленькую статистическую деталь; итальянские журналисты — фанатики такого рода подсчетов. Оказалось, что только два клуба выигрывали в одном сезоне чемпионат и Кубок Италии, оба с севера — «Торино» и «Ювентус». И перед финалом Кубка я вышел к прессе и сказал: «Конечно, было бы прекрасно выиграть Кубок Италии. Это кажется сложным, но, пожалуй, только потому, что прежде все претенденты на «золотой дубль» были с севера. Мы же, южане, не привыкли упускать свои шансы. Ни в футболе, ни в жизни…». И мы использовали свой шанс. Кроме того, мы обыграли команду с самой расистской инчадой в Италии — «Аталанту» из Бергамо. Все было просто идеально.

Но проблема все-таки была. Какая проблема? То, что руководители «Наполи» совершенно не умели тратить деньги. А ведь после того скудетто мы были близки к тому, чтобы выбить из Кубка чемпионов мадридский «Реал». Мы должны были играть первый матч на «Сантьяго Бернабеу» при пустых трибунах, а когда пришло время ответного, создавалось впечатление, что все неаполитанцы сошли с ума и хотят присутствовать в тот вечер на «Сан-Паоло». Тогда выручка от продажи билетов составила 4 миллиона долларов, а с учетом перепродажи — в самом что ни на есть неаполитанском стиле — семи, восьми…… Но клуб упустил возможность сделать «Наполи» великим, великим, великим… Они

даже не поменяли газон на поле в Соккаво.

Вам рассказать, как выглядел тренировочный центр клуба Парадизо де Соккаво? Такое вы можете увидеть в клубе второго аргентинского дивизиона, да и то не всегда, но уж никак не в команде итальянской серии А. Казалось, что стены раздевалки развалятся на куски прямо на глазах, а само помещение чем-то напоминало мне мой дом в Вилья Фьорито. Покореженные листы металла служили неким подобием гаража для четырех стоявших там машин, а поле словно специально было создано для того, чтобы игравшие на нем рвали связки. Поэтому я говорю, что Сальваторе Кармандо, массажисту, кинезиологу4, занимавшемуся нашим восстановлением, принадлежит 50 % заслуг в каждом завоеванном нами титуле.

Мой контракт действовал до 1989 года, но Гильермо пришла в голову мысль, что следует заняться вопросом о его продлении. «Наполи», в который я пришел два года назад, не имел ничего общего с этим, завоевавшим третье место и скудетто. Переговоры начались в Мадриде, когда мы играли тот матч с «Реалом» без зрителей на «Сантьяго Бернабеу» в первом круге Кубка чемпионов. Сентябрь 1987-го. Так как мы в итоге проиграли, Ферлаино дал задний ход. Однако он не учел одно обстоятельство: Сильвио Берлускони хотел видеть меня в «Милане»… И началась заварушка, хотя в душе я знал, что не смогу выступать за какой-либо другой итальянский клуб кроме «Наполи», потому что в таком случае убьют и меня, и тех, кто меня купит. Это я и сказал Берлускони при встрече, и он произвел на меня впечатление джентльмена, победителя.

— Берлускони, если я дам вам свое согласие, мы должны будем вдвоем уехать из Италии; вы потеряете весь свой бизнес, поскольку неаполитанцы каждый день будут разрывать вам мячи, а я просто не смогу здесь жить…

В начале ноября 1987 года перед матчем с «Комо» мы разместились на сборах в миланском отеле «Брун», и тут за Копполой приехал «Мерседес Бенц». Он отвез его в Милан-5, где у Берлускони было ранчо. Настоящий особняк из тех, что показывают в кино. Он сказал Гильермо, что хотел бы купить меня за любую цену, когда истечет срок моего контракта, что он уже потратил почти 50 миллионов долларов и до сих пор не смог завоевать хотя бы один гребаный титул. Он даже не спрашивал, сколько я зарабатываю в «Наполи»; он сходу предлагал в два раза больше! Кроме того, он был готов дать мне дом на площади Сан Бабила, самой дорогой зоне города, автомобиль, какой я пожелаю — нет, не «Фиат-600» — «Ламборджини», «Феррари», «Роллс-Ройс», пятилетний контракт и договор с принадлежавшей ему

фирмой «Фининвест».

Знает хотя бы кто-нибудь, почему я сказал «нет»? Мой друг, журналист Джанни Мина узнал об этой встрече и в декабре опубликовал новость в своем журнале «Special»… Во вторник утром все знали, что «Милан» хочет меня заполучить и предлагает мне все, что я захочу; и в тот же вторник вечером Ферлаино принял все наши условия. Мы подписали контракт на сумму в три раза большую, чем мы просили изначально: 5000000 долларов в год, до 1993 года, без учета поступлений от рекламы и мерчандайзинга, что составляло еще 2500000 долларов каждые 365 дней… Кроме того, несколько мелочей и один подарок: черный «Фиат F40». На тот момент это был единственный автомобиль этой марки в мире!

Не знаю… Я не знаю, как бы сложилась моя карьера, если бы я принял приглашение «Милана»; была бы она другой, лучше или хуже. Но я знал неаполитанский характер и знал, что неаполитанец отдаст за меня все… Хана тому, кто тронет Марадону в Италии! Где бы я ни был — в Турине, в Милане, в Вероне — неаполитанцы везде собирались в кучу. В действительности, единственное, с чем у меня не было проблем в то время, так это с деньгами…

В то время International Management Group провела исследование в различных странах мира с целью выявить, кто является самым популярным человеком на планете. И получилось, что таким человеком стал я… Тогда эта организация захотела купить права на использование моего имиджа для рекламы, за что была готова выложить мне 100 миллионов долларов. Сто миллионов!.. Однако была одна деталь: передо мной было поставлено одно условие, что я, аргентинец, должен был получить второе гражданство, стать гражданином США. Американцем! Но все это — гражданство, возможность быть аргентинцем, как и чувства, не имеет цены. Тким образом я ответил отказом. Это было мое собственное решение, как и все, что я принимал в своей жизни. Гильермо мог меня направить, но решал все я, и так было во всем. А то предложение не ограничивалось цифрой в 100 миллионов долларов; принимая участие в разного рода мероприятиях, мы могли заработать еще больше, и даже Генри Киссинджер высказывал свою заинтересованность в этом деле. Но нет, нет; быть аргентинцем не имеет цены.

Я вам сказал, что недостатка в деньгах я не испытывал. В то время я вел программу на телеканале RAI и получал за это 250000 долларов в месяц. У нас был заоблачный рейтинг! Кроме того, я подписал контракт на 5 миллионов долларов с японцами

из «Хиточи», чтобы рекламировать их спортивную одежду, которая носила мое имя. И также с ними я заключил другое соглашение, о рекламе холодного кофе или что-то в этом роде. Так как мы должны были снимать ролик в каком-нибудь особенном месте, они предложили каньон Колорадо в США. Я спросил их, почему, и они ответили, что тут дело в окружающей обстановки, в панораме… И тогда я им сказал: «Давайте снимем это в Аргентине, я хочу сделать это в своей стране!». И я привез японцев в Ла Риоху, в Талампайю. Они заявили мне: «Нам нужны модели», на что я им ответил: «У меня они есть — мои братья Турко и Лало». Знаете, почему нам предоставляли вертолет каждый день для того, чтобы летать из Ла Риохи в Талампайю? Губернатором Ла Риохи был… Карлос Сауль Менем…. И мы продали кучу холодного кофе в Японии. Также мы сделали несколько кадров в кратере вулкана Везувий для «Асахи» — японской пивной марки. Нам везло на рекламу, но во все контракты я заставлял вносить отдельный пункт: «Чтобы не был нарушено нормальный ход моей профессиональной деятельности». Мы делали сериалы, телепрограммы, аксессуары для школьников, все что душе угодно…

Я просил машины, которых не существовало в природе, и к назначенному сроку мне их доставляли. К примеру, «Мерседес-Бенц Кабриолет», который не доходил до Италии. Я попросил об этом Гильермо, и он позвонил в «Мерседес». Прошло время, и однажды раздался звонок от Гильермо; он хотел, чтобы я вышел на балкон… Я посмотрел вниз и увидел там «Мерседес», окруженный людьми, которые его пригнали — эта была первая машина данной марки в Италии. Я спустился, осмотрел ее, обнялся с одними, с другими, попросил ключ и сел в машину… Посмотрел вниз и увидел рычаг. «Она автоматическая», — сказал я им. Гильермо поменялся в лице: «Да, да, она автоматическая, это последняя модель». Я вылез, отдал им ключи, сказал «большое спасибо» и пошел к себе домой: мне не нравились машины с автоматической коробкой передач. Сейчас то, что я рассказываю, выглядит такой дикостью!

Жизнь в Неаполе тем временем была просто невообразимой. Я не мог спокойно завернуть за угол, потому что они меня… слишком любили! И когда неаполитанцы тебя любят, они действительно тебя любят! «Я люблю тебя больше, чем своих сыновей!» — говорили они мне. Я не мог даже пойти купить себе пару ботинок, потому что через пять минут в магазине было разбито стекло, а внутри собиралась тысяча людей. Тогда приходилось идти Клаудии, которая покупала мне одежду и все остальное. И они ее уважали: «Не вздумай коснуться жены

Марадоны, иначе он не выйдет играть в воскресенье». Маршрут же от моего дома до Соккаво был настоящим приключением. По окончании тренировки мне приходилось садиться в машину, подъезжать к воротам, останавливать ее, не заглушая при это двигателя и сохраняя готовность в любой момент нажать на газ. Я говорил охраннику, чтобы он открыл ворота, и как только они открывались на нужную ширину, сразу же давил на газ. А те, кто уже знал мою тактику, преследовали меня на мотоциклах… до тех пор, пока я от них не отрывался. Мотоциклисты в Неаполе были подлинным сумасшествием! Они преследовали меня повсюду… Но на «Мерседесе» или на «Феррари» я от них уходил. В «Наполи» я чувствовал себя великолепно еще и потому, что я смог дать им то, чего раньше у них не было: не только футбольные приемы, но и гордость… Гордость, поскольку раньше «Наполи» никто ни во что не ставил, а теперь их стали бояться. Поэтому сейчас каждый неаполитанец может тебе сказать: «Те команды создавали не руководители; их создавал Марадона».

Шел сезон-1987/88, мой четвертый в Италии, и тогда появилась формула Ma-Gi-Ca. Ко мне и с Джордано присоединился, слава Богу, Антонио Карека. Люди уже привыкли к тому, что мы вели борьбу за самые высокие места, и тот сезон не стал исключением; поэтому я готовился к нему изо всех, пожалуй, как никогда ранее.

В октябре 1987 года мне впервые пришлось лечь в клинику доктора Анри Шено в Мерано, Швейцария. Со своего приезда в Италию и до того момента я играл без перерыва, имея за плечами почти двести матчей подряд, включая товарищеские и официальные игры за клуб и сборную Аргентины. Меня очень сильно беспокоили связки, и даже доктор Олива, который был в моих глазах волшебником, не мог предложить мне никакого другого лекарства кроме отдыха. Мне делали уколы, от которых я не мог сдержать слез… Я продолжал играть, держась только на этих уколах. Поэтому, когда я слышу, что футболисты получают слишком много денег, что они живут в роскоши, я отвечаю: а вы не хотели бы испытать состояние, когда иглу всаживают на десять сантиметров вглубь, в голень, в колено, в поясницу? Уверен, что нет…

Именно лечение в той клинике повлияло на мое выступление, но я никогда не смогу понять, почему мы провалились в конце сезона. Любопытно, что тот сезон, вызывающий у меня смешанные чувства, я вспоминаю как один из лучших в своей карьере, потому что физически я был готов как никогда, настоящий снаряд; и в то же время в душе у меня остался большой осадок, так как говорили, что «Наполи» продал

чемпионство! Что он сдал его под давлением игроков на тотализаторе.

Но сперва стоит рассказать обо всем хорошем. Все осталось в памяти, в том числе и цифры: я забивал голы в шести матчах подряд — думаю, что в Италии это никому не удавалось со времен Джиджи Ривы, в «Кальяри». Я забил всем командам первого дивизиона, чего также никто не смог сделать, и несколько мячей я отправил в сетку «палкой», своей правой ногой, как например, «Удинезе». В первых 19 турах мы набрали 87 % очков — исторический рекорд! Мы были машиной, настоящей машиной, а моя форма помогла мне убедить Бьянки забыть о своем авторитаризме: на тренировках я работал в основном только с мячом и тренировался не более трех дней в неделю — по пятницам был только массаж и отработка штрафных ударов. Кроме того, наконец-то я забыл о своих страхах: мы все играли в атаке — я рядом с Карекой и Джордано на острие. И я стал лучшим бомбардиром, забив 15 мячей, на счету Кареки было 13…. Оставалось несколько туров до финиша, и наш отрыв от преследователей составлял 5 очков.

Теперь, о плохом… 17 апреля мы проиграли 1:3 «Ювентусу» в Турине. Мы не знали радости побед неделю за неделей, и один результат был хуже другого: сыграли вничью 1:1 с «Вероной», проиграли «Милану» 2:3, уступили 2:3 «Фиорентине» и 1:2 — «Сампдории». В пяти матчах мы набрали всего лишь одно очко! Мы проиграли чемпионат, который не имели права проигрывать, и нас начали называть глупцами.

Я считаю, что решающим был матч против «Милана», на «Сан-Паоло»: мы пропустили гол, затем я сравнял счет ударом со штрафного, который исполнил как никогда ранее, и после этого нас прикончили голами Вирдиса и Ван Бастена. Карека сделал счет 2:3, а затем судья Ло Белло свистнул, сорвав выход Антонио один на один с Галли, вратарем. Этот один из тех случаев, когда, сравняй мы счет… Но дело уже было сделано. Мудак Бьянки начал экспериментировать, оставил в запасе Джордано, и все пошло к чертям собачьим. К тому же я был в полном дерьме, травмированным, на моих пояснице и колене уже не оставалось живого места от уколов, и в двух заключительных турах я даже не смог выйти на поле.

Я не собираюсь искать виновных в том, что произошло… Я думаю, что мои партнеры по команде ошиблись, когда выступили с требованием увольнения тренера, Бьянки, после поражения от «Фиорентины». По сути дела они были правы, поскольку от Бьянки убежала черепаха — такие нелепые решения он принимал. Это была достойная идея Гареллы, Феррарио, Баньи и Джордано,

но пришла она им в головы не вовремя. В заявлении говорилось, что Бьянки никогда не вступал с ними в диалог, и это было чистой правдой… Но Бьянки не был виновен во всем, равно как и мы, игроки, как он потом хотел все представить… Я никогда не соглашался с тем, в чем меня обвиняли, и был готов уйти из «Наполи», если бы люди подумали, что среди нас был продажный игрок. Я не принял этого и по сей день. Поэтому я остался в «Наполи» после окончания чемпионата; я хотел дать им всем ответ. Я отправил в Буэнос-Айрес Клаудию и Джаннину на тот случай, если какой-нибудь сукин сын вздумает распустить свои руки. Поэтому я остался и воспользовался возможностью принять участие в прощальном матче Платини: я не собирался играть, так как особого желания у меня не было, и в физическом плане я чувствовал себя мертвым, но француз названивал мне домой по 15 раз в день… Но, прежде всего, я остался, чтобы держать ответ, чтобы поговорить с Ферлаино, чтобы сказать ему в лицо то, что мы должны были сказать. Речь шла о каморре, о черном тотализаторе. И самое невероятное, что о том же самом говорили и год назад! И тогда мы все равно выиграли чемпионат!

С людьми у меня были хорошие отношения. Но если бы они думали, что «скуадра»5 продалась, если бы они говорили, что Марадона продался… Если бы они в действительности думали так, я хотел бы уйти. В матче против «Сампдории», последнем в чемпионате, люди кричали: «Бьянки, Бьянки, оставайся с нами!». И я подумал: «Хорошо, если бы Бьянки остался». Честно говоря, все это доставляло мне большое беспокойство, потому что желанием команды — хотя я и не поставил свою подпись под тем заявлением — было, чтобы тренер ушел. В момент, когда мы упустили скудетто, Ферлаино должен был сказать ему: «Уходите», и все. Но из того заявления вытекало: «Мы — мученики, мы сделали больше, чем Марадона»… В итоге же с ним незамедлительно продлили контракт.

Это не значит, что я не был согласен с моими партнерами или, наоборот, они со мной. Но получалась так, что во главе всего этого мятежа стоял Марадона. Но якобы Марадона подначивал всех исподтишка! Марадона — и исподтишка! Мне нечего было скрывать от тренера, я не стеснялся в выражениях, когда спорил с ним, порой дело доходило чуть ли не до драки… В чисто футбольном плане все неудачи в заключительных встречах имели место потому, что в середине поля у нас были серьезные проблемы: Романо выглядел разобранным, Баньи был откровенно плох, и Де Наполи, действовавший позади всех, разрывался налево и направо. Впрочем и мы, игроки атакующей линии, им не помогали, а тренер никогда не ставил четырех полузащитников.

Когда же он вдруг очухался, мы были уже никакие… И решение внести перемены как раз в решающем матче с «Миланом» лежит на его совести. А наша вина в том, что мы терпели весь чемпионат никчемного Баньи, о чем я заявил в открытую, опираясь на голые цифры: «Если ты посчитаешь, что Марадона забил 15 мячей, Карека — 13, Джордано — 10, тогда… Ты увидел? Невозможно проиграть чемпионат. Но если ты забиваешь 10, а тебе — 12, о чем речь…».

В конце концов я вернулся в Буэнос-Айрес на взводе. Когда мы уходили в отпуск, клуб озвучил свое мнение: он поддержал Бьянки, продлил с ним контракт на год и открыл дверь для того, чтобы дать пинка под зад четырем идеологам бунта: Гарелле, Феррарио, Баньи и Джордано. Для меня же словно ударом по яйцам стало то, что всю заслугу в том, чего мы достигли, руководители клуба отдавали тренеру. Тренеру! Так быстро они обо всем забыли? Я пришел в команду раньше него, боролся с ней за выживание, спорил с Ферлаино, говорил ему, что нужно купить одного игрока, другого… И что теперь? И это еще не все. Я попросил Ферлаино, чтобы он купил Чечо, Серхио Батисту, а он взял и купил бразильца Алемао. И как и во многих других случаях, дал коту молока.

Когда я вернулся в Италию в июле, то попытался фехтовать с пробками на острие. Местечком, выбранным для предсезонки, был Лодроне, и там я отправился к тренеру за разъяснениями, отправился защищать ту четверку «подписантов», попросив всех больше не открывать рта, а то с Бьянки продлят контракт на пять лет… Мы поговорили с ним, я не просил у него прощения или что-то в этом роде, но я понял, что единственным выходом для «Наполи» было продолжать с ним работать. Вот так мы и начали очередной этап.

Из первого круга сезона-1988/89, моем пятом в Италии, мне особенно запомнились два матча, два воскресенья подряд, которые я не забуду, покуда я жив. Сначала, в шестом туре, 20 ноября 1988 года, мы обыграли «Ювентус» 5:3 в Турине с хет-триком Кареки. И тут же, неделю спустя, 27-го, забили 4 мяча — 4:1 — «Милану» на «Сан-Паоло». Вы представляете себе, какими были болельщики «Наполи»? «Юве» и «Милану» — девять голов в двух матчах! Нашим врагом в том сезоне был «Интер» Рамона Диаса. Во встрече с «Болоньей» я придумал новый способ отмечать голы, танцуя танго… В тот самый день мои предки приехали посмотреть на меня, и я посвятил им этот танец.

И в то же время мы начали свой путь в Кубке УЕФА. Я бы умер ради того, чтобы завоевать международный титул, черт побери, этого мне как раз не хватало!

Когда настали праздники, до меня дошло, что в 1988 году я прошел сквозь все… Тот год я закончил обращением через прессу ко всем аргентинцам, думая о людях из ЮНИСЕФ, которые предложили мне сотрудничество: «Я бы сделал все что угодно для детей всего мира, особенно ради тех, кто больше всего нуждается, мне нравится видеть их довольными и счастливыми. Поэтому я переоделся в клоуна и наряду с остальными принимал участие в представлении в неаполитанском цирке Медрано. Там было больше трех тысяч детей, и среди них моя дочь, Дальмита. Поэтому я хочу сотрудничать с ЮНИСЕФ, чтобы помогать всем тем детям, что голодают и страдают. Я убежден, что это лучший способ закончить этот 1988 год… Поэтому я привез в Неаполь своих родителей, чтобы провести с ними Рождество, так как мы никогда не встречали его порознь, а также встретить с ними Новый Год… Этот 1988-й будет для меня незабываемым. Я пережил огромное разочарование, вызванное неудачей «Наполи» в чемпионате Италии, но радостей было намного больше. С одной стороны, мой лучший сезон здесь, и в то же время — возможность видеть, как растет моя дочь, возможность видеть мою семью собравшейся вместе. Это самое важное, что может быть у Марадоны в жизни… Я не прошу для себя ничего больше в этом 1989 году, который начинается. Как я всегда говорю, я боюсь просить слишком много. Я только хочу, чтобы мой ребенок, который в будущем у меня родится, пришел в лучший мир — без войн, без голода… Этого, в конце концов, я желаю всем. Счастливого 1989 года, Аргентина».

Этого, в конце концов, ожидал и я сам.

Тогда же появилась мысль сменить обстановку. На горизонте возник Бернар Тапи, который предложил мне все, что я хотел, и даже намного больше. Опять в отеле «Брун», где я находился затем, чтобы подписать очередной рекламный контракт, мы сели с ним за стол переговоров. С ним, прилетевшим на частном самолете, с Гильермо и с одним агентом, Сантосом. Тапи мне сказал: «Не будем говорить о цифрах, я даю в два раза больше, чем ты сейчас получаешь в «Наполи»… Я хочу видеть тебя в своей команде!». Смотри, дело ведь было не только в деньгах. Или, точнее говоря, это касалось не только меня, потому что «Наполи» мог получить…25 миллионов долларов! Но имели место некоторые мелочи, которые интересовали меня больше: вилла с парком на 6000 квадратных метров, чтобы там могла резвиться моя дочь, отдыхать моя семья, и бассейном — то, что мне обещали в «Наполи» и никогда не давали; может быть, потому что у них просто не было такой возможности. Мне уже порядком надоело слышать от нее: «Папи, пойдем играть на балкон! Ну

пойдем на балкон!». И также — я об этом как-то обмолвился и сейчас признаюсь, что меня привлекало спокойствие, царившее во французском чемпионате плюс месяц отдыха в январе, как раз достаточно для того, чтобы съездить в Аргентину. По мне было бы идеальным вновь начать все с нуля. Но разве кто-нибудь разрешил бы мне уйти из «Наполи»? Неаполитанец, который бы предоставил мне свободу, был бы приговорен на муки вечные, все бы говорили: «Вот этот сукин сын — тот, кто позволил уйти Марадоне».

Тем временем мы довольно успешно выступали в чемпионате Италии и в Кубке УЕФА…. В рамках этого турнира мы были в Мюнхене на ответном полуфинальном матче против «Баварии» 19 апреля 1989 года, и президент «Наполи» подошел ко мне. Мы немного поболтали, и в заключение он мне сказал: «Если мы выиграем Кубок УЕФА, обещаю, что разрешу тебе уйти в «Марсель». Я уже танцевал на одной ноге… Я не хотел причинять боль неаполитанцам, которые меня любили, но думаю, что если бы я ушел не в итальянский клуб, они бы расстроились не так сильно. В итоге мы сыграли вничью и вышли в финал, поскольку в первом матче в Неаполе мы выиграли 2:0. Теперь нас ждал поединок со «Штутгартом» Юргена Клинсманна, и мы чувствовали свою силу, были убеждены в том, что способны выиграть этот трофей. 3 мая мы обыграли их 2:1 в Неаполе, а 17-го сыграли 3:3 в Германии… В последнем, решающем матче мне удалась великолепная передача прямо на голову Ферраре, с которой он забил гол. В той ситуации сделать точный пас головой из-за пределов штрафной площади, да еще и с отскока, было сродни настоящему чуду. Для меня все это слилось воедино — первый европейский трофей «Наполи», который теперь вошел в число победителей еврокубков, и… мой переход!

Но Ферлаино не захотел меня отдавать. Прямо на поле, когда я держал Кубок УЕФА в своих руках, он подошел ко мне, обнял за плечи и сказал на ухо: «Слушай, Диего, давай выполнять условия контракта, ладно? Еще многое нужно сделать». Мне захотелось врезать ему кубком по башке, но я сдержал себя, и сказал лишь следующее: «Президент, сейчас не очень подходящий момент…Я выполнил свое обещание, теперь пришел ваш черед. И он тут же мне ответил: «Нет, нет, нет, Диего. Я тебя не продаю. Я сказал тебе это только для того, чтобы поднять твою мотивацию»…

Вот так началась другая война. На самом деле взорвались бомбы, остававшиеся от предыдущих сражений, которые по каким-то причинам не взорвались раньше, и впереди у меня тоже было минное поле… Когда закончился чемпионат, я отправился в Аргентину, чтобы присоединиться к сборной и сыграть на Кубке

Америки, и начал говорить все, что думал… Ферлаино позвонил Копполе в Бразилию, чтобы тот передал мне, что он никуда меня не отпустит. И я уже не мог больше терпеть, не мог! Мне было очень сложно простить Ферлаино — тогда, сейчас я это сделал — за то, что он сомневался во мне, зная меня пять лет. После матча с «Болоньей» 7 мая, в котором я не смог принять участие из-за того, что проклятая спина не давала мне даже ходить, он заявил, что мне не верит… А ведь эту проблему со спиной я испытывал еще со времен «Лос Себольитас»! Я даже выучил научное название этого заболевания: профессиональное артритное люмбаго… Ну, конечно, какой из меня профессионал… Я бы хотел иметь под рукой статистику матчей, которые я сыграл с травмами, на уколах, полумертвый… И я сейчас я бы сделал то же самое! Потому что я хотел играть и выигрывать.

Из Бразилии я отправил им сообщение. Они оскорбляли Гильермо и Клаудию тоже в предпоследнем матче чемпионата против «Пизы» 18 июня, и я уже не мог больше это терпеть: или меня продают или пусть ждут, когда я отгуляю положенный мне отпуск и вернусь, а тогда посмотрим… Вот это я им и сказал. Я всегда был немного бунтарем, нет? И в тот момент я хотел привнести свой мятежный дух в «Наполи», на тот случай, если бы мне пришлось там остаться. К счастью, они уже взяли на место Оттавио Бьянки Альбертино Бигона, который не имел ничего общего с этим хвастуном… Когда они это сделали, я плавал по Неаполитанскому заливу вместе со своей семьей, в Дальмине. У меня в душе остался большой осадок — и остается до сих пор — что Бьянки ушел как победитель; я был зол на то, что когда мы выигрывали, то в этом была только его заслуга, а когда проигрывали, то во всем был виноват Марадона. До сих пор есть люди, считающие, что матчи выигрывают тренеры, но они ошибаются: без игроков не бывает тактики, и думаю, что этот вопрос не стоит даже обсуждать. И я спрашиваю: если Бьянки был таким феноменом, почему он ничего не выиграл с «Комо»? Потому что это слабенькая команда? Такой был «Наполи», когда я только пришел… И в конце-то концов, Бьянки, эта головка члена, если нуждался в совете, кому он звонил? Пассарелле!

Дело в том, что я хотел уйти из «Наполи», но знал, что если это не получится, я останусь и дам бой.

Тогда я устроил себе бесконечные каникулы: после Кубка Америки отправился ловить рыбу в Эскине, в Коррьентес, потом поехал кататься на лыжах в Лас-Леньяс, в Мендосе, и наслаждался, наслаждался, наслаждался своим первым отпуском за многие годы… Кто бы поверил, что впервые такой бардак приключился со мной в «Архентинос Хуниорс», когда там

оскорбляли моего отца, потом в «Барселоне», когда в чем меня только не обвиняли… Но наступил предел: они наехали на Гильермо, на Клаудию, на Дальмиту. Казалось, что они внезапно забыли все, что я им дал: скудетто после 60 лет, Кубок Италии, Кубок УЕФА, их первый европейский титул, два вице-чемпионства. Казалось, что они забыли о том, что они платят мне 10 миллионов долларов, а зарабатывают на мне более ста. Я готов был забросать их гранатами.

Тогда же, словно по какой-то случайности, мое имя начали связывать с наркотиками и с каморрой. Появились несколько фотографий в газете «Il Mattino» и в других журналах, на которых я был запечатлен вместе с Кармине Джулиано, которого обвиняли в том, что он возглавляет одну из самых мощных преступных группировок, «Форчеллу»… Я не буду отрицать, что в городе была мафия. Но все заявления о том, будто бы у меня были с ней дела, это — полная херня. Я был для них словно развлечением, и они говорили: «Этого парня не трогать». Я признаю, что этот мир был захватывающим. Для нас аргентинцев, это было в диковинку, мафия и все с ней связанное — какая она? Все-таки наблюдая за всем этим я ловил себя на мысли, что нахожусь в каком-то завороженном состоянии; конечно, мне делали какие-то предложения, но я никогда их не принимал, так как мне не по душе принцип, когда тебе сначала дают, а потом могут попросить что-то взамен… Меня приглашали на встречи в фан-клубы, дарили часы, но этим все и ограничивалось. Если я видел, что дело темное, то никогда не соглашался…. Но это было невероятное время: когда я приходил в такие фан-клубы, мне преподносили золотые часы «Ролекс» и машины. Машины! К примеру мне подарили «Вольво-900» — первую такую машину в Италии. И я тогда спросил их: «Хорошо, но что я должен сделать?». И мне ответили: «Ничего, только дай сфотографироваться с тобой». Я говорил «спасибо», и на следующий день видел эту фотографию в газетах. Именно таким образом появилась и моя фотография в компании с Кармине Джулиано и его семьей.

Ладно, многие также говорили, что я принимал участие в траффике наркотиков. Из Буэнос-Айреса мы сделали заявление, в котором рассказывали то, о чем никто не знал. И просили обеспечить нам охрану, потому что если бы нам не дали гарантий безопасности, мы бы туда ни за что не вернулись. Мы описывали попытки покушения, которые пережили, как, например, выстрел стальной пулей, которая разбила ветровое стекло одного из моих авто, или же ограбления, как в день вручения мне Золотого мяча в 1986 году. Ни одно не было расследовано, ни одно не было

раскрыто. Мы заявляли, что против меня и моей семьи существовал заговор, который ставил под угрозу наши жизни. Это было очевидно…

Таким был предел, максимум, а ведь были еще и более мелкие детали: например, мне не разрешили поехать в Мерано, в клинику доктора Шено, чтобы привести себя в порядок перед стартом чемпионата. Но это была всего лишь деталь; война уже велась грязными методами, я жил словно под бомбежкой…

Говорили, что неаполитанцы меня больше не любили? Что мне было опасно возвращаться? Я решил вернуться и держать ответ; посмотрим, кто больше врет… Они говорили о каморре и о наркотиках? Конечно, было легко обвинить в этом игрока, который должен был проходить антидопинговый контроль. А начальники? Те, что спускались в раздевалку поприветствовать тебя, были настолько высокомерными, что даже не удосуживались открыть рот… И я вернулся. Вернулся очень быстро — еще раз спасибо Фернандо Синьорини, который все эти дни, что я был в отпуске, подготавливал впечатляющий план работы вплоть до чемпионата мира в Италии. Я вышел на поле в матче против «Фиорентины», 17 сентября 1989 года, и впервые я начал игру на скамейке запасных, под 16-м номером. Я вышел на замену во втором тайме, бородатый… и не забил пенальти! Никто меня не освистывал, никто из тех, про кого в газетах писали, что они меня ненавидят, не оскорблял, никто. Наоборот. Поэтому я прощал — и прощаю — только простых болельщиков; все остальные — те, кто распускал слухи, те, кто строчил статейки в газетах — они хотели все притянуть за уши. Если я пропустил 15 дней, то сразу же превращался в наркомана и мафиозо. А когда срывал аплодисменты, то тут же становился примерным мальчиком. И все это потому, что я просто делал свою работу, к тому моменту делал ее уже в течение 13 лет… Меня очень, очень беспокоило то, что Ферлаино и клуб меня не защищали. И я готовил реванш — реванш, который они и не могли себе представить. Он очень сильно отличался от того, что я обычно препринимал в свои мятежные годы.

Я словно подбирал себе противников для того, чтобы крикнуть им всем в лицо: «Вы видели, что сперва нужно думать, а потом уже говорить?». И «Милану» — «Милану! — которому мы якобы продались в предыдущем чемпионате, мы забили три гола, один из которых был мой… 3:0 1 октября на «Сан-Паоло», в одном из тех матчей, о которых мечтаешь как дебил, пуская слюни, у меня выходило все.

Начиная с того моего появления на поле в матче с «Фиорентиной», я провел 20 матчей подряд, один лучше

другого… И когда казалось, что скудетто завоюет «Милан», который вернул нам должок, выиграв с тем же самым счетом 3:0 на «Джузеппе Меацца», Бородач (Бог) вновь протянул мне руку помощи. Или, точнее, бросил мне монетку.

Было 8 апреля 1990 года. В ту пору я словно летал на крыльях. Мы отправились в Бергамо на матч с «Аталантой», и отплатили ее болельщикам — самым большим расистам в Италии — той же самой монетой. Они бросили монету в голову Алемао, когда тот уходил в раздевалку, ранили его до крови, и матч был прекращен. И затем нам присудили техническую победу! И уже на финише, когда все просчитали, что «Милан» вновь завладеет чемпионским титулом, мы «пошли на обгон», как говорят итальянцы. 22 апреля мы обыграли «Болонью» — ту самую «Болонью», что спровоцировала мою стычку с Ферлаино из-за болей в спине. И когда все думали, что то первое наше скудетто было чудом, которое уже никогда не повторится, мы уже стояли на пороге второго.

Сезон, который начался наихудшим образом, с «наркомана» и «мафиозо», которым был я, стоявший на пороге бездны, заканчивался победой в чемпионате… Я никогда не чувствовал себя так хорошо, никогда. Я просто летал по полю.

Нам оставалось сыграть заключительный матч с «Лацио», но все уже было ясно. Я помню, как на меня налетели итальянские журналисты в Соккаво, на выходе с последней тренировки, и спросили, не легче было бы нам, если бы со мной не случилось всего этого дерьма в начале сезона. И я ответил им, что ни о чем не жалею и ни в чем не раскаиваюсь. Я сказал им по-итальянски: «Мне нравится побеждать вот так». 29 апреля, когда мои товарищи по сборной Аргентины уже высадились в Италии для того чтобы начать заключительный этап подготовки к чемпионату мира, мы сыграли последний матч чемпионата Италии с «Лацио». Адский труд, старик, адский труд. Барони забил головой победный мяч, и мы вновь завоевали «скудетто».

Я просто убил их, они не могли вымолвить ни слова. Говорил только я: в том, что произошло, нет вины ни Марадоны, ни Ферлаино. Лучшее из всего, что с нами случилось, — это приход тренера Альбертино Бигона, который умел вести диалог с футболистами. И уже в раздевалке, после круга почета, я обратился ко всей Аргентине: «Этот титул, эта новая радость — для моего отца. Как только закончился матч, я поговорил с ним по телефону, и мы плакали вместе… Много плакали… Он сказал, что рад за меня, за тех, кто был рядом со мной. Но ни за кого больше. Не забывается то, что последний раз я уезжал в Аргентину, как если бы я был преступником… Мне сказали, что я

ни при чем, когда все прекрасно знали, чего я добился, начав с самых низов, не имея денег даже на автобус… И он, умудренный годами старик, этого не простил; он не был таким мягким как я. Я хотел бы иметь пять процентов от его чувства собственного достоинства и принципиальности… Я плакал, мы плакали вместе… Я посвящаю этот титул ему, потому что он страдал за меня. И я благодарю Бога за родителей, которых он мне дал».

Мгновением раньше, на поле, как только прозвучал финальный свисток, я, выплеснув накопившиеся эмоции, прокричал: «Это — доказательство того, что себя я знаю лучше, чем кто-либо. И это — плата за то, чтобы меня оставили в покое! Я хочу жить своей жизнью, вы это понимаете?!».

Но от меня так и не отстали… Все прекрасно знают, что последовало потом — чемпионат мира в Италии, к которому я готовился как никогда в своей жизни. Вылет сборной Италии и… месть. Мне этого никогда не простили, никогда, и потому все закончилось так, как закончилось. Я помню, что пошел на какую-то программу итальянского телевидения только потому, что ее вел мой друг Джанни Мина, и помимо всего прочего я сказал ему следующее:

«Почему меня ненавидят в Италии? Когда я приехал в Неаполь, меня воспринимали как «своего парня», симпатягу, которым восхищались… потому что мы еще ничего не выигрывали. Мной восхищались, потому что я хорошо играл, но «Наполи» забивали три гола в Турине, четыре — во Флоренции, и так все воскресенья. Но когда у нас появилась сильная команда, и мы начали обыгрывать всех подряд, отношение ко мне стало меняться в худшую сторону. За те пять лет, что я провел здесь, «Наполи» выиграл два «скудетто», Кубок Италии, Кубок УЕФА, дважды занял второе место, и один раз — третье… И кого-то, видимо, достало, что Марадона и «Наполи» так много всего выигрывали. Помимо того, уже после мундиаля, в декабре 1990 года мы выиграли Суперкубок Италии, разгромив «Юве» 5:1. 5:1! Все эти победы многим не давали покоя… Говорили, будто я пропадаю на дискотеках, в ночных клубах, но этим я никому не делал ничего плохого. За день до того матча против «Юве» мы, несколько ребят из «Наполи», отправились в кегельбан, и похоже, что нам это пошло только на пользу, потому что следующим вечером мы забили целых пять мячей. Также меня критиковали за то, что очень часто я тренировался у себя дома. И что из того? Я всегда закрывался в своем гараже и не хотел менять своих привычек, потому что потом, на поле, у меня все прекрасно получалось.

Тогда еще приключилась та кошмарная история с матчем в

Москве, против «Спартака». Я не тренировался в течение всей недели, был у себя дома, и команда отправилась в Россию без меня. Все пребывали в ожидании, поеду я туда или нет, поеду или нет. И я поехал. Я прилетел на частном самолете, но все-таки прилетел. Мы сыграли вничью 1:1, дотянули до послематчевой серии пенальти и проиграли, а, значит, выбыли из розыгрыша Кубка чемпионов… И я был к этому причастен.

После случившегося на чемпионате мира я не должен был возвращаться, не должен. Тот матч против Италии, в Неаполе, гол Каниджи, стал моим приговором… Я не пытался устроить восстание неаполитанцев против остальных итальянцев, когда мы там играли, потому что я знал и чувствовал, что неаполитанцы были такими же итальянцами… Но были и другие итальянцы, жившие в Наполи, которые считали, что только в день матча неаполитанцы принадлежали к Италии и могли помогать ее сборной… Я очень хорошо знал, что ожидало нас, футболистов «Наполи», когда мы отправлялись на выезд: «Добро пожаловать в Италию, мойтесь, деревенщины!». Почему нужно было скрывать весь этот расизм? Почему не вспомнить — ради интереса — то время, когда итальянцы захотели присоединить к карте своей страны Неаполь? Я никогда не рассчитывал на то, чтобы они болели за меня, никогда… Но они любили меня, любили так, что сектор В кричал «гол!», когда я реализовал пенальти в матче с Италией. Это кричали они, потому что аргентинцев было не так уж и много, и я услышал этот крик… Проблема заключалась в том, что этот крик слышали все, все… И они мне этого не простили.

Кроме того, случилась трещина в моих отношениях с Гильермо. Это произошло в октябре 1990 года, пять лет спустя после их начала. Мы разошлись по личным причинам… Я решил, что со мной будет продолжать работать кто-нибудь из его группы, и это был Хуан Маркос Франки. С Гильермо нужно было поставить точку, и время нас рассудило. Если раньше между нами была полная гармония, то после мундиаля все поменялось в худшую сторону. «Наполи» уже не был прежним.

И тогда появилась та знаменитая история с допингом, которую организовал Антонио Маттарезе… Мы обыграли Италию, потому что имели мужество нарушить планы тех, кто собирался сделать на этом деньги, кто так хотел увидеть финал Италия-Германия… Это все было специально подстроено, я клянусь. Да, у меня были проблемы с наркотиками, и поэтому у меня взяли пробу. Кроме того, кокаин не помогает играть в футбол, а идет только во вред, так как отнимает у тебя силы; и я был осторожен, сам делал анализы… И в том матче — против «Бари» 17 марта

1991 года, фатальная дата! — я был чист, чист… Сегодня, слава Богу, этот вопрос не закрыт; проводится осмотр и исследование той лаборатории, где осуществлялся анализ моей допинг-пробы, ее сотрудники заявляли, что флаконы подменили… Если их слова подтвердятся, это станет моим историческим триумфом. Но в то же время ничто не вернет мне потерянных лет в футболе… Ничто.

С «Наполи» я попрощался голом с пенальти в ворота «Сампдории» 24 марта 1991 года. Но из Италии меня выпихнули как преступника, и это, конечно же, не лучший финал для моей итальянской истории…

Примечания:

1 Каморра — тайная бандитская организация, существовавшая на Юге Италии.

2 Скудетто — нашивка цветов итальянского флага, отличительный знак чемпиона Италии.

3 Курва — название трибуны на итальянских стадионах.

4 Кинезиолог — врач, специализирующийся на изучении мышечной деятельности, двигательной активности и решении возникающих при этом проблем со здоровьем.

5 Скуадра — команда.

Глава 6
СЛАВА

Мексика-86

Самый прекрасный момент моей карьеры, самый прекрасный…

Я смотрел искоса, потому что знал, что осталось совсем немного, практически ничего… Я смотрел искоса на Арппи Фильо, бразильского арбитра, и когда он поднял руки вверх и дал финальный свисток, я сошел с ума! Я как заведенный начал бегать туда-сюда, и мне хотелось обниматься со всеми подряд. Я чувствовал телом, сердцем, душой, что я переживаю самый прекрасный момент моей карьеры, самый прекрасный… 29 июня 1986 года, стадион «Ацтека», Мексика; эти дата и место отмечены на моей коже. Кубок мира в моих руках, я тряс его, поднимал, тряс, целовал, тряс… я дал его на мгновение Пумпидо, на трибуне, но тут же попросил обратно, я хотел убедиться в том, что все это — правда. Что Кубок мира принадлежит нам, аргентинцам.

Мы так играли ради этого! Нам столького это стоило! Кто только не желал нам провала, включая людей из правительства, кто только не крыл нас по матери, кто только не критиковал. Даже мексиканцы пошли против нас, празднуя голы немцев. Мы, латиноамериканцы, были гостями там, на «Ацтеке»! Никто так и не понял, что нашаи сила и наше единство, появились именно оттуда… И это придавало нам силы для дальнейшей борьбы, борьбы против всего. Так и должно было быть, разве нет? Раз уж это была моя команда! Сделанная с самого низа и против всех.

Для меня мундиаль в Мексике, самая большая моя радость во всей карьере, в действительности начался тремя годами раньше. Можно даже сказать, что он начался в тот самый момент, когда закончился предыдущий, в Испании, потому что мысль о реванше не оставляла меня с тех самых ужасных дней, но… В январе 1983 года случилось нечто очень важное; я был в Льорет дель Мар, на испанской Коста-Брава. Бездельничал, восстанавливался после проклятого гепатита, который не давал мне играть за «Барселону», под надзором Фернандо Синьорини и еще одного врача. Тут объявился Билардо, который стал новым главным

тренером сборной Аргентины вместо Менотти. Он шел вместе с Цитершпиллером, от дома к пляжу… К нам.

Я готовился к тому, чтобы пробежаться, и Носач поздоровался со мной, поцеловал меня и спросил:

— У тебя есть комбинезон для меня?

Я дал ему один, и он сказал:

— Могу я с тобой пробежаться?

Первое, о чем я тогда подумал, было то же самое, что я чувствовал много раз на протяжении стольких лет нашего знакомства: «Этот мужик — сумасшедший, у него точно что-то не в порядке с головой…». Мы побегали немного, и когда вернулись, он спросил меня:

— Я хочу знать, как у тебя идут дела, и поделиться своими тренерскими планами относительно сборной, если тебя это интересует, конечно…

— Что?? Конечно… Будьте спокойны, в моем контракте с «Барселоной» черным по белому написано, что меня должны отпускать на отборочные матчи и любые другие, если у клуба в это время нет важных игр.

— И еще мне хотелось бы знать, есть ли у тебя экономические требования или что-то в этом роде?

— Экономические требования для того, чтобы играть за сборную?! Забудьте об этом, Карлос… Я никогда не делал и не буду делать проблемы из своего выступления за сборную.

— Хорошо, превосходно… Тогда хочу сказать тебе, если ты согласен, то ты будешь ее капитаном.

Я так и застыл на месте. «Ты — самый представительный из всех», — повторил он мне.

И я заплакал. Плача, я рассказал об этом Клаудии, моему старику. Всем. Капитан сборной. Я всегда мечтал о том, чтобы стать им. Представлять всех аргентинских футболистов, всех. Меня привлекала возможность стать капитаном. Однажды, в каком-то репортаже, я сказал, что хотел бы завершить свою карьеру капитаном сборной Аргентины. И тут же добавил, что я им стану, так как Пассарелла из-за возраста закончит с футболом раньше. Я был капитаном «Архентинос Хуниорс», молодежной сборной Аргентины, «Бока Хуниорс», и вот теперь — национальной сборной! И в каждой своей поездке, где бы я ни был — в Австрии или в Нью-Йорке — я всякий раз обязательно покупал капитанские повязки. И когда Билардо сообщил мне свою новость, Клаудия побежала искать те две сотни повязок, что ждали своего часа в ящике. Это была мечта — мечта, которая исполнялась на глазах, хотя я думал, что это случится позже. Мне было всего лишь 24 года, а в команде ведь еще был Пассарелла!

Для меня он был образцом капитана, он был капитан, покровитель, номер один при Менотти, и я хотел быть капитаном, покровителем, номером один при Билардо! И я им стал… Не знаю, начал ли Пассарелла выражать свое недовольство по этому поводу, но для меня шанс стать капитаном был важнее, чем взаимоотношения с ним.

Первое, что я тогда предложил — это чтобы все осознали, что выступление за национальную сборную является самым важным на свете. Если мы должны были накручивать тысячи и тысячи километров — это надо было сделать; если играть по четыре матча в неделю — пожалуйста; жить в отелях, которые готовы развалиться на куски — смириться с этим… Все, все ради сборной, ради ее голубого и белого цветов. Это был образ мыслей, который я хотел донести до всех остальных.

Я не хочу выставлять себя в качестве примера, но я рассказываю все это для того, чтобы было понятно, что мы делали ради сборной. Все случилось в мае 1985 года, перед началом отборочных матчей к чемпионату мира в Мексике, когда я уже был игроком «Наполи». И хотя для меня важны все матчи в бело-голубой футболке, те товарищеские встречи с Парагваем и Чили имеют особую ценность по нескольким причинам. Во-первых, потому что это была моя презентация в команде Билардо, мое возвращение на аргентинские поля и в сборную после испанского мундиаля. Почти три года спустя! Последний матч за нее я провел 2 июля 1982 года против Бразилии, и с тех пор, как Носач принял сборную, он пробовал в ней ребят, выступавших в Аргентине. Сейчас это кажется довольно странным, но на протяжении трех лет я так ни разу и не примерил бело-голубую футболку. Но я был спокоен, потому что Билардо сразу же озвучил свои намерения, он ничего ни от кого не скрывал: в течение всего 1984 года он публично заявлял, что только одному игроку зарезервировано место в основном составе сборной — тому, кто был номером один в мире, ее символом, ее капитаном. И куда бы Билардо ни ехал — в Сингапур, в Китай, в Германию — его везде спрашивали обо мне. Там, в Германии, на пресс-конференции его спросили, поставит ли он меня в состав, и его опередил сидевший рядом Беккенбауэр: «Если он не поставит его, пусть лучше отдаст его мне».

И хотя я не играл за сборную в течение всего этого времени, я все равно незримо в ней присутствовал; посылал телеграммы перед каждым матчем, чтобы завести их, чтобы показать, что я тоже являюсь частью команды. Так я поступил, когда они совершали турне по Колумбии и Европе, которое началось через жопу, а закончилось просто восхитительно; и я ощущал себя

рядом с ними.

Но, ладно, пришло время тех двух матчей, и я говорил, что они очень, очень важны, потому что после них нам оставалось только подготовиться к чемпионату мира в Мексике. Судя по тому, как я об этом рассказываю, все представляется легким и простым, но я тебя умоляю…

Дело в том, что тогда Антонио Матаррезе, президент Итальянской Федерации футбола, чинил нам всякие препоны: если мы уезжали в сборную, то только с разрешения итальянских клубов; иначе лига оставляла за собой право нас дисквалифицировать. На это я им ответил: «Что?! Даже Пертини не запретит мне улететь в Буэнос-Айрес!». Сандро Пертини был тогда президентом Италии…

Та история коснулась и Пассареллу — он выступал за «Фиорентину», и никому из нас не хотели позволить лететь в Буэнос-Айрес, говорили, что это сумасшествие. Сумасшествие! Сумасшествие — играть за сборную моей страны?! И я принялся составлять маршрут, так как должен был быть везде. Марафон начался 5 мая: в Неаполе «Наполи» сыграл вничью 0:0 с «Ювентусом». Со стадиона мы отправились на одном из моих автомобилей, уже не помню на каком точно, в Рим, за 250 километров, в аэропорт Фьюмичино. Нам обещали выделить полицейские машины сопровождения, но мы их так и не дождались, и, несмотря, на воскресные заторы, я был там через полтора часа… В Риме я сел в самолет на Буэнос-Айрес, и в четверг вышел на поле стадиона «Монументаль», чтобы сыграть со сборной Парагвая; матч завершился вничью 1:1, и я забил гол. Затем вместе с остальными ребятами я вернулся в расположение сборной, а на следующий день, в пять вечера, я поднялся на борт самолета, который сделал остановку в Рио-де-Жанейро, а затем продолжил свой полет в Рим. 11 мая, в субботу, опять во Фьюмичино, история повторилась: другой самолет, но теперь уже в Триест… От Триеста до Удине 70 километров, и мы проделали этот путь на машине. Я приехал к ужину, наскоро перекусил и отправился спать. На следующий день, в воскресенье 12-го, я вышел на поле против «Удинезе». Матч закончился вничью 2:2, а я забил два гола… Праздновать? Нет! Лететь! 70 километров на машине до аэропорта в Триесте, аэротакси оттуда до Фьюмичино, и почти сразу — полет до Буэнос-Айреса.

Во вторник, 14-го, я был на «Монументале», как будто бы никуда и не уезжал, но на этот раз я играл против сборной Чили. Мы победили 2:0, я забил один мяч и… перевел дыхание, после чего вернулся в Италию: 19 мая, в воскресенье, мы обыграли со счетом 1:0 «Фиорентину» Пассареллы, который отдохнул больше

чем я, так как раньше сам напросился на «горчичник» и таким образом избежал одного изнурительного вояжа… И я не останавливался с 5 по 19 мая, потому что хотел выполнить свои обязательства перед двумя командами, которые не только мне платили, но и во мне нуждались и меня любили.

Конечно, уже тогда мне пытались приписать всякие нелепицы, подобно тому, что приписывают сейчас: газеты написали, что за эти два матча в составе сборной Аргентины я получил 80 000 долларов. Да такие деньги не заплатили бы даже Фрэнку Синатре, если бы он голышом спел на поле «Ривера»!

Только-только я приехал, как сразу же присоединился к группе ребят, уже работавших в Эсеисе. Процесс уже пошел, и впереди нас не ждала легкая жизнь… Они совершили турне, которое началось как через жопу в Колумбии и феноменально закончилось в Германии. И тут же — две ничейки. Я приехал играть, как просил меня Билардо; он показался мне искренним, и я пообещал идти с ним до конца.

Отборочный цикл к чемпионату мира начался в Венесуэле. Легко? Легкие только мячи на вес, для нас же не было ничего легкого! Могло показаться, что соперник был слаб, но в тот раз против нас играли не 11 футболистов, а больше. Только таким образом я могу объяснить сегодня то, что произошло… Все началось с того, что как только мы приземлились в Сан-Кристобале, поднялась дикая суматоха. Конечно, полицейские там тоже присутствовали, но это были венесуэльские полицейские, и им было наплевать на безопасность футболистов сборной Аргентины. Один сумасшедший выскочил мне наперерез, и двинул по правому колену так, что даже сам Джентиле не смог бы сделать этого лучше. Он убил меня, он просто меня убил! Я еле-еле вполз в отель в сопровождении доктора Эдуардо Мадеро и остальных, напуганных до смерти. Этот сукин сын разбил мой мениск!

Всю ночь, предшествовавшую матчу, я провалялся на кровати с ледяным компрессом на колене. Я не смог заснуть до пяти утра. Сперва травма показалась мне пустячной, но потом боль все усиливалась и усиливалась. И в конце концов в этом проклятом матче все те соперники, что меня опекали, непременно лупили мне по правому колену. Я говорю сейчас «проклятый матч», потому что победа в нем стоила каждому из нас полутора яиц: в итоге мы все-таки победили со счетом 3:2, с нетерпением дожидаясь финального свистка.

После этого нам предстоял матч в Боготе, против Колумбии 2 июня. Такого давления я не испытывал никогда в жизни! И все-таки матч закончился в нашу пользу: 3:1; нам уже казалось, что

наш путь выстлан розами, но ничего подобного, ничего подобного…Большинство из футболистов той команды, включая меня, никогда ранее не принимали участия в отборочном цикле. И я по-прежнему считаю, что если бы мы проиграли там, в Боготе, то остались бы за бортом мундиаля.

На следующей неделе мы выиграли дома, на «Монументале» у Венесуэлы. Но нас имели по полной программе, до боли в кишках. Я ничего не мог понять! Мяч был у Троссего — его освистывали; мяч получал Бурручага — его освистывали тоже; он переходил к Клаусену — и снова свист… Это было ужасно, и хотя мы выиграли 3:0, два мяча забили лишь в течение четырех последних минут.

Два матча против Перу, которые в итоге решили все, были кошмарными… кошмарнейшими! Первый, 23 июня в Лиме, стал матчем Рейны… Я говорю так потому, что уже весь мир знает о том, что этот парень загнал меня до смерти. В одном из эпизодов я неудачно распорядился мячом и выскочил за пределы поля просто, чтобы перевести дух. Так этот сумасшедший отправился вслед за мной! Когда же я продолжил играть, эта головка члена повторила все то же самое, только уже на другой стороне поля. А мне ведь рассказывали, рассказывали… У каждого есть свои средства и приемы, но я всегда применял другие. Каждый делает то, что может, нет? Но этот парнишка просто озверел… Он просто осыпал меня ударами. Хорошо, он играл у себя дома, а на следующей неделе их ждал матч в Буэнос-Айресе. Что я должен был ему сказать? Что там его убьют?… По прошествии времени, пережив все это, я пришел к выводу, что мне нравится, когда меня опекают вот так — один в один, потому что я мог обыграть их — быстренько, одним движением — и выйти к воротам. Когда же соперники применяли зонную опеку, мне было гораздо труднее. Но то, что делал Рейна… Подумайте только, что когда на Кубу мне прислали мяч с автографами всех перуанских футболистов с пожеланиями скорейшего выздоровления, его роспись также стояла там… С ума сойти: этот сукин сын достал меня даже в 40 лет, в Гаване!

После этого матча последовала игра в Буэнос-Айресе, 30 июня, в которой мы и завоевали путевку на Мундиаль. Мамочка, сколько нам пришлось пережить! Испуг, который я испытывал в тот вечер на «Монументале», мне больше не доводилось испытывать никогда в жизни, и сейчас я думаю, что на футбольном поле со мной такого уже не приключится. Но как такое могло быть, старик? Мы играли хорошо, впервые мы действительно играли хорошо, а получилось так, что в двух контратаках нам забили два гола, два гола в первом тайме… Мы

говорили с Пассареллой, мы ничего не понимали… По дороге в раздевалку мы переругались между собой, потому что понимали, что проигрываем только из-за наших собственных ошибок. В перерыве Карлос ничего не сказал нам про голы, ничего вообще про случившееся в первом тайме; он кричал нам, чтобы мы обо всем забыли, чтобы мы начали все заново, чтобы мы вышли биться за путевку на мундиаль… и чтобы мы перестали заниматься херней!

Но я знал, что это будет нелегко, слишком уж мы нервничали. С нами происходило то же самое, что и в матчах с Парагваем и Венесуэлой… И мы вышли как на последний бой. Тут же Паскулли забил первый мяч, но этого было недостаточно. В один из моментов, после единоборства, я посмотрел на электронное табло, которое показывало 23 минуты. Я сделал одну передачу, посмотрел опять — было уже 32! Перуанцы, сукины дети, они ускорили часы или что?! И когда уже оставалось 10 минут, мы разыграли ту комбинацию — Пассарелла, Гарека… фиг его знает, кто еще! Я так и не понял, кто забил гол, но мне под руку подвернулся Педрито Паскулли, и я с ним обнялся, я обнимался со всеми подряд… Но его забил Гарека, иначе бы мяч прошел мимо.

До того момента я уже стал думать о слове «переигровка», и моя душа разрывалась на части. Физически я был просто разбит, с этим проклятым правым коленом: я мечтал ударить по мячу и вогнать его в угол, но он до меня не доходил… К счастью, в конце концов нам это удалось. Мы завоевали право играть на мундиале в Мексике, и тогда, клянусь моей матерью, я сказал Гареке: «Вот так, именно так мы победим в финале чемпионата мира: с огромным трудом, но победим!».

Команде не хватало сплоченности. Нельзя сказать, что мы не понимали того, что хотел от нас Билардо; мы прекрасно это понимали, но никак не могли раскрепоститься, освободиться. И кроме того, начался бардак.

Я считаю, что Пассарелла так и не принял то, что я был единственным «титуларом»1 и капитаном команды Билардо. И тогда он начал оказывать давление. В одном из своих выступлений на страницах журнала «El Grafico» он заявил: «Или я — титулар, или не буду выступать за сборную». Это было в октябре 1985 года. Я устал от всей этой богадельни, от ревности и интриг, и решил высказать все, что я об этом думал… Я собрал пресс-конференцию в Неаполе и выступал на ней как капитан, хотя и не как истина в последней инстанции, не поговорив предварительно ни с Билардо, ни с Пассареллой. В этом вопросе я был посередине. Для Билардо вроде бы единственным

«титуларом» был Марадона. Я считал, что Билардо обо всем ясно высказался в самом начале, и не знал, что об этом думал Даниэль. Единственное, что я мог ему сказать как своему другу за пределами поля и партнеру по команде, как игроку и человеку, что здесь на первый план вновь выходит тема о взаимном уважении. И я думаю, что Даниэль знал о том, что Билардо относился к нам с уважением с момента вызова на матчи отборочного цикла. Что было потом, я уже не знаю — обещал он ему что-нибудь или нет — проблема была в том, что они им следовало договариваться между собой. Но, судя по тому, что я читал в газетах, что рассказывала мне моя мама по телефону из Буэнос-Айреса, я твердо был уверен, что здесь не обошлось без подводных течений. Даниэль хотел быть «титуларом», и мы — все те, кто играл и тренировался вместе с ним плечом к плечу и видел, что он борется за право носить футболку аргентинской сборной как лев — прекрасно знали, что он прирожденный победитель. И тогда я спрашивал себя: почему он заставил нас переживать своим заявлением о том, что его никто не любит, даже Билардо?

Хорошо, у каждого тренера есть свои любимые игроки. Во времена Менотти, если кто-нибудь трогал Пассареллу, поднимался всеобщий вой, и мы все прекрасно понимали, потому что Даниэль был капитаном, человеком, с которого сдували пылинки, как раньше с Хьюсмена. Один раз я отказался выступать за сборную Менотти, но не из-за места в ней и не из-за стиля, а только потому, что считал, что все игроки в ней должны быть примерно одного уровня. К тому же потом я вернулся. Поэтому я не хотел критиковать Даниэля за то, что он делал, потому что он был великим игроком, и я не собирался указывать ему, что нужно делать. Единственное, о чем я мог его просить как капитан и партнер по команде — чтобы он уладил все как можно более аккуратно. В глубине души он прекрасно понимал, что и так является «титуларом», потому что он был лидером, потому что он столько значил и на поле, и за его пределами. Мы в нем нуждались, в нем нуждались все аргентинцы.

Я попросил Даниэля лишь о том, чтобы решение принимал он сам, без посторонних. Я хорошо его знал, а потому еще раз повторил, что во всем этом что-то не так, хотя и не знал, что именно. Если бы я это знал, то сразу же сказал бы ему, так как мне нравилась и нравятся ясность в делах.

Я не знал и не хотел знать, был ли тот случай капризом, но мы всегда с уважением относились к тому, что говорил тренер. Я спрашивал себя: почему теперь все должно измениться? Так как Даниэль был в числе 22-х игроков сборной, и прекрасно понимал,

что он значит для команды, было совершенно не нужно, чтобы Билардо сказал ему: «Ты — титулар». Он был «титуларом» всегда.

И тогда я высказался: «Нельзя, чтобы тогда, когда нам следует объединиться, продолжалась вся эта история за и против Билардо, за и против Менотти. Вы, что, не понимаете, что таким образом мы сами себя уничтожаем? Я остался за бортом мундиаля в 1978 году: нас было 25 человек, и трое должны были уйти. Одним из них был я, но все равно я благодарен Менотти за все, что он для меня сделал».

Пока продолжалась вся эта история, мне выпало столкнуться лицом к лицу с Пассареллой, но на поле: «Наполи» против «Фиорентины» во Флоренции, 13 октября. Всю неделю итальянские газеты делали из нашей дуэли, схватки настоящий балаган. В итоге мы сыграли вничью 0:0, пожали друг другу руки, и я сказал то, что на самом деле думал в тот момент: «Я не понимаю всей этой шумихи, всей этой полемики… Даниэль — мой друг, мы друг друга очень любим… И для меня он — безусловный игрок основного состава сборной Аргентины. Этого вполне достаточно, вам не кажется?». Он сказал что-то в этом роде, и история пошла дальше…

Помимо всего этого бардака в то время я переживал волшебные моменты. Несмотря на поврежденное в Венесуэле колено, из-за которого врачи чуть ли не подрались, споря, нужно меня оперировать или нет, я продолжал двигаться вперед… В те дни мы обыграли «Ювентус», о чем мечтали все неаполитанцы, а я забил гол. Для того, чтобы все наконец-то поняли, раз и навсегда, я еще раз повторил то, о чем уже говорил: «В настоящее время, между «Наполи» и сборной Аргентины я выбираю сборную». Да, я так сказал, но это вовсе не означает, что я не собирался умирать за «Наполи», когда выходил на поле в его футболке.

В то время речь шла о том, какие игроки останутся в сборной до мундиаля, какие нет, и кого в итоге вызовут на сбор. Я готов был лечь грудью за каждого, потому что вместе мы проглотили столько шипов… Паскулли, Гарека, Вальдано, Камино, Фильол, Гарре, Бурручага, Понсе. И также я публично заявил, что мне хотелось бы, чтобы к нам присоединился Рамон Диас; я был уверен в том, что при Билардо он станет совсем другим игроком. Он был игроком для Билардо, так же, как и Боча, Бочини.

С ним мы отправились в то самое турне, когда мы провели два матча против Мексики, в ноябре 85-го. Ну и мужик же этот Боча! Он был моим кумиром с детства, я всегда мечтал о том, чтобы сыграть рядом с ним… И у меня никак это не получалось… Мы были с ним на представлении Agremiados2, после чего они

принимал участие в турне, предшествовавших отборочным матчам, и я думал, что теперь мы сыграем вместе, но опять ничего не вышло… Поэтому впервые это случилось там, в Лос-Анджелесе. Он был одним из новичков и «Бичи» Борхи тоже.

Борхи я знал еще с момента его выступления за юношей «Архентинос». Тогда они очень быстро понялись в первый дивизион, затем столь же быстро скатились вниз, так как были чересчур дерзкими, и в то же время без царя в голове. Им нужно было получить по мозгам, чтобы понять, что играть в первом дивизионе — это совсем другое дело. К сожалению мы, аргентинцы, всегда нуждаемся в том, чтобы создавать себе кумиров и раздувать их до невообразимых размеров… И еще тогда, в то время я говорил, что Борхи не нужно так возвышать. И по хоу матчей Мексике я кричал ему, чтобы он играл в команде, что его финты бесполезны.

И вот так шло создание команды, всегда с проблемами, всегда под давлением. Сказать правду? Нас никто не любил…

К счастью и еще раз благодаря доктору Оливе я спасся от скальпеля: проклятое правое колено, которое сделал знаменитым тот чокнутый венесуэлец, не нуждалось в оперативном вмешательстве. Но у меня были другие причины для беспокойства.

Я пытался защищать группу игроков, среди не которых не было из ряда вон выходящих, но зато все они вкалывали до смерти, бились как могли. И настал час истины. Я хотел, чтобы Билардо уважал их не только как футболистов, но еще и как личностей. Он не мог не взять на мундиаль Барбаса, Фильола… В феврале я попросил его, чтобы он озвучил список, чтобы наконец обнародовал его, и мы бы смогли работать спокойно. Я сказал ему про Рамона Диаса, а он даже не отправился на него посмотреть… Поэтому, когда говорят, будто я ставил и убирал игроков из сборной… ну, е-мое!

В марте 86-го я был готов получить по шапке. Билардо приехал в Неаполь, и единственное, о чем я тогда беспокоился — это о своей форме… Кроме того, он отправился во Флоренцию к Пассарелле, словно Даниэль никуда не уходил из сборной… Тогда я отращивал бороду, и именно с тех пор говорят, что моя борода — это плохой знак! Но в тот раз я решил оставить ее по просьбе своей сестры Лили, которая хотела видеть меня с бородой мачо… Так она мне и сказала: борода мачо.

Впереди нас ждало несколько товарищеских встреч, и по этому поводу меня доставали даже в раздевалке «Наполи»; один из партнеров по команде, Пенсо, сказал мне, не боимся ли мы выглядеть шутами в матче с Францией… я хотел его прибить! Но

в его словах была и доля правды, поскольку я не понимал, что мы делали, мы не были командой в полном смысле этого слова, а Билардо не приглашал никого из тех игроков, что мне нравились, как, например, «Толо» Гальего или Гуасо Доменеч.

Я ощущал себя одиноким, одиноким. Я даже думал о том, чтобы послать все к черту… Хорошо, что в те дни приехала моя мать. Раньше у меня гостили Турко, Лало, Клаудия, мой отец, другие родственники. А она была одна. И много раз, поднимаясь по утрам, я спрашивал ее: «Тота, а, что если мы вернемся, если мы пошлем все к черту?». В то время на меня обрушилось много всего, и я не был готов встретить все это так, как мне нравится — лицом к лицу.

Тогда Фернандо Синьорини представил мне план, который меня воодушевил… Это был план физподготовки, который должен был вывести меня на пик к чемпионату мира в Мексике. И я сказал — давай, поехали.

Мы отправились в Рим, в Медицинский центр Итальянского олимпийского комитета, которым руководил мой друг, профессор Антонио Даль Монте. Через его руки прошли все итальянские олимпийские медалисты, и я начал думать о Кубке мира, о том, как заполучить его в свои руки.

В конце концов, Пенсо был неправ относительно нашего страха перед французами, однако… Франция обыграла нас 2:0, Пассарелла был на поле и нанес кошмарный — кошмарнейший! — удар локтем Тигане. Тут же мы перебрались в Цюрих, где, усираясь, победили клуб «Грассхопперс» 1:0.

Нас интересовало, насколько мы подготовлены физически; много говорилось о разнице между европейцами и южноамериканцами. Для меня — и я был в этом уверен — определяющим должен был стать май, когда мы наконец-то должны были собраться вместе. Билардо взял себе это на заметку, и я ему верил, я ему верил. Мы должны были понять — сейчас это может показаться херней, а тогда выглядело чем-то революционным, — что когда нападающие теряли мяч, мы не должны были стоять как вкопанные, а были обязны протянуть им руку помощи.

Я был убежден в том, что мы не сможем пробудить в людях энтузиазм… Скорее мы были причиной возникновения ссор между ними! Но никто не мог понять, что нам не хватало времени, что в команде было много ценных футболистов. Но меня не удивляло подобное отношение к нам; таков уж аргентинский болельщик — даже Менотти сделали жизнь невозможной перед мундиалем-78. Я уважал чужие мнения, но меня бесило то, что критиковавшие нас тогда станут первыми, кто залезет на машину

с победителями.

Мы уже привыкли к тому, чтобы вести борьбу в одиночку. Но мы уже были повязаны друг с другом и знали, чего мы хотим. Та сборная была преследуемой, гонимой… Были люди, много людей, которые уже ничего не хотели слышать: для них Борхи уже не являлся перспективным игроком, Паскулли не мог никому забить, а Марадона был себе так, левым игрочком… Нас гнобили вовсю, у меня в этом не было никакого сомнения. Но мы были едины как никогда, наша солидарность была нерушимой.

Тот апрель 1986 года был ужасным. 30-го числа мы проиграли Норвегии, и нас хотели сравнять с землей; единственное приятное воспоминание о том матче — дебют «Негритенка» Эктора Энрике. Мы отправились в Тель-Авив на матч с Израилем, и все наши пушки были наготове; правительство хотело убрать Билардо! Рауль Альфонсин, который в ту пору был нашим президентом, обмолвился, что сборная ему не нравится, Родольфо О'Рейлли, секретарь Министерства спорта, организовал лобби, и земля зашаталась у нас под ногами… Это было ужасно, правда… Выходило, что для политиков футбол был чем-то серьезным, и сборная в мгновение ока стала вопросом государственной важности. Можно в это поверить? Да, можно! И я сказал: «Если уйдет Билардо, уйду и я». Дай Бог, если это на что-то повлияло, потому что если бы аргентинское правительство сняло бы тренера сборной, это было бы глупостью и посмешищем мирового масштаба… 4 мая мы разгромили Израиль 7:2, и я был убежден: за эти 30 дней, что оставались нам до старта мундиаля, мы успеем подготовиться так, чтобы его выиграть. Чтобы его выиграть! И я также был убежден, что у всех остальных начнется спад.

Эту сборную я любил по-особенному. И тогда, и сейчас это легко понять: в нее входила целая группа исключительных игроков, и я был ее капитаном. Я чувствовал, что удача нам не помогает, но что потом это нас сплотит еще сильнее. Я также чувствовал, что нас не уважают, что это уважение полностью отсутствует.

Когда, наконец, мы прибыли на тренировочную базу «Америки», в столице Мексики, в сознании у меня молнией промелькнуло, что все, о чем я думал, не было сном. И мы станем чемпионами мира.

Мы сыграли с местным клубом и проиграли, затем отправились в Барранкилью и сгоняли вничью с «Хуниором» 0:0. У нас было собрание, в Мексике — очень серьезное, на котором мы говорили обо всем… Так шли день за днем, собрание за собранием, и на одном из них я сцепился с Пассареллой, но об

этом я расскажу чуть позже, в деталях, потому что оно того стоит.

Так мы пришли к выводу, что нам противостоит весь мир, и потому нам лучше всем быть заодно… Меня всегда утомляли сборы, всегда меня сковывали, но на этот раз все было иначе, так как мы были искренними друг с другом, говорили все друг другу в лицо. И, начиная с этого момента, наша сила стала расти.

Мне бы очень хотелось, чтобы мои дочери увидели бы меня играющим на чемпионате мира в Мексике. Я знаю, что они получили бы истинное наслаждение! На том мундиале все мои мысли были о том, как показать аргентинцам, что у нас есть команда — не знаю, для того, чтобы стать чемпионами или нет, но она есть, и она займет достойное место в мировом футболе.

Я уверен, что первый матч против Южной Кореи 2 июня 1986 года, на Олимпийском стадионе в Мехико — не на «Ацтеке» — половина аргентинцев смотрела вполглаза. Они даже не знали, кто играет за сборную… Тем временем ушел Пассарелла, вышли на замену Кучуффо, Энрике… Мы верили в себя, верили, но для того, чтобы нас поддерживали болельщики, мы не показали никаких хороших результатов. Но мы выходили из раздевалки убежденными — вот то верное слово, убежденными. Мы были готовы разорвать на части кого угодно. Мы излекли уроки из наших предыдущих неудач, особенно относительно игры крайних полузащитников, и применили наш опыт в матче с Кореей. И похоже, что корейцы дико разозлились… Мамочка моя, как они меня лупили! Как они меня лупили! Они сделали на мне 11 фолов — наверное, все, что вообще имели место в том матче. Я говорю «одиннадцать», и это кажется немного, но после некоторых из них у меня шла кровь, без прикола… И знаете, когда их защитник получил первое предупреждение? На 44-й минуте, 17-й номер, увы, я не помню его имени, но я окрестил его «Кунг Фу». Другой же въехал в меня ногами так, что у меня слезла повязка. А повязки я в то время использовал такие, что могло показаться, будто они гипсовые.

Там, в Мексике, началась моя борьба с ФИФА: из-за фолов и… из-за времени. Очевидно, что, с одной стороны, судьи никак не защищали ловких игроков, они позволяли просто измываться над ними, а, с другой, — матчи по требованию телевизионщиков начинались в полдень, утром, в любое удобное для них время. Вы знаете, что это такое — жара в высокогорной Мексике в 12 часов дня!? Это время для равиоли3, но никак не для футбола… В преддверии игр я всегда ложился поздно и вставал в 11 утра, но если матч был назначен на 12, это означало, что подниматься мне нужно в 8. Это было моей привычкой на протяжении всей жизни, а поскольку я вынужден был отправляться в кровать рано, то

никак не мог заснуть. Но ладно, помимо личных привычек были куда более серьезные вопросы. Поэтому мы организовали одно дельце вместе с Вальдано. Вальдано и я.

Все спрашивали меня, не слишком ли я открыто идут против власти, незащищенный, за пределами поля?.. Что они имели в виду?! Что я был политиком?! Нет, нет и еще раз нет: я никогда им не был и никогда не буду! Даже Авеланж, Жоао Авеланж, сам президент ФИФА, бывший ватерполист, сказал мне, что нужно с уважением относиться к тем, кто наверху, к сильным мира сего. На мой взгляд, они либо перевирали мои слова, либо я оглох; я не собирался срывать их телевизионные контракты, я всего лишь просил о том, чтобы они проконсультировались с нами, с игроками — с подлинными хозяевами спектакля, потому что без нас они никто. Без Марадоны, без Румменигге и без последнего запасного сборной Марокко… Они никто без любого из нас. И я говорил, что если вдруг кто-нибудь возьмет и помрет в 12 часов дня, я бы очень хотел посмотреть на них в тот момент — что тогда с ними будет? По крайней мере, мою грудь сдавливала дикая боль в груди по ходу первых матчей турнира.

И другая проблема — умышленные удары. Не знаю, так это на самом деле или нет, но мне казалось, что корейцы били меня по ноге с большей злостью, чем остальных. И они еще хотели, чтобы я хорошо отзывался о судьях! Как я могу говорить о них хорошо, если они позволили одному из корейцев ударить меня безнаказанно целых двадцать раз? С Зико происходило то же самое. Платини лупили не так сильно, потому что француз делал передачу и оставался на месте. Стал бы я хорошо отзываться об арбитрах!

Два других матча группового турнира были против Италии (1:1 5 июня в Пуэбле) и Болгарии (2:0, через пять дней на том же самом Олимпийском стадионе). Итальянцам я забил очень красивый гол, настолько красивый, что он занял место в моей галерее. Они смешали с дерьмом Галли, вратаря, даже не поняв, что я просто не оставил ему времени для какого-либо действия, потому что выпрыгнул навстречу мячу после удара Вальдано. И вместо того, чтобы ждать вместе с Ширеа за спиной, мир его праху, когда мяч упадет на землю, я пробил по воротам с левой…. Да, я сделал это, я закрутил мяч в дальний угол; это я оказался очень быстрым, а не Галли — медленным! Я ощущал поддержку остальных, так как Билардо вдалбливал им, что они должны помогать мне по всему полю. И я, в свою очередь, также не бросал их на произвол судьбы; если требовалось прессинговать защитников, я не считал, что это ниже моего достоинства.

Мы сыграли вничью, потому что итальянцы получили право

на 11-метровый, который был назначен за игру рукой Гарре. Однако я считаю, что это был лучший матч из всех тех, что к тому времени мы провели под руководством Билардо. Думаю, что именно в том матче Билардо наконец-то завершил создание команды. Он разрешил Батисте играть исключительно на позиции центрального полузащитника, он дал иные — более открытые — функции Джусти, и он освободил Бурручагу. Поэтому я говорю: там был не только я один, там была команда.

Потом, против болгар, мы допустили несколько застарелых ошибок, как, например, неправильно занимали позиции при контратаках соперника, но дело в том, что уже тогда мы были до предела уверены в себе и своих силах. К тому же нас сильно смутила их тактика; мы думали, что они будут атаковать больше. Как бы то ни было, а мы их сделали: сперва отличился Вальдано, который взлетел под небеса, чтобы замкнуть навес Куччуффо, а затем — Бурру, забивший после моей передачи, из тех, что так мне нравятся. Я прошел почти до лицевой линии как левый крайний полузащитник и, словно стоя на краю бездны, развернул ногу, чтобы послать ему мяч. Мы били всех, одного за другим. И мы уже были в 1/8 финала!

Мы были командой, обладавшей всем необходимым — и техникой, и боевым духом. Один аргентинский журналист, Хувеналь, подобрал очень подходящее определение: «Европейская динамика с креольским запалом». Такими мы и были: очень строго организованными в тактическом плане, с новым тактическим решением — либеро Брауном и двумя стопперами, Руджери и Куччуффо; двумя крайними полузащитниками, Джусти и Олартикоэчеа; центральным полузащитником Батистой, который мог тормознуть любого соперника; Энрике, который придавал нашей расстановке равновесие, и Бурручагой, который был связующим звеном. Впереди же играли Вальдано и я. Такой была основа команды. Командища!

Тота мне говорила: «Мальчик, что ты такое ешь? Ты носишься по полю так, как никогда ранее в жизни не бегал! На экране телевизора ты всегда появляешься с мячом». Я действительно был словно заведенный, больше, чем когда-либо. Я всегда любил позагорать, но тогда мне абсолютно не хотелось покидать базу, столовую, комнату. Комнату, которую я делил с Педрито Паскулли, и каждый день мы что-нибудь да добавляли в ее интерьер: картинку, фотографию, какое-нибудь украшение. Мы хотели, чтобы база стала нашим домом на месяц, до самого финала!

У нас был собственный стиль дизайна — скромный, очень скромный… Я не скажу тебе, что он был как в Вилья Фьорито, но

все же в чем-то похожий: кирпичные стены, маленькие и немного жесткие кровати, только один телефон, по которому трепался Пассарелла (об этом я расскажу чуть позже). Но для нас все это было в порядке вещей; мы получали 25 долларов — 25! — суточных в день… Все это не ощущалось, так как свершилось то, о чем я мечтал, один в один, не больше и не меньше. В конце концов, я ощущал себя хозяином при Билардо — так, как чувствовал себя Пассарелла при Менотти. Билардо много делал для меня — дал мне капитанскую повязку, всячески поддерживал… В 1982 году Пассарелла был великим игроком, потому что у него было все то же самое, что и у меня четыре года спустя: капитанство, согласие, доверие… Я отправлялся с нашей базы на «Ацтеку» и говорил: «До скорого!», и это было чем-то вроде ритуала, я знал, что мы выиграем и останемся там.

У нас были свои приметы, свои привычки, которым мы следовали. Всегда, один раз в неделю, мы ужинали в ресторане «Мой старик», принадлежавшем толстяку Гремаско, выступавшему вместе с Билардо за «Эстудиантес». Также, например, перед каждым матчем мы обязательно выходили за покупками в супермаркет, который назывался «Sanborns» или что-то в этом роде. Мы сделали это перед первым матчем против Южной Кореи, и после уже не могли нарушить эту традицию. Каждый раз мы следовали нашим приметам, и чем дальше мы проходили в чемпионате, тем больше людей к нам присоединялось. Для меня все это было словно еще одной тренировкой: я проходил по дорожкам, за спиной у меня было по три сотни человек, мог зайти в какое-нибудь заведение — это мог быть магазин электротоваров или даже… женская парикмахерская — и оставался там, ощущая на себе взгляды тысяч глаз, направленных на меня с той стороны стекла. Хотите знать правду? Я был счастлив, счастлив… Это была какая-то запредельная любовь, но она меня не отягощала, нисколько. Во время этих прогулок со мной рядом всегда был «Негр» Галиндес, готовый в любой момент прийти мне на помощь, защитить меня. Я вспоминаю, как Тито Бенррос, наш помощник, всегда держал его в тонусе; к примеру, что-то кричал мне, и Галиндес выбегал как сумасшедший. Когда он был в порядке, мы заставляли его петь «болерос», и он исполнял их таким голосом, что моя собака сделала бы это лучше. Также со мной был, конечно же, Сальваторе Кармандо, массажист «Наполи», который мне всегда очень много помогал. Так что мы очень хорошо проводили время на сборах на базе «Америки». Мы уже были командой, очень хорошей командой.

Мы понимали друг друга по памяти. С Вальдано мы

синхронизировали наши действия, и когда он отходил назад, я оставался впереди, или наоборот. Карлос вбил нам все это в голову, и все получалось у нас без лишних разговоров, словно на тренировке.

Но все равно это было очень непросто. В матче 1/8 финала против Уругвая в Пуэбле счет открыл Паскулли, которому сделал пас… Асеведо, их защитник. Это была не просто еще одна победа; меня достала уругвайская паранойя и, кроме того, мы не могли обыграть их на чемпионатах мира целых 56 лет! Начиная с того самого финала 1930 года. Мы шли и шли вперед, сжав кулаки, и били сильнее Тайсона. Бедняга Луиджи Аньолин, итальянский судья, ошибочно не засчитал мой гол, решив, что во время удара я опирался на Боссио. Нет, старик, нет! Я выиграл у него единоборство, потому что прыгнул выше него… Этот Аньолин был сущим кошмаром; мы хотели надавить на него с самого начала, но дядька сразу же сказал нам: «Ко мне не лезьте, срал я на вас всех». И он толкнул Франческоли, пихнул локтем Джусти… Мне нравился Аньолин, он был одним из немногих судей, что мне нравились, хотя он также ошибался, как и подавляющее их большинство.

По ходу чемпионата мне импонировала Германия, в ее составе не было ни одного разгильдяя. Моему брату Лало нравились команды, игравшие в замысловатый футбол, потому он тащился от сборной Марокко, хорошо смотревшейся на том чемпионате. Симпатии же Турко были больше на стороне Франции и Дании. Германия мне нравилась сразу по нескольким причинам: немцы неслись вперед как сумасшедшие, у них был Маттеус — на тот момент один из лучших футболистов мира, Феллер, настоящий зверь, Аллофс…

Матч испанцев с Данией получился каким-то невероятным: все выглядело каким-то сумасбродством, и это при том, что на поле были Лаудруп, Элкъяер-Ларсен и другие. Тренер датчан сошел с ума, когда они стали уступать в счете 1:2, он снял с игры одного защитника, и в итоге они получили пять мячей в свои ворота. Это случилось еще и потому, что мой друг «Стервятник» Бутрагеньо поймал вдохновение… Билардо всегда говорил: одна тактическая ошибка — и дело сделано.

Мы прошли так далеко, когда в нас никто не верил. Кто-то спросил меня, удовлетворюсь ли я тем, что Аргентина попала в восьмерку сильнейших сборных Мундиаля… Я бы напомнил им одну фразу Обдулио Варелы (я ее прекрасно помню), произнесенную им перед финалом чемпионата мира-50, перед знаменитым Мараканасо: «Все комплименты только в том случае, если мы — чемпионы».

И вот пришел черед Англии, 22 июня 1986 года. Другой день, который я никогда не забуду, покуда я жив, никогда… Тот матч с англичанами, прошедший в борьбе с первых и до последних минут, ставший настоящим сражением… Барнс, который так осложнил нам жизнь. И два мои гола. Два моих гола!

О втором у меня осталось много воспоминаний, очень много… Если о нем рассказывает какой-нибудь из моих родственников, то число обыгранных мной англичан обязательно увеличивается; если об этом рассказывает Коппола, то Билардо якобы предоставил мне отдых накануне, и я вернулся прямо к матчу, в 12 часов дня… О таком голе я мечтал еще в Вилья Фьорито, я хотел забить его «Красной звезде», а забил англичанам на чемпионате мира, да еще и в финале.

Да-да, вы не ослышались — в финале. Потому что для нас матч Аргентина — Англия был словно финалом чемпионата мира. Для нас это означало больше, чем победа над футбольной командой, для нас это означало — победить целую страну. Пусть перед игрой мы заявляли, что этот поединок не имеет ничего общего с войной за Мальвинские острова, мы прекрасно знали о том, что очень много аргентинских ребят сложили там свои головы; там, где их убивали словно каких-то пташек… И для нас это было неким подобием реванша за Мальвины. Все мы говорили, что не нужно смешивать политику с футболом, но это была неправда! Неправда! Мы все думали и знали, что эта игра будет больше, чем просто футбольный матч!

Это значило для нас больше, чем победить в нем, больше, чем оставить за бортом мундиаля англичан. В нашем представлении футболисты английской сборной были виновны во всем случившемся, в том, что пережил аргентинский народ, в его страданиях. Да, я знаю, что все это выглядит ненормально, глупо, но именно такими были наши чувства в тот момент: мы защищали честь нашего флага, тех погибших ребят, выживших… Именно поэтому, я думаю, мой гол имел такое историческое значение. Хотя, честно говоря, важны были оба, и оба вошли в историю.

О втором голе, как я уже сказал, я мечтал с самого детства. Когда я и мои друзья, играя на потреро, проделывали нечто подобное, то мы говорили, что вскружили голову сопернику, свели его с ума… Это было… не знаю, каждый раз, когда я смотрю этот гол, он мне кажется чем-то нереальным, выдумкой, обманом зрения. Это не потому, что его забил я… просто, когда ты спишь и видишь, как ты забьешь такой гол, и потом его вдруг забиваешь… Сейчас он уже стал мифом, и потому люди начали придумывать что-то, чего на самом деле не было в

действительности; к примеру, будто в тот момент я вспомнил о совете моего брата… Нет, в тот момент я ни о чем таком не думал, но потом эта идея действительно пришла в голову. Я ведь забил именно так, как в прошлом посоветовал Турко. 13 мая 1981 года по ходу турне со сборной Аргентины, в матче с англичанами на «Уэмбли» я сделал нечто подобное, очень и очень похожее, только бил по воротам, стоя боком к ним, когда вратарь уже ничего не мог поделать. И, представляя, как мяч залетает в ворота, я с удивлением обнаружил, что он прошел мимо. Мой брат Турко позвонил мне после этого и сказал: «Идиот! Ты не должен был так делать, ведь вратарь уже не мог тебе помешать!». Тогда я ему ответил: «Сукин ты сын! Тебе легко рассуждать, сидя у телевизора!». Но следующие его слова меня просто убили: «Нет, Пелу. Когда ты замахиваешься, то уходишь в сторону и бьешь с правой. Ты меня понимаешь?». И этому говнюку было семь лет! Ладно, в тот раз я сделал все, как хотел мой брат.

Все это рассказывается уже как легенда, а тогда я видел лишь как слева, открываясь на дальней штанге, бежал Вальдано… Дело было так: я начал с мячом с центра поля, ушел вправо, прошел между Бердсли и Рейдом, и вот так понесся к воротам, до которых оставалось еще порядочно… Сместившись к центру, я ушел от Батчера, и с того момента мне стал помогать Вальдано, потому что Фенвик, который был последним защитником, на меня не выходил! Я ждал, когда он наконец это сделает, и тогда бы я смог сделать пас Вальдано, и он оказался бы с глазу на глаз с Шилтоном… Он чуть не скосил меня, этот Фенвик! Я продолжил идти вперед, и теперь передо мной был Шилтон… Он стоял на том же месте, что и в том эпизоде на «Уэмбли», на том же самом месте! Я собирался сделать все как в тот раз, но Бог мне помог, он заставил меня вспомнить… Пик! — я сделал так, и Шилтон попался на этот финт. Я же дошел почти до лицевой линии и отправил мяч в сетку… В то же самое время Батчер, этот здоровенный блондин, который опять меня догнал, что есть силы врезал мне по ногам. Но мне уже было на все наплевать… Ведь я забил гол всей своей жизни.

В раздевалке, когда я сказал Вальдано, что видел, как он бежал, он чуть не прибил меня: «Ты забил этот гол, глядя на меня? Ты меня обижаешь, старик, ты надо мной просто издеваешься, это невозможно»… Тут подошел Энрике, который был в душе, и заявил: «Сколько восхищения, сколько чести для него, но если бы я не сделал ему передачу, он бы не забил этот мяч». Сукин ты сын! Свою передачу ты сделал мне в нашей штрафной площади!

Но это был гол, гол… Невероятный гол. Знаете, что я хотел

сделать? Я хотел повесить большие фотографии в изголовье кровати со всей последовательностью моих движений… Я бы добавил фото Дальмиты (Джанинна к тому времени еще не появилась на свет) и написал бы внизу: «Лучшее в моей жизни». И ничего больше.

И первый гол мне также доставил много удовольствия. Иногда я чувствую, что этот мяч, забитый рукой, нравится мне даже больше, чем второй. Сейчас я уже могу рассказать то, что не мог в тот момент, когда я назвал его «Рукой Божьей»… Ну какая еще «Божья рука», это была рука Диего! Я словно обокрал англичан…

Я и сам не знаю, как сумел выпрыгнуть так высоко. Я выставил кулак левой руки, вратарь Петер Шилтон этого даже не заметил, и первым, кто стал требовать отмены гола, оказался набегавший сзади Фенвик. Не потому, что он это видел, а потому, что не мог понять, как можно выиграть единоборство в прыжке у вратаря. Когда я увидел, что судья на линии побежал к центру поля, я с радостными криками бросился к трибуне, где сидели отец и тесть… Мой старик высунулся наполовину, убежденный в том, что я забил головой. Я праздновал этот гол, спрятав левый кулак и глядя искоса на судей, потому что боялся, что они могут что-нибудь заподозрить. К счастью, этого не произошло. Тем временем все англичане бурно протестовали, а Вальдано сказал мне «тс-с-с!», прижав палец к губам, как если бы мы фотографировали медсестру в больнице.

Я прикинулся дурачком, потому что мне не оставалось ничего иного. Я прыгнул, взмыл вверх и выставил кулак позади головы… Гол, который заставил англичан изойти слезами… Как год спустя я сказал одному журналисту из BBC: «Это был абсолютно чистый гол, потому что его засчитал судья. А я не тот человек, чтобы сомневаться в его честности».

Все хотели сравнять меня с землей. Но когда я вернулся в Италию, со мной произошел удивительный случай. Я пришел в гости к Сильвио Пиоле, знаменитому итальянскому голеадору 30-х годов, и он мне сказал следующее: «Пусть все эти люди говорят тебе, что ты бесчестный человек из-за того, что ты забил мяч рукой, скажи им, что тогда в Италии также стало одним честным человеком меньше… Потому что я также забил гол рукой, играя за сборную Италии, также против Англии, и мы также его отпраздновали!». Удивительный старик! Потом я прочитал, что он действительно забил почти такой же гол, как я.

Несчастная Бельгия была всего лишь ступенькой на нашем пути, не больше. В этом полуфинале, который был сыгран 25 июня, мы были настолько сильны, что просто не могли проиграть.

Тогда я окончательнот утвердился в своем мнении, что все остальные мои партнеры помогали мне быть главной фигурой на поле. Конечно, голы забиваю я сам, но на ударную позицию меня выводят они. Например, в первом голе огромная заслуга Бурручаги, который понял меня, сделал паузу и отдал мне мяч. Во втором мне помогли Куччуффо и Вальдано. На этот раз, забивая голы, я думал о маме, о том, как она должна быть счастлива… И с каждым разом радость становилась все сильнее и сильнее. Все вокруг говорили, что мы победим в том матче, и это меня здорово напрягало: очень легко расслабиться, перестать играть, а вместо этого почивать на лаврах. Поэтому, забив два мяча, я продолжал идти вперед, так как хотел забить еще… И между делом посматривал на трибуну, где сидел мой отец… Оставалось только, чтобы Бог помог нам выиграть чемпионат. Мы уже были там, в финале, и только мы, игроки и тренеры, верили в то, что пройдем так далеко.

И в финале нас ждала Германия. Сборная, которую я считал фаворитом с самого начала. Германия.

Немцы всегда сильны и смелы. До тех пор пока им не выпишут свидетельство о смерти, они не сдаются… На этом чемпионате мира команды — не знаю, впервые или нет — вышли на поле вместе. Пока мы шли на поле, то не знали, как себя занять: кричали, били себя кулаками в грудь. Все смотрели на нас с испугом. Но только не немцы. Я помню, как сказал «Тате» Брауну: «С ними этот номер не пройдет… Их ничем не пронять».

В финале ко мне приставили Маттеуса. И я знал, что это будет не обычная опека. Как правило, футболисты, играющие с тобой персонально, неповоротливы, но Лотар знал толк в деле; он мог сыграть как «десятку», так и либеро, которым и завершил свою карьеру. Настоящий феномен. Я пытался забить сам, не слишком на это надеясь, но больше я хотел, чтобы мы победили.

Мы забили два великолепных мяча: один после удара головой Таты Брауна, который заслуживал этого больше, чем кто либо, потому что он заменил в сборной Пассареллу, и играл лучше всех остальных. Другой — забитый Вальдано, потому что он подвел итог тому, о чем просил нас Карлос и показал, насколько хорош Хорхе во всех отношениях.

Когда немцы сравняли счет, я не испугался. Нам дважды забили головой из штрафной площади, по большому счету, это непростительная ошибка для любой команды, но… Я глянул на ноги Бригеля, и увидел, что они распухли как толстые бревна. И тогда мы поняли, что сможем выиграть, что победа обязательно придет. Когда мы вышли на середину поля, я прижал мяч ногой к газону, посмотрел на Бурру и сказал ему: «Давай, давай, они уже

мертвые, они не могут бежать! Если мы будем много передавать мяч друг другу, то покончим с ними еще до свистка». Так оно и вышло: я отошел назад, поднял голову и увидел, как перед Бурручагой открылся целый коридор — прямо до самих ворот, только беги… Бригель остался у него за спиной и уже не мог его догнать. И тогда я сделал пас ему на ход, прямо в открытое пространство. И Бурру убежал, Бурру убежал, Бурру убежал… Гол Бурру! Как я праздновал этот гол Бурручаги, как я его праздновал! Я помню, какую огромную кучу-малу мы устроили на поле, повалившись один на другого. В тот момент мы уже чувствовали себя чемпионами мира, и оставалось только шесть минут, и… Билардо начал нам кричать: «Перестаньте валять дурака, перестаньте валять дурака! Ты и Вальдано, давайте, держите их!».

Когда наконец-то Арппи Фильо сделал тот жест, который я заметил вполглаза, когда закончился матч, и на стадионе «Ацтека» были слышны лишь крики находившихся там аргентинцев — мексиканцы хранили молчание — я начал плакать… Как мне было не плакать, если это всегда со мной случалось в самые выдающиеся мометы моей карьеры? А этот был ее вершиной, пиком. С Кубком Мира в руках мы отправились в раздевалку, и там стали поносить на чем свет стоит весь мир, тот мир, который был против нас. И посреди всего этого со мной произошло кое-что поразившее мое воображение…

— Ну идите же, Карлос, идите! Раскройте свою душу! Скажите все, что у вас копилось внутри, кричите! — сказал я Билардо в ярости, потому что мы двое знали, сколько нам пришлось пережить — много, слишком много. И он со слезами на глазах ответил мне еле слышным голосом…

— Нет, Диего, оставь… Я давно уже этого хотел, дай мне подумать лишь об одном человеке, о Субельдии.

Он вспоминал об Освальдо Субельдии, своем учителе… Тогда я почувствовал себя таким ничтожным, все вокруг было словно в тумане, а я не знал, что сказать. Его оскорбляли, поносили на чем свет стоит, а он не хранил никакой обиды и не радовался свершившейся мести… Он был чемпионом мира, выиграл все и… не таил обиды… Этот образ Билардо навсегда остался у меня в памяти… А я продолжил кричать, оглушенный и машущий футболкой у себя над головой, посреди всего этого бардака, что царил в раздевалке, с Галиндесом, целующим образ Святой Девы Луханской, который мы всегда ставили в угол… Все прыгали на скамейках и кричали как ненормальные: «Э-то все для них, для су-ки-ных де-тей!».

Это был какой-то выброс эмоций, мощнейший выброс. Я

никогда не забуду ту атмосферу в раздевалке, это искусственное зеленое покрытие на полу, белые шкафчики, луч солнца, пробивающийся сквозь окна, и мы… Счастливые.

Затем мы отправились на базу… ставить на уши наш дом. Мы сдержали свое обещание покинуть ее только после того, как закончится чемпионат. Мы обнимались, крепко обнимались, а потом выполнили еще одно свое обещание: совершили круг почета одни-одинешеньки по полю, на котором мы тренировались! По тому самому полю, на которое мы пришли сразу после приземления в Мехико и там дали следующую клятву: мы прилетели сюда первыми, а улетим последними. У нас оставалось время лишь на то, чтобы собрать чемоданы, но складывая одежду, мы переглядывались с Педрито Паскулли и кричали друг другу:

— Что ты делаешь, несчастный чемпион мира!?!?

Чемпион мира, чемпион мира… Мечта исполнилась. Сейчас я говорю, что в те невообразимые дни в Мексике Бог был вместе со мной. Когда кому-то плохо, он может наговорить что угодно, и моим большим триумфом тогда стало то, что мы посрамили клеветников и злопыхателей… Но все равно было достаточно тех, кто продолжал гнуть свою линию, кто говорил, что уровень чемпионата был посредственным, почему мы его и выиграли; что Аргентина победила только благодаря мне.

Сегодня я должен сказать, что сборная стала чемпионом не только из-за меня. Я внес свой вклад, остальные мне помогали, и победили мы все… Поэтому я хотел, чтобы этой победе порадовались даже те, кто безжалостно нас убивал.

Я пережил это всем сердцем, как переживаю каждое событие в моей жизни. Нужно было принять это все как есть, и сейчас я повторяю: это был выдающийся триумф аргентинского футбола, который, к сожалению, пока не повторился… Но, увы. Этот триумф так и остался на футбольном поле. Наша победа не опустила цены на хлеб… Если бы футболисты могли решать насущные проблемы людей, насколько лучше мы бы играли!

Я думал об этом, стоя на балконе Каса Росада4, откуда мы приветствовали людей, собравшихся на Майской площади… И рядом со мной стоял… президент! Альфонсин — человек, при котором вернулась демократия. Были и все эти «пончики» — даже О'Рейлли, который еще несколько месяцев назад хотел убрать Билардо. Но в тот момент мы были королями… Я уже был знаком с Альфонсином, я его знал; он принял меня еще до выборов. На мой взгляд, он сделал очень много важного в начале своего правления, но потом… Ему кое-чего не хватило, чтобы довести задуманное до конца. И до сих пор мы находимся в поисках

выхода.

На самом же деле тогда мне было ни до Альфосина, ни до политиков. Я думал о людях.

Я чувствовал себя рядом с ними; если бы это зависело только от меня, я бы схватил флаг и бросился бы в толпу… Пока я стоял на этом балконе, в моей голове промелькнуло все: Фьорито, «Архентинос», «Бока»… все. Все мечты исполнились.

Когда я вернулся домой, там была уже целая толпа людей. Они вытоптали сад Тоты, которая при виде причиненного ущерба чуть не сошла с ума, они пели, дудели в трубы, приносили мне подарки… Мой дом на улице Кантило, в Вилья Девото, превратился в туристическую достопримечательность Буэнос-Айреса. Тем временем глава города, Хулио Сагьер, присвоил мне звание Почетного гражданина. Шло время, а люди продолжали идти. Я не верил своим глазам! Я говорил, что так нельзя — ни ради Марадоны, ни ради кого-либо другого… Я попытался поставить себя на их место и увидел себя мальчиком, стоящим у дверей дома Бочини. Я могу понять — тебе нравится, что делает тот или иной человек, и ты хочешь, чтобы он об этом знал. Однако в чем была виновата моя семья, я не понимал, почему мы должны были жить, закрывшись от всего мира… В один из таких вечеров, я заставил войти в дом двух ребят, стоявших за оградой, потому что мне было их очень жаль, очень сильно жаль. Я немного поиграл с ними в футбол, а мама смотрела на нас и не могла поверить в происходящее. Мне кажется, они так и не осознали, что были со мной, но мне было так жаль, так жаль…. В глубине души я чувствовал, что все эти почести, внимание к моей персоне — все это чересчур… Я всего лишь выиграл мундиаль.

Примечания:

1 Титулар — постоянный игрок основного состава.

2 Agremiados — Futbolistas Argentinos Agremiados, Профсоюз аргентинских футболистов.

3 Равиоли — итальянская разновидность пельменей.

4 Каса Росада — т. н. «розовый дом», Дом Правительства Аргентинской Республики в Буэнос-Айресе.

Глава 7
ДРУЗЬЯ, ВРАГИ

Пассарелла, Рамон Диас, Менотти, Билардо, Авеланж

Я хочу покончить с историей о том, что это Марадона заразил наркотиками аргентинский футбол.

Говорят, будто я выступаю по каждому поводу, и это так. Говорят, что я пошел против самого Папы Римского, и они правы. Раз я вышел родом из Вилья Фьорито, у меня нет права голоса? Я — голос тех, кто его лишен, я — голос многих людей, которые считают меня своим представителем, передо мной есть микрофон, и он будет и у них, в их гребаной жизни. Посмотрим, будет ли понятно с одного раза: я — Эль Диего. Тогда будем откровенными. Перед тем, как продолжить эту историю, давайте с самой высокой вершины — как раз после Мексики-86 — расставим все точки над «i» в куче вопросов. Относительно персон и имен.

Да, я пошел против Папы Римского. Это случилось потому, что я приехал в Ватикан и увидел крыши из золота. А потом услышал, как Папа говорит о том, что Церковь беспокоится о бедных детях… Но, черт возьми, продай крышу, сделай хоть что-нибудь! Все в твоей власти, к тому же ты сам когда-то был вратарем. Для чего существует Банк Амброзиано? Для того, чтобы продавать наркотики и осуществлять контрабанду оружием, как об этом рассказывается в книге «По воле Бога»? Я ее читал, я не такой профан. И я также был на приеме у Папы, потому что я знаменит.

Это было… было разочарованием. Я всегда это рассказываю: Папа дал четки моей маме, Клаудии, еще кому-то, а когда очередь дошла до меня, он сказал мне по-итальянски: «Эти — особенные, они для тебя». Я поблагодарил его, но не более того. Я был весь на нервах. И когда мы продолжили наш путь, я попросил мою мать показать мне свои четки… Они были абсолютно такими же, что и мои! И я сказал Тоте: «Нет, мои особенные, Папа сказал мне, что они особенные». Тогда я подошел к нему и спросил: «Ваше Святейшество, в чем разница между моими четками и четками моей мамы?». Он мне не ответил… Он только посмотрел

на меня, пожал мне руку, улыбнулся, и мы пошли дальше. Полное отсутствие уважения; он всего лишь пожал мне руку и улыбнулся, ничего больше! «Диего, не болтай попусту и не обижайся, меня ждет еще много людей», — сказал он на прощание, похлопывая меня по спине.

Понятно, почему он меня так взбесил? По сходным причинам меня бесят и многие другие, из-за двуличия, потому что здесь они говорят одно, а там делают другое; потому что они врут, не краснея… Я не буду говорить обо всех персонажах, с которыми мне довелось сцепиться; о них можно выпустить целую энциклопедию из тех, что продаются томами! Я остановлюсь на тех, чьи имена вертятся у всех на языке: «Уххх, Диего ненавидит…». Для начала я должен сказать, что я не отношусь с ненавистью ко всем тем, с кем воевал на страницах газет. Я могу ненавидеть тех, кто запускает руку в карман народу — политиков, руководителей, или же тех, кто способен убивать людей, как, например, в свое время аргентинские военные. И тех, кто издевается над детьми — бьет их, лишает их еды, продает им наркотики…

Обо всех по очереди.

Для начала, я не держу за козла Рамона Диаса, вовсе нет. Какой только лжи не говорилось по поводу наших с ним взаимоотношений. И первая ложь, которая прочно засела у всех в сознании — якобы это я нашептал Билардо, чтобы он не вызывал его в сборную. Ну что за бред, черт побери!

Такой жуткий бред, что сейчас мне никто бы не поверил, если бы я рассказал, что в Швейцарии, во время турне, предшествовавшего мундиалю в Италии, я заявил — и у меня есть свидетель, журналист, который подтвердит мои слова, — что в тот момент, когда голы давались нам с огромным трудом, спасти нас мог только «Пеладо» Диас. Я сказал так: «Знаешь, кто должен был бы быть в этой команде, и все проблемы бы закончились? Рамон Диас…». У Билардо в запасе была еще куча времени для того, чтобы определиться с заявочным списком, и попасть в него мог даже бедняжка Хуан Фунес, но «Носач» Диаса не позвал. И перед чемпионатом мира 1986 года, как только завершился отборочный цикл, я публично выступил с заявлением, что он очень бы нам пригодился, и это записано!

Я никогда не выступал зачинщиком того, чтобы выжить кого-нибудь из команды, клянусь своими дочерьми. Если я что-то и требовал от Билардо, так это чтобы он оставил в сборной Каниджу. И тому тоже есть документальное подтверждение, я говорю об этом впервые: если бы Билардо не взял на чемпионат мира в Италию Каниджу, я бы там не играл!

Но я хочу остановиться на случае с Рамоном Диасом и повторить: клянусь своими дочерьми, я люблю их больше всего в своей жизни, я никогда не возражал против того, чтобы он был в сборной… Билардо мог подумать, что я настроен против Рамона Диаса потому, что он был другом Пассареллы, а тот находился со мной в состоянии вражды. Все выглядело вполне логичным: когда Пассарелла перешел в «Интер», то, разумеется, Рамон стал общаться с ним. Было бы очень странно, если бы он дружил со мной, выступавшим за «Наполи». В 1989 году, когда «Интер» стал чемпионом вместе с Рамоном Диасом, который был одним из лидеров команды, я пересекся с ним на поле и прокричал ему, чтобы он перестал строить из себя жертву: «Дай Бог, чтобы Билардо тебя позвал, тогда бы ты перестал бы нести всякую херню!». Год спустя, когда Билардо составил заявочный список для участия в чемпионате мира, Диас уже не попадал в ворота, даже если бы они были бы 20-метровой ширины.

И вот еще что. Знает ли кто-нибудь, кто научил Рамона забивать? Я, черт побери! В 1979 году, когда мы отправились на юношеский чемпионат мира в Японию, я вбил ему в голову, что для того, чтобы забивать голы, совершенно не нужно «дырявить» насквозь вратарей… Этот болван только то и делал, что останавливал мяч грудью, закрывал глаза и… бум! Да, он был форменным убийцей, но не голеадором… Потом, правда, научился. Не за что, Рамон. Также про меня говорили, что у меня якобы не было достаточной силы воли, и потому я не смог добиться того, чтобы «Наполи» продлил контракт с Бертони на третий год нашего пребывания в этой команде. «Чанча» и я отыграли вместе два сезона, Рамон Диас был в Авеллино, также на юге Италии, и между нами троими были отличные отношения… Но это полная ложь, что я больше не хотел видеть его в составе, это было не мое решение, и Даниэль об этом прекрасно знает. Поэтому я предлагаю Рамону Диасу то же самое, что и Пассарелле: сесть рядом на «Монументале», без болельщиков «Боки» вокруг, и выяснить отношения раз и навсегда. Именно там я подошел к скамейке запасных, чтобы протянуть ему руку, в день моего последнего матча за «Боку» против «Ривера» в 1997 году, чтобы все себе уяснили: да, мы можем говорить друг другу черт знает что, но это не выход.

Поэтому я хотел бы положить конец этому здесь и рассказать кое-что получше: Эмилиано, один из его сыновей, который играет за «Ривер» и как мне сказали, играет очень хорошо, однажды позвонил мне домой и сказал мне, что я — его кумир: «Мне небезразлично то, что есть между моим отцом и тобой, с этим вы разберетесь, когда у вас будет подходящая возможность… Но я

тебя боготворю». Это он сказал мне с гордостью, я ощущал себя просто восхитительно.

И пусть кое в чем наступит полная ясность: я никогда, никогда, никогда в своей жизни не препятствовал чьему-либо появлению в сборной. Никогда. Наоборот, те, кто хотел уйти, уходили одни как Пассарелла. И никто никогда не поверит в то, что с чемпионат мира в Мексике Пассарелла убрался потому, что был таким принципиальным «меноттиста». Как, похоже, никогда он не согласится встретиться со мной, потому что я уже много раз хотел поговорить с ним, и все никак не получалось… Когда умер его сын — худшее, что может произойти с любым отцом — я захотел с ним поговорить, потому что у меня было плохо на душе. Я осталял ему сообщения на автоответчике, но сам он так ни разу мне и не ответил. Я даже обратился к нему с открытым письмом, через своего знакомого журналиста из журнала «El Grafico». Там было напечатано следующее: «Мне очень больно за то, что случилось с Пассареллой. Я считаю, что мы с ним наговорили друг другу много глупостей… просто нелепиц; мы ругались из-за длинных волос, колец… ради Бога, какие же все-таки это мелочи! Мы, находящиеся далеко и смотрящие на все со стороны, можем говорить: как плохо, какая боль, а настоящую боль испытывают только они. Мы можем подойти к ним, выразить свое соболезнование, но все это ни к чему. Случившееся с Пассареллой ударило по мне очень сильно, никто не заслуживает такого горя. Потом я несколько раз звонил ему, зная, что от этого не будет никакой пользы, но… Я хотел бы внести ясность: все наши споры на фоне случившегося — это просто идиотизм, они не стоят и выеденного яйца. Единственные слова, что мне сейчас приходят в голову: Даниэль, если тебе что-нибудь нужно, я здесь…». Но я не хотел бы смешивать с этой историей все наши разногласия и ссоры.

Для того, чтобы никто не выдумывал всякую чушь, я расскажу все: мы сцепились на тренировочной базе «Америки», в Мехико, где жили во время чемпионата мира 1986 года. Дело было так… Я вместе с остальными «бунтарями» опоздал к началу собрания на 15 минут. К бунтарям Пассарелла помимо меня относил Паскулли, Батисту, Исласа… Мы пришли на 15 минут позже! И тут мы попали под гневную тираду Пассареллы в его традиционном диктаторском стиле: как такое может быть, чтобы капитан опаздывал… то, се… Я позволил ему продолжать… «Ты закончил?» — спросил я его наконец. — «Хорошо, тогда теперь мы поговорим о тебе».

И я рассказал перед всей командой, кем он был на самом деле, что он делал, и все, что я знал о нем. И началось такое…

Надо сказать, что в той сборной были две группировки. С одной стороны те, кто поддерживал Пассареллу, его банда: Вальдано, Бочини, еще несколько игроков. Пассарелла вбил им в голову всякую чушь, и потому они говорили, будто мы опоздали из-за того, что принимали наркоту.

Тогда я ему сказал:

— Хорошо, Пассарелла, я признаю, что принимаю наркотики, хорошо…

Вокруг нас повисла зловещая тишина. Я продолжил:

— Но тут все иначе: я не принимал их в данном случае… Не сейчас, смотри, ты! И кроме того, ты вмешиваешь сюда других людей, вот этих вот ребят, которые здесь совершенно ни при чем! Ты понял меня, гнида?

Истина заключалась в том, что Пассарелла хотел стать лидером любой ценой, вбивая клин между игроками, придумывая разную ложь, вставляя палки в колеса. Он хотел этого с тех пор, как утратил капитанскую повязку, все это застряло у него как кость в горле. Да, он был хорошим капитаном, я всегда это говорил. Но я сам же и занял его место, а потому настоящим капитаном был, есть и буду только я.

После этого, как только подворачивалась подходящая возможность, он старался задеть меня. Он привлек на свою сторону Вальдано, который был очень умным человеком, которого слушали все вокруг, включая меня. И он вбил ему в голову, что я всех приучал к наркотикам! И тогда, на том собрании, ради доброго имени моих партнеров, ради себя самого я прокричал в лицо Пассарелле:

— Здесь никто не принимает наркоту, никто!

И я клянусь своими дочерьми, что в Мексике мы действительно не употребляли наркотики. Но раз уж мы начали вытаскивать белье на солнце, я посчитал, что нужно довести это до конца:

— Раз уж мы все здесь… Те две тысячи песо за телефонные разговоры, которые мы должны заплатить вскладчину… почему никто не берется сказать, кто наговорил на эту сумму?

Никто не поднялся, никто не ответил, кто-то опустил глаза… Было слышно, как пролетит муха. Пассарелла не знал, что тогда, в 1986 году, кажется, что уже сто лет тому назад, на телефонных счетах в Мексике указывалась одна деталь: телефонные номера. И это был его домашний номер. Сукин сын, он зарабатывал два миллиона долларов, и готов был выглядеть мудаком из-за двух тысяч.

Я предпочитаю быть наркозависимым, как бы больно это ни было, чем предателем или продажной шкурой. Говоря об этом, я

сразу вспоминаю ту историю, которая окончательно развела нас с Пассареллой и показала его истинное лицо всем остальным. Когда он играл в Европе, весь мир обсуждал, как он сбегал в Монако, чтобы там встречаться с женой одного из своих партнеров по сборной Аргентины… Он делал это, а потом хвастался в раздевалке «Фиорентины» так, словно совершил какой-то подвиг! И когда Вальдано потребовал у меня объяснений по поводу наркотиков на том собрании в Мексике и также устроил мне отповедь, что мне можно делать, а что нельзя, я оборвал его на полуслове. Я сказал:

— Стой, Хорхе, сукин сын. На чьей ты стороне? То, что рассказывает тебе Пассарелла, это правда, а то, что я — нет?

Тогда он мне ответил:

— Ладно, расскажи мне…

Но я уже успокоился:

— Нет, погоди, пойдем на собрание…

Мы пошли туда, и я в присутствии Пассареллы рассказал все, что знал о нем, после чего в комнате повисла зловещая тишина… До тех пор, пока не вскочил Вальдано:

— Ты — дерьмо! — прокричал он «Кайзеру».

Вот так все и прояснилось. Пассареллу, наверное, пробрал понос прямо на месте, а на самом деле можно сказать, что на него все помочились и дали ему пинка под зад.

Поэтому я говорю, что вызываю Пассареллу встретиться со мной на «Монументале», чтобы вокруг не было ни одного болельщика «Боки»; мы сели бы за стол друг напротив друга и поговорили бы обо всем. Но такой вариант его не устраивал. Для него было лучше разглагольствовать о товарищеских отношениях, о дисциплине; и это когда он сам на сборах засовывал всякое дерьмо в дверные засовы. Я приглашаю его поговорить о длинных волосах, когда я забил две сотни мячей с такими локонами на голове, которые напоминали каску Шумахера. И при этом мне никогда не приходило в голову сказать кому-нибудь: «Не просите меня бить головой, а то я боюсь испортить прическу…». А Кемпес? Зачем он тогда играл вместе с Кемпесом на мундиале 1978 года? И если бы «великий капитан» вдруг остался бы без Кубка мира, это было бы не по вине Марито. Я приглашаю его поговорить обо всем.

О женщинах — да, о женщинах! И о футболе. О наркотиках! Обо всем, что ему взбредет в голову!

Он утверждает, что не говорит ни со мной, ни обо мне, и он прекрасно знает, что не ему рассказывать мне про наркотики. Потому что если мы затронем эту тему, нам придется совершить длительный экскурс в историю аргентинского футбола, в те

времена, когда он играл, а я — нет, вспомнить один розыгрыш Кубка Либертадорес — турнира, в котором я, к сожалению, так и не принял участия. И что, я единственный наркоман?

Однажды, когда Менем был президентом, он пригласил меня обсудить эту тему, которая в Аргентине касалась как будто лишь меня одного, с Пассареллой. Устроить встречу и поговорить на ней обо всем, в том числе и о наркоте. «Когда хотите, президент, когда хотите», — сказал я ему. Однако Пассарелла так и не появился, похоже, что эта идея не пришлась ему по вкусу.

Заявляю это, чтобы всем стало ясно: Пассарелла, если ты не хочешь, чтобы тебя марали грязью, не марай грязью других. Если я и познакомился с наркотиками, играя в футбол, то благодаря тебе. Благодаря тебе! «Я не говорю о Марадоне». Еще бы! Если бы он заговорил, и я бы ему ответил, все стало бы ясно.

Ни с Пассареллой, ни с Рамоном Диасом я не конфликтовал по поводу наркотиков. Мы — живые люди, и можем биться до смерти из-за других вещей. К примеру, Билардо и Менотти, никогда не имевшие никакого отношения к наркотикам, воевали друг с другом только из-за того, что имели разные взгляды на футбол!

Все, что я сейчас пишу, не является попыткой исподтишка вылить ведро помоев на Пассареллу. Все это я много раз хотел сказать ему в лицо, но он так и не удосужился встретиться со мной. Но хватит уже: я хочу покончить с историей о том, что это Марадона заразил наркотиками аргентинский футбол. Меня пристрастили к кокаину, но это не преимущество, а недостаток! Когда же наркотики применялись в аргентинском футболе, они применялись для того, чтобы бежать! Для того, чтобы быть на уровне немцев, для того, чтобы выиграть Межконтинентальный кубок, Кубок Либертадорес… Тот самый Кубок Либертадорес, в котором мне никогда не суждено было сыграть.

И вот еще что: если бы мне предложили стать главным тренером сборной Аргентины, но с условием, что я буду должен лазить по карманам футболистов, я откажусь. А ведь так поступал Пассарелла, когда был ее тренером. В сборной не наживаются, и как можно докатиться до того, чтобы Аргентинская футбольная ассоциация была вынуждена чинить тебе препятствия, дабы ты не зарабатывал на стороне. Когда я стал чемпионом мира в 1986 году, я получил 33 тысячи долларов. 33 тысячи! А мой друг Чиро Феррара, стал третьим в составе сборной Италии на следующем мировом первенстве, которое организовывала его страна, и получил 220 тысяч долларов! Ладно, я хочу славы, дай мне ее, но, дорогой, пусть не шарят по моим карманам. А ведь именно это делал Пассарелла, который, приняв руководство сборной, принял

две основные меры: заставил игроков подстричься и причину всех поражений нашел в рекламных и телевизионных контрактах футболистов. Если это не шарить у них по карманам, то как иначе это можно называть? Он позволил АФА сделать так, чтобы игроки зарабатывали меньше да еще и чуть ли не оплачивали все поездки из своего кармана, хотя сам в то же время получал очень приличные деньги.

Пассарелла сказад: «Хватит рекламы, хватит волосатиков!» как будто бы рекламодатели играют в футбол, а он не стал чемпионом мира благодаря Марио Кемпесу, чьи волосы доставали до пояса.

Меня очень расстраивает, когда говорят, что я являюсь источником хаоса в аргентинском футболе, а его назначили главным тренером сборной, потому что он был синонимом дисциплины и порядка. Дисциплины и порядка, Пассарелла? Ради Бога! Видимо, дисциплина и порядок проявляются в том, чтобы напихать разного дерьма в дверные засовы номеров на базе, чтобы потом посмеяться над партнерами по команде… Вот дисциплина и порядок Пассареллы!

Если бы я должен был выбрать себе тренера, я бы выбрал Сесара Луиса Менотти. Из-за его мудрости…То, о чем он меня предупреждал, в итоге и случилось. Он тебе что-то говорил, а ты только молчал и внимательно слушал, а потом выходил на поле и чувствовал гордость за то, что ты пытался сделать под его руководством.

А Билардо… Карлос для меня как отец. Однажды я сказал, что хотел бы видеть своих дочерей воспитанными на его принципах. Он мне очень помог, и я никогда не перестану благодарить его за то, что он поверил в меня: его отношение ко мне определило развитие моей дальнейшей карьеры.

Да, он всегда уделял много времени околофутбольным делишкам, и это мне никогда не нравилось. Он никогда не делился с теми, кто работал рядом с ним, в одной упряжке. От него ушел Пачамэ, от него ушел Эчеваррия… и все деньги, вся слава достались ему одному! Эчаваррия, который был его правой рукой и одним из самых достойных людей, что я знал в мире футбола, нуждался в том, чтобы Билардо протянул ему руку помощи, чтобы он взял его в мадридский «Атлетико», но…

И вот еще: я никогда не хотел никому рассказывать об этом, о чем потом очень пожалел — почему он оставил Вальдано за бортом итальянского мундиаля. Я — да-да, я! — отправился к Вальдано просить его, чтобы он попробовал вернуться после перенесенного им гепатита и ушел из большого футбола как великий игрок. Я просил его об этом перед лицом Хорхито, его

сына. И я ощутил себя предателем по отношению к ним обоим, когда Билардо не взял Вальдано в сборную… Я знаю, что было много подозрений, знаю, что Вальдано хотели припомнить его слова на Мундиале в Мексике, когда мы вместе с ним заявили, что преступно играть в полдень под палящим солнцем только лишь потому, что об этом просит телевидение. Отказ от услуг Вальдано мне объяснили тем, что он не приносил пользу сборной. А ведь тогда травмированы были аж 18 игроков, даже я не мог играть! Однако, я думаю, что на то существовали другие причины его отсутствия в сборной, о которых я так и не смог разузнать.

Это — единственное, что омрачает наши отношения с Билардо, равно как в случае с Менотти, который лишил меня чести сыграть на чемпионате мира 1978 года. Тем не менее, первого я люблю как родного отца, а вторым просто восхищаюсь.

Но ничего подобного, конечно, я не могу сказать о Жоао Авеланже. Наши с ним пути разошлись еще с рождения. Разное происхождение, разное мировоззрение, и пусть он сколько угодно говорит, что любит меня словно сына, словно внука, словно правнука… Я ему не верю. Ни одному его слову. Биография Авеланжа дала мне возможность охарактеризовать его одним словом, которое я всегда употребляю, если сталкиваюсь с какой-нибудь отвратительной личностью: ватерполист… Меня так и подмывает спросить его: «Извините, дон Жоао, я не ослышался, водное поло? Так какого черта вы до сих пор возглавляете ФИФА вместо того, чтобы занять пост президента Федерации водного поло?». Конечно, мой голос, голос футболиста, не стоит в ФИФА ни песо. Если наше противостояние началось при рождении, то обострилось оно в Мексике, когда они, сидевшие в ложе с кондиционерами, обставившие себя вентиляторами, заставили нас играть в полдень… Посмотри, это же ведь было не в Вилья Фьорито, а на чемпионате мира, и нам пришлось еще тяжелее… Я всего лишь хочу, чтобы Авеланж и ему подобные поняли, что главными действующими лицами футбольного спектакля являемся мы, игроки. И я по-прежнему буду стараться сделать все для того, чтобы наш голос, голос футболистов, был услышан.

Обо мне знают все, вплоть до самых страшных событий, что приключились в моей жизни, включая мою зависимость от кокаина. Но я спрашиваю вас: а об Авеланже? Что вам о нем известно? Лично я знаю только то, что ему принадлежит автобусная линия, которая называется… «Комета»!

Правда, я очень хотел бы ему верить, но это, увы, невозможно. После того пенальти на итальянском мундиале, после допинг-проб в США я уже не питаю никаких надежд. Я окончательно в нем разочаровался и считал, что я уже заплатил

за все на чемпионате мира в Италии… Тогда я думал, что обида на Марадону уже прошла, равно как и после того, что было в «Севилье». Как же я заблуждался… И из-за этого у меня до сих пор болит душа. Авеланж всегда руководствовался в своих действиях бумажками с инструкциями, не задумываясь о том, что важнее всего люди, семья, народ. Народ прежде всего. Поэтому я взбесился, когда увидел, что в Аргентине, после чемпионата мира в Италии, его приняли как героя. Там, ложе для почетных гостей, я отказался протянуть ему руку; он — главный виновник моих слез, которые появились не только из-за поражения. Больше всего меня расстроила несправедливость. И лицом этой несправедливости был Авеланж. Меня успокаивает только одно: интересно, годы спустя сколько людей вспомнит обо мне и сколько о нем? Авеланж или Эль Диего? Вы можете дать ответ на этот вопрос.

Глава 8
БОРЬБА

Кубок Америки-87 и -89

Я чувствовал, что сборную все время предавали.

Когда, наконец, я отправился отпуск в Полинезию после чемпионата мира-86, как я это обещал Клаудии, окружающее виделось мне в розовом цвете. Я ошибался, как же я ошибался!.. Нет, с Клаудией у нас все было прекрасно, великолепные пляжи, мы предавались пороку прямо на них, чем повергли в ужас отдыхавших там голландцев, и количество розданных мной автографов было не таким большим, как это можно было бы себе представить. Проблема заключалась совсем в ином: она была в транспаранте, который появился на трибуне стадиона «Ацтека» после финального матча. На нем было написано: «Извини, Билардо, спасибо». Извини, спасибо? Тогда я понял, что наша сборная, несмотря на то, что является сильнейшей в мире, по-прежнему остается одной из самых преследуемых и незащищенных.

В «Наполи» дела у меня шли хорошо, мы были на пути ко второму «скудетто» и также успешно выступали в Кубке Италии. Все дело было в сборной Аргентины. Полгода спустя после круга почета на мундиале мы все еще пытались получить полагавшиеся нам премии. Тогда я очень разозлился и слал одно за другим гневные послания из Италии. Организовали несколько товарищеских встреч якобы для того, чтобы выплатить нам долги, но никто об этом меня не предупредил, никто со мной не посоветовался… Я хотел играть во всех матчах сборной, как это было всегда, но в то же время хотел добиться уважения к ее капитану и ее футболистам, которые совсем недавно выиграли мундиаль. Это все детали, но детали важные: так, например, когда Билардо за полгода до Кубка Америки-87, проходившего в Аргентине, спросил меня, хочу ли я играть за сборную, я сказал «да», несмотря на то, что прекрасно понимал, в каком состоянии я буду пребывать после изматывающего сезона. В отличие от него Грондона ничего мне не сказал, видимо, так как считал, что после победы на чемпионате мира все и так было предельно ясно. Я хотел быть абсолютно честным: когда моим товарищам по

сборной нужен был ответ Марадоны, они его получали, хотя некоторые нас считали «песетерос», мздоимцами — как говорят в Испании, людьми для которых на первом месте стоят деньги. Мы хотели добиться того, чтобы наши права уважали, ничего больше, но тогда появлялись всякие моралисты: «Как это так? В такой стране как Аргентина они хотят легко зарабатывать деньги?». Нет, нет и еще раз нет, ничего подобного: в Мексике я играл, ни на секунду не задумываясь о деньгах, просто один договор, на мой взгляд, так и не был выполнен… И я также завелся, когда Бочини заявил, что без должного вознаграждения он не чувствует себя чемпионом мира.

Обо всем этом мы беседовали с Грондоной на одной из встреч, которая состоялась в Риме в марте 1987 года. Мы оба, Хулио и я, разошлись не на шутку, но в конце концов поняли друг друга. Он ответил на все вопросы, которые я ему задал. Тем вечером сборная Аргентины проводила товарищеский матч с «Ромой» и проиграла. А я вновь начал свою борьбу: нужно было воссоздать здание из руин.

В середине года, когда сезон в Европе уже завершен, я был выжат как лимон, но зато собрал все возможные титулы: чемпион мира, чемпион и обладатель Кубка Италии в составе «Наполи», чего не происходило в кальчо в течение последних пятнадцати лет. Я был выжат и чувствовал себя чемпионом, но не мог сказать, что чувствовал себя счастливым, если подходить к этому исключительно с футбольной точки зрения. Я не отрицаю, что злорадствовал по поводу тех, кто заявлял, что я ничего выигрывал в своей жизни — где теперь они были вместе со своими словами? Но я был очень расстроен по поводу того, что сборная снова должна была начинать все сначала, начинать под пристальным взглядом журналистов и болельщиков.

Что случилось? Ничего, если не считать того, что 10 июня 1987 года мы сыграли товарищеский матч со сборной Италии в Цюрихе и проиграли 1:3… Вместе с этим на нас вновь обрушилась критика, появились сомнения в нашей силе… Я помню те дни так, как будто это все было сегодня. Тогда я встретился с Пеле, но не для того, чтобы устроить полемику, каждый оставался при своем мнении. Я сказал только: «Я никогда не хотел быть более великим, чем он», мы обменялись рукопожатиями и сфотографировались вместе с Альтобелли, капитаном сборной Италии. Единственное, что в том матче подарило мне положительные эмоции, это то, что я познакомился с Кани, Клаудио Паулем Каниджей. Мой брат Турко несколько раз тренировался вместе с ним, и отзывался о нем с восхищением, да так, что стоило мне увидеть Каниджу, как я сказал ему: «Я тебя

очень хорошо знаю, и мы должны понять друг друга». Однако Билардо выпустил его на замену вместо Сивиски, когда до финального свистка оставалось только пять минут. И тогда я почувствовал, что не за горами новые споры и новые ссоры, ведь Кани для меня — самый близкий друг.

Дело в том, что журналисты нас долбили без всякой жалости, и это меня очень расстраивало, я до сих пор чувствую эту боль; вернулись призраки прошлого, и мы вновь были теми, кто не мог никого обыграть. Никто не мог принять то, что мы все начинали заново, с новичками в составе. Я сам хотел, но не мог. Тогда я сказал: «Я хотел поговорить с Фунесом, и у меня не получилось. Я кое-что читал о нем, не больше. И я не мог обратиться к нему «Хуан», понимаешь? И то же самое в случае с Гойкоэчеа — я обращался к нему «Гойкоэчеа» вместо «Гойко» или «Серхио». А с Сивиски? Я никогда не видел его в деле, я ничего о нем не знал, как и об этом смельчаке Эрнане Диасе… Ты видел, насколько дерзок этот тип? Ладно, мне их представили в Цюрихе. Теперь, когда мы закрылись в Эсеисе на подготовительный сбор к Кубку Америки, я подумал, что все будет иначе. И, смотри, это не оправдание того поражения. Оправдания меня не интересуют, я по-прежнему считаю, что в первом тайме матча с Италией мы были просто никакими…». Вот в таком состоянии мы и прибыли на Кубок Америки.

Я чувствовал себя уставшим, но, в первую очередь, не физически, а морально. Со времени моего полинезийского отпуска я не знал отдыха. Перед начало этого турнира мы проводили товарищеский матч с Парагваем для того, чтобы пополнить фонды Профсоюза аргентинских футболистов. Но я не смог принять в нем участие потому, что у меня уже не было больше сил… Меня просто загнали! Чтобы хоть как-нибудь помочь общему делу я купил часть входных билетов на свои деньги и раздал их тем, кто не мог этого сделать. Но я не мог понять и не мог принять то, что на матч с участием сборной-чемпиона мира, с Марадоной или без него, пришло всего лишь 10 000 зрителей. Я не верил своим глазам! Пусть я чувствовал себя мертвым, но даже в таком состоянии я хотел играть на Кубке Америки, хотел выиграть хоть что-нибудь в моей стране и для моей страны, чтобы нас признали раз и навсегда. Увы, ничего из того, о чем я мечтал, так и не вышло.

Физически я был не готов играть. У меня был тендинит, и доктор Мадеро сказал мне, что для полного восстановления необходимы две недели абсолютного покоя… Две недели! А на носу был матч с Перу. В той игре мы владели преимуществом, но в итоге сыграли вничью 1:1. На этот раз Рейна уже не

преследовал меня по всему полю, но ударами они награждали меня все по очереди. Матч я закончил избитый в кровь, а в довесок ко всему меня свалил с ног кошмарный грипп; в то время в Эсеисе было очень холодно… Я даже не смог пойти на торжественный вечер, посвященный годовщине победы в Мексике. Я не тренировался, но во второй встрече, против Эквадора, все равно вышел на поле. Мы выиграли 3:0, и Билардо наконец решился-таки выпустить на поле Каниджу во втором тайме. Один мяч забил он, два — я, и мы их смяли. Но у Билардо было словно какое-то предубеждение по отношению к Канидже. Люди его просили, даже расстелили на трибуне специально подготовленный к этому случаю транспарант с надписью: «Билардо, не поступай так, как Менотти поступил с Марадоной, и выпусти Каниджу». К тому времени мы уже были в полуфинале, и это плюс; минус же был в том, что мой грипп перешел в жуткий бронхит, который сопровождался жаром. И тут мне было уже ни до чего.

Вот в таком ужасающем состоянии я вышел на матч с Уругваем, но в то же время вышел со спокойной душой, ведь рядом со мной был Кани. Но Франческоли и его партнеры нас обыграли, и обыграли уверенно. Мы уступили 0:1 и остались за бортом. Нам оставалось провести встречу за третье место, но за этот «приз» я никогда не любил играть. Ради чего? Мы сделали это только из уважения к людям, но душа у нас уже была разбита. Колумбия выиграла у нас 2:1 на «Монументале». Туман тогда стоял такой, что я даже не увидел гола Кани. Не знаю, так это или нет, но мне показалось, что в том тумане был скрыт истинный облик сборной Аргентины на том Кубке Америки. Нас преследовало чувство разочарования, провала, ведь так плохо мы еще не играли…

Я не слишком долго раздумывал над тем, чтобы вновь надеть футболку сборной Аргентины. Я взял отпуск, вернулся в Италию и принял приглашение совсем иного рода: англичане заплатили мне 160 000 долларов за то, чтобы я сыграл на «Уэмбли», в матче, посвященном 100-летию английской лиги. За мной отправили в Верону персональный самолет и забронировали номер в отеле, расположенном ближе к Шотландии, чем к Лондону, но этот отель был великолепен. Каждый раз, когда я касался мяча, трибуны кричали мне так, как они кричат неграм — «Уууу!», но тотчас же, если у меня получалось сыграть красиво, вслед мне неслись аплодисменты. А ведь тогда я все еще говорил о «руке Божьей». Меня принимал у себя Освальдо Ардилес — наряду с Вальдано один из тех людей, к которым я всегда внимательно прислушивался. По прошествии времени я больше ценю те

минуты, что пережил в Германии, на празднике, посвященном прощанию с футболом Лотара Маттеуса. В 2000 году, когда мне было почти 40 лет, немцы меня приняли так, словно я был в расцвете сил. Я получал наслаждение от игры, а вместе со мной наслаждались и они. Надо же: почти всегда я чувствую, что за границей меня любят сильнее, чем на родине, что в Германии или Китае меня уважают больше, чем в Аргентине. Но это не важно. Тот матч, который я сыграл в Мюнхене, позволил мне продемонстрировать — и прежде всего себе самому — что я жив. Жив! Я провел на поле 45 минут, и все это время у меня стоял ком в горле. И все это время я думал об аргентинцах, потому что я есть и буду их Эль Диего, тех, кто меня любит и не любит. Играть против Лотара доставляло мне одно удовольствие: он был и будет лучшим соперником во всей моей карьере. Приглашая меня, он дал мне возможность почувствовать мою значимость. Пять месяцев спустя после того, как я почти умер… я был жив. И играл в футбол.

Но, ладно, вернемся в 1987 год. Тогда я прошел курс лечения в клинике доктора Анри Шено в швейцарском Мерано, и вернулся на поле. Я попросил Билардо, чтобы он приберег меня для матча-реванша с Германией, который должен был состояться 16 декабря в Буэнос-Айресе. Это был один из моих безостановочных вояжей: 13 декабря, в воскресенье, мы сыграли с «Ювентусом» 2:1, улетел в Буэнос-Айрес, где в среду состоялся матч против Германии, после чего я тут же отправился в Италию для того, чтобы снова надеть футболку «Наполи»: 20 декабря мы победили «Верону» 4:1. Я в очередной раз почувствовал себя в долгу перед аргентинским болельщиком, и той победой 1:0 над Германией, на поле «Велеса», я смог заполнить пустоту в их сердцах. Страна находилась в очень бедственном положении, и нашей задачей было подарить народу маленький кусочек счастья — это цель, которую я всегда преследую, выходя на поле. Я не знаю, поможет ли это им забыть о том, что им приходится терпеть, о том, что с ними происходит… Кроме того, я убедил Грондону провести этот матч на стадионе «Велеса», чтобы почувствовать, как за нас болеет народ. Когда ты играешь на поле «Ривера», то не знаешь, поддерживают тебя трибуны или же кроют, на чем свет стоит, потому что они находятся на расстоянии двух тысяч километров. На «Линьерсе» все наоборот, и ты ощущаешь дыхание пятидесяти тысяч человек; я всегда говорю, что на том Кубке Америки мы бы выступили лучше, если бы решили проводить свои матчи здесь, на этом стадионе. Бурручага забил победный гол, и мы вновь почувствовали себя чемпионами, лучшими… Билардо меня просто достал, да так, что напугал; он придирался ко мне, давил

на меня как ненормальный. У меня было желание сказать ему: «Карлос, тормозни», но я оставил это в себе. Об этом я рассказал в одной статье, после чего поднялся невообразимый переполох, однако моя любовь к сборной выдерживала и не такое.

Я так любил сборную, что уже в 1988, в апреле, рискнул сыграть за нее на каком-то невообразимом турнире, кажется «Четырех наций» или что-то в этом роде. Сперва нас приложила сборная СССР 4:2, а затем обыграли немцы 1:0. Эти результаты меня страшно огорчили, несмотря на то, что встречи носили товарищеский характер… А тем временем в «Наполи» меня хотели убить! Я принимал участие во всех матчах подряд и тогда в Германии я остался ради игры за четвертое место. Тогда у нас начали получать травмы все сильнейшие игроки: Вальдано, Батиста, Бурручага, Энрике, и Билардо был вынужден выпускать молодежь. Кроме того, собрать команду в то время было не так уж и просто: клубы не отпускали игроков, в Европу продавали молодых футболистов, которые успели провести в первом дивизионе всего-то пару матчей… Я чувствовал, что сборную все время предавали. Поэтому я хотел быть вместе с ней, хотя и очень сильно рисковал, хотя был никакой после всего этого марафона. Травмированный, я вышел на поле в матче с Испанией в Севилье, который завершился боевой ничьей 1:1; от усталости у меня вывалился язык, но я не имел права на ошибку, для меня это было слишком важно. Как обычно говорилось много глупостей, однако я знал, что если мы сумеем сплотить ряды, то заткнем глотку всем. Так и вышло: одно время мы играли как настоящие чемпионы. Но поскольку мы были вынуждены держать экзамен чуть ли не каждый день, наша борьба продолжалась; если ты провел 30 матчей на хорошем уровне, то в 31-м у тебя это может и не получиться. Я хотел донести до новых ребят старую мысль о том, что в сборной должны быть бойцы, я не хотел, чтобы с нами произошло нечто подобное как на чемпионате мира 1990 года в Италии.

Но это все было только лестницей к следующему Кубку Америки, который должен был состояться в Бразилии, и на котором я жаждал взять реванш. Я вновь задолго до начала этого турнира пообещал Билардо, что приму в нем участие. Это случилось после той знаменитой победы над «Миланом» 4:1, почти за полгода, 27 ноября 1988 года, и я заявил, что моей ближайшей и главной целью является победа на Кубке Америки… Быть там с лучшими из лучших, в футболке сборной Аргентины.

В матче предпоследнего тура чемпионата Италии-1988/89 против «Пизы», которая к тому времени уже вылетела в серию B, я получил сильнейший удар по правому бедру, успев провести на

поле всего лишь четверть часа, и был вынужден уйти. А ведь в той игре некоторые недоумки меня освистывали… Без особой надежды я обратился к доктору Оливе: впереди был финал Кубка Италии в составе «Наполи» и вояж в Бразилию, где меня ждала сборная. Мышцы бедра у меня дико болели, и Олива был убежден, что эти боли — следствие моих хронических проблем с поясницей. Они меня действительно достали, но, так или иначе, вердикт был следующим: если я буду продолжать в том же духе, то могу заранее сказать «чао» Кубку Америки.

Тогда я в шутку говорил, что получил травму из-за своей старости. На самом же деле в том сезоне я провел огромное количесто матчей; к июню их насчитывалось 57. Я прекрасно понимал, что возможности бедного Билардо были ограничены: достаточно сказать, что всю команду он смог собрать в Гойянии только за три дня до дебютного матча против Чили. К тому же в сборной оказались игроки, о которых я слыхом не слыхивал, как например, «Пепе» — Хосе Орасио Басуальдо. Но в то же время я чувствовал колоссальное удовлетворение потому, что Билардо вызвал в сборную моего брата, Турко, который выступал за «Райо Вальекано» и признавался испанскими журналистами лучшим футболистом второго дивизиона. Некоторое спокойствие внушал и тот факт, что Бразилия испытывала почти те же самые проблемы, что и мы: ее игра строилась вокруг Кареки, а тот был таким же измотанным, как и я.

Для меня пришло время познакомиться с новыми игроками, такими как Бальбо или Альфаро Морено, и посвятить всего себя победе на Кубке Америки. Это было моей мечтой, равно как возвращение в «Боку» и победа в Кубке Либертадорес. Кроме того, этот турнир имел большое значение, так как я был уверен, что именно там определится костяк состава, которому предстояло выступить на чемпионате мира в Италии. Билардо говорил мне о Басуальдо, а я продолжал верить в Каниджу, который уже восстановился после перелома, полученного в Вероне, чего, к сожалению, нельзя было сказать обо мне. Он был еще совсем молод, а про него уже ходили слухи, что он продает наркотики, хотя единственное, что он продавал, и причем продавал успешно — это футбол. Как тогда я говорил и могу повторить это сейчас: «Почему у игроков регби считается шиком пойти на какую-нибудь дискотеку и напиться там до поросячьего визга, а футболист объявляется пьяницей, стоит ему только взять в руку бутылку «Кока-Колы»? Мы с Каниджей покончим с этим и еще всем вам покажем!». Я произнес эти слова более 10 лет назад, и не собираюсь отказываться от них сейчас. Кажется, я не такой уж и непоследовательный.

Мог быть непоследовательным, мечтая выиграть Кубок Америки, когда прекрасно понимал, что у меня нет сил даже выйти на поле. Мне даже было стыдно находиться там, на сборах, вместе со всеми. Но все же у меня были причины оставаться, не так ли? Собрать сборную к чемпионату мира, встретиться с ребятами, с Билардо, который был настоящим сукиным сыном, когда давил на меня; но, называя его так, я словно делаю ему комплимент. Я вновь хотел ощутить на себе магию доктора Оливы, так как сезон я закончил чуть ли не на костылях, и после всех этих ударов по ногам и болей в спине у меня уже ничего не получалось. Я был далек от своего истинного уровня и не раз говорил об этом по ходу турнира: «Я — не козел отпущения и никогда им не буду». Впрочем, это меня успокаивало: если мы выиграем Кубок Америки, никто не скажет, что это произошло благодаря мне, зато сборной отдадут должное, то, что она заслуживает. Меня всегда бесили разговоры о том, что Аргентина победила на мундиале только благодаря мне, и это при том, что вся команда работала как проклятая и на поле, и за его пределами.

Увы, мы не выиграли Кубок Америки, но в этом нет ни моей вины, ни вины моих ребят. Начали мы хорошо, обыграв 2 июля Чили 1:0 благодаря голу Каниджи. А затем мы споткнулись на Эквадоре; Билардо хотел нас поубивать и не без оснований. В течение двух часов он втирал нам мозги в такой тишине, что было слышно как пролетает муха… У нас тогда был жалкий вид.

После того, как мы обыграли Уругвай, 8 июля, мы немножко воспряли духом, но это была всего лишь иллюзия. Действительность обошлась с нами жестоко. Нас сделала Бразилия, хотя счет мог быть иным, если бы мяч, посланный мной с центра поля, опустился бы чуть ниже — а так он всего лишь попал в перекладину; нас сделал Уругвай, взявший полноценный реванш в матче за 3-е место, и все: прощай, Кубок Америки. Для меня, к сожалению, навсегда.

В завершение всего я сказал то, что тогда у меня было на душе. Что такое третье место для чемпиона мира? Практически ничего. Нам не хватило времени, сил и удачи. В основном, конечно, удачи, потому что, когда мяч ударяется в перекладину, ты всегда думаешь, что все могло быть иначе… Бред какой-то, но когда все закончилось, я испытал те же самые чувства, что и два года назад, на прошлом Кубке Америки, в Аргентине. Сборная ничего не выиграла, оставила о себе плохое впечатление, но… мы снова были командой. Мы снова попали в немилость, мы, на ком остановил свой выбор Билардо, однако смогли объединиться против всего этого. И теперь мы думали о том, как выступим на

чемпионате мира в Италии.

Глава 9
ВЕНДЕТТА

Италия-90

Мы были пушечным мясом, пушечным мясом, потому что убрали Италию.

Если брать в расчет все то, что случилось в 1989 году, все это было вполне предсказуемо, но, тем не менее, я даже не мог себе представить, что в моей футбольной карьере произойдет то, что произошло на итальянском мундиале год спустя.

Возвращение в «Наполи» после Кубка Америки и отпуска, затянувшегося из-за моей строптивости, было непростым. Я просил, чтобы меня продали в другой клуб, так как хотел изменить свою жизнь, но они этого не сделали. Когда я говорю о смене обстановки, я имею в виду передышку, глоток свежего воздуха: чтобы футбол не требовал от меня сверхусилий, а город не угнетал и не давил на меня. Я всегда мечтал о загородном доме… Ясно, что не о таком, как во Фьорито; о хорошем доме с парком, с бассейном, который в Неаполе, в отличие от зарубежных клубов, мне предоставить не могли. Но разве так уж трудно было понять это мое желание?

Мне не оставалось ничего другого, кроме как уйти, и в который уже раз собрать все свои силы для того, чтобы все начать сначала. Так, как я привык это делать… Сперва переждать эти последние месяцы 1989 года, а затем рвануть, словно на тобоггане, только в обратном направлении, наверх. Тренировочный ритм и присутствие Фернандо Синьорини позволяли мне убить сразу двух зайцев: выиграть второе скудетто с «Наполи» и подойти к чемпионату мира в такой форме, которую я не смог набрать 4 года назад в Мексике. Без сомнения, я стал на 4 года старше, но в этом я не видел ничего плохого: когда тебе 29, ты уже не мальчик, но еще и не старик — просто зрелый человек.

Пожалуй, именно поэтому, так как я не был «одним из», я захотел привлечь всеобщее внимание к событиям, происходившим во время жеребьевки финальной части чемпионата мира. Я не стремился найти какой-то подвох, всего лишь хотел, чтобы мне объяснили происходящее вокруг. До

начала жеребьевки говорилось о том, что Аргентина и Бразилия, которые являлись «матками» своих групп, должны быть разведены с двумя другими южноамериканскими сборными, Колумбией и Уругваем. А для этого первая европейская команда, названная жребием, должна была попасть в группу к нам, а первая южноамериканская — к итальянцам. В итоге же первой вытащили Чехословакию, и она отправилась в группу к Италии, а нам пристроили сборную СССР. Я просто-напросто попросил, чтобы мне объяснили, как такое могло случиться, а вместо этого поднялся жуткий вой… Об этом я заявил перед товарищеской встречей — последней в 1989 году — со сборной Италии, которую мы проводили 21 декабря в Кальяри. Мы сыграли вничью 0:0, но матч был отнюдь не главным событием этого вояжа. И даже не мои заявления, которые произвели эффект разорвавшейся бомбы. Меня и моих товарищей по сборной поразила поездка в больницу, где находилось более 40 детей, больных раком и лейкемией. Я смог выдавить из себя только одну фразу: «Боже мой, за что таким крохам такие страдания?».

В начале 1990 года меня пригласили для участия в одной из телевизионных программ, к чему я уже давно привык. Ведущий спросил меня: «Диего, до Мундиаля остается 106 дней…», и я оборвал его на полуслове: «106 дней? Когда останется 90, тогда мы и начнем».

За 3 месяца и 3 дня до открытия того незабываемого чемпионата мира в Италии, незабываемого по многим причинам, я чувствовал себя разбитым из-за проблем с поясницей. Мне было так плохо, что после одной из тренировок в Соккаво, в субботу 3 марта, я был вынужден сказать: «Да, я в состоянии бежать, уколы мне помогли. Но я могу бежать не быстрее моего отца и думаю, что я просто навредил бы команде». Под командой я имел в виду «Наполи», конечно. Два следующих тура я пропустил, но потом взял быка за рога. Начиная с воскресенья 11 марта, когда я сыграл против «Лечче», я уже больше не останавливался… Из-за замучивших меня травм, которые не позволяли мне тренироваться в полную силу, я набрал 6–8 килограмм лишнего веса. Сев на диету, составленную мне Анри Шено, врачом из клиники в швейцарском Мерано, я сбросил где-то 4–5 кг. Затем я отправился в Рим, к профессору Антонио даль Монте, директору Научного Спортивного Института, который занимался мной и раньше, перед чемпионатом мира в Мексике, а также работал с итальянским велогонщиком Франческо Мозера, побившим мировой рекорд скорости. В течение одного дня я прошел все мыслимые и немыслимые тесты, а затем сел в свой «Мерседес-Бенц» и вечером вернулся в Неаполь, дико уставший, но

довольный собой… И, начиная с этого дня, я каждый понедельник отправлялся по маршруту Неаполь-Рим-Неаполь.

За это время мы сыграли 3 товарищеских матча: против Австрии, Швейцарии и Израиля. Два первых мы завершили вничью 1:1, а затем победили 2:1. И матч с израильтянами был последним, в котором мы победили, перед чемпионатом мира.

О поездке в Израиль у меня сохранились незабываемые впечатления, не связанные ни с футболом, ни со скандалами. Я посетил знаменитую Стену Плача, стал перед ней на колени, как один из многих, но в то же время был неприятно удивлен наличием вокруг огромного количества вооруженных солдат… Я не мог понять, как в таком месте может существовать столько ненависти. Меня окружили с просьбами об автографах; я раздавал их направо и налево с кипой на голове, и не чувствовал себя там чужим.

Если у меня и были какие-то причины для недовольства, то они касались только моей формы: несмотря на то, что я неотступно следовал плану, разработанному даль Монте и Шено, до ее пика мне было еще далеко. И еще: меня беспокоило то, что сборной явно не хватало нападающего, способного завершать атаки. Я был уверен, что это место должен занять Рамон Диас, но не я занимался определением состава. Что уж говорить о Канидже, которого я считал своим воспитанником, и которого Билардо не собирался приглашать в команду. И тогда я поставил перед Билардо ультиматум: если он не берет в сборную Каниджу, я отказываюсь играть в Италии.

И это еще не самое страшное: хуже всего было то, что Билардо оставил за бортом сборной Вальдано. И тогда я опять не смог промолчать: «Мне очень грустно, потому что история с Хорхе произошла в особенный для меня момент, когда я настраивался на достижение тех целей, о которых знало очень мало людей, и в их числе Вальдано и моя жена».

«Я вынужден принимать то, что делает Билардо, но я не могу с этим согласиться… У него было предостаточно способов сообщить о своем решении Вальдано. Он вполне мог сделать это в Швейцарии, когда Вальдано получил травму. Билардо даже мог бы заявить ему о том, что он слишком стар для сборной, а нам — что мы все ошибаемся, прося вернуть этого игрока в команду».

«Я не хочу никому перечить, но я прекрасно знал, в какой форме находится Вальдано, и это не будут оспаривать ни Билардо, ни его помощник Мадеро, ни профессор Эчеваррия. Я отвез Вальдано в клинику доктора даль Монте, и там он прошел все тесты, какие только можно. Как определить, кто может рисковать, а кто — нет? Мы всегда рискуем. Если мне говорят,

что Вальдано был более предрасположен к травмам из-за того, что дольше остальных не имел игровой практики, я допускаю, что это вполне может быть. Однако если бы он был так уж плох, то не успел бы восстановиться со времени травмы в Швейцарии до того момента, как его не включили в заявку. На тренировке накануне он бежал быстрее, чем кто-либо, быстрее, чем Сенсини и Басуальдо, а это уже о чем-то говорит».

«Но на мой взгляд, главным поводом для разочарования стало то, что Карлос остановил свой выбор на других тактических вариантах, и этот момент оказался самым неудачным для того, чтобы расстаться с Вальдано. Своим решением Билардо уничтожил его не только как футболиста, но и как человека, который пользовался огромным уважением в коллективе. Он уничтожил и меня, потому что я дружил с Вальдано, и вместе с ним, «Татой» Брауном и Джусти мы поддерживали рабочую атмосферу в сборной. Теперь я остался один, и не знаю, что я могу сделать».

«Я очень плохо воспринял новость об этом решении. Даже был близок к тому, чтобы попросить разрешения вернуться в Неаполь… Поэтому я позвал жену с детьми и тещу, чтобы они составили мне компанию».

«Теперь те аргентинцы, которые говорят о том, что я протаскиваю в сборную своих друзей, наконец-то поймут, что они лгут. Вальдано — мой друг… Я приехал и сказал, чтобы он возвращался, приехал Карлос, вытащил его из дома, а теперь взял и исключил его из состава сборной».

«Я не разговаривал с Карлосом. Зачем? Спорить было бы бессмысленно. Что могло измениться? Если бы я заставил его вернуть Вальдано, то все стали бы говорить, что я надавил на Билардо, тогда как на самом деле я ни на кого никогда не давил. Кроме того, это означало бы принизить значение Вальдано для команды. Это было бы непростительно… Мне стало настолько плохо, что я не знаю, буду ли прежним или уже нет».

Это я сказал, когда мы прибыли из Тель-Авива в Италию и расположились недалеко от Рима, в тренировочном центре под названием Тригория. Эта база должна была стать нашим домом на следующий месяц, и, как и в Мексике, я надеялся, что здесь мы проживем до самого финала. В моем номере, с балконом, полным цветов, которые мне натащили во время тренировок, постоянно звучала музыка; тогда была популярна ламбада, и мой друг Антонио Карека подарил мне кассету с суперхитами.

Тригория оказалась действительно прекрасным местом, расположенным под Римом. Чтобы добраться до нее, нужно было проехать по красивой дороге с поворотами, подъемами и

спусками, и деревьями по сторонам… Идеальное место для того, чтобы раскатывать на двух моих «Феррари». Я их взял с собой на базу для того, чтобы чувствовать себя как дома. Они находились на стоянке, и когда Билардо мне разрешал, я выезжал покататься: ехал до Гранде Раккордо Аннулларе — некоего подобия шоссе, окружавшего весь город, почти как Хенераль Пас в Буэнос-Айресе, и возвращался…. Это было настоящим удовольствием: наслаждаться скоростью и в то же время ощущать себя хозяином своей судьбы. И это доставляло определенное беспокойство некоторым людям, которые говорили, что я пользуюсь особыми привилегиями, что я недисциплинирован. Ну и что из этого?! Нашей целью было успешное выступление на Мундиале, а эта маленькая радость помогала мне чувствовать себя лучше и никому не мешала. Но на первом плане были не «Феррари», а грипп, из-за которого я был вынужден пичкать себя антибиотиками, и вся проделанная ранее работа по дезинтоксикации пошла насмарку. Правда, об этом никто не распространялся вслух.

Все вокруг говорили: «Сборная зависит от Марадоны» или «Аргентина сможет победить, только если Диего будет в форме». Я понимал, что альтернативы этому нет, и чувствовал за собой огромную ответственность, которая заставляла меня тренироваться изо всех сил… В 15 лет я был пареньком, которому нужно было доказывать свою состоятельность; в 20 лет — демонстрировать уверенность в себе; в 25 — показать, что я являюсь лучшим в мире и могу оставаться на этом уровне, и, наконец, в 29 — там, в Италии — убедить всех в том, что я не провалюсь… Для всего мира, для остальных, для многих журналистов я словно сдавал экзамен; для меня и тех, кто был со мной — нет… Скажу проще: я очен хорошо знал, чего я стою, и в те дни говорил так, словно это был слоган для телепропаганды: «Они должны будут вырвать Кубок мира из моих рук».

Для того, чтобы задуманное свершилось, я купил специальный тренажер за 60000 долларов под названием «изокинетический эргометр» и вместе с Фернандо Синьорини установил его в одном из тренажерных залов Тригории. Он нужен был для того, чтобы детально оценивать и контролировать мое физическое состояние. Тогда, в первых числах июня, мы использовали его для работы над подвижностью и эластичностью мышц. Кроме того, доктор даль Монте прислал специально для меня массажистку, Монику, которая заставила почувствовать меня заново родившимся. К первому матчу я собирался довести свой вес до идеального: 75 с половиной килограмм. В один из дней посреди диеты я устроил там, в Тригории, асадо, которое

приготовил мой старик. Жареное мясо, приготовленное доном Диего, по определению не может быть плохим! В тот день колумбийская радиостанция «Караколь» спросила его обо мне, и он ответил: «Я желаю ему всегда оставаться таким, как он есть. И чтобы он был счастлив…». Он просто супер, дон Диего!

Единственное, что тогда отравляло мне жизнь, на самом деле было глупостью — большой палец моей правой ноги… Чего только со мной не случалось в футболе, но чтобы я не мог чувствовать себя комфортно только из-за этого! Во время товарищеских матчей против Израиля и, особенно, против испанской «Валенсии» мне били целенаправленно по этому месту… Неудивительно, что в дальнейшем тренировки стали для меня настоящей каторгой: я пытался использовать марлю, вату, бутсы большего размера — но все без толку…

Во время тренировки 31 мая, в четверг, я больше не смог выносить боль и был вынужден прекратить занятие. На следующий день картина повторилась: разыграв пару комбинаций с Бурручагой и забив один мяч Гойкоэчеа, я сел на газон и сбросил бутсы: терпеть это не было сил. Тут же меня окружила куча журналистов, жаждавших узнать, что случилось, и я сразу их предупредил: «Не приближайтесь и не прикасайтесь ко мне! Если кто-нибудь коснется моей ноги, я за себя не ручаюсь!». Я был разъярен и в то же время…испуган: я боялся, что не смогу сыграть на чемпионате мира. «Сумасшедший» Билардо не спал всю ночь, думая обо мне.

Утром 3-го июня, в воскресенье, мы с Раулем Мадеро отправились в Рим, в институт Даль Монте, где мне наложили повязку, чтобы защитить ноготь на пальце. Эта повязка была похожа на панцирь и была сделана из синтетического волокна, используемого в авиастроении, поэтому я говорил, что стал частичкой самолета… Днем я вернулся и смог позаниматься полчаса. Изобретение работало хорошо, проблема была в том, что оно несколько сместилось со своего места.

4 июня я вновь посетил римскую клинику, а вечером уже смог тренироваться без проблем. Вальдано, который на Мундиале должен был играть, а не работать журналистом на испанскую газету «El Pais», говорил: «Не нужно беспокоиться, самый яркий футбольный талант в мире хранится в надежном месте — в теле Диего Армандо Марадоны. Хранитель это сокровища — сундук из костей, мышц и связок, в котором скрыты все мыслимые и немыслимые футбольные пороки; это настоящее чудо».

5 июня я наматывал круги вокруг поля по заданию Синьорини, а вечером 6-го мы насмерть рубились в двухсторонке, после чего Билардо собрал нас в центре поля и объявил состав:

Каниджа остался в запасе… Все прекрасно знали, как я хотел, чтобы он вышел с первых минут, но я не подал и вида. Я безгранично верил в него, и чувствовал, что даже появившись во втором тайме, он способен произвести настоящий фурор.

В любом случае играть вместе с Бальбо мне также доставляло удовольствие, ведь, как я считал, любой игрок, надевавший футболку сборной Аргентины, должен был показать все, на что он способен.

Я знал, что меня будут немилосердно освистывать в Милане, где меня считали злейшим врагом. Но незадолго до этого мне позвонили по телефону из Неаполя и сообщили, чтобы я не беспокоился: когда сборной Аргентины придет время сыграть на местном стадионе «Сан-Паоло», аплодисменты местных болельщиков заставят забыть об этом свисте… Это меня по-настоящему вдохновило, так как я прекрасно понимал, что для Италии-победительницы нет ничего лучше, чем проигравшая Аргентина.

Единственная наша проблема заключалась в том, что наша база в Тригории больше напоминала больницу… От сборной Аргентины остались рожки да ножки: в команду не попал Вальдано, в последний момент мы потеряли Брауна, Джусти еле-еле держался на ногах, Руджери замучила паховая грыжа, Бурручага был весь в бинтах, как и «Баск» Олартикоэчеа… Достаточно было посмотреть на имена, чтобы понять: костяк команды, ее хребет сломан. Я не знаю почему, но все-таки продолжал верить в то, что мы были сильнее, чем на прошлом Мундиале. В то же время в нас опять не верили: голландцы и итальянцы слишком много трепали языком и не сомневались в том, что смогут обыграть всех подряд… Даже камерунцы, и те заявляли, что их не беспокоит Аргентина.

В четверг, 7 июня, мы наконец-то отправились в Милан для того, чтобы осмотреть поле стадиона имени Джузеппе Меаццы. Я дошел до центра поля, перекрестился и отправился к воротам, и еще один неаполитанцев из моей команды, Томмаззо Стараче, дал мне бутсы, чтобы я сыграл в них на следующий день… Я уже надел футболку сборной и был готов с ней больше не расставаться. Мою одежду дополняла небесно-голубая ветровка, доходившая мне почти до колен, и в ней я был похож на рыбака. И на этом поле было полно адских мин — там собрались все модели, которые должны были принимать участие в церемонии открытия на следующий день… Словно дефиле какое-то! Там, на поле, я встретил Джанну Наннини, сестру пилота «Формулы-1», моего друга. Она также должна была принимать участие в празднике, исполнять гимн чемпионата мира, «Un estate italiana».

Но мое внимание привлекло то, насколько мягким был газон. Тут же я вспомнил чемпионат мира 1978 года, когда игроки били по мячу, и вместе с ним в воздух взлетали частицы травы и земли.

Вечером я спустился в пресс-центр, где меня уже ждали журналисты и Карлос Менем, президент Аргентины. Менем был при галстуке, а я — в футболке сборной. Тогда я еще не знал, что аргентинское правительство присвоит мне звание «разъездного посла спорта»: что поделать, если мою страну узнавали по форме, в которой я играл, а не по представителям власти? Поэтому, держа в руке дипломатический паспорт и почетную грамоту, я сказал следующее: «Я хочу выразить благодарность сеньору президенту за этот паспорт. Не столько от своего имени, сколько от имени моих родителей, которые должны очень гордиться этим. Спасибо. Я буду представлять и защищать Аргентину…на футбольном поле».

Один из журналистов, прячась за спинами коллег, задал мне вопрос:

— Диего, теперь тебя следует называть «Ваше превосходительство»?

— Нет! Я всегда буду самим собой.

Наконец, настал момент истины, момент выхода на поле. На следующий день, 8 июня, в раздевалке, когда все вокруг, в недрах стадиона чувствовали себя участниками праздника и приходили в неистовство от девушек, которые дефилировали по полю, я испытывал необыкновенные ощущения. Ощущал сердцем и кожей. Для меня вокруг стояла слишком напряженная, слишком холодная тишина… Я взглянул на лица своих партнеров по команде и обнаружил, что многие из них выглядят так, словно они уже устали от футбола, даже не начав играть. Я вышел на середину раздевалки, набрал воздуха в легкие и закричал что есть сил, так, что затряслись мои кишки: «Пошли, вперед! Пошли, черт возьми! Это — мундиаль, а мы — чемпионы мира…». Я чувствовал, что завести всех мне не удалось, и поэтому, как капитан, был сильно разочарован. Я сам, сам им говорил, что если кто-то хочет получить Кубок мира, он должен будет выцарапать его из наших рук… Теперь же я чувствовал, что держали мы его не так уж и крепко.

Когда мы появились на поле, со мной впереди, я услышал жуткий свист, какой редко слышал в своей карьере. У нас рвались барабанные перепонки, но на моей голове не шевельнулся и волос; такой прием меня только подстегивал… Играть против всех и вся было моей специализацией. Я сделал несколько шагов, нашел взглядом сектор, где сидели мои родственники, и послал им воздушный поцелуй.

Во время исполнения гимна, который почти не был слышен из-за шума, производимого итальянцами, я старался не опускать голову и обводил взглядом трибуны. Когда он закончился, я встал перед шеренгой наших игроков и еще раз прокричал им: «Ну, давайте же, черт побери!». Однако в очередной раз я увидел, как некоторые опустили глаза и уставились в землю.

С самого начала матча с Камеруном ко мне прицепился здоровенный негр, четвертый номер Массинг. Сначала он меня поприветствовал, обменялся со мной рукопожатиями, а затем… начал лупить меня по ногам! На второй минуте я сделал хороший пас Бальбо, однако Абель не смог завершить атаку; затем к воротам выходили Руджери, Бурручага, еще раз Бальбо… но мы так и не использовали ни одного момента, не говоря уже о том, что четкость наших ударов была хуже, чем у изображения на экранах телевизоров в Вилья Фьорито. Тем временем Массинг разошелся настолько, что умудрился лягнуть меня в плечо!

Оставалось около получаса до финального свистка, но для меня матч уже закончился: когда я увидел, что Камерун забил нам гол, я «ушел» с поля, меня как будто не было… Я не мог поверить, что мы проиграли так глупо, так несправедливо, и в то же время проиграли по собственной же вине. Я не сказал этого Пумпидо, который не смог остановить мяч, посланный Омамом-Бийиком. Я сказал это всем остальным, кто был на поле: это не Камерун нас обыграл, это мы проиграли сами.

Я уже привык к тому, что в футболе может произойти что угодно, но это поражение меня удивило и заставило страдать. Камерунские футболисты нещадно били нас по ногам, но говорить об этом — значит искать себе оправдание, хотя проблему с судьями нельзя оставить без внимания: они по-прежнему не желали защищать более ловких. Этот мундиаль проходил под девизом «Фэйр Плей», а нас на нем избивали… Я остаюсь при своем мнении, что если бы мы были точнее в завершающей стадии атаки, матч закончился бы разгромом Камеруна. И если бы Каниджа вышел на поле с первых минут, все было бы совсем иначе…

Мне выпало идти сдавать анализы на допинг. В принципе, почему этого не могло со мной случиться? После этого я отправился на пресс-конференцию, принимать удар на себя. Конечно, я не обошелся без изрядной доли иронии, но, тем не менее, считаю, что сказал чистую правду: «Единственное, что доставило мне удовольствие в этот вечер, это открытие, что благодаря мне итальянцы перестали быть расистами. Сегодня, наверное, в первый раз в жизни они поддерживали африканцев…». В автобус я сел последним, на полчаса позже

остальных, и мы отправились в аэропорт для того, чтобы вылететь в Рим. Во время этого короткого перелета я не замечал ничего вокруг себя, стояла полная тишина… Думаю, что все мы тогда ощущали себя мертвыми; мертвыми от стыда.

В тот день все у нас шло наперекосяк: в аэропорту нас предупредили, что нужно подождать, потому что на взлетно-посадочной полосе было полно частных самолетов с президентами, функционерами и прочими начальниками, которые присутствовали на матче открытия, и поэтому наш вылет задержали на два часа. Этой задержкой я воспользовался для того, чтобы поговорить с Клаудией и «перезарядить батарейки». За эти два часа у меня полностью изменился настрой, у меня вновь появилась мотивация. И когда я поднялся в самолет, то был уже совершенно другим.

Я изменился настолько, что когда нас всех собрал Билардо, то своими словами заставил его замереть на месте: «Ребята, после этого у нас есть только два выхода… Либо мы доберемся до финала, либо пусть упадет самолет, на котором мы будем возвращаться в Аргентину». Билардо, ёб твою мать! Пусть уж лучше мы дойдем до финала!

Все вокруг уже видели нас вылетевшими с чемпионата мира, все, но только не я. Настал черед сборной СССР, и этот матч мы проводили в Неаполе, где считались номинальными хозяевами поля. Здесь нас не освистывали во время гимна, нам аплодировали все без исключения… Я помню, как за день до игры, в среду 13-го, мы направлялись из Тригории на стадион «Сан-Паоло» на нашем официальном автобусе. Я очень хорошо знал этот маршрут, я проделывал его тысячу раз, когда ездил в Фьюмичино или в клинику Даль Монте, или еще по каким-нибудь делам. И на «Сан-Паоло» даже был приветственный транспарант в нашу честь. «Хорошо, мы вернулись домой», — сказал я ребятам. Я чувствовал себя как дома, как дома, как дома…. Я слышал, как итальянцы мне кричали «Дие-ко, Дие-ко! Ар-йен-тина! Ар-йен-тина!», и ощущал, как меня распирает от гордости. И я обратился к ним со следующими словами: ««Если завтра сюда приедут все неаполитанцы поддержать меня, поддержать Аргентину, они увидят меня по-настоящему счастливым… Но я бы им ответил, что они и так уже дали мне все, что только могли дать, и у меня нет права требовать от них чего-то большего».

Требования мы могли предъявлять только сами себе. Мы не имели права проигрывать, так как после двух поражений однозначно оставались бы за бортом мундиаля, и уже никак бы не спаслись. И 14 июня, в четверг, мы сыграли матч жизни и смерти. Однако, как могло показаться, на этом чемпионате мира судьба

нас убивала в контратаках: на 12-й минуте, когда казалось, что мы уже успокоились и готовы играть, как мы умеем, произошла трагедия — столкнулись Олартикоэчеа и Пумпидо, и нога последнего треснула, словно деревянная. Какой шум, какая боль! Я не мог поверить своим глазам: сперва проблемы с моим пальцем — на фоне случившегося с Нери это было херней — затем тот кошмар в матче с Камеруном, и теперь вот это несчастье. Вместо Пумпидо вышел Гойкоэчеа, и мы попробовали выйти из шокового состояния, в котором внезапно оказались. К счастью, Педрито Тролью головой забил красивый мяч, и мы повели в счете.

А вскоре после этого мне пришлось выполнять обязанности вратаря… Нет, серьезно, я хочу сказать, что мне вновь пришлось нанести исторический удар рукой. Русские наседали на нас, а мы все собрались в своей штрафной площади, как это нравилось Билардо, когда мячом владел соперник… Я увидел здоровенного русского, который приготовился замкнуть навесную передачу, и из моей груди вырвался крик: «Возьмите «шестерку», возьмите «шестерку»!». «Бам!» — и этот тип ударил головой. «Нет, я успеваю, это гол!» — промелькнула у меня мысль. Я стоял один у штанги, судья смотрел прямо на меня, но я…выставил руку, остановил мяч, а потом вынес его куда подальше.

Русские навалились на арбитра, но я его словно загипнотизировал — загипнотизировал! — и он выдавил из себя: «Продолжайте, продолжайте». Поднялся жуткий переполох, поскольку я не должен был стоять там, у той штанги… Позже Бурручага забил второй мяч, закрепив успех, и мы довели матч до победы, а в нашей памяти запечатлился образ плачущего Пумпидо. «Тата» Браун, который остался с командой, сопровождал его до больницы и потом позвонил нам, чтобы успокоить и даже шутил с нами… Ладно, он хотел отвлечь нас, и поскольку мы ничего не могли сделать для бедняги Нери, «Тата» сказал нам: «Эй, парни, я сделал это. Это было сложно, но я смог. Его все-таки не принесли в жертву… Итальянцы уже занесли над ним меч, чтобы убить, но я бился с ними насмерть и победил. Когда они увидели верблюда (так мы звали Пумпидо) со сломанной ногой, они захотели отправить его в лучший мир». И нам ничего не оставалось, кроме как улыбнуться, потому что никакая беда не могла нас остановить.

На последней тренировке перед заключительным матчем группового турнира против Румынии я разбил левое колено. Так что когда я вновь вышел на поле стадиона в Неаполе, я был совсем другим человеком… Я никогда не забуду, как в я сидел в кресле в холле отеля «Парадизо», одной рукой обнимая Клаудию,

а другой прижимая к колену пакет со льдом… Я смеялся, да, но только ради того, чтобы не заплакать: для меня это был не столько мундиаль, сколько бег с препятствиями. В тех условиях просить от нас красивой игры было уже слишком; речь шла только о том, чтобы победить во что бы то ни стало, любой ценой. В матче против Румынии, сыгранном 18 июня, у нас многое не получалось в первые 45 минут. Мы отправились на перерыв в раздевалку, словно уже проиграли; мы никак не могли преодолеть румынскую оборону. Краем уха я услышал, как Мадеро, помощник Билардо, советовал заменить меня, мотивируя это тем, что помимо левого колена у меня была разбита и левая лодыжка. На второй тайм я вышел, словно у меня ничего, абсолютно ничего не болело. «Что?! Меня хотят заменить? Я не уйду с поля даже мертвым! Я остаюсь, я ос-та-юсь!». Во втором тайме после моего навеса «Негро» Монсон, Педро Дамиан Монсон, замечательный парень, вогнал мяч в сетку… 1:0 и мы держались как могли, держались до последнего, и все-таки упустили победу после удара Балинта. В итоге мы все-таки вышли в 1/8 финала, но вышли, словно пролезли в форточку. Всего лишь как лучшая сборная из тех, что заняли в своих группах третьи места…

Я помылся в душе и вышел из раздевалки в футболке сборной. У меня не было ни малейшего желания говорить с кем-либо… Снаружи нас ждали, как всегда, наши близкие вместе с несколькими журналистами. Я вышел через те же самые ворота, откуда должен был выехать автобус, и почувствовал себя как будто с петлей на шее. Я ни с кем не хотел разговаривать, даже с Клаудией. Я был взбешен. Ко мне подошел Эчеваррия, слегка коснулся моей головы, и я сказал ему: «Сейчас я вне себя, и ничего не скажу, иначе будет только хуже». И он все понял. Он понял, как должны были понять остальные, что мы не можем быть мальчиками для битья, что мы не можем забыть о престиже… Если бы я заговорил в тот момент, я обосрал бы половину команды. А это было не в моих правилах. Но не в моих правилах было сказать: «Я доволен», потому что это — ханжество. Я ни хрена не был доволен! Лучше было бы держать все это в себе и думать о том, что ждет нас дальше. А дальше нас ждала Бразилия. Да, в 1/8 финала нас ждала Бразилия, потому что мы заняли всего лишь третье место в группе. И вот так мы начали летать туда-сюда, что было мне очень хорошо знакомо, так как если я что-то и делал ради своей сборной, так это летал вместе с командой. Мы должны были покинуть Неаполь, который был нашим домом, моим домом… Теперь мы отправились в путь, который не имеет ничего общего с туристическими маршрутами

— в Турин, где должны были встретиться с Бразилией.

На следующий день, во вторник 19-го, я позвонил Гильермо Копполе, который, следуя примете, остался в Буэнос-Айресе, и сказал ему: «Забудь к черту про приметы и приезжай, у меня нет больше сил». У меня и впрямь больше не было сил… Я закрылся в своем номере, завалился на кровать и, глядя в потолок, начал заново переживать все то, что случилось со мной за последнее время. Сначала — грипп, из-за которого мой организм оказался перенасыщен антибиотиками. Затем — уход Вальдано, единственного человека, который был способен воодушевить меня одним-единственным словом. Проклятый большой палец на ноге — совершенно дурацкая травма, отнявшая у меня часы тренировок. Невообразимое поражение от Камеруна. Безжалостные удары соперников, которые превращали в фарс принципы «Фэйр Плэй». Каприз Билардо, не захотевшего выпускать Каниджу в основном составе. И, наконец, самое худшее из того, что можно было бы вообразить: я не мог принять то, что есть люди, которые радовались моим поражениям, которые ими наслаждались, и которые их… желали.

Я больше не мог все это терпеть и покинул нашу базу в Тригории. Я сел за руль «Феррари» и исчез на несколько часов, отправившись в центр Рима — съесть чего-нибудь, погулять… Мне был нужен глоток свежего воздуха. Я хотел жить так, как привык. Не все ли равно, как проигрывать: подчиняясь указаниям со стороны или же действуя в своем стиле? Победить или проиграть, но сделать это, оставаясь верным самому себе…

Я отправился в один из ресторанов в центре города в компании с Гильермо и получил удовольствие, съев на закуску три жареных хлебца с помидорами и спагетти. Увидев, как я вошел, хозяин ресторана тут же запер двери, чтобы за мной никто не увязался. И вскоре я увидел одного паренька, светловолосого с голубыми глазами, который прилип к стеклу с той стороны. Охранник его прогонял, он возвращался… Тогда я послал Гильермо спросить, чего он хочет, так как я чувствовал себя не в своей тарелке. Гильермо вернулся с билетом в руках и передал просьбу: «Он хочет, чтобы ты поставил здесь свой автограф… И чтобы в воскресенье, когда у него будет день рождения, ты подарил ему свой гол… Его зовут Ариэль, как тот стиральный порошок; он сказал так, чтобы ты не забыл…». Я расписался, достал банкноту в 100 тысяч лир и отправил ему со словами: «Кроме гола я подарю тебе целый матч…». Мгновение спустя, когда мы закончили ужинать, я попрощался с хозяином заведения, который мне сказал: «Ты — великий игрок, но был бы еще более великим, если бы выступал за «Рому», и на выходе

столкнулся с Ариэлем: «С днем рождения тебя и будь счастлив!».

21-го, в четверг я вернулся в Тригорию за несколько часов до того, как открыли двери для прессы. Там уже не было «Таты» Брауна, который вернулся в Буэнос-Айрес, сопровождая Пумпидо, и тогда Эчеваррия с Руджери начали шутить, чтобы поднять нам настроение… Сейчас я думаю, что даже самый последний мудак понимал, что это было преждевременно; мы чувствовали себя разбитыми, я чувствовал себя разбитым! Моя левая лодыжка раздулась как футбольный мяч, да, она выглядела как мяч.

Ко мне подошел Синьорини: «Выйди босиком, пусть все видят, что ты не врешь». И я вышел в синей водолазке «Адидас», в коротких белых штанах и шлепанцах «Пума». Я остановился у кромки поля, наблюдая за тем, как тренируются остальные, и ощущал взгляды, прикованные к моей лодыжке; казалось, что все ее внимательно изучают. Когда тренировка закончилась, на часах было уже восемь вечера, и я еле-еле выполз к центру поля. Я шлепнулся на землю и начал возиться с мячом, не задействуя при этом левую ногу. В одно мгновение я был окружен журналистами. Я знал, что они появятся, я ждал их и хотел сделать пару заявлений. И когда меня спросили, выйду ли я на игру с Бразилией, я сказал: «Такой или в гипсе, но все равно сыграю». И после этого продолжил разговор…

«Я верю в чудеса, и наша победа стала бы именно таким чудом. Это никого не должно удивлять. Но, смотрите: многие фавориты прямо-таки умирают на поле. Советская сборная должна была выйти в следующий круг. Бразилия должна была наколотить десять мячей Коста-Рике, а Италия — двадцать американцам. Но ничего этого не случилось».

«Из всех сборных на данный момент мне нравятся Италия, Германия и Бразилия…».

«Бразильцы выглядят намного лучше нас, и они это знают, но если они думают, что мы просто так отдадим им победу, они очень сильно ошибаются. И я далеко не уверен в том, что они дадут нам играть; думаю, наоборот — будут держать нас чуть сильнее, чем обычно».

«Это было бы довольно необычно для меня — играть против Кареки и Алемао, которые всегда были со мной по одну сторону. Я выйду на поле, крепко обниму Антонио, но как только прозвучит свисток к началу матча, я постараюсь обыграть его во что бы то ни стало… Нет, я не думаю, что стиль Лаззарони может сыграть негативную роль; Карека слишком велик для того, чтобы ему мог помешать тренер».

«Я не нахожу ответа на вопрос, что с нами происходит, хотя прошло уже много времени, как я спрашиваю себя об этом. Мой

опыт подсказывает, что мы не можем играть так плохо, что в конце концов мы должны пробудиться от этого глубокого сна, который для всех нас является сущим наказанием. Да, для всех нас. Я не исключаю себя и не хочу, чтобы для меня делали исключение. Мы так еще и не доказали, что находимся в Италии не зря. Сейчас я вижу только один выход: бежать, бежать и бежать. И не забывать о том, что при этом нужно играть. Потому что теперь, когда в моде силовой футбол, кажется, будто мы забыли, что самое главное — это мяч. Если вам нужна правда, то я могу сказать, что мне не нравилось, как играла сборная Аргентины. И если матч с Бразилией, который, по идее, должен был быть финалом, пришелся уже на одну восьмую, в этом виноваты только мы и никто другой. Мы допустили кошмарные ошибки в игре с Камеруном, мы не смогли дожать Румынию, мы не смогли удержать преимущество, которое имели».

«Я готов к тому, что меня будут освистывать в Турине, я готов ко многому. Мы уже дошли до предела, когда мою травму поставили под сомнение. Сейчас вы все прекрасно видите, что со мной. Но они предпочитают разглагольствовать о том, как я выбил мяч рукой во встрече со сборной СССР, и ничего не говорят об ударе локтем Мюррея; о том, что моя травма — это выдумка, а не о том, что на мундиале «Честной Игры» камерунцы били нас изо всех сил на протяжении всей встречи… Порой мне кажется, что в моем лице пытаются найти козла отпущения».

Атмосфера вокруг матча была напряженной. Трольо, поступком которого я до сих пор восхищаюсь, встал на защиту ребят: «Хватит говорить о том, что Марадона бьется один, что мы бежим с тонущего корабля. У нас есть и другие игроки, которые что-нибудь да сделали. В матче против Бразилии мы покажем, что мы есть, мы существуем». Это показалось мне восхитительным, правда. Все мы должны были показать себя, иначе бы нас опустили. К примеру, лично я начал тренировать правую ногу — бил и бил мячом о стенку как в те времена, когда я был маленьким.

В субботу мы отправились в Турин, где разместились в отеле «Джет», который находился рядом с аэропортом, и оттуда мы отправились на стадион «Делле Альпи», причем, я вновь надел футболку сборной… Я сидел на газоне, болтая с врачом Синьорини, и, с одной стороны, переживал по поводу своей формы, а с другой — был настроен выйти на поле любой ценой. Пусть на уколах до кости, но стал бы играть. Поставленный мне диагноз вызывал у меня большое беспокойство, и во многом, из-за того, что я не все в нем понимал: «Сильный травматизм как следствие ушиба кости и повреждения сухожилия». Я знал, что

тем ударом меня хотели вывести из строя, но сделать этого не смогли и не смогли бы никогда в жизни.

Тем вечером я позвонил Кареке, который был моим другом, и я не посчитал нужным что-либо от него скрывать. Я рассказал ему, во что превратилась моя лодыжка, и что я буду играть на уколах. А затем предупредил его: «Антонио, перед матчем мы с тобой поздороваемся, но потом… будем биться до смерти, а?». И он, настоящий феномен, ответил мне по-португальски: «Все хорошо, Диего. А теперь отдыхай, отдыхай»… Бразилец был прав: моя лодыжка болела так, что я с трудом мог доковылять от кровати до ванной и обратно. «Негр» Галиндес попытался было сделать мне массаж, и только он меня коснулся, как я издал жуткий вопль, от которого едва не рухнули стены. Единственные слова, которые я выдавил из себя, были: «Мне больно, мне больно». К счастью, скоро подъехал Коппола, на все приметы было уже наплевать, главное, чтобы он был рядом. Окружающая обстановка стала постепенно разряжаться; не знаю, может быть, потому, что многие из моих партнеров уже мысленно смирились с поражением. Вечером, за день до матча, в отеле справляли свадьбу, и невеста подарила мне маленький букетик… Как ни странно, начиная с этого момента на наших лицах стали появляться улыбки, и они не исчезли даже после того, как я узнал, что руководители аргентинской делегации уже зарезервировали 26 обратных билетов на следующий день после игры. Меня убеждали, что такой шаг не был выражением недоверия к нашей сборной, а всего лишь рутинными хлопотами, соответствовавшими данному этапу чемпионата, на котором проигравший вылетал из розыгрыша. Я им поверил, хотя и ощущал себя при этом отвратительно; казалось, что мы заранее приговорены.

На самом деле, более половины того матча, сыгранного 23 июня, в субботу, нельзя назвать «футбольным матчем». В течение первых 55 минут мы пережили настоящий кошмар: удары в штанги наших ворот, дикие промахи Мюллера, невообразимые «сэйвы» Гойко… Все это время мы, стиснув зубы, оборонялись; этому мы научились у итальянцев: держаться, держаться и не прощать соперника, как только появится шанс, пусть и мизерный, для контратаки. И та наша комбинация была образцом контратаки: я ушел от опекавших меня Рикардо Роши и Алемао, направляясь по диагонали к правой бровке, тогда как Каниджа открывался на противоположном фланге. Я сделал ему передачу с правой ноги, когда Роша висел у меня на шее, а Мауро Галвао и Бранко еще не успели меня прикрыть. Кани вышел один на один с Таффарелом и преподал настоящий урок как нужно завершать

атаки: он легко обыграл его и с левой ноги отправил мяч в сетку… Супергол! И дикая радость! Омрачало ее только одно: бразильские журналисты обвинили Алемао в том, что он не сбил меня с ног, в том, что не захотел этого делать, так как играл вместе со мной за «Наполи»… Ложь! Он не смог меня остановить только потому, что я застал его врасплох своим финтом накоротке. Если бы я не проделал тот финт, он бы наверняка меня свалил, не убивая при этом; он был слишком порядочным для того, чтобы предпринять нечто подобное. В итоге этот великолепный гол подорвал боевое настроение бразильцам, и они уже не нашли в себе силы переломить ход матча.

В нашей раздевалке царила такая радость, что я напрочь забыл о боли в лодыжке. Я забыл обо всех своих болячках. Самое главное, что мы продемонстрировали, что сборная Аргентины — это не только один Марадона: у нас уже была крепкая оборона, самоотверженная полузащита и выдающийся Каниджа, который мог завершать атаки. Мы бы никогда не смогли обыграть такую команду, как Бразилия, если бы в порядке был лишь один Марадона.

После всего этого единственное, о чем я просил Бога, это чтобы восстановились все травмированные. И мы хотели всего и сразу; мы бы остались довольны только в случае завоевания чемпионского титула. И в то же время мы не хотели, чтобы нас считали фаворитами. С чего бы вдруг, если мы побеждали с огромным трудом? Тот триумф мы посвятили Нери Пумпидо, и наконец-то получили удовольствие от нашей победы.

Как же я наслаждался вылетом Бразилии из розыгрыша ЧМ-90! Вылетом Бразилии, а не Кареки или Алемао, с которыми я сблизился, выступая за «Наполи», и знал, что они будут очень сильно переживать случившееся… Но я предпочел бы, чтобы страдали они, мои друзья, а не моя страна… Моя страна, которая наслаждалась этой победой, как никакой другой. Да и они, разве же они не были бы счастливы, если бы обыграли нас? И тогда они радовались бы несоизмеримо больше, чем в случае победы над Голландией, Германией, Италией, над кем бы то ни было! Точно так же, как мы. Как и я. И все-таки, как же это прекрасно — победить Бразилию!

А ведь они внушали всем миру, что только Бразилия умеет играть в красивый футбол. Мы же своей игрой доказали, что это не так, что мы тоже можем показывать «jogo bonito». Для бразильцев все всегда «tudo bem», «все хорошо», а для нас наоборот: если что-то не ладится, значит все — дерьмо. Мы разочаровали людей, и они отвернулись от нас, в чем я не вижу ничего удивительного или плохого. Эй, мне нравится

национальный характер бразильцев, но в футболе я хочу их победить, победить любой ценой или умереть. Это соперник всей моей жизни, Мой Соперник с большой буквы.

На поле они настоящие черти, потому что никогда не изменяют своим принципам. Даже несмотря на то, что к тому времени уже целых 20 лет ничего не выигрывали. А ведь в 1994 году чемпионом мира стала худшая сборная Бразилии за всю ее историю. Самая худшая! В 1982 году она не забивала менее пяти мячей за игру, но тогда она поплатилась за свое пренебрежение к итальянцам, которые, как всегда, прилежно исполнили свою роль. Итальянцы были великолепны в контратаках, благодаря им я многому научился, выступая там: позволять им идти с мячом, идти вперед, но только до тех пор, пока не пришел черед вмешаться обороне. И мы уже знали, что когда защитники «Наполи» отбирают мяч, настает наше время, время контратаки. И проделывали это против команд из Германии, Голландии, России. Если нам удавалась контратака, она обязательно завершалась голом. Мы неслись на всех парах, Карека и я; два касания мяча, «пум!», и вынимай… Бразилия не имела это в виду в 90-м, как не имела в виду и в 82-м. В Испании ей нагадила Италия, в Италии — мы, в частности Каниджа и я, и ту комбинацию я до сих пор считаю одним из самых лучших моих воспоминаний.

Наше путешествие по Италии продолжалось, но теперь уже с другим настроением. Из Турина мы отправились в Рим, а оттуда — во Флоренцию. Следующей преградой на нашем пути была Югославия, которая играла очень хорошо: за нее выступали Просинечки и Стойкович. Матч против югославов стал для нас одним из лучших на этом чемпионате мира, но мы никак не могли им забить. К счастью, они тоже. Дело дошло до послематчевых 11-метровых, и здесь пробил звездный час Гойко, нашего вратаря Серхио Гойкоэчеа. Мы вели в серии, потому что Стойкович смазал свой удар, и когда подошел мой черед, я получил возможность сделать счет 3:1, что практически означало победу.

Ворота сборной Югославии защищал Ивкович, с которым я хорошо был знаком: в одном из розыгрышей Кубка УЕФА «Наполи» встречался с лиссабонским «Спортингом», за который он выступал, и мы с ним поспорили на 100 долларов, что я смогу забить ему с пенальти. «Дело сделано», — сказал я ему, принял вызов без раздумий, и…он парировал мой удар! Однако, серия 11-метровых продолжилась и в итоге закончилась в нашу пользу. Теперь судьба вновь свела нас, и я опять не смог его переиграть! Однажды я заявил, что не забил специально, что это была такая примета, чтобы для нас все закончилось так же удачно, что и в

том матче «Наполи»… Брехня! Назад, к центру поля, я шел убитый, а навстречу мне двигался Гойко, который сказал мне: «Не волнуйся, Диего, я отобью два удара». Он заявил это на полном серьезе, но когда Савичевич забил, а Трольо — нет…. И тут Гойко сперва парировал удар Брновича, а затем — Хаджибегича, выполнив свое обещание. Я повис у него на шее, и мы побежали к кромке поля, где стояли наши жены. Мы не могли в это поверить: Мы были в полуфинале!

Этот полуфинал имел совсем иную ценность: нам противостояла Италия, и где? — в Неаполе! Когда я, счастливый, пришел на пресс-конференцию, то сказал слова, которые мне никогда бы не простили, но это была чистейшей воды правда: «Мне не нравится то, что все вокруг просят неаполитанцев стать итальянцами и поддерживать свою сборную. Неаполь был отвергнут всей Италией, а в отношении его жителей исповедовался самый изощренный расизм». Я не хотел настраивать неаполитанцев против Италии, я просто рассказал, как все обстояло на самом деле. Я помню, как лидер одной из фан-группировок «Наполи», Дженнаро Монтуори, выступил с публичным заявлением: «Мы выложимся ради победы Италии, но уважая аргентинцев и аплодируя им». Кто воспользовался моментом по полной программе — это итальянские газеты, которые вышли с заголовками типа «Теперь, Италия против Марадоны» или «Дорогой Диего, увидимся у тебя дома».

На самом деле, когда я вышел на поле в день матча, 3 июля, первое, что я услышал, были аплодисменты, а затем я увидел надписи на транспарантах: «Диего, ты в наших сердцах, Италия — с краю, Неаполь тебя любит, но Италия — наша родина». Национальный гимн Аргентины впервые за весь чемпионат мира прозвучал под аплодисменты от начала до конца; для меня уже только это было победой.

Мы очень редко выходили на игру с таким спокойствием. Возможно, потому что в нашу победу мало кто верил или потому, что тактика итальянцев не представляла из себя никакого секрета. И я даже не забеспокоился, когда Тото Скилаччи забил нам первый мяч. Я подошел к Канидже и сказал: «Спокойно, Кани. Будем играть, как играли».

Мы и играли в том же ключе, хотя сравняли счет тогда, когда лучше выглядели они. Навес Олартикоэчеа, великолепный удар Каниджи, и… вынимай, старик, вынимай. Тогда я подумал, что для любого соперника наихудшим исходом были бы послематчевые пенальти. Время, оставшееся до них, мы провели, работая без отдыха, и за нашей спиной был такой ас как «Баск» Гойкоэчеа.

На этот раз я уже не промахнулся с 11-метровой отметки. Я ударил, как всегда, мягко и попал. И я услышал возгласы радости не только моего отца или Клаудии. Я услышал крики с явным неаполитанским акцентом. А Гойкоэчеа среагировал на удары Донадони, Серены, и реальность стала чудом. Мы носились по полю и обнимались как сумасшедшие. По дороге в так хорошо мне знакомый тоннель я поднял руку, чтобы поприветствовать трибуны, и они ответили мне аплодисментами. Уже на лестнице я, опираясь на стену и на Эчеверрию, поцеловал свою футболку, прокричав «Я тебя люблю!», и сжал ее в кулаке.

В нашей раздевалке царила такая радость, что никто из нас не отдавал себе отчет в том, что происходило вокруг. Даже в том, что из-за перебора желтых карточек в финале не смогут сыграть ни Олартикоэчеа, ни Батиста, ни Джусти, ни Каниджа! Кани получил предупреждение за игру рукой в середине поля; Джусти также был расстроен: он знал, что уже никогда не сможет надеть футболку сборной.

Но мы были счастливы, несмотря ни на что. Мы, травмированные, преследуемые, гонимые, вышли в финал, и второй раз подряд добились права принять участие в решающем матче Мундиаля. Команда, которую называли беспомощной, добилась того, что мало кому удавалось, борясь от начала и до конца. Мы были самими собой. А за бортом осталась Италия.

Начиная с того момента, как мы обыграли итальянцев, Тригория перестала быть раем и превратилась в сущий ад. Первый симптом того, что мы находимся в состоянии войны, проявился всего лишь два дня спустя после матча с Италией. Мой брат Лало решил прокатиться на одном из моих «Феррари» вместе с Дальмой и Джанниной. Лало — не чокнутый, и он не способен нестись на машине со скоростью 1000 км/ч, если рядом с ним сидят две его маленькие племянницы. Тем не менее, полиция их остановила якобы за превышение скорости. Я могу представить, что сказал полицейским мой брат, у которого не было с собой никаких документов — что автомобиль принадлежит Диего Марадоне, что все недоразумения разрешатся сами собой по возвращении в Тригорию… Они действительно вернулись на базу, но вернулись как преступники, под конвоем.

На следующий день после этого, в четверг 6 июля, я встал с кровати, вышел на балкон и… То, что я увидел, вывело меня из себя и чуть не свело с ума. Я бегом спустился вниз, к воротам, и попросил охранников открыть их, чтобы все топтавшиеся за оградой журналисты смогли пройти. «Пошли, пошли, я хочу, чтобы вы это видели» — говорил я им, а они плелись за мной, ничего не понимая. Мы обошли здание сзади, и тогда я показал

им три флагштока. Они подняли глаза и смогли увидеть то, что заметил я, когда выходил на балкон: на одном развевался флаг Рима, на другом — Италии, а на третьем болтался остаток аргентинского флага, весь изодранный в клочья. Тогда, на пресс-конференции я сказал все, что об этом думал:

— После всего этого говорят, что к нам здесь хорошо относятся! С самого первого дня, как здесь разместилась сборная Аргентины, мы ведем борьбу против абсурда. Вчера вечером «повязали» моего брата, сегодня сорвали флаг. Эти вещи далеки от футбола, и я думаю, что пришло время вмешаться дипломатам и послам.

Итальянские журналисты меня тут же спросили:

— Диего, а как ты думаешь, кто сорвал флаг?

— Вокруг куча полицейских, и я не думаю, что сюда мог проникнуть кто-то посторонний. Это сделал кто-то из местных, из «Ромы». С самого начала к нам здесь было враждебное отношение, и я сразу же сказал Билардо, что он ошибся, выбрав Тригорию в качестве тренировочного лагеря. Президент «Ромы» Дино Виола нам сказал прямо в лицо, что обещает нам невыносимую жизнь и он это сделал с помощью подконтрольных ему газет. Он постоянно приходил посмотреть, стоят ли на своих местах креслах, не разбиты ли вазы, не вытоптан ли газон. Он относился к нам, как к цыганам. А мы такие же люди, как и все остальные. У нас есть дома, в которых тоже стоят вазы. Если они думают, что мы — индейцы, они сильно ошибаются.

Мы были пушечным мясом, потому что мы обыграли Италию, оставили ее без «золота». Нам этого не собирались прощать, нас хотели довести до белого каления перед финальным матчем против Германии…

Немцы шли к финалу, верные своему стилю. В полуфинальном матче, проходившем в Неаполе, они обыграли Англию. Я вспоминаю, как в день решающей встречи, 7 июля в субботу, когда мы прибыли на Олимпийский стадион в Риме, ко мне подошел Грондона и сообщил мне, что у него дурное предчувствие относительно исхода финала. Я повздорил с Хулио, я не мог поверить в то, что он способен произнести такие слова. И после окончания игры он сделал самое худшее из того, что можно было сделать, сказав: «Ладно, все хорошо, мы сделали все, что могли сделать».

Тот матч против Германии был настоящим фарсом. С самого начала. Неуважение к гимну Аргентины, которое впоследствии переросло в ненависть, когда на гигантском экране появилась моя физиономия. И я сказал, обращаясь ко всем, сказал так, чтобы меня поняли на любом языке: «Сукины дети, сукины дети». Я не

стал кричать во весь голос, я произнес эти слова так, как если бы я говорил их на ухо каждому из моих ненавистников. Один на один. Я был готов драться со всеми вокруг, с кем придется.

Мы вновь противостояли Германии, четыре года спустя после победы в Мексике. Из чемпионов мира на поле были только доигрывавший Бурручага, Руджери и я. В этой войне мы потеряли кучу солдат.

Немцы были сильнее, но мы играли достойно. Очень достойно. В дебюте встречи Бухвальд ударил меня так, что я сразу понял, как будет складываться игра. И мексиканский арбитр не заметил этого нарушения правил, как не заметил ни одного фола с их стороны в течение первых двадцати пяти минут. Когда закончился первый тайм, я подошел к мексиканцу и попросил его: «Ну обратите же внимание на грубость. Пожалуйста». И он обратил, наказав Монсона за фол против Юргена Клинсманна. Удача отвернулась от нас, а от той команды, что была чемпионом мира, на поле остались только осколки.

Я пообещал моей дочери Дальме, что вернусь с Кубком мира в руках, но теперь я был вынужден объяснять ей очень уродливую и мерзкую вещь: в футболе, в нашем футболе была мафия. Не та мафия, которая убивает, а та, что способна назначить несуществующий пенальти и не дать его тогда, когда нарушение видно невооруженным глазом. Это и приключилось в матче Аргентина — Германия: этот сеньор, мексиканец Эдгардо Кодесаль, вообразил, будто Сенсини свалил Фёллера, но не пожелал увидеть, как Маттеус сбил Кальдерона, за несколько мгновений до этого. Это я должен был объяснить своей дочери, хотя вряд ли она что либо смогла бы понять.

И после финального свистка я плакал, плакал без тени стыда. Почему я должен был скрывать мои слезы, если они передавали все мои чувства в тот момент. Билардо послал Гойкоэчеа прикрыть меня, чтобы никто не видел меня плачущим. Зачем?! Я очень огорчился, что зрители нас не понимали, что они продолжали свистеть, когда мое изображение появлялось на экране. Чего они добивались? Хотели втоптать меня в газон? Впрочем, такое отношение меня не удивило; я привык к тому, что меня ненавидели в Риме и Милане. Потом я не захотел обменяться рукопожатиями с Авеланжем, потому что я ощущал себя ограбленным и чувствовал, что он приложил к этому свою руку. И я не захотел праздновать второе место, которое меня совершенно не устраивало.

Я был убежден, что моя жизнь изменится после всего того, что мне пришлось пережить. Я должен был вернуться в Италию, обязан был сделать это для того, чтобы взять реванш, показать,

что я из себя представляю. Но я никогда не мог себе представить то, что мне придется пережить то, что я пережил после Мундиаля. Это были кошмарные месяцы, за которые разошлись наши пути с Гильермо Копполой. Я вернулся в Буэнос-Айрес в октябре и подписал все бумаги, и моим новым агентом стал Хуан Маркос Франки. Кроме того, я выступил со следующим заявлением: «Я не буду больше выступать за сборную, это обдуманное и взвешенное решение. У меня болит душа, я не больше не буду капитаном команды, которую я так люблю. Меня вынудили сделать это. Дошло даже до того, что в Аргентину прибыл Жоао Авеланж, и его приняли с такими почестями, словно ничего и не случилось. Что, все уже забыли Мундиаль? Забыли о том, как встречали нас в аэропорту с криками «герои!»? С ума сойти! Хулио Грондона послал телеграмму президенту «Ромы» с благодарностью за прем, оказанный Аргентине. А мы то, идиоты, дураки, я, Руджери, Джусти, Браун — на нас наплевали, наплевали на то, как там к нам относились. У нас украли победу, а Грондона, вице-президент ФИФА, не пошевелил и пальцем. С болью в сердце я покидаю сборную Аргентины, потому что я ее люблю». Эти слова я произнес 11 октября 1990 года, и они были сказаны от чистого сердца…

12 марта 1991 года началась решающая неделя, кошмарная неделя в моей карьере и моей жизни. Альфио Басиле, назначенный главным тренером сборной вместо Билардо, повел себя как настоящий джентльмен во всей этой истории. Он всегда говорил: «Футболка с номером № 10 принадлежит Марадоне и жду его возвращения. Но я хочу дать ему время осмотреться, прийти в себя». Басиле позвонил моему агенту, Маркосу, попросив того устроить встречу со мной, и я ответил согласием. Маркос передал мне слова Басиле и они подействовали на меня как магическое заклинание: «Я хотел бы встретиться с Диего, побеседовать с ним. Но прежде всего побеседовать с ним как человек, поддержать его в этот непростой период». Для меня, замученного оскорблениями, эти слова были как рука помощи, и я пообещал ответить ему.

17-го, в воскресенье, мы принимали «Бари» на «Сан Паоло» в рамках чемпионата Италии, чемпионата, в котором каждый матч для нас был настоящим сражением. Мы выиграли 1:0 благодаря голу Дзолиты, Джанфранко Дзолы. Он обычно заменял меня, но в тот вечер мы играли вместе. Никто вокруг, включая нас самих, не мог себе представить, что такая возможность нам больше не представится. Мне предстояло пройти антидопинговый контроль, и…вендетта свершилась. Мне обещали отомстить, и отомстили.

Слава Богу, сегодня мы можем изобличить фарисеев, которые

никогда не касались мяча, а только обманывали людей. Лаборатория, в котором делали мой анализ, подозревалась в махинациях, и не только из-за моего случая. Мой случай итальянцы никогда не стали бы расследовать. Этот допинг-контроль был местью, вендеттой, потому что Аргентина обыграла Италию, и хозяева Мундиаля лишились миллионов прибыли. После того матча в Неаполе Матаррезе, который был президентом Итальянской федерации футбола, смотрел на меня без улыбки и без огорчения; он смотрел на меня так, как это обычно делают мафиози. И тогда я подумал: «Как же трудно мне будет здесь дальше жить».

Только невежды могли заявить, что я извлекал выгоду из того зелья, что я принимал. Если я кому и вредил, то только самому себе, и это никак не помогало мне забивать мячи. К счастью, Бог не оставил меня, он все видел, и заставил кое-кого из служащих той лаборатории сказать правду о происходящем, чтобы все знали о том, что дело здесь нечисто.

Тем временем, в воскресенье, 24 марта 1991 года, сам того не зная, я провел свой последний матч за «Наполи»: в Генуе мы проиграли 1:4 «Сампдории», и единственный гол с пенальти забил я. Самый печальный гол в моей жизни.

Мое возвращение в сборную было отложено. Я не смог сыграть против Бразилии, но судьба еще только готовила мне сюрприз. Мы встретились с «Коко» Басиле, встретились…но через два с половиной года! Итальянская федерация футбола дисквалифицировала меня на 15 месяцев, тяжелых и незабываемых. За это время я многое переосмыслил, думая обо всем. Обо всем, но только не о том, что я вернусь так, как впоследствии вернулся…

Глава 10
БОЛЬ

США-94

Сегодня я настаиваю — мне отрубили ноги

Единственная правда о мундиале-94, о которой умолчал Даниэль Серрини, состоит в том что никто мне ничего не обещал; это ложь, что ФИФА сначала предоставила мне возможность делать все, что я захочу, а потом обманула меня, устроив антидопинговый контроль. Это вопиющая ложь!

Единственное, о чем я попросил Грондону, когда уже все закончилось, это то, чтобы все имели в виду, что я не пытался извлекать какую бы то ни было выгоду, я просил, чтобы мне позволили закончить этот мундиаль, мой последний мундиаль. Раз уж они разрешили это испанцы Кальдере в Мексике четырьмя годами ранее, то почему бы им не сделать то же самое для меня, вот о чем я их просил… А вместо этого мне дали по голове, впаяв мне полтора года за то, что я принимал, сам того не зная, эфедрин, который принимают бейсболисты, баскетболисты, игроки в американский футбол в США — как раз там, где были и мы… Самое плохое, что мне никто не сообщил о том, что эфедрин входит в мой рацион, хотя все вокруг знали, что он абсолютно не нужен для того, чтобы лучше бежать и лучше играть.

Я прибыл на Мундиаль абсолютно чистым, потому что знал, что это последняя возможность сказать моим дочерям: «Я — футболист, и если вы меня не видели в деле, теперь вы сможете это сделать». Именно поэтому я отпраздновал свой гол в ворота сборной Греции таким криком. Я хотел сказать всему миру о том, что мне не нужны наркотики для того, чтобы взять реванш и показать, насколько я счастлив! И поэтому я плакал, и буду плакать, потому что мы были чемпионами мира, и у нас отняли нашу мечту.

В действительности, моя история на мундиале в США, которая закончилась так, как закончилась, началась намного раньше.

В феврале мы наконец-то встретились с Альфио Басиле. Он вызвал меня в сборную месяцем раньше, 13 января, и мне, как и

предполагалось, пришлось сцепиться с президентом «Севильи» Луисом Куэрвасом, который ни в какую не хотел меня отпускать. В итоге я заявил, что этот человек хочет меня поиметь, послал его куда подальше, сел в самолет и улетел. Нам предстояло провести два товарищеских матча, против сборной Бразилии в честь 100-летия Аргентинской футбольной ассоциации, и на Кубок Артемио Франко против сборной Дании. В этом матче традиционно встречались лучшие сборные Европы и Южной Америки. Аргентина выиграла континентальное первенство 1991 года, проходившее в Чили, но я из-за дисквалификации был вынужден наблюдать за ним со стороны. Мало что переносишь так болезненно как это: одно дело, ждать, вызовут тебя или нет, и совсем другое — знать, что этого не произойдет ни при каких обстоятельствах.

Прибыв в Буэнос-Айрес, я впервые в своей жизни отправился на новую базу сборной в Эсеисе, и я посчитал, что должен дать кучу объяснений. Я говорил по существу, чтобы ни у кого больше не осталось никаких сомнений: «Во-первых, я хочу поблагодарить Басиле за вызов в сборную. Это мое возвращение домой. И хотя я два с половиной года не надевал бело-голубую футболку сборной, я всегда ощущал себя ее игроком. Мне осталось совсем немного играть в футбол, и я не упущу эту возможность».

Тем не менее, оставалось еще много острых вопросов, например, капитанская повязка. Мы пару раз обсуждали это с Руджери, и он сказал, что решит, как поступить… Но все эти вопросы уходили на второй план, так как я был буквально заворожен возможностью выйти на поле под десятым номером после того проклятого матча с Германией в Риме. Я мечтал сыграть вместе с такими «монстриками», как Каниджа, Батистута в нападении и Симеоне позади меня, которые уже начинали блистать на стадионах мира. Эта команда не знала поражений в 22 встречах подряд, с тех пор как ее принял «Коко» Басиле, и люди ее любили, восхищались ее игрой. Для меня, после стольких страданий с Билардо, это были совершенно новые ощущения, и я хотел побеждать всех и всегда, побеждать даже в «двусторонках» на тренировках.

То, что я тогда завоевал, стало предметом гордости моей футбольной карьеры — признание АФА, присвоившей мне звание лучшего футболиста Аргентины всех времен. Я был в восхищении, но в то же время мне было немного стыдно, что позади остались такие имена как Морено, Ди Стефано, Педернера, Кемпес, Бочини. Я так хотел этого признания, но в то же время его стыдился… По прошествии многих лет, в 2000 году, меня признали спортсменом века в Аргентине, также что-то

невообразимое… Трудно сравнивать эти титулы, лучше сказать «спасибо» за то, что они сделали счастливыми моих близких — больше даже их, чем меня.

На следующий день, наконец-то, настало время выйти на поле.

Тот четверг, 18 февраля 1993 года, с капитанской повязкой на рукаве, которую мне вернул Руджери, я ступил на газон переполненного стадиона «Монументаль». Мы сыграли вничью 1:1, гол организовали Симеоне с Манкусо, а я закончил игру, сотрясая ударами воздух, потому как заметил, что нам всем чего-то не хватало. Мы не показали все, на что были способны.

На следующий день по улицам города уже вовсю разгуливала очередная глупость из тех, что возникали вокруг моей персоны. На этот раз — «Диегозависимость». Что это за херня, «Диегозависимость»?! Оказывается, из-за меня игра сборной якобы сильно изменилась, и отнюдь не в лучшую сторону: все искали меня на поле, все во мне нуждались… Какого им хрена вообще было нужно?! Пожалуй, если бы я родился в Рио-де-Жанейро или Берлине, такой проблемы вообще не существовало бы. Такие рассуждения просто выводили меня из себя.

Я вернулся в «Севилью» чтобы сыграть против «Логроньеса» и обнаружил, что обстановка в клубе накалена. Все мне напомнило те времена, когда я летал по маршруту Неаполь — Буэнос-Айрес, чтобы играть и здесь, и там, то за клуб, то за сборную. И в 32 года мои предпочтения были на стороне сборной. Мы проиграли «Логроньесу», и я стал готовиться к поездке в Аргентину… Но руководители клуба ничего не хотели знать, объявив, что я и «Чоло» Симеоне будем оштрафованы, если не останемся в Испании. Тренировавший команду Билардо не знал, что делать, и только сказал мне: «Ты готов сыграть 90 минут, но не больше». 27 февраля, когда закончился матч против Дании в Мар-дель-Плате, закончились 90 минут основного времени, дополнительное и серия пенальти, я с Кубком Артемио Франки в руке, и никто вокруг не мог понять, что я хотел этим сказать: «Билардо ошибся, Билардо ошибся!». Мы победили по пенальти, и я опять послушался Гойкоэчеа, который сказал мне: «Не беспокойся, я отобью два» и сделал это, как в 1990 году в Италии. Я реализовал свой пенальти, и мы отпраздновали победу.

Для меня это не было просто еще один трофей. Поэтому я заявил: «Из всего этого я хочу сделть один вывод — в 32 года я все еще могу играть 3 матча за 10 дней. Басиле дает мне свободу перемещения по всему полю и по всей ширине атаки. Я чувствую себя комфортно, снабжая мячами Каниджу и Батистуту, одно удовольствие наблюдать за тем, как они бегут. И мне доставляет

наслаждение делать им голевые передчи. Я всегда верил в свои силы, и в футболе нужно каждый день доказывать свой уровень; я сдал экзамен и пойду дальше, я не собираюсь останавливаться на этих матчах».

Кто бы мог себе представить, чем обернутся для меня эти матчи! По возвращении в «Севилью» я очутился в настоящем аду. Меня оштрафовали, заставили подписать бумагу, в которой я приносил свои извинения клубу… и все изменилось. Ко всему прочему я получил травму… Басиле внес меня в предварительный список сборной для участия в Кубке Америки, но и он, и я знали, что сыграть там мне может помочь только чудо… Андалусийцы сводили меня с ума, они даже были готовы стравить меня с Билардо. Это случилось в воскресенье 13 июня 1993 года, и тогда же завершилось мое пребывание в «Севилье».

Через пять дней сборная дебютировала на Кубке Америки в эквадорском Гуаякиле матчем против Боливии. И, конечно же, без меня. Аргентина одержала победу, и если следовать логике, та же самая группа игроков должна была стать основой команды в отборочном турнире к чемпионату мира 1994 года в США. Я вернулся в Аргентину и следил за всеми матчами турнира, но больше всего за теми, в которых принимал участие Уругвай. И, как болельшик сборной, я рассуждал: «Басиле выиграл два Кубка Америки, отказавшись от человека, который отдал жизнь за сборную, и он лучше знает, что делать… Если он меня позовет, я ни за что не соглашусь». Это я сказал, будучи на взводе, два дня спустя после аргентинского триумфа в отборочном матче против сборной Перу, в Лиме. У меня не было проблем с Басиле; он верил в своих ребят, которые не знали поражений Бог знает сколько игр подряд… Меня бесило то, что меня использовали в своих целях во встречах с Бразилией и Данией, а потом бросили…Может быть, тогда я выглядел капризным, но когда я попадаю в сборную, то просто теряю голову.

Некоторое время спустя начались переговоры относительно моего возвращения в аргентинский футбол. Я мог оказаться в «Боке», «Сан Лоренсо», «Бельграно», «Архентинос», но почти никто не думал о «Ньюэллз Олд Бойз». Между тем, я по-прежнему оставался всего лишь одним из болельщиков сборной Аргентины, и ничего больше.

5 сентября 1993 года я и вышел на поле стадиона «Монументаль», стадиона, принадлежавшего «трусам и курицам», как болельщик. На мне была футболка с 10-м номером, но саму игру Аргентина-Колумбия я смотрел с трибуны. Я пришел на стадион пешком из дома в сопровождении моего отца, шурина «Морсы», Клаудии и Маркоса Франки. Это была еще одна

прогулка, ведь если аргентинцы побеждали, хотя бы с минимальным счетом, вопрос выхода в финальную часть чемпионата мира был бы решен. Но вместо этого мячи посыпались в наши ворота: один, другой и так до пяти; я не мог в это поверить! В это нельзя было поверить! Господи, как же у меня болело сердце… А когда зрители, включая аргентинцев, начали скандировать «Колумбия! Колумбия!», мне захотелось покончить с собой. Как же я был взбешен, как же мне было больно! Я вернулся домой весь в слезах, я плакал, пока шел все эти десять кварталов… Я плакал, а все вокруг мне говорили: «Диего, вернись! Вернись, Диего!». А ведь я даже не выходил на поле для того, чтобы меня об этом попросили!

Стадион заходился в крике: «Марадооо! Марадооо!», но для меня это было подобно оскорблению. Я плакал, потому что аргентинский футбол проиграл со счетом 0:5, и это был громадный шаг назад, который мог оставить нас за бортом Мундиаля. Единственное, что тогда имело ценность — это результат, статистика. Колумбия не выглядела уж такой неудержимой, и даже такое поражение не являлось свидетельством о смерти сборной Аргентины; просто колумбийцы могли теперь считать, что благодаря этому триумфу они вошли в историю, ведь больше никогда им не удалось повторить нечто подобное.

Со стадиона я ушел мертвым, потому что эта сборная «Коко» Басиле была сборной, в которую верили и которую любили. Именно поэтому зрители заполнили трибуны до отказа, ведь они, как и я, шли на праздник, шли отметить наш выход в финальную часть чемпионата мира… И в итоге мы оказались висящими на волоске.

Ниточкой, связывающей нас с Мундиалем, нашим единственным шансом были стыковые матчи с Австралией. Я не знаю, хотел ли я в тот момент использовать этот шанс; все мои мысли были о том, чтобы этот шанс был у ребят, чтобы они взяли реванш. Но что произошло? Меня попросили вернуться, попросил сам Басиле, и попросили его ребята. Я не говорю о простых людях; они поставили бы меня в состав с закрытыми глазами. И я согласился, потому что это было делом чести всего аргентинского футбола — совершить скачок вперед после отката назад, которым была колумбийская «голеада». Я оказался между молотом и наковальней: я должен был вернуться, и я вернулся. Через четыре дня после той «голеады», 9 сентября я официально стал игроком клуба «Ньюэллз Олд Бойз». Для меня это означало возвращение к жизни.

Я уже начал одно из моих «классических возрождений», на

этот раз по китайской методике, которая позволяла сбросить 11 килограммов за неделю. Я заключил контракт с Даниэлем Серрини в качестве моего персонального тренера по физподготовке, и мы поставили задачу достичь и превзойти тот уровень подготовленности, который был у меня в 1986 году в Мексике. Он также занимался составлением моей диеты, и всякий раз просил меня набраться терпения. Мы стали тренироваться три раза в день! Он был настоящей бестией, но в то же время верил в меня… А я? Я понимал, что это последние годы в моей карьере, и хотел их провести как можно лучше.

Я знал, что «Коко» меня любит, но я не хотел сам делать шаг ему навстречу. Были и те, кто пытался вбить ему в голову, что я буду разлагать коллектив и так далее, и в том же духе… Тогда я выступил с обращением на страницах прессы 23 сентября: «С «Коко» мы никогда не дистанцировались друг от друга, мы оба вскипаем очень быстро, и мы уже все выяснили, кому что не нравится. Теперь я должен улучшить свою физическую форму, чтобы вернуться в сборную». А два дня спустя мы с ним встретились.

Басиле официально попросил меня вернуться в сборную на встрече в офисе его агента, Норберто Рекассенса, которая продолжалась два часа. Там же был его помощник, профессор Эчеваррия, который уже несколько раз беседовал со мной, и знал, как никто другой, что я способен на любую жертву. «Коко» сделал мне официальное предложение как тренер сборной, и я сказал ему «да».

Мысль о возвращении в сборную меня вдохновляла, это стоило сделать хотя бы ради того, чтобы моя страна не осталась за бортом мундиаля. Но было вовсе не обязательно, чтобы сборная отправилась США только вместе со мной. И постепенно ребята стали понимать, что я собой представляю, ведь в сборной были сплошные новички! Эта команда выиграла два Кубка Америки, но она не была великой командой!

Мне хватило одного взгляда чтобы понять, в каком состоянии находится сборная: игроки были разбиты и подавлены. Я начал с того, что попытался расставить точки над «i» с Руджери, который тогда являлся капитаном команды, но он отреагировал болезненно, заявив, что я нарушаю все правила, вынося на обсуждение то, что не следует… И я ему ответил… очень легко: «Оскар Руджери абсолютно не оскорбил меня, он меня огорчил, потому что сказал много глупостей, и мне показалось нелепым то, что такие серьезные люди говорят такие вещи». Мы уединились в одной из комнат и там высказали друг другу все, что думаем. И чуть ли не подрались — не на кулаках, но… И я

заставил его понять, что он не сможет помешать мне высказываться о сборной, для которой я столько сделал, так, как я считаю нужным. И он это понял.

После этого я встретился с Редондо. Когда он в первый раз отказался от приглашения в сборную из-за учебы в университете (!), «El Grafico» разместил на своих страницах фотографию, где Редондо был изображен сидящим с книгами под рукой напротив своего факультета. Я сказал ему, нет, я прокричал ему: «Посмотри, для меня те, кто держат книжки под рукой и выставляют меня невеждой, — настоящие сукины дети! Понимаешь?!». Он ответил мне: «Я сделал это безо всякого умысла, извини меня, Диего, и не бери в голову». А я уже не мог остановиться: «Если кто и может назвать меня невеждой, то только моя дочь, но не ты. Ты для меня всего лишь кусок дерьма». И парень повел себя очень достойно, он уже тогда был личностью. Он мне привел все свои доводы, один за другим, но я был неумолим: «Можешь рассказывать мне все, что хочешь, но никто не смеет выставлять меня невеждой».

Я был готов подраться с ним, как с Руджери, и он тоже… Однако ни тот, ни другой не имели достаточной смелости для того, чтобы в открытую пойти против меня, так как я стоял на защите интересов сборной.

Всем остальным я сказал следующее: «Перестаньте валять дурака! Мы будем играть и победим, потому что мы должны выйти в финальную часть чемпионата мира». И мы вышли; пусть и усираясь, но все-таки вышли.

В Австралии не было антидопингового контроля. Почему его не было? На этот вопрос должны ответить Авеланж, Блаттер, Гронdона, они. Они настаивали, что речь не шла о том, чтобы Аргентина осталась за бортом Мундиаля; якобы они хотели развязать нам руки, чтобы мы принимали эфедрин или еще что-нибудь, что могло заставить нас летать по полю…Ну не смешите меня, пожалуйста! Я убежден, что они не провели допинг-контроль потому, что боялись.

В Сиднее я отметил свой 33-й день рождения, отметил на день раньше из-за разницы в часовых поясах; когда там было уже 30 октября, здесь — все еще 29-е. Мне подарили торт в форме Кубка Мира и самым большим счастьем для меня было съесть его вместе с Клаудией, моим отцом и моими друзьями. Клаудия разбудила меня рано и вручила мне свой подарок — восхитительный «слип» от Версаче, а также двух черно-белых плюшевых медвежат от моих дочерей. Тут же она включила магнитофон, и раздались голоса Дальмы и Джаннины, певших песню для меня и про меня. У меня из глаз покатились слезы. Я

помню, как Хуан Пабло Варски, посланный 13-м каналом, поставил грузовик с динамиками у входа в отель, оттуда транслировал мой праздник и позвал мне к телефону великого Фито Паеса. И я чувствовал, что та песня «Дай моему сердцу радость» исполнялась для меня. Я был счастлив. Все мои недоброжелатели могут говорить, что я находился на привилегированном положении, но для меня они были не более чем признанием моих достижений за годы футбольной карьеры. К примеру, номер в отеле «Holiday Inn Cogee Beach» выбрала моя жена, и я рассказал об этом публично, чтобы всем было предельно ясно: «Ребята, в 33 года, после всего того, что я выиграл, я не могу просить свою супругу приходить ко мне словно в гости в тот отель, где расположилась сборная… Ладно, или же кто-то хочет, чтобы я им говорил: «Я уже велиииикий!»?». Думаю, что они все прекрасно поняли, ну, а кто не понял, тот — законченный дебил.

Все были удивлены моим внешним видом, я на самом деле был худым и весил 72 килограмма. Бедняга Ричард Гир втихую завидовал мне, глядя на меня украдкой! Серрини чуть не сошел с ума, но все же достал для меня овсянку, с которой я начинал каждое утро. Кроме того, там я завел моду на футболки и шапочки с посвящениями для аргентинцев, которые, на мой взгляд, того заслуживали: «Ольмедо, я по тебе скучаю», «Фито, дай моему сердцу радость», «Вилас, кумир», «Держись, Чарли», «Монсон, великий».

На следующий день после моего дня рождения, 31 октября, мы сыграли вничью 1:1, и единственный мяч с моей передачи забил Бальбо. Я был счастлив вновь почувствовать себя капитаном сборной, надев новую повязку синего цвета, на которой были изображены лица моих дочерей. Я заканчивал матч измотанным, но Басиле попросил меня остаться на поле до финального свистка: «Останься, останься! Пусть Редондо идет вперед, а ты — назад, только останься». Я вновь почувствовал себя нужным, но меня никоим образом не устраивала игра команды. Я не показывал и виду, но в действительности был очень разочарован. После игры я сделал единственное заявление, которое было достаточно красноречивым: «Я должен был больше снабжать мячами Абеля и Бати, я должен был держаться лучше, мы должны были выиграть… Не знаю, но лично для меня эта ничья — ничто».

Здесь мы также держались с трудом. 17 ноября на «Монументале» мы выиграли 1:0 и вышли в финальную часть чемпионата мира. Но вышли еле-еле.

Когда я приехал в Аргентину, то захотел сыграть за

«Ньюэллз» как можно больше матчей, ведь именно благодаря этому клубу я вернулся в сборную. Я снова стал футболистом, и смог продемонстрировать то, что я умею, что я могу дать другим. Мы встретились с «Бельграно» в Кордобе, и ощущался душок заговора против «Коко»; у некоторых те 0:5 по-прежнему сидели в печенках, несмотря на то, что мы прошли на чемпионат мира. И я, как всегда, не смог смолчать: «Если уходит Басиле, ухожу и я. Заговор против «Коко» продолжается, есть люди, которые хотят убрать его во что бы то ни стало».

Однако моя «машина» больше не выдерживала, моя «машина» — мое тело. В матче с «Ураканом» вечером 2 декабря я услышал звук разрыва связок, который ни с чем нельзя перепутать. И по этой причине я не смог принять участие в товарищеской встрече, которую сборная проводила с Германией в Майами. Кубинские экстремисты, выступавшие против Фиделя Кастро, пообещали убить меня, если я ступлю на землю Майами, и только из-за того, что я был другом Команданте. Как же мне хотелось встретиться с ними лицом к лицу, но я лишился такой возможности.

Когда я захотел вернуться в январе для того, чтобы сыграть несколько товарищеских матчей против «Васку да Гама», то вновь получил травму. Впереди у меня оставалось пять с половиной месяцев для того, чтобы узнать, будет ли американский мундиаль четвертым в моей карьере. И вновь появились сомнения.

1 февраля истек мой контракт с «Ньюэллз», и в этот же день мне пришлось пережить один из самых неприятных эпизодов в моей жизни: группа журналистов самым нахальным образом вторглась в мою личную жизнь. Они влезли со своими камерами в мой дом на Морено, не удовлетворились моими объяснениями, что за последний месяц меня никто не фотографировал для всеобщего обозрения, и я не смог не отреагировать на это вмешательство. Я отреагировал так, как мог отреагировать любой на моем месте. Это был тот самый эпизод с выстрелами, не имеющий ничего общего с этой футбольной историей, и я думаю, что мою личную жизнь никто не имеет права превращать в новость, выставляя ее на всеобщее обозрение.

Я взял отпуск, который, думаю, заслуживал, и отправился на восток страны, на курорт Марисоль неподалеку от Трес Арройос наслаждаться отдыхом с семьей и ловить акул. Мне нужен был этот глоток воздуха: наслаждение от жареной на решетке рыбы, от солнца как в Вилья Фьорито, от общения с приятными людьми, от работы… Я не поехал в Сан-Тропез; в моем домике было всего две комнаты, гараж с решеткой для жарки, и это все никак нельзя было назвать «дворцом». Я поехал на восток, потому что знал, что здесь ко мне будут относиться как «одному из»! Что здесь я буду

просто Диего.

Я пробыл там пару недель, а когда вернулся домой, то отправился на стадион посмотреть матч между «Бокой» и «Расингом», который проходил 13 марта. Отвечая на чей-то вопрос я сказал то, что думал: «Я хочу играть на мундиале!», и на следующий день уже тренировался вместе со сборной в Эсеисе.

На 23 марта был назначен товарищеский матч со сборной Бразилии, и хотя я знал, что не смогу набрать форму к этому времени, желание сыграть было столь велико, что я попросил Басиле поставить меня в состав. Однако, он убедил меня, что предпочитает видеть меня в полном порядке на чемпионате мира, а не в товарищеских встречах. И я отправился вместе с командой в Ресифи, чтобы побыть вместе с ребятами, прочувствовать атмосферу сборной. И я во второй раз в своей жизни сидел на скамейке запасных, когда сборная проводила матч; впервые это произошло в день моего дебюта, и вот теперь это случилось сейчас благодаря любезности Басиле, который не захотел оставлять меня на трибуне.

Как только мы вернулись в Аргентину, я поставил ультиматум самому себе. В конце месяца, 31 марта, я сказал Басиле: «Коко», во вторник я скажу вам либо «большое спасибо», либо то, что я буду продолжать готовиться к мундиалю. В первом случае я буду играть только за «Ньюэллз», а во втором — и за сборную тоже. Я не хочу вам лгать». И опять мои слова переврали; старик, я не хотел никого обманывать и не собирался ехать в Штаты, занимая чужое место.

Для тех, кто говорит, что я — безответственный человек, сообщаю: 5 апреля, во вторник, с помощью Маркоса Франки я обзвонил всех, кого должен был обзвонить, и первым был Басиле: «Коко», я попытаюсь, но мне нужно время для того, чтобы выйти на уровень остальных игроков сборной». Затем Фернандо Синьорини: «Я хочу, чтобы ты был рядом, давай развивать один из твоих планов». Также профессору Антонио Даль Монте, тому самому, который готовил меня к чемпионатам мира в Мексике и Италии, и доктору Нестору Лентини, который должен был занять его место к мундиалю в США. С Лентини связался Синьорини, когда он был директором в Сенаре, и по сей день я благодарен ему за все, что он сделал: он всегда был образцом деликатности и всегда давал мне то, в чем я нуждался… До тех пор, пока Уго Порта, который стал работать в Секретариате по делам спорта, не дал ему пинка под зад — пинка, который он не заслуживал.

В конце концов мы также позвонили дону Анхелю Росе… С доном Анхелем я познакомился во время своего отпуска, который проводил на востоке. Замечательный тип, из тех, что, как

говорится, «от земли». По ходу одного из карточных матчей он сказал мне: «Диего, приезжай ко мне, когда захочешь. Здесь ты сможешь охотиться спокойно». Я не забыл про него, и теперь мне как раз нужно было такое место — обособленное, тихое… Проблема была в том, что когда Франки позвонил ему от моего имени, он ему не поверил.

— Серьезно, дон Анхель. Я разговариваю с вами от имени Марадоны. Мы хотели бы принять ваше приглашение, которое вы тогда нам сделали, и провести несколько дней у вас на ранчо.

— Да, конечно, хе-хе-хе…

— Дон Анхель, вы мне не верите? Я тот, кто выиграл у вас в карты с 33 очками на руках…

— Маркос!

Тогда мы туда отправились. С Фернандо и с Маркосом, а также с Херманом Пересом и Родольфо Гонсалесом, молчуном и другом семьи, из Эскины, который с нами вот уже двадцать лет, всегда готовый помочь моим предкам. Мы приехали в воскресенье 10 апреля и оставались там до следующего воскресенья. За одну неделю мы успели сделать все: занимаясь аэробной работой с Фернандо, мы стали пробегать по 16 км ежедневно; также я боксировал с Мигелем Анхелем Кампанино, бывшим аргентинским чемпионом, а потом шел в тренажерный зал. И все это проходило по рекомендации и под контролем доктора Лентини из Буэнос-Айреса.

На ранчо, которое называлось «Марито», находилось на расстоянии 61 км от Санта-Росы. Это был простой дом, как и все в той местности, но очень комфортабельный: два этажа, крыша из черепицы, шесть комнат, черно-белый телевизор, генератор для выработки собственной энергии, и отличная гостиная, идеальная для игры в карты.

Туда приехали Басиле и Эчеваррия, чтобы побеседовать со мной и утрясти кое-какие формальности, и мы выпили несколько чашек мате. Басиле вызвал меня на товарищеский матч со сборной Марокко, в Сальте, и хотел посмотреть, в каком состоянии я нахожусь. За мной были готовы выслать самолет! И «Коко» сразил меня наповал: «Чем меньше времени, тем лучше; чем ближе цель, тем лучше». У Эчеваррии под рукой были все данные о моем состоянии, которые подготовил для него Фернандо, и он прекрасно знал, что, если оставить меня в покое, я успею в срок.

В той игре в Марокко, что состоялась 20 апреля на поле «Химнасии и Тиро», мы победили 3:1, а я забил мяч с пенальти. Я не забивал с 22 мая 1990 года! Уже потом я прочитал, что я провел на поле 1255 минут без единого гола! Для меня это было

своего рода сатисфакцией, я вновь почувствовал себя полезным. Я развлекался, наслаждаясь игрой, развлекался так, что дело дошло до того, что я подобрал брошенный кем-то с трибуны апельсин и начал им жонглировать. Я планировал сыграть один час, но когда увидел, что Басиле готовит замену, то попросил разрешить мне остаться еще на несколько мгновений. Я не мог в это поверить: три месяца назад я еле ползал, а теперь чувствовал, что в моих силах играть, а не отбывать номер на поле. И теперь я точно знал, что моя дальнейшая судьба зависит только от меня: Марадона зависел от Марадоны. Оставалось 15 минут и «Коко» вновь показал, что собирается меня заменить. На этот раз я подчинился, потому что вместо меня должен был выйти Ариэль Ортега. Я подбежал к нему, ударил своими ладонями о его и прокричал ему: «Сделай их!».

К Ортегите все относились как к недалекому болвану, но я считал его очень умным человеком. И это не вовсе не потому, что он хорошо обо мне отзывался… Я помню, что когда мы жили с ним в одном номере на базе сборной, его от меня отселили, так как в «Ривере» боялись, что я могу на него дурно повлиять. Ортегита сказал мне: «Я хочу остаться с тобой», на что я ответил: «Нет-нет, не надо, потому что я завтра уйду, а тебе еще играть и играть». На него давил этот заика, президент «Ривера» Альфредо Давиче, и я не стал лезть в бутылку, а всего лишь пошел к Басиле и попросил поселить меня в другой номер. «Ослик» вел себя со мной как мужчина, он прекрасно знал обо всех этих проблемах в Хухуе с наркотиками, и он разговаривал со мной как настоящий профессионал, даже на те темы, в которых он таковым не являлся.

Вскоре приключилась эта история с японцами, которые не захотели давать мне визу по причине моего прошлого, связанного с наркотиками, и в связи с этим пришлось отменить турне сборной по этой стране. Я почувствовал здесь явную дискриминацию, но в то же время и удовлетворение от солидарности всех остальных: в знак протеста против решения японского правительства мои товарищи по сборной отказались от этого турне, и Федерация футбола отменила эту поездку… Вместо этого мы с трудом организовали другое, предприняв поездку по маршруту Эквадор-Израиль (примета оставалась в силе) — Хорватия; в первом случае мы проиграли 0:1, затем одержали крупную победу 3:0, а в третьей встрече сыграли вничью 0:0.

Результат этого турне заставил меня вспомнить о наихудших временах, проведенных под руководством Билардо. В Хорватии я пригрозил, что вернусь назад, в Аргентину. Возможно, часть вины лежала на мне, так как из-за срыва турне по Японии на долю

команды выпали дополнительные трудности, но так или иначе, в конце концов я сказал своим ребятам: «Либо мы будем играть лучше, либо я возвращаюсь».

Особого улучшения не наступило, но и я тоже никуда не уехал. Теперь пришло время отправляться в США; мы должны были расположиться в окрестностях Бостона. Сперва в «Шератоне», над шоссе в Нидхэме; затем в Бэбсон Колледж, месте, которое АФА забронировала для нас. Это место было очень красивым, и я там чувствовал себя совершенно иначе. Я был уверен, что это будет мой последний мундиаль, который станет венцом моей карьеры; что я уже больше не сыграю на высшем уровне и уйду из футбола. Тогда ведь я даже не был связан контрактом ни с одним из клубов.

Я очень хотел, чтобы Дальма и Джаннина увидели своего папу на базе, на тренировке, в матче. Я чувствовал себя так, словно с минуты на минуту со мной должны были попрощаться. Но в то же время я еще питал какие-то надежды, как это всегда было со мной на чемпионатах мира. У меня за спиной осталось три мундиаля, но меня преследовало такое ощущение, словно мне предстоял дебют…. И мне нравилось то, что никто не считал нас фаворитами; точно так же к нам относились в 1986 году в Мексике, и тогда мы стали чемпионами. В 1990 году в Италии к нам относились как к полумертвым, а мы дошли до финала. И я повторил ту знаменитую фразу, которую произнес четыре года назад: «Если кто захочет выиграть Кубок мира, он должен будет вырвать его у меня из рук». Правда, на этот раз мои руки были пусты.

По моим расчетам, к матчу с Грецией я должен был подойти, подготовленный на семь баллов из десяти. Таковы были планы доктора Лентини при участии Синьорини и Эчеваррии. Я работал в два или три раза больше моих партнеров по сборной, поскольку делал не только то, что они, но и свою собственную работу. Фернандо говорил мне, что к игре с греками я буду подготовлен лучше, чем к матчу с Камеруном в 1990 году.

Когда я уже был там, то привлек к работе еще и Даниэля Серрини; он приехал 9 июня исключительно по моей просьбе. Я хотел, чтобы он был с нами во что бы то ни стало. Он помог мне в плане улучшения моих физических кондиций, когда я вернулся в «Ньюэллз» и сборную перед матчами с Австралией, и теперь я хотел, чтобы он помог мне снова. Он мог помочь мне с диетой и регулированием веса, хотя на этот раз данная проблема меня не заботила; я хотел играть с 76 килограммами, а не с 72 как в «Ньюэллз». В тот раз Синьорини сказал не без основания: «Его трогают, и он летит». Я знал, что Маркосу и Фернандо не очень-то

по душе пришлась идея привлечь Серрини, но я хотел этого. И дал четко это понять, так как хотел, чтобы люди приняли раз и навсегда то, что решения принимаю только я, а не мой «клан» или окружение. И если я ошибаюсь, это моя ошибка. Серрини в США позвал я. С ним также приехал — но уже из Италии — мой большой друг, которого я также хотел видеть в своей команде: Сальваторе Кармандо, массажист «Наполи», который также работал со мной в Мексике, но в Италии его рядом уже не было.

Я по-прежнему коллекционировал футболки, и в первые дни надевал одну с надписью: «Если, играя, я краду у них улыбку… я хотел бы играть всю свою жизнь». И это было прямо в точку.

Поначалу мы были лучшей командой на мундиале. Мы вновь поклялись взять реванш за все, что мы пережили, и мы его брали. За нас выступал самый лучший нападающий, Батистута, который находился тогда на пике формы; в бой рвался подгоняемый мной Каниджа, и в состав был включен такой феноменальный футболист как Бальбо.

Также мы решили вопрос с вратарем, и здесь не обошлось без моего вмешательства. Первоначально, по замыслу Басиле, каждый голкипер должен был сыграть по одному матчу, однако этому предложению воспротивился Ислас. Проблема состояла в том, что никто не захотел сообщить об этом Гойкоэчеа, сообщить, что он будет сидеть на скамейке запасных. И тогда мне пришлось взять это бремя на себя: «Гойко, надо кое-что прояснить… Ворота будет защищать Ислас, так как он доказал на поле, что имеет на это полное право». Я не хотел обманывать Гойкоэчеа, поскольку он был замечательным товарищем! Я, как капитан, должен был сказать своему другу о том, что он не будет играть, хотя я очень хотел, чтобы сыграл именно он! Ведь мы с ним боролись вместе, локтем к локтю! Это было решение Басиле, которое фактически оставляло Гойко за бортом Мундиаля, но мы с Руджери сделали все, чтобы поддержать его, чтобы заставить его почувствовать себя частью команды. Команды, которая уже начинала действовать как слаженный оркестр.

На чемпионате мира нам не нужно было уходить в глухую защиту, и мы не уходили, мы оборонялись с мячом в ногах! Это была идея Басиле, который сказал нам: «Посмотрите, если мы будем играть так, как всем нам хотелось бы, с Марадоной, Каниджей, Бальбо, Батистутой, Симеоне и Редондо впереди, мы проиграем 0:5… Однако, если мы будем держать мяч, и каждый из вас станет тенью партнера, подстраховывая друг друга, отходя назад, у нас все получится». И ведь получилось! Я забил Греции играючи: так-так-так, пулеметная очередь, стенка с Редондо и гол, гол-красавец! Вперед пошли и Симеоне, и Чамот… У нас

была суперкоманда, и поэтому мы разорвали греков 4:1 21 июня, а затем одержали волевую победу над нигерийцами 2:1. У нас была великая команда, и поэтому тот результат, который она в итоге показала, будет для меня огорчением на всю жизнь.

Бебето и Ромарио говорили мне: «Когда мы увидели, что вы смогли переломить ход матча с Нигерией, вырвали победу у этих негров, которые больше походили на орангутанов, мы сказали себе «Оп! У аргентинцев есть команда, а не только один Марадона… Эта команда сильна тактически, сильна физически; к тому же это еще и думающая команда». Это мне сказал не первый встречный, а Бебето и Ромарио в приватной беседе. Они хотели сказать, что для бразильцев по итогам двух сыгранных матчей мы уже были серьезным соперником. И для остальных — тоже. Мы разгромили Грецию, мы одлели нигерийцев… и случилось то, что случилось.

Я никогда не забуду тот вечер 25 июня 1994 года. Никогда. Я чувствовал, что провел суперматч и был счастлив. Ничего не подозревавший, я праздновал победу стоя перед трибуной, а в это время по полю уже шла медсестра, чтобы найти меня. Что я мог подозревать, когда я был чист, чист?! Помню, как я посмотрел на Клаудию, сидевшую на трибуне, и сделал жест, словно говоря: «А это еще кто такая?». Я был абсолютно спокоен, потому что уже проходил допинг-контроль до мундиаля, и результат неизменно оказывался отрицательным. Я ничего не принимал, ни-че-го! Полная абстиненция! Поэтому я ушел с толстушкой, празднуя и улыбаясь. И отчего мне было не улыбаться?

Любой из журналистов, который видел меня сразу после допинг-контроля, мог сказать, что видел меня счастливым, счастливым до умопомрачения. Таким счастливым, что и представить себе было нельзя, как меня может постичь какая-то беда. Помню, как один из них спросил меня:

— Диего, в матче против сборной Греции твое выступление оценили в 6,50. Сегодня ты играл еще лучше. Какую оценку ты бы выставил себе сам?

— Шесть с половиной… и еще пять сотых.

Три дня спустя я сидел на базе в Бэбсон Колледж, пил чай «мате», наслаждаясь парой часов свободного времени, которые предоставил нам Басиле. Было жарко, как и во все остальные дни, но на нас это не оказывало никакого влияния. Мы радовались жизни словно дети. Болтали о каких-то пустяках с Клаудией, с Гойкоэчеа, с его женой Аной Лаурой. И тут появился Маркос Франки, с кошмарной миной на лице. «Кто же умер?» — подумал я. Он взял меня за плечо и отвел в сторону.

— Диего, я должен поговорить с тобой один на один.

Послушай, результат твоей допинг-пробы после матча с Нигерией оказался положительным. Но ты не беспокойся, наши руководители разбираются…

Последние слова я уже не расслышал; я развернулся и пошел обратно, ища глазами Клаудию… Я практически ничего не различал вокруг, мой взгляд был затуманен слезами, а мой голос дрожал, когда я произносил эту фразу:

— Мы уезжаем с чемпионата мира.

И разрыдался как ребенок.

Мы пошли вдвоем, обнявшись, по направлению к моему номеру 127, и там меня прорвало… Я бил кулаками о стену и кричал, кричал, кричал: «Они отымели меня, понимаешь?! Отымели в жопу! Отымели как никогда раньше, и мне придется пройти сквозь это!».

Никто из тех, кто был со мной, не решался мне что-нибудь сказать — ни Клаудия, ни Маркос, ни дорогой Кармандо, бедняга… В то, что «начальники разбираются», не верил ни я, ни кто-либо вообще. Я знал… знал очень хорошо, что пришел конец.

Даниэль Болотникофф отправился в Лос-Анджелес, где должен был пройти повторный анализ, вместе с Серрини и одним из руководителей АФА, Давидом Пинтадо. На самом деле Серрини не должен был ничего делать, потому что его даже не было в официальном списке делегации. Также туда полетел доктор Карлос Пейдро, который был нашим кардиологом и помощником врача сборной, этой головки члена Угальде.

Мир словно обрушился на меня. Я не знал, что мне делать и куда идти. Я должен был «выйти к народу», но не хотел расстраивать остальных ребят. Мы должны были отправиться в Даллас, где сборной предстояло провести матч с болгарами, и у меня каждый раз екало сердце, как только я представлял себе, что меня не будет там, на поле. У меня не было ни малейшего желания говорить что-либо тем, кто был в курсе всего. Может быть, в глубине души у меня и жила надежда, что наши руководители, улетевшие в Лос-Анджелес в составе делегации, что везла с собой повторный анализ, сумеют что-нибудь сделать, что они мне поверят, примут во внимания, как я рвал жопу, тренировался три раза в день, но… Если бы они меня видели!

29-го июня, в среду, мы приземлились в Далласе, и когда мы входили в отель, впереди всех шел я. На мне была униформа сборной, черные очки и синяя шапочка «Микей», которую подарили мои дочери. Все камеры были направлены на меня, но так бывало и раньше; мне было не впервой находиться в центре внимания. По-прежнему еще никто ничего не знал, и для меня было очень приятно увидеть в толпе улыбающиеся лица моих

друзей-журналистов. Многие из них бились за меня, защищали меня, и теперь наслаждались тем, что я сумел взять реванш, что я стал прежним Марадоной. Если бы они знали то, что знал я! Как же мне было больно носить все это в себе!

В тот же самый вечер, за сутки до матча, мы отправились на стадион, «Коттон Боул», чтобы изучить состояние поля, как это обычно делается на чемпионатах мира. Я прекрасно знал, что завтра меня здесь не будет, что мне не позволят быть здесь. Не все мои товарищи по сборной знали правду, поэтому их очень удивляло, что я был более молчалив, чем обычно. Я даже не коснулся мяча, а просто пошел по направлению к противоположным воротам и остался стоять там, сжимая в своих руках сетку как заключенный.

Когда мы уже собирались уходить с поля, на трибуне, где обычно сидят журналисты, начался какой-то переполох. Они узнали! Я видел, как Хулио Грондона направился туда с поля, и убыстрил шаг. Я слышал, как мне кричали: «Диего, иди сюда, один вопрос! Марадона, ну, пожалуйста, подойди!». Я даже не посмотрел в их сторону, только поднял руку, чтобы поприветствовать их. Я простился с ними. Я сделал это — простился. Когда поле осталось позади и я уже должен был скрыться в подтрибунном помещении, я повернул голову и увидел Грондону в окружении двух тысяч микрофонов и камер. «Начальники все это уладят», — сказал мне Франки. Холодок пробежал по моей спине, но я сумел взять себя в руки.

К вечеру «лобби» отеля превратилось в ад. Уже весь мир знал эту новость. Сперва все подумали на Серхио Васкеса, которому выпало идти на допинг-контроль вместе со мной и которого до этого пичкали разными таблетками, чтобы поставить на ноги. Но потом все узнали, что речь шла обо мне.

Теоретически переговоры все еще продолжались, но в последний момент, когда я пытался заснуть, дверь ко мне в номер распахнулась, на пороге появился Маркос и произнес: «Диего, все кончено, второй анализ также дал положительный результат». Узнав об этом, Аргентинская федерация футбола решила вывести меня из состава команды. Я уже больше не имел отношения к национальной сборной.

Я остался совсем один, совсем один. Я кричал: «Помогите мне, помогите! Я боюсь сделать какую-нибудь глупость, помогите мне, пожалуйста!».

Некоторые ребята пришли ко мне в номер, но им нечего было мне сказать. Я хотел лишь плакать, потому что знал, что на следующий день я буду должен держать себя в руках и там уже не заплачу. Я пообещал это Клаудии и должен был сдержать свое

обещание.

Наконец настало утро, а я даже не сомкнул глаз. Маркос пробыл со мной всю ночь, и Фернандо — тоже.

Когда пришло время, вся команда отправилась на стадион. Я — нет, я остался. Там был журналист Адриан Паэнса и камеры 13-го канала. Мы пошли к номеру Маркоса, я сел на кровать, которая стояла ближе к окну, пока Адриан и оператор подготавливали аппаратуру. Я попросил Маркоса, Фернандо и Сальваторе сесть позади меня, если они, конечно, были не против. Я вздохнул, немного прокашлялся и сказал, что я готов. И тогда я сказал то, что сейчас я могу уместить в одну фразу; сегодня, я настаиваю, мне отрубили ноги.

Я не хотел поливать дерьмом кого-либо, но думал, что эти типы заслуживают, по крайней мере, хотя бы этого… Если бы они меня слышали там, то могли бы понять. Кроме того, я не хотел, чтобы люди знали только их мнение, мнение этих сукиных детей. Я сел на край кровати и решил высказать в камеру все, что я думал. Перед этим я побеседовал по телефону с Клаудией и пообещал ей, что не стану плакать, что я не дам им повода для радости, как это было в 1990 году. Но мне стоило огромного труда держать себя в руках…

Начал я с того, что рассказывал по дороге Маркосу: как я хотел бежать, тренироваться, летать по полю, и не знал, что мне делать! Я подготовился к этому мундиалю как никогда хорошо, как никогда! Мне дали это понять как раз в тот момент, когда я начал возрождаться. И я сказал следующее: «В тот день, когда стало известно, что я употреблял наркотики, я пошел к судье и спросил ее, какой будет расплата. Я заплатил за все; в течение двух лет раз-два в три месяца, или когда мне звонила судья, я проходил риноскопию или сдавал анализ мочи. Но я не понимаю того, что происходит сейчас. Не понимаю, потому что у них нет никаких аргументов. Я верил в то, что правосудие будет справедливым, но в случае со мной они ошиблись».

Я клялся и рассчитывал, что все поймут: я не принимал допинг для того, чтобы играть лучше, бежать быстрее… Я клялся моими дочерьми и клянусь ими! Если я тренировался так, как тренировался, какой смысл мне был делать это?! Я мечтал, чтобы это поняли болельщики, чтобы для них было ясно — я бежал не из-за допинга, а из-за любви к сборной. Я помню, что когда сказал это, то не смог сдержать слез. Я обещал Клаудии, что не буду плакать, но уже больше не мог…

В этот момент я чувствовал, что больше уже не хочу никаких реваншей в футболе: да, мне отрубили ноги, но в то же время у меня опустились руки, и была разбита душа. Я был убежден в

том, что уже заплатил за все тем пенальти в Италии, тем поражением. Но казалось, что в ФИФА жаждали еще моей крови, что моей боли им было недостаточно… Они хотели большего!

Я знаю, что потом, до того как мои партнеры исполнили гимн перед матчем с Болгарией, было показано мое обращение. Но я его не видел, и у меня никогда не возникало желание его посмотреть; думаю, что я не смог бы вынести все это… В тот раз я слишком много пережил, и не знаю, как мне это удалось…

Из номера Маркоса мы отправились в другой, смотреть игру. Я пригласил небольшую группу своих друзей-журналистов, которые вместо того, чтобы поехать на стадион, остались посмотреть, что буду делать я. Там также были Фернандо и Сальваторе. Маркос где-то бродил, все еще думая над тем, что можно сделать. Но что можно было сделать, что можно было сделать!

Я сел на пол, прислонившись к кровати спиной. Телевизор был от меня на расстоянии менее полуметра. Начался матч, я не издал ни звука и даже не пошевелился. Это был не я, а кто-то другой, смотревший эту игру; там была моя сборная, там должен был быть я сам. Там был флаг, который подарили мне мои дочери, и я вручил его Кани, сделал это от всей души.

О том матче с Болгарией в памяти у меня осталась одна фраза Редондо. Когда я пересказал ее Дальмите — Джаннина меня слишком много спрашивала — мы заплакали вдвоем. Фернандо произнес ее со слезами на глазах: «Я искал тебя, я искал тебя на поле и не мог найти… Весь матч я искал тебя». Что произошло? Мы уже стали командой, которая играла по памяти. По памяти: дай мяч Диего, а он передаст его тебе, Бальбо, Бати, Редондо, «Чоло»; все мы чувствовали игру одинаково. Вот такой была та команда.

Я вытерпел 25 минут, не больше. Я попросил у всех прощения и ушел в свой номер. Там я и оставался до тех пор, один, пока не вернулись Маркос и остальные ребята. Единственное, чего я тогда хотел — убраться из этого места, и на пять часов утра у меня был билет на самолет в Бостон, где я должен был встретиться с Клаудией и девочками. Они все еще ничего не понимали. Я позвонил Клаудии и спросил ее, как у них дела. Она ответила, что ее уже спрашивали о случившемся, и она сказала, будто бы мне дали лекарство, и я не смог играть. В горле у меня застрял комок, и я повесил трубку. Я хотел вскрыть себе вены, вены… Я чувствовал себя таким одиноким, как никогда в жизни.

Поведение Хулио Грондоны поначалу мне показалось достойным, но потом я так уже не думал; я считаю, что он не смог защитить меня так, как мне того бы хотелось. Во-первых, это не

был рецидив кокаина, это бы не кокаин! Потом была ошибка, непреднамеренная ошибка Серрини. Закончился флакончик с лекарством, которое я принимал в Аргентине, и они купили здесь, в США, другой. Это был тот же самый продукт с той лишь разницей, что в американском варианте было минимальное содержание эфедрина: вместо «Ripped Fast», который закончился, Серрини купил «Ripped Fuel», который также был в свободной продаже, без рецепта. Оба препарата назывались «Ripped», но «Fuel» содержал какие-то сраные травы и эфедрин, совсем немного эфедрина. Вместе с доктором Лентини мы провели в Буэнос-Айресе все необходимые анализы, и выяснилось, что этот препарат содержит все те же самые субстанции, что были найдены и у меня.

Я также безгранично верил Эдуардо Де Луке, аргентинскому представителю в Южноамериканской конфедерации футбола; казалось, что в его силах меня спасти, потому что это он сообщил мне при нашем разговоре. Вопрос заключался лишь в том, чтобы заставить их поверить в том, что я не искал никакой выгоды! Поэтому я сказал ему: «Де Лука, ради моих дочерей…». Я просил его, но что он мог сделать, сильнее оказался тот, на чьей стороне была власть.

Поэтому я никогда не смогу изменить своего отношения к сильным мира сего, принять их. Почему? Потому что это — грязные люди, они возятся в дерьме и делают деньги на крови… Потому что то, что они сделали со мной — это и есть зарабатывать деньги на крови, убить надежду 34-летнего человека, который предпринял невероятные усилия для того, чтобы быть в форме, убить надежду целой страны. Кому только взбрело в голову, что я заменил кокаин эфедрином, кому? Тот матч я заканчивал измотанным, мертвым! Я попросил у «Коко» замену, и он сказал мне: «Нет, нет! Оставайся, негритята нас давят, оставайся, пожалуйста!». Я набрал воздуха в легкие и остался… Но я хотел уйти с поля, клянусь моими дочерьми!

И если потом я сказал, что мне отрубили ноги, то еще и потому, что тогда для меня слишком многое стояло на кону: я хотел, чтобы аргентинцы раз и навсегда почувствовали гордость за сборную, в которой играет Марадона. Я предпринял невероятное усилие, закрылся там, в Пампе, и сбросил вес с 89 до 76 килограмм. Я просил Бога о помощи, но Бог… Богу было не до этого, может быть, он забыл про меня или был слишком занят, что вполне логично; иначе бы Блаттер, Авеланж, Юханссон — все эти динозавры — меня простили бы. Я еще раз хочу сказать: это не было повторением случая с кокаином. Они — те, кто только и делал, что разглагольствовал на всех углах о Fair Play, забыли о

том, что такое быть человеком. Я не принимал ничего ради своей личной выгоды. Поэтому я не воспринимаю этот случай как самый большой провал в моей жизни или что-то в этом роде; я принимаю это как ошибку другого человека. Нас выкинули с мундиаля потому, что у меня нашли эфедрин, который является легальным препаратом или должен быть таковым.

Между прочим, я ничего не скрывал, все было хорошо известно: Эчеваррия знал, что я работал с Фернандо Синьорини над физическими кондициями, а Даниэль Серрини занимался всем остальным, все было законно. А Угальде, доктора Эрнесто Угальде, я вообще бы предпочел не упоминать его имени, это просто демон какой-то! Дай Бог, чтобы однажды он попался мне на улице!.. Он ничего не знал, но тоже захотел внести свою лепту и организовал пресс-конференцию. Зачем?! Чтобы заявить, что он не имеет к этому никакого отношения… но я никогда и не говорил, что он мне что-нибудь давал. Я чувствую себя ответственным за то, что случилось с Серрини, а Угальде я просто прибью на месте!

Никогда не бывает так, чтобы все выяснилось до конца; и в том случае также осталось много недосказанного. Так, они не дали возможности высказаться доктору Карлосу Пейдро, они заткнули ему рот. В приватных беседах он рассказывал: «Когда мы пришли за результатами повторной допинг-пробы, флакончик был открыт, что было грубым нарушением и сразу же делало эти результаты недействительными». Но уже ничего нельзя было изменить.

В США все были настроены против меня, даже Оу. Джей. Симпсон, все! Я получил поддержку лишь от Басиле и моих партнеров по сборной. И больше ни от кого.

Но я до сих пор продолжаю сражаться, потому что никогда не бывает поздно. Никогда не бывает поздно! То, что лабораторию, где у меня нашли допинг в Италии, проверяют на предмет подтасовок результатов, доставляет мне удовлетворение и наполняет меня надеждой. И есть люди, которые до сих пор не могут спать спокойно, потому что знают, как однажды им сказали: «Сделайте это с Марадоной». И они это сделали.

Мне хотелось бы собрать все небходимые свидетельства, все доказательства — и я буду их собирать, — после чего отправиться в ФИФА. Пусть в 60 лет, но я распахну дверь и открою миру правду!

Глава 11
ВОЗВРАЩЕНИЯ

«Севилья», «Ньюэллз Олд Бойз»

Прошу вас, ну какой еще «номер один»?

«Прошу вас, ну какой еще «номер один»? Я — футболист номер «десять тысяч», и так ко мне и относитесь». Я сказал это журналистам, когда еще один из них воодушевился моим возвращением — на этот раз из «Севильи» после переговоров, которые больше были похожи на телесериал. Запутанный словно змея, как говорят в Испании.

Я чувствовал себя номером десять тысяч, серьезно, черт побери, как я мог чувствовать себя иначе? Не так давно, 1 июля 1992 года закончилась моя несправедливая дисквалификация, которой подвергли меня итальянцы; наконец-то прошли те 15 кошмарных месяцев, одни из самых кошмарных в моей жизни.

Я вернулся из Италии 1 апреля 1991 года — потому что хотел, потому что уже больше не мог. Я навечно сохранил в памяти эту дату. Потому что я не заслуживал, чтобы меня выпроводили как преступника. Через неделю, не больше, итальянцы сообщили о том, что отстранили меня от футбола на 15 месяцев; 15 месяцев мне не давали делать то, что я умею делать — играть в мяч! Это было ужасное наказание, несправедливое, которое сейчас, к счастью, подвергается сомнению.

Я возвращался в Буэнос-Айрес и думал, что найду там, наконец, покой, а попал на войну.

Слишком многое происходило в моей стране, слишком плохого… Я был за сценой, и, похоже, что во мне нуждались. 26 апреля они устроили самый большой фарс вокруг моей персоны из тех, что я помню. Меня задержала полиция! Задержала в районе Кабальито, в доме на улице Франклина, где я был с двумя друзьями, Херманом Пересом и «Солдатиком» Айялой, трезвыми как стеклышко, чище минеральной воды… Самое любопытное, что в операции по задержанию принимали участие не только полицейские, но и журналисты в таком количестве, что мне все это напомнило пресс-конференцию после того, как мы стали чемпионами мира!

Один из моих друзей-журналистов, которого я очень люблю, однажды рассказал мне, что в издание, где он работал, позвонили полицейские и предупредили о времени готовящейся операции. И еще одна «жемчужинка»: наше задержание осуществилось чуть позже намеченного времени, так как опаздывало испанское телевидение! Вот так вот…

Когда они ворвались, расшвыривая все вокруг, я спал. И, проснувшись, позвал Клаудию, потому что мне это казалось вполне логичным. Меня вытащили из кровати, я оделся и когда уже шел по коридору на улицу, видел отблески вспышек на камерах, слышал крики журналистов… Тогда я сказал оперативнику, что вел меня:

— Маэстро, там собрались все журналисты?

— Да, Диего. Там их целая куча…

— Хорошо, тогда поправь галстук, потому что тебя покажут по всем каналам, и тебя увидят дома…

И ты можешь поверить, что эта головка члена на самом деле поправила галстук?!

Следующее не имеет отношения к данной части истории, но на моем будущем, на том, что я сделал на поле, это, вне всякого сомнения, отразилось.

В те дни, когда я сперва сидел в камере, а потом сам заперся на седьмом этаже здания, где я жил, на углу улиц Корреа и Либертадор, мне предложили вернуться. В той комнате, где меня допрашивали, была банкетка наподобие тех, на которых отдыхают боксеры между раундами, и свет проникал лишь через щели в крыше. Сидя там, я услышал чьи-то шаги и уперся взглядом в стену. Вошел Маркос…

— Диего, ты сыграешь на чемпионате мира-94.

Он сказал мне это. Я ответил ему, что он рехнулся, но, с другой стороны, у меня в мозгу мелькнула идея, что это ни хрена не сумасшествие, что это возможно. Но все равно для этого слишком многое было нужно. К примеру, оставалось больше года до того момента, как мне разрешат выйти на поле. Но у меня еще были, были возможности избавиться от порока…

9 июля я впервые принял участие в футбольном матче — на том самом месте, где впервые в жизни танцевал с Клаудией. Но на этот раз я не танцевал — плясали соперники; мы обыграли их со счетом 11:2 и стали победителями чемпионата Метрополитано по мини-футболу. И хотя я сыграл только один матч, этот титул стал и моим тоже.

Случившееся со мной после этого заставило меня задуматься над тем, что в такой стране как Аргентина или в том мире, где мы живем, выражать свою солидарность с кем-либо порой подобно

сущему наказанию.

Сперва в субботу 3 августа 1991 года, в день рождения Тоты, я принял участие в благотворительном матче, весь сбор от которого должен был пойти на покупку нового томографа для больницы Фернандеса, так как он был им просто необходим, особенно после той катастрофы с актером Адрианом Хио. В связи с этим руководство «Боки» разрешило мне тренироваться с командой, которую возглавлял Оскар Вашингтон Табарес. Они чуть не сошли с ума, бедняги! Как будто бы я отвлекал их, приковывал к себе все их внимание, что я не мог… Что за херня: если я сделал столько для «Боки», почему она не могла протянуть мне тогда руку?! И кроме того, плохи были дела со спонсором; организаторы матча и также Ана Феррер, жена Адриана, измучались, пытаясь найти хотя бы кого-нибудь, кто их поддержит, кто даст им несколько песо в обмен на рекламу, и не сумели найти никого. Когда же я объявил об участии в этом матче, откуда ни возьмись появилась целая куча. Тогда я сказал им, организаторам и Ане: «Примите, пожалуйста, то, что на моей футболке не будет рекламы. Те, кто дают деньги, должны давать их не только и-за меня, но и без меня».

К счастью — и это самое главное, трибуны оказались заполнены до отказа, а я смог сыграть; это было моим возвращением в футбол, которое состоялось на поле «Феррокарриль Оэсте». Непередаваемое ощущение! Я говорил, что люди забыли обо мне, что они думали, будто я решил выйти на поле только ради больницы, но на самом деле для них Эль Диего уже вернулся, и все было хорошо.

Потом, в апреле 92-го, произошел другой случай, куда более неприятный, связанный с благотворительным матчем в честь Хуана Хильберто Фунеса, который был выдающимся игроком «Ривера», но на тот момент боролся за свою жизнь. Сегодня я мог бы включить «Буфало» в список моих больших друзей, самых близких, потому что я был рядом и разговаривал с ним в последние 15 минут его жизни. Некоторое время назад его поместили в санаторий Гуэмес с разбитым, разорванным на части сердцем. Мне было очень больно видеть этого медведя распластанным на кровати. С Клаудией мы продолжали находиться рядом, спрашивая Иванну, его жену, нужно ли ей что-нибудь. И в последний день 11 января 1992 года судьба привела меня туда, к его кровати. Хуан позвонил мне, сказав, что хочет меня видеть; что он мечтает о крсном «Мерседес-Бенц» и собирается его купить. Я помню, как сказал ему: «Хуан, будь спокоен, я уже переговорил с друзьями из одной фирмы, они зарезервировали его за тобой. Будь спокоен, Хуан». И он умер

там, почти у меня на руках. Поэтому я говорю, что он мне как друг, и в последние минуты его жизни я был рядом с ним. Близко как никогда. Мы сопровождали Иванну во всех этих ужасных хлопотах, которые в подобных случаях, когда кто-то умирает, и потом мы отправились на кладбище Сан-Луис, где его и похоронили.

Начиная с этого самого момента, я начал думать о матче в его честь. О том, чтобы сделать что-нибудь в память о Хуане и также чтобы помочь его семье: Иванне, сыну Хуампи, чьи глаза были самыми грустными из всех, что я видел в своей жизни. Я бы мог дать им немного денег, и все на этом. Но я хотел сделать для них нечто большее, то, что понравилось бы Хуану. Тогда мне пришла в голову мысль, что вряд ли что-нибудь может быть лучше футбольного матча. Я помню, как мы с Клаудией были в моем доме в Морено, все еще не пришедшие в себя от пережитого, и я внезапно сказал: «Ма, знаешь, что я должен сделать для Хуана? Матч, футбольный матч… и я тоже приму в нем участие».

Ясное дело, что я по-прежнему был дисквалифицирован, но про это я даже не вспомнил. Это был матч, организованный не ФИФА, а группой игроков в честь другого игрока. И я знал, что если выйду на поле в форме, на трибуны придет больше народа, выручка от продажи билетов будет больше, и все это булет для Хуана.

Из дома мы позвонили Гареке, Руджери и Наварро Монтойе. Эти трое, а также Рауль Роке Альфаро и я, были единственными, кто отправился в Сан-Луис на похороны. Мне показалось логичным начать с них. На этот раз проблем с рекламой не возникло, потому что все организовывали мы сами, и люди с «Х-28», фабрики по производству систем автомобильной сигнализации, были с нами с самого начала.

Когда все уже было готово, за день до назначенной даты, 15 апреля, когда оставались уже считанные часы, пришел факс, проклятый факс из ФИФА. Клянусь, что сначала я не мог поверить, думал, что это чья-то дурная, но все-таки шутка. Он был направлен на имя Хулио Грондоны, и в нем говорилось о том, что всем известно об этом матче и также известно, что я собираюсь принять в нем участие. И заканчивалось это послание следующей угрозой: «Как бы то ни было и во благо семьи скончавшегося игрока (Бог мой, во благо семьи скончавшегося игрока!) сообщаем, что присутствие на поле Марадоны вместе с другими футболистами, внесенными АФА в список, может повлечь за собой санкции со стороны ФИФА в соответствии с существующим Уставом и Регламентом». В скобках же читалось следующее, что и всегда: я был червивым яблоком — тем, кто все

портил. Меня опять заставили почувствовать себя преступником. Я сказал Франки: «Хорошо, Маркос. Скажи Грондоне, чтобы не беспокоился, я не собираюсь ему гадить и потому не буду играть. Но также скажи ему, что я делаю это ради ребят, чтобы не осложнять им жизнь, а не из-за АФА или ФИФА. Давай, иди и скажи». Он ушел и сказал.

Тем временем ребята уже влезли в этот бардак, и Руджери связался с Грондоной, чтобы посмотреть, что будет, и попросить его разрешить мне выйти на поле, так как об этом уже было объявлено, и мы бы заработали больше денег. Грондона ответил ему неласково, очень неласково, хотя потом и захотел объясниться. Сперва он сказал ему, что ни за что не разрешит мне выйти на поле, а затем сообщил, что он предлагал семье Фунеса 50 тысяч долларов, чтобы оплатить больничные счета. И добавил, что матч состоится в июле, когда закончится моя дисквалификация. В довершение ко всему он заявил: «Диего не может играть. Если он это сделает, платить за последствия будете вы».

Руджери отправился в отель «Elevage», где находились все футболисты, которые должны были принимать участие в этом матче. В общей сложности нас был 41 человек. Когда Руджери пересказал свой диалог с Грондоной, Навarро Монтойя сказал мне: «Диего, теперь ты просто обязан сыграть, обязан как никогда». По ходу собрания я не произнес ни единого слова, только внимательно слушал Руджери, но после этих слов я сказал немного дрожащим голосом: «Да, я буду играть, и мы порвем им задницу».

Некоторые, как например, Диего Латорре, побледнели. «А что будет с нами?» — спросил он, напуганный до смерти.

С нами ничего не могли поделать, ничего: судья Рикардо Калабрия не имел никакого отношения к АФА, так как уже закончил свою карьеру, равно как и его помощники. Необходимую страховку оплатила не федерация, а моя фирма «Maradona Producciones», которая еще и напечатала входные билеты. Матч также организовал я, а не АФА. Вот так мы вышли вместе из отеля и направились на стадион «Велеса». Игра состоялась, и я вновь был там, на поле, с мячом. И вместе с людьми.

То, как поступил Грондона, выглядело ударом по яйцам; он предлагал 50 тысяч долларов за то, чтобы я не выходил на поле. Тогда я ответил ему жестко, как мне сейчас кажется, чересчур жестко. Но, тем не менее, я сказал это: «Авеланжа, Блаттера и прочих начальников никто не будет оплакивать в Аргентине, когда они умрут». И добавил: «Пока Грондона является

президентом АФА, я ни за что не вернусь в сборную». Это были очень жесткие слова, но они шли от самого моего сердца.

В раздевалку пришли все, включая руководителей, которые были испуганы сильнее, чем кто-либо, потому что боялись остаться без игроков. Сейчас я думаю, что это пошло им на пользу: все поняли раз и навсегда, кто настоящие хозяева спектакля.

Когда я вышел на поле, меня пробрал озноб. Стоял хмурый вечер, небо было затянуто тучами, но на трибунах собралось полно зрителей. В итоге мы получили более 100000 долларов прибыли, и это только от продажи билетов. С учетом рекламных поступлений наш совокупный доход перевалил за 200000 долларов, и все это пошло семье Фунеса для того, чтобы оплатить его пребывание в санатории и продолжить строительство футбольной школы, названной в его честь.

Как только я ступил на газон, то правой рукой сразу же поприветствовал «инчаду» «Боки», они не могли позволить себе упустить возможность посмотреть на меня. Но там были не только болельщики «Боки», там были все любители футбола. Они обожали меня до смерти, они не сделали бы мне никакой гадости. Я был очень взволнован, очень, поскольку ничто не могло заставить меня забыть о Хуане… Хуан остался бы доволен этим матчем, потому что мы надрали задницу власть имущим, которые считали себя хозяевами всего на свете, а на самом деле им ничего не принадлежало.

Между делом, я сыграл довольно хорошо: забил два мяча и сделал голевой пас Альберто Акосте. В итоге моя команда, выступавшая в синих футболках, одержала победу со счетом 5:2. Я покинул поле за несколько минут до финального свистка, чтобы перевести дух и сказать: «Сегодня футболисты вновь начали верить в свои силы». И я сам в это верил, ведь мы победили самого могущественного соперника из всех существующих. Мы победили власть.

Для меня в тот вечер Кубок мира, который я когда-то выиграл, был подтверждением моей правоты, поддержкой для моих партнеров, игроков. Мы выступили против зла, играя в мяч, и в итоге власть имущие были вынуждены сдаться.

Я начал потихоньку тренироваться, сперва с доктором Патрисией Санхенис, которая потом свалила, потому что стала рассказывать всем обо мне. Я впервые в жизни был на курорте Марисоль, расположенном в 550 км к востоку от Буэнос-Айреса, неподалеку от Трес Арройос. Туда я приехал в январе 1992 года, и там-то все и началось. В феврале я провел свой первый матч после дисквалификации. Эта благотворительная встреча — я

выступал за «Амигос де Марисоль» против «Меркадо Лос Тигрес» в присутствии пяти тысяч зрителей, все из близлежащих деревень — была организована для того, чтобы помочь детям-инвалидам, и именно тогда я забил свой первый мяч как футболист, которому было запрещено играть. Наградой мне была тысяча поцелуев от больных, но счастливых детей. Счастливых, как никто другой.

После этого и также после того знаменитого матча в честь Фунеса я вновь надел форму для участия в благотворительном матче — на этот раз в Посадас, Мисьонес, чтобы помочь местной больнице. Такой была моя жизнь, таким образом я мог продолжать оставаться в футболе. Помогая другим, что в то же время было способом помочь мне самому.

Если я и чувствовал себя отдалившимся от чего-либо, то это от Неаполя и «Наполи». В те дни они присылали сообщения о том, как они ждут моего возвращения 1 июля, когда закончатся мои страдания. Я начал думать о возможностях избрать другой путь, когда настанет этот момент, ведь мучения не могли быть вечными.

В субботу, 4 июля, три дня спустя после моего… освобождения от оков ФИФА, я собрал свою команду и отправился в имение Эль Сосьего, которое принадлежало дону Антонио Алегре, президенту «Бока Хуниорс» и находилось в трехстах километрах от столицы. Там и в тот же самый день я и начал мой путь назад, мое возвращение в футбол. Я хотел сменить клуб и уйти из «Наполи». Куда? Меня вновь приглашали в «Марсель», но Бернар Тапи начал терять свои позиции; он потерял «Адидас» и выбыл из состава правительства. Однако, это был хороший шанс: я искал тишины и покоя, и французский футбол мог мне их дать.

Другим вариантом был «Бока Хуниорс», но здесь все упиралось в деньги. Нам требовалось поднять на ноги мертвого, который был в таком состоянии на протяжении целого года, а в «Боке» не было подходящих условий. Единственным выходом было появление какого-нибудь инвестора.

Открыть передо мной двери мог и какой-нибудь другой европейский клуб, например, «Реал». Или «Севилья». Правда, только потому, что туда прибыл Карлос Билардо и через Маркоса Франки он отправил нам послание следующего содержания: «Посмотри, можешь ли ты что-нибудь сделать, так как для Диего это было бы неплохим местом. Там не давят на психику, не требуют «золота». Хотя с ним можно было бы выиграть все. Не знаю, посмотри, ты знаешь, что я хочу для него только хорошего».

Этот сукин сын Билардо свалил туда, в Севилью, потому, что в Аргентине ему сорвали сделку по приватизации спортивного

центра KDT, и тогда он разозлился на весь мир. Но он был прав — эта возможность выглядела привлекательной.

Тем временем я тренировался, теперь уже под наблюдением профессора Хавьера Вальдекантоса и доктора Луиса Пинтоса. И понемногу играл, но в телепрограмме Марсело Тинелли «Ночной ритм», которая транслировалась по каналу «Телефе», и в футбол пять на пять на синтетическом покрытии. Однако, я играл на полном серьезе и получал от этого дикое удовольствие.

Но самой главной и самой сложной задачей являлось скорейшее расставание с «Наполи». Бедняжки пригласили меня на презентацию уругвайца Фонсеки и шведа Терна, которая должна была состояться 15 июня, словно между нами ничего не произошло, словно я по-прежнему был одним из игроков «Наполи». В Неаполе были взбешены жесткими заявлениями, которые я сделал в итальянских СМИ, но у меня были веские причины на то, чтобы не возвращаться.

В интервью каналу «Телемонтекарло» я четко сказал, что мой цикл в «Наполи» окончательно завершен, и что я ничем не смогу помочь неаполитанцам, если вернусь. Единственный, кто в этом случае обогатился бы — это президент клуба Ферлаино, который и так достаточно на мне заработал. Я считал, что «Наполи» уже научился играть без Марадоны и мог продолжать играть так дальше; если Марадона уйдет, то «Наполи» не умрет. В итоге «Наполи» вылетел, но произошло это по вине Ферлаино, который не смог управиться с коллективом. Говорили, что он собирался прилететь ко мне в Буэнос-Айрес. Сукин сын! В течение целого года он и слышать обо мне ничего не хотел, а вот теперь всполошился. Я сказал ему тогда и повторяю сейчас: если бы я выступал за клуб, в котором беспокоились бы не только об игроке, но и о человеке, я бы вернулся в «Наполи». Но в истории «Наполи» было слишком уж много случаев плохого отношения к футболистам — Баньи, Джордано, Гарелла. Почему я должен был стать исключением?

Кроме того, новый главный тренер «Наполи» Клаудио Раньери заявил еще до знакомства со мной, что пока он стоит во главе команды, Марадоны в ней не будет. Как говорим мы, аргентинцы, побрехал впустую. А ведь был еще Антонио Маттарезе, который приложил свою руку, свою черную руку к тому, что случилось со мной. Я ясно объяснил им всем свою позицию: я не заслуживал такого наказания, меня заставили заплатить за то, что я — иностранец и за то, что я не дал Италии сыграть в финале Мундиаля. В футболе замешаны очень сильные интересы, а в том году итальянцы лишились кучи денег. Но даже если бы меня дисквалифицировали на 10 лет, Аргентина в том

матче все равно обыграла бы Италию. И моя дисквалификация была выгодна Ферлаино, потому что тогда я не был тем Марадоной, которого он хотел. Футбол у меня в крови, и они захотели прибить меня за то, что я сказал.

«Я не буду больше этого делать». Не буду и не могу, баста! Все это я хотел сказать одной фразой. У меня были основания не возвращаться, и они выглядели такими четкими, что даже Грондона выступил с заявлением, что если мне не удастся разойтись с «Наполи» миром, он обратится в ФИФА с требованием вмешаться, и на этот раз, вне всякого сомнения, дело решится в мою пользу.

Все эти причины я изложил в факес, который мы отправили в «Наполи», в Итальянскую федерацию футбола, в АФА и ФИФА 29 июня 1992 года, за день до истечения срока моей дисквалификации. В этом факсе мы попытались объяснить, почему у меня нет ни малейшего желания возвращаться. Риск и впрямь был очень велик.

В Неаполе не были согласны с таким поворотом событий, и началась война факсов и писем. Порой мне казалось, что нас с головой завалят бумагами. В этот момент я сделал единственное, что мог сделать — обратился с иском в суд Буэнос-Айреса, предстал перед судьей Амелией Беррас де Видаль, которая занималась моим делом со времени задержания на улице Франклин, и в итоге добился права покидать пределы Аргентины; я хотел в иметь возможность в любой момент собрать чемоданы и уехать.

Моя «команда» была уже сформирована: я, мой агент Хуан Маркос Франки, тренер по физподготовке Хавьер Вальдекантос, врач Луис Пинтос, психоаналитик Рубен Наведо, психиатр Карлос Хандлартс, адвокаты Луис Морено Окампо, Антонио Хиль Лаведра, Уго Хоффре, и Даниэль Болотникофф.

Начиная с этого момента, Франки отправился в Севилью, после того как Билардо поговорил с президентом клуба Луисом Куэрвасом. А Болотникофф в то же самое время должен был встретиться Бернаром Тапи при содействии одного из его помощников, Жан-Поля Бернеса. Вокруг меня шло активное движение, чтобы, наконец, определить идеальный клуб, в котором я буду играть.

Пока Маркос и Даниэль вели переговоры, я взвешивал все «за» и «против»: чем мне нравилась «Севилья» — тем, что в ней работал Билардо, от команды не требовали громких побед, и атмосфера в городе была хорошей. Однако то обстоятельство, что в «Севилье» никак не могли решиться, наводило меня на мысль о том, что они раздумывали над тем, как дорого я им обойдусь,

если мы не оправдаем надежд и будем бороться за выживание. В «Марселе» меня привлекало то, что там были готовы предоставить мне виллу, о которой я так мечтал, и возможность выступать в Лиге чемпионов в составе сильной команды, а также относительное спокойствие французского чемпионата. Однако, мне не нравилась обстановка в городе, которая очень походила на ту, что была в Неаполе. Кроме того, мне пришлось бы учить новый язык и снова проходить адаптацию.

У меня было достаточно времени поразмышлять надо всем этим, хотя моя активность не спадала. Вскоре мы провели еще один благотворительный матч, неподалеку от того ранчо, где началось мое восстановление. Я вновь чувствовал себя футболистом, хотя и на деревенском поле. Я помню, как в этом матче приняли участие Хуанчи Таверна и Паблито Эрбин, которые были родом из города под названием «25 мая», а также «Гринго» Джусти, Даниэль Сперандио, «Тата» Браун и Хулио Рикардо Вилья.

Когда встреча закончилась — мы выиграли со счетом 7:0, если кто хочет себе это записать — я собрал пресс-конференцию, на которой заявил: «Я интенсивно тренируюсь только 12 дней. Утром в субботу я провел 40-минутную тренировку, и во втором тайме этого даже не было заметно. В первом тайме у меня кое-что получалось, но после перерыва я был немного уставшим. Мы находимся на правильном пути, и я не собираюсь пропускать ни одну тренировку, потому что это пойдет нам на пользу, когда придет время серьезных испытаний, официальных соревнований. Я решил вернуться для того, чтобы отплатить своей игрой людям, которые поддерживали меня в Аргентине в течение этих тяжелых полутора лет. Я знаю, что некоторые из наших руководителей, к примеру, Грондона, прилагает к этому определенные усилия. Даже Пеле хочет, чтобы я вернулся! Он удивил меня, я просто не мог в это поверить! Переговоры ведутся с «Севильей» и «Марселем». «Бока»? «Бока» пусть подождет; я не хочу ставить клуб в затруднительное положение, потому что тогда ему пришлось выложить немалую сумму. Пусть никто не сомневается, что я готов умереть в футболке «Боки», равно как и в футболке сборной Аргентины. И когда я наберу форму, то буду бороться за место в национальной команде. Я очень хочу вернуться в сборную, но пока это всего лишь желание. Я не забыл, как играть в футбол. И я еще помню, как носил капитанскую повязку».

Все это я выпалил сразу в субботу 18 июля, после того матча, чувствуя как холод пробирает меня до кости. Внутри я ощущал, что решение вот-вот будет найдено.

Думая об этом, я вернулся в Буэнос-Айрес, где моя жизнь

стала более простой: я тренировался в Палермои с Вальдекантосом и Карлитосом Френом; я сбросил уже 7 кг, вечером принимал участие в различных телешоу — в футбольном с Тинелли и в посвященном танго с Антонио Гасальтой. Я исполнял «Сон парнишки» и «Правду миланки». Некоторые были удивлены, что Марадона поет танго, но большинство уже знало, что я был рожден также и для этого. Мне очень нравится танго: петь и слушать его. Я умираю от Хулио Сосы так же, как и от рока… Не знаю, может быть, это одно из моих противоречий.

«Сон парнишки», — одно из моих любимых танго, может быть, потому, что в нем очень много общего со мной. Кгда я его пою, то меняю имена действующих лиц и вставляю себя. Оно нравится мне так сильно, что я рассказываю это и у меня появляется желание петь:

«Постучали в дверь скромного дома,
И раздался голос почтальона.
А мальчик, помчавшись на всех парах,
Случайно наступил на белую собачку.
«Мамочка, мамочка!» — он подбежал, крича
Удивленная мать отставила в сторону таз,
И мальчик, смеясь и плача, ей сказал:
«Клуб сегодня вызов мне прислал».
Любимая мамочка, я заработаю денег
Я буду Марадоной, Кемпесом, Бойе.
Ребята говорят, что на западе Аргентины
Удар у меня сильнее, чем у великого Бернабе.
Ты увидишь, как это прекрасно,
Когда там, на поле аплодируют моим голам.
Я стану победителем, буду играть в пятой лиге, а потом в первой
И я знаю, что признание ждет меня».

И этот сон, эта мечта парнишки — то, что исполнилось в моей жизни…

Что касается рока, то я идентифицирую его с Андресом Каламаро, с Чарли Гарсией, с Фито Паесом, с парнями из «Лос Пьохос» или из «Аттаке-77», с монстрами из «Лос Редондитос де Рикота». Я чувствую родство с ними потому, что они также приносят людям радость, не запуская руку к ним в карман, и они говорят о реальном положении вещей без ханжества… Они написали для меня кучу песен, и я воспринимаю это как посвящение, потому что подобные вещи как и памятники делают для уже ушедших из жизни. А я жив! Каламаро написал песню, которая так и называется… «Марадона», посмотри, что

получилось:

«Диего Армандо, мы ждем, когда ты вернешься,
Мы всегда будем тебя любить
За то, что ты приносишь народу радость,
И за твое искусство тоже».

А «Лос Пьохос» с вот этим: «Марадооо, Марадооо!», французы из «Мано Негра»… И не только рокеры. Также Хулио Лакарра, уругвайский музыкант, сочинил специально для меня:

«Хочу тебя видеть снова
На зеленом прямоугольнике,
Где умирают слова,
И с людьми говорит левая нога…»

Но кому удалось облечь все мои чувства в буквы и ноты, стал человек, о котором я всегда буду вспоминать со слезами на глазах, поскольку за то короткое время, что мы пробыли вместе, я почувствовал себя очень и очень близким к нему. Речь, конечно же, о Родриго. Мало кто знает, что это был человек с огромным сердцем, таким огромным, что нужно было его убить. Для некоторых он был слишком опасен. Но он посвятил мне «Диего» — самую лучшую песню из тех, что для меня написали и еще напишут. Я слушал ее и плакал… Я помню ее наизусть.

«Родился он в трущобах, как того хотел Бог
Это желание жить — простое тому объяснение.
Принимать вызов со стремлением побеждать
На каждом шагу жизни.
На пустыре ковалась его бессмертная «левая»
С опытом и стремлением достичь высот.
Еще «луковкой» он мечтал о мундиале и победах в Примере
И играл как мог, чтобы помочь семье.
Вскоре он дебютировал под «Марадооо! Марадооо!».
Так пела хором «Двенадцатая»1 — «Марадооо! Марадооо!».
У мечты была «звезда», сделанная из голов и финтов,
И весь народ пел: «Марадооо! Марадооо!».
Радость коснулась людей, слава оросила эту землю.
А он взвалил крест на свои плечи, потому что был лучшим.
И чтобы никогда не продаваться, бросил вызов власти.
Интересная слабость; если споткнулся Иисус,
Почему этого не могло случиться с ним?
Слава предложила ему «белую женщину»
С загадочным вкусом и запретным удовольствием.
Желание излечиться, посвятив этому свою жизнь –
Сегодня это матч, в котором Диего еще предстоит победить.

Мы именно этим и занимались, и я пытался вернуться на поле, на этот зеленый прямоугольник, и дело уже начинало

двигаться с места. Руководство «Наполи» согласилось обсудить вопрос расторжения контракта в нейтральном месте и в присутствии судьи, и выполнение этих двух условий должны были обеспечить ФИФА. Со стороны я прекрасно понимал политику Ферлаино: тянуть до последнего, чтобы потом сказать журналистам и своим людям: «Его вырвали у меня из рук». Ясно, что это он и делал. Потому он так резко и ответил на мое первое послание, чтобы затем представить все так, будто это мы оказывали давление на ФИФА, чтобы организовать ту встречу. Уже в середине переговоров они подложили мне настоящую бомбу: взяли да оштрафовали меня на 168 000 долларов и урезали контракт на 40 %. Они хотели войны, и они были удивлены, получив ее.

В те дни старик Авеланж в тысячный раз повторил, что любит меня как сына, как собственного внука. Ох, как же он меня любил…

Вариант с «Марселем» постепенно стал отходить на задний план, в первую очередь, потому что Болотникофф и Франки, приехавший из Севильи на несколько дней позже, чтобы встретиться с Тапи, пережили там настоящий кошмар; слишком уж напряженной была окружающая обстановка. Маркос совершил молниеносный вояж по маршруту Севилья-Мадрид-Буэнос-Айрес чтобы поставить меня в известность и решить некоторые проблемы личного характера. Тогда мы решили поменять стратегию: предложили руководителям «Наполи» встретиться, но в Барселоне, где в тот момент проходили Олимпийские игры, в присутствии людей из ФИФА. Мы показывали именно им, руководителям ФИФА, свою готовность к диалогу и называли возможные сроки. Да, неаполитанцы нам ответили, но это было больше похоже на издевательство: они приглашали нас в штаб-квартиру «Наполи»! Кроме того они отказывались вести переговоры в конце недели и выходные, словно мы работали в офисе… Ах, да! Они также напоминали мне о том, что по-прежнему ждут меня в том месте, где команда проводила предсезонку. Они просто издевались над нами, сукины дети!

Однако факс, пришедший из ФИФА, гласил, что встреча состоится в Цюрихе. Мой телефон разрывался: звонил Билардо, не веривший что все может решиться в мою пользу; звонил Маркос, просивший меня не нервничать; звонил Бернар Тапи, чтобы убедить меня принять его предложение; звонил Грондона, сообщивший о том, что уверен в положительном исходе дела.

Тот же Грондона отправился в Барселону, и там встретился с Маркосом. Они посмотрели финал олимпийского турнира, в котором Испания обыграла Польшу, и отправились порознь в

Цюрих, где 11 августа должна была состояться встреча… Когда все это началось? 1 июля, когда с меня сняли дисквалификацию; с тех пор прошло уже полтора месяца. Пришло время поставить во всей этой истории точку. Вопрос был в том, как она закончится.

Как только я прилетел в Швейцарию, накануне той благословенной встречи, мне позвонил Франки, чтобы сказать… нет, я не мог в это поверить:! «Диего, я отвечу им, что ты вернешься в «Наполи». Я был вне себя, я ни черта не понимал, а он пытался остановить мой всплеск негодования: «Стой, стой, стой, позволь мне объяснить тебе…».

Я ни хрена ни понимал! Мы зашли так далеко только ради того, чтобы порвать с «Наполи» раз и навсегда, а получалось, что мы сами приносили им все, что они хотели, прямо на блюдечке.

Когда Маркосу наконец-то удалось меня остановить, он объяснил мне: «Мы скажем им, что ты вернешься, но… только при соблюдении определенных условий». Я потихоньку начал врубаться, но что делать, если «Наполи» согласится? «Хорошо, здесь есть доля риска, но будь спокоен, они скажут «нет», — ответил мне Маркос, и у меня подкосились ноги.

Встреча состоялась, и новость о ней всколыхнула весь мир. Я помню, как итальянцы радовались, как «Gazzetta dello Sport» вышла с шапкой: «Диего: да — «Наполи». Победил Ферлаино». Я не верил, что праздник может прийти на нашу улицу… Клаудия плакала, мои предки — тоже, а я в соответствии с избранной Маркосом тактикой заявил: «Наша цель была в том, чтобы не возвращаться в «Наполи», а попытаться разрешить этот вопрос с помощью ФИФА. Однако, видя что клуб строит нам всяческие препоны, а ФИФА не в силах ничего сделать, мы решили поставить перед итальянцами ряд условий и вернуться. Время уходит, и я хочу лишь одного — вновь выйти на поле. Я тренируюсь уже 36 дней, мне нужна команда, мне нужен тренер. Было бы просто превосходно, если бы «Наполи» согласился бы на наши условия, просто превосходно. Но я не знаю, насколько эти условия устроили бы Ферлаино». Очко играло дико! Я с ужасом ждал ответ «Наполи»: если бы они сказали «да»…

Ответ пришел 14-го числа, в пятницу. «Наполи» ответил ни «да», ни «нет», потому что принимал все наши условия за исключением экономических требований. И поскольку на встрече было сказано, что ответ должен быть четким — «да» или «нет», считалось, что «Наполи» ответил отрицательно. И это был первый шаг к свободе!

Теперь оставалось, чтобы «Севилья» официально заявила о желании приобрести меня. Раньше она не могла сделать этого из-за опасений, что если УЕФА не понравится, как в мой конфликт с

«Наполи» вмешался третий клуб — да еще и такой маленький из Испании, то ей дадут под зад. Однако теперь уже не было причин опасаться; они должны были всего лишь меня купить.

И что случилось? Случилось то, что «Севилья» тянула время. Франки и Болотникофф уже разочаровались, но руководители андалусийского клуба были спокойны как никогда. И, похоже, то впечатление, что они произвели на меня поначалу, когда мне казалось, что они опасаются, как бы я не обошелся им слишком дорого, соответствовало действительности. Тем временем в «Наполи» старались сделать все для того, чтобы завоевать мое расположение: зарезервировали виллу на острове Капри с видом на Тирренское море, вертолет, который доставлял бы меня в Неаполь, яхту, само собой разумеется. Кроме того, они направили официальный протест в ФИФА, в котором утверждали, что не ответили «нет» на мои условия. С болельщиками «Наполи» вышла совсем иная история: болельщики, которые всегда были на моей стороне, которые устраивали голодовки, требуя, чтобы меня купили, теперь вновь предпринимали усилия, но уже направленные на то, чтобы я не оставался. Они говорили: у нас нет жилья, школ, машин, но у нас есть Марадона». Бедные, в этом не было их вины, нисколько.

Я же продолжал ждать и надеяться, что андалусийцы хоть что-нибудь сделают. И они сделали: 18 августа «Севилья» отправила факс в «Наполи» требуя огласить мою трансферную стоимость! Я уже кусал локти, я не мог больше терпеть. Я знал, что они это сделают, иначе они бы не были испанцами, матадорами!

Но радоваться было рано: 9 сентября Блаттер заявил, что лучшим решением была бы передача меня «Севилье» в аренду. Тут же я поставил ультиматум: «Если 12 сентября, в субботу, эта история не закончится, я уйду из футбола. Клянусь своими дочерьми»… Должнот быть, это напугало Франки, потому что 11-го, в пятницу, он купил билет на следующий день. Все в Испанию! На самом деле Маркос ничего не скрывал: «Если это будет в конце недели, то нас ждут проблемы с Диего. И он был прав, он уже начал меня понимать, сукин сын!

Получив-таки от судьи разрешение покинуть пределы Аргентины, я не отдавал себе отчет в одном: это было мое первое возвращение в Европу после отъезда из Италии — такого жуткого, такого болезненного. На следуюший день в субботу я встал в полдень и практически ничего не съел. Я очень долго прощался с дочерьми, а потом отправился в аэропорт, в костюме цвета спелой черешни, прямо как на картинке… И там я сказал журналистам, что свой дебютный матч я посвящу Соне Пепе за ее мужество и

«Бамбино» Вейре с Карлосом Монсоном, который сидели в тюрьме; один по обвинению в изнасиловании, а другой — в убийстве.

В 7 утра 13 сентября, в воскресенье, я приземлился в мадридском аэропорту «Барахас», а оттуда вместе с Клаудией и Маркосом на частном самолете проследовал в Севилью. Там я впервые подал руку президенту «Севильи» Луису Куэрвасу. У меня было желание спросить его: «Что же ты не ускоришь немного процесс, зерно чечевицы?». Но я подумал, что для первого раза это было бы чересчур.

Я побывал на стадионе «Санчес Писхуан», на котором проводила свои домашние матчи «Севилья», и видел ее поражение от «Депортиво» из Ла-Коруньи, которое воспринял как свое собственное. Тем не менее, я чувствовал себя как дома: на скамейке запасных сидел Билардо, на поле был Симеоне, бороздивший центр поля туда-сюда, и вообще обстановка напоминала мой дебют в «Наполи» против «Вероны»: нас имели по полной программе, а закончилось все тем, что мы выиграли два скудетто. На первый взгляд, все было очень хорошо. Я понимал, что Авеланж и Блаттер защищали меня потому, что они уже своего добились, и теперь должны были быть благодарны «Севилье», поскольку на самом деле меня хотели видеть у себя не так уж и много клубов.

Я остановился в загородном отеле «Andalusi Park» на пути в Уэльву, построенном в арабском стиле, и решил тренироваться и ждать. Дело в том, что за неделю все хорошее могло стать плохим. «Наполи» не собирался сдаваться, а «Севилья» по-прежнему не форсировала события; они всегда обещали провести решающую встречу «завтра». 18 сентября, в пятницу, я собирался улететь в Буэнос-Айрес, но не сделал этого, потому что когда я встал, то обнаружил под дверью факс, который прислали мои дочери. В нем говорилось: «Папа, не приезжай. Мы надеемся, что сами приедем к тебе». Эта бумага была для меня дороже любого контракта…

В сопровождении Вальдекантоса я вышел на пробежку на поле для гольфа, которое называлось Лас-Минас. Лас-Минас, мины! На мне была футболка Майкла Джордана, в которой он играл за «Dream Team», и тогда я сказал: «Снимите меня в ней, пусть меня увидит Джордан!». А потом Джордан спросит: «И что это за хрень?». За мной вновь следовал итальянский оператор, и я воспользовался этим, чтобы на бегу прокричать прямо в камеру: «Они вынуждают меня сделать это, вынуждают уйти из футбола! Для меня это очень обидно, потому что, как вы видите, у меня есть огромное желание бежать. Пусть Ферлаино это также увидит,

пусть он увидит, что я жив… Что я не умер». То свое состояние я назвал «сладкое ожидание», хотя сладкого там не было ни капли.

Наконец, настало 22 сентября. Было почти три часа дня, и я сидел в ресторане отеля, в окружении всей моей семьи, теребя скатерть или что-то в этом роде. Внезапно я поднял глаза и увидел направляющегося ко мне Франки. Казалось, что его лицо состоит из одной улыбки и все светится от радости… Он встал сбоку и посмотрел на меня сверху вниз, потому что я все еще продолжал сидеть.

— Парень, ты свободен.

— Я тебе не верю, ты надо мной издеваешься.

— Я тебе серьезно говорю: ты свободен, ты действительно свободен.

Франки сказал мне это и рухнул, упал в кресло и начал плакать. У меня также покатились слезы из глаз, когда я посмотрел на всех, кто был рядом со мной: на Клаудию, на моих родителей, родителей моей жены. Я прижал Джаннину к моей груди и произнес ей на ухо: «Я свободен, я свободен, и я счастлив. Наконец-то ты сможешь увидеть меня на поле, с мячом. Наконец-то».

Шесть дней спустя, 28 сентября, я вновь стал профессиональным футболистом. Ради такого случая была утроена моя презентация в матче против мюнхенской «Баварии», за которую играл мой друг Лотар Маттеус, и я наконец-то смог ступить на поле стадиона «Санчес Писхуан» в футболке под десятым номером под звуки песни Фаби Кантило «Моя болезнь», которая так много для меня значила.

«Я побеждена, потому что мир сделал меня такой.
Я не могу ничего изменить.
Я — лекарство без рецепта и твоя любовь,
Моя болезнь».

Мы выиграли со счетом 3:1, но я думаю, что результат ни для кого не имел значения… Во всяком случае, для меня уж точно: мне понравилось делать передачи Давору Шукеру, получать их от Симеоне, слушать Билардо; я исполнил штрафной удар практически от самого углового флажка, и мяч попал в перекладину; я сделал голевую передачу Мончу… Мне вновь понравилось играть с мячом. Я отпраздновал это событие с широким размахом, вместе с Маттеусом, который пришел в отель и присоединился к нам. Его присутствие дало мне почувствовать, что футбольный мир счастлив оттого, что я вернулся.

Я захотел узнать, когда у меня состоится официальный дебют и посмотрел в календарь, где значилось: 4 октября, воскресенье, «Атлетик» Бильбао, стадион «Сан Мамес». Никакой другой

соперник не мог быть для меня более значимым! Из-за прошлого и настоящего. Как только я подписал контракт с «Севильей», так главный тренер «Атлетика» Юпп Хайнкесс заявил, будто бы в моем контракте есть условие, по которому я не буду играть ни на «Ноу Камп» и на «Сан Мамес»… Что за бред? Я хотел играть там больше чем где-либо! Играть и взять реванш, и у этого немца в том числе.

Очень многое меня связывало с этим клубом, и очень многое меня с ним разделяло… «Атлетик» отнял у меня две возможности выиграть чемпионат Испании, когда я выступал за «Барселону». «Атлетику» мы проиграли в финале Кубка Испании, в последнем матче, который я проводил в сине-гранатовой футболке: игра закончилась обменом ударами в центре поля, грандиозным скандалом, который начался из-за того, что кто-то на меня наехал. И, конечно же, у «Атлетика» был игрок-символ, Андони Гойкоэчеа, который сломал мне голень в 1983 году, нанеся самую тяжелую травму за всю мою карьеру. Тогда я восстановился через 106 дней, и в первом же матче после возвращения нашим соперником была… «Севилья».

Слишком много, слишком много было совпадений, чтобы упустить такую великолепную возможность дебютировать в моей новой команде, «Севилье», в матче против моего старого соперника, «Атлетика» из Бильбао.

Было 4 октября 1992 года, а накануне ко мне пришли с визитом, что стало еще одним подтверждением того, что все идет как надо, и что Бог не зря привел меня в это самое место и в это самое время. Я отдыхал в своем номере, когда мне позвонили снизу и сказали, что меня очень хотят видеть. «Кто?» — спросил я с раздражением и получил ответ: «Сеньор Андони Гойкоэчеа». Я стремглав сбежал вниз по лестнице и увидел его: это был первый раз, когда мы с ним встречались после случившегося. Он мне сказал: «Парень, я рад тебя видеть, знать, что ты в порядке, что ты вернулся, чтобы расставить все по своим местам в футболе. Ничего такого, я просто рад тебя видеть». Мы разговаривали с ним о наших дочерях, о жизни, обо всем понемногу… О том случае? О том случае мы не проронили ни слова.

О том случае я вспомнил, когда вышел на поле стадиона «Сан Мамес». Дождь лил как из ведра, и свист стоял такой, словно его издавал кто-то один, хотя на самом деле там были тысячи людей. Я даже не успел ступить на газон, мокрый и зеленый, как посмотрел на на трибуну и увидел там транспарант с надписью: «Марадона-педик, тебя трахнул гол Эндики!». Эндика забил «Барселоне» в том скандальном финале Кубка Испании… А затем трибуны начали скандировать: «Гойко, Гойко, Гойко!». Нет-нет,

они вспоминали не нашего любимого «Баска», вратаря, а того, что днем раньше пришел и протянул мне руку, а девятью годами ранее нанес мне незабываемый удар, который для них стал чем-то вроде титула, кубка. Предметом гордости. Вот в такой обстановке мы начали игру и продолжали ее, и через двадцать минут мне показалось, что… история повторяется. Я стоял в центре поля, спиной к воротам соперника, смотрел направо, и в этот момент получил мощнейший удар в правую голень. Ужас! Сначала над стадионом повисла гробовая тишина, а затем раздался крик: «Гойко, Гойко, Гойко!». Я не мог в это поверить! Я очнулся от боли, и с трудом поднялся с мокрого газона. Поднялся, словно говоря всем: «Я здесь, я жив, меня не убили. Попытались еще раз, но не смогли». Потом, когда я посмотрел этот эпизод по телевизору, то подумал, что Лакабег был близок к тому, чтобы стать идолом «Атлетика»: он врезался в меня точно так же, как и Гойкоэчеа десять лет назад. Но на этот раз я спасся, может быть, потому, что увидел, как он на меня несется.

Поэтому мне доставило удовольствие заставить их поджать губы. Мы забили гол после штрафного удара: я перебросил мяч через стенку, вратарь не смог его удержать, и набежавший Маркос отправил его в сетку. Я кое-что сделал уже в самом первом матче! Я ушел с поля за двадцать минут до финального свистка: тот удар Лакабега меня не уничтожил, но доставил мне сильную боль.

Когда я пришел в «Севилью», команда уже провела четыре матча в чемпионате Испании, выиграв два, один раз проиграв и один раз сыграв вничью. После той игры в Бильбао, пришло время моего дебюта на стадионе «Санчес Писхуан», который состоялся 11 октября, во встрече с «Сарагосой», которую «Севилья» выиграла благодаря голу, проведенному мной с 11-метровой отметки.

Сразу же начались перелеты. Согласно контракту, я должен был принять участие в матче «Бока Хуниорс» — «Севилья», который прошел на «Бомбонере». Звучит странно, но это было словно мини-турне «Севильи» по Аргентине. И 14 октября в среду я вновь надел футболку «Боки» — на «Ла Бомбонере», более чем десять лет спустя. Первый тайм я отыграл в футболке «Севильи» (он закончился вничью 1:1), а во втором уже выступал за «Боку», и мы проиграли 2:3.

Честно говоря, я только и ждал того, чтобы поскорее истекли первые 45 минут, так как я хотел облачиться в те цвета, что вызывали у меня такую любовь. В перерыве я направился в раздевалку «Боки», чтобы получить форму, синего и желтого цвета, а также послушать, о чем будет говорить главный тренер команды, уругваец Табарес. Табарес попросил своих ребят

сделать все возможное для того, чтобы я забил, но я сам обратился к ним с речью: «Давайте забивать еще! Сыграем так, как в том матче, когда вы надрали задницу «Риверу». За несколько дней до этого я видел с трибуны, как они обыгрывали «Ривер Плейт», и сходил там с ума, вел себя как простой болельщик, и едва не помер, когда Наварро Монтойя парировал пенальти, исполненный Эрнаном Диасом. Когда матч закончился, многие мне говорили о том, что вторую его половину я провел сильнее, и я всем отвечал: «Да, потому что на мне была футболка «Боки».

Мы повторили праздник в Кордобе и вернулись в Испанию. Теперь я должен был выкладываться по полной программе, для чего пригласил поработать с собой Фернандо Синьорини, который лучше всех знал мое физическое состояние. Свое 32-летие я отметил в новом доме, расположенном в лучшем районе Севильи, Симон Верде. Раньше его снимал тореро Эспартако, он назывался Вилья Эспартина, и был просто великолепным. Самым большим подарком, который сделали мне андалусийцы в эти дни, были тишина и покой. В то время я занимался на тренажерах и проходил обследование в клинике Ксавьера Аскаргорты, и наличие двух килограммов лишнего веса не было для меня большой проблемой.

До конца года все шло хорошо. Особенно мне запомнился день, когда одна из барселонских газет поместила статью, в которой говорилось о том, что я делаю то, что мне вздумается, веду разгульный образ жизни и совсем не тренируюсь. На это я ответил голом со штрафного удара в ворота «Сельты» в Виго. К 22 ноября я записал на свой счет три мяча, забив еще один с пенальти «Райо Вальекано». Я вновь был в центре внимания.

Я помню шумиху, которая поднялась перед матчем против «Тенерифе», за который выступал Редондо. Она поднялась из-за моих отношений с Редондо, из-за противостояния «меноттистов» и «билардистов», из-за того, что «Тенерифе» тренировал Вальдано, а вместе с ним работал Анхель Каппа. Я подал руку Редондо до и после матча, и все эмоции и силы мы бросили на футбольную борьбу. Тогда, 3 января 1993 года, от нас убежала черепаха: «Тенерифе» нас обыграл со счетом 3:0. Также поднялась шумиха перед моей встречей с «Барселоной», хотя она пошла нам на пользу: при переполненных трибунах стадиона «Санчес Писхуан» мы сумели выстоять, сыграв вничью 0:0 — вполне себе достойно. Первый круг заканчивался поединком против мадридского «Реала», и это был великий матч, из числа тех, что так мне нравятся. Я помню, как однажды сказал: «Я готов сражаться руками, падать на газон, отбирать мяч и делать все для

того, чтобы победить». Все тут же зцепились за эти слова, и одна из испанских газет вышла с заголовком: «Марадона вернулся из Мексики», вспомнив тот знаменитый эпизод на мундиале. И когда на пороге появился Фернандо с газетой в руках, то он спросил меня: «Так, значит, ты успел смотаться в Мексику в эти дни?».

Шутки шутками, но пришло время дать ответ на то, что я так долго ждал: на вызов из сборной Аргентины. Басиле, который наблюдал за мной в дебютном матче, который беседовал со мной один на один, который пообещал мне, что пригласит меня как только посчитает это нужным, исполнил свое обещание. Он пригласил меня на матч со сборной Бразилии, посвященный столетнему юбилею Аргентинской федерации футбола. Это была не простая игра, и не только потому, что в качестве соперника выступала Бразилия. Эта встреча входила в программу торжеств, посвященных тому, что меня признали лучшим аргентинским футболистом всех времен!

Я слетал на эту игру, но по возвращении в Испанию я открыл для себя, что ситуация в клубе выглядела не такой уж и простой. Для меня было в порядке вещей пересекать океан, чтобы сыграть за сборную Аргентины, а потом уже вернуться и выступать за клуб, однако, руководители «Севильи» не хотели разрешить мне принять участие во втором матче — с Данией. Мне угрожали крупным штрафом, чинили всевозможные препятствия, но, несмотря на это я все равно принял участие в той встрече. В итоге, произошло то, что и должно было произойти. Билардо и мне сказали, что «Севилья» практически всегда проигрывает после праздников: игроки набираются шампанским и прочим алкоголем так, что становятся не похожи сами на себя. Я же не был похож на самого себя по совершенно иной причине: я поссорился с руководством клуба и не видел путей для урегулирования конфликта.

Меня начали преследовать, распускать всякие слухи, даже наняли детективов для того, чтобы те следили за тем, что я делал, что говорил, как жил, и, в конце концов, меня это взбесило. Я устал: в очередной раз мне пришлось сделать нечеловеческое усилие для того, чтобы вернуться в футбол, но никто меня не понимал. Никто, за исключением родных и близких, которые были рядом со мной. Как, например, Билардо. По крайней мере, в то время я так думал. И вновь ошибся.

Ко всему прочему у меня произошел рецидив одной из моих застарелых травм, преследовавших меня со времен «Лос Себольитас». Она время от времени давала о себе знать, начиная с 1985 года, когда я получил тот знаменитый удар по ноге от венесуэльского болельщика в Сан-Кристобале, куда мы приехали

на матч отборочного цикла чемпионата мира. Все говорили мне, чтобы я даже не тренировался, но я играл и выкладывался по полной программе. Дело дошло до того, что меня захотели отправить на операцию в Италию, но доктор Олива вытащил меня из-под ножа, как вытаскивал раньше. Каждый раз, когда я разворачивался, колено словно взрывалось. Боль была такая, что порой я сам кричал Оливе: «Режь меня, режь!». Он отказывался, и я ему верил, хотя все вокруг говорили, что мое колено уже ни на что больше не годится…

Я не тренировался в течение всей недели, а 12 июня 1993 года нам предстоял матч с «Бургосом». Я собрал все силы в кулак, и вышел на поле. Но колено давало о себе знать, и поэтому после первого тайма я сказал Билардо: «Карлос, я не могу больше, я не могу даже пошевелить коленом… Как мне быть? Сделать укол и продолжать или уйти? Либо убирайте меня, либо я уколюсь». На это он мне ответил: «Иди, уколись, потому что ты должен остаться». Мне сделали три укола — три! и я вышел на поле, потому что чувствовал, что Билардо во мне нуждается, и я не имею права его подвести. Вот так я опять ступил на газон.

Через десять минут после начала второго тайма судья остановил игру, чтобы «Севилья» могла сделать замену. Я посмотрел на скамейку запасных и не поверил своим глазам: на табличке был десятый номер! Я не мог в это поверить! Я подумал, что это ошибка, но нет… Билардо действительно решил заменить меня, заменить через 10 минут после тех трех кошмарных уколов! И тогда я завелся и крикнул так, что все это прекрасно услышали по телевизору: «Билардо, что же ты за сволочь!».

Я ушел в раздевалку и там дал волю чувствам, осыпая проклятиями всех, кто попадался на моем пути. Меня не смогли остановить ни помощник Билардо Лемме, провожавший меня от скамейки и до дверей и в итоге посланный к чертовой матери, ни даже Клаудия с Маркосом и Фернандо, спустившиеся с трибуны.

Я уехал со стадиона и закрылся в своем доме. Всю ночь я не спал и плакал. Без наркотиков, без наркотиков! Я смотрел телевизор и плакал, смотрел какие-то фильмы и плакал. Плакал из-за того, что произошло, и плакалЮ, когда вспоминал о встрече с руководителями «Севильи», состоявшейся за несколько дней до этого проклятого матча.

Они сказали мне (вы только подумайте, мне!): «Давай уберем Билардо перед матчем с «Бургосом», а ты станешь играющим тренером. Ты ведь хочешь этого?». Тогда я ответил им, клянусь своими дочерьми: «Вы, что совсем рехнулись?! Меня сюда пригласил Билардо, и я приехал во многом из-за него, и многим ему обязан. Я способен на разные поступки, сеньоры, но я не

предатель». Президент Куэрвас и вице-президент Дель Нидо продолжали настаивать: «Диего, посмотри, как плохо идут дела». И тогда я прекратил эту ненужную дискуссию: «Хорошо, ребята, все решается очень просто… Если уходит Билардо, ухожу и я!». После этого я наткнулся на Билардо и рассказал ему об этом: «Карлос, мне предложили стать тренером, эти сукины дети хотят вас убрать». Клянусь моими дочерьми, все было именно так. И он мне не поверил: «Диего, это бред, полный бред. Я поговорю с ними и потом перезвоню тебе». Но больше он так мне и не позвонил, и до того проклятого матча мы с ним вообще не общались. А потом случилась вся эта история: я играю, я делаю уколы, он меня меняет, я его обкладываю…

На следующий день после встречи с «Бургосом» я продолжал смотреть телевизор, как сейчас помню, это был финал «Ролан Гаррос». Я плакал и думал: «Твою мать, ну, как такое может быть? Я был честен с этим типом, я предупредил его о том, что его собираются убрать, что мне предлагают место тренера, а он поступил со мной так, словно это я, а не они, подсовывал ему дерьмо?!». И тогда, наблюдая за теннисным поединком, я почувствовал, что кто-то стоит позади меня. Я подумл, что это Франки и не обратил внимания. Но он опять шевельнулся, и я был вынужден обернуться… Это был Билардо! И он сказал мне: «Ты не можешь так поступать со мной». Я продолжал плакать от бессилия, я плакал с того самого момента, как меня убрали с поля, с прошлого вечера! А этот тип пришел сказать мне: «Ты не можешь так поступать со мной, я видел по телевизору, как ты меня оскорблял, оскорблял, когда я тебя заменил…». Я крикнул ему: «По телевизору ты видел?! По телевизору!? Да я кричал тебе это в лицо, сукин ты сын, как ты мог это видеть по телевизору?!». Мы орали друг на друга, как сумасшедшие. «Ты не можешь так поступать со мной, я всегда делал тебе только добро!» — кричал он мне. «Кто? Ты? Я пошел на то, чтобы в меня три раза всадили иглу, а ты меня все равно заменил!».

Тогда он не выдержал и толкнул меня. И когда он меня толкнул, я, в свою очередь, также потерял разум и врезал ему так, что он рухнул оземь, как мешок с дерьмом… А когда я собирался добить его, то понял… что не могу этого сделать, не могу его ударить. Тут прибежали Клаудия, Маркос и оттащили его в сторону. Он продолжал кричать: «Ну, ударь меня, ударь!». Я ударил его потому, что он толкнул меня, потому что всю ночь я плакал из-за той ссоры и был на взводе, но… Сегодня, вспоминая тот эпизод, я понимаю, почему не смог тогда ударить его еще раз — потому что он плакал.

Несколько дней спустя после этой драки Клаудия позвонила

Глории, супруге Билардо, которая рассказала, что ее муж все дни с момента нашей ссоры проводил на таблетках, засыпая со снотворным. Я отправился его навестить, и он попросил у меня прощения за то, что он так со мной поступил. С одной стороны, вроде бы все точки над «i» были расставлены, но с другой, я уже не был прежним. У меня оставались сомнения, которые не разрешились и по сей день, относительно того, что произошло на той встрече Билардо с руководителями «Севильи», состоявшейся после того, как они предложили мне занять его место? У меня пока есть только одно объяснение случившемуся: они хотели освободиться от меня. И они освободились. Они убрали со своего пути человека, который не хотел жить по установленным ими правилам, и не принимал их жизненной философии. И один из этих мудаков, вице-президент Дель Нидо, был только рад сказать мне, чтобы я уезжал, он прекрасно знал, что больше я уже терпеть не буду.

Вот такая история. Так закончилось мое пребывание в «Севилье». Закончилось очень плохо.

Два месяца спустя, в том же 1993 году, моя карьера получила новое продолжение, но уже в Аргентине. Если быть более точным, в Росарио, в клубе «Ньюэллз Олд Бойз», да, сеньор!.

«Ньюэллз» был насколько коротким этапом в моей карьере, настолько же и прекрасным. Поэтому теперь я говорю, что я очень хотел бы сделать что-нибудь хорошее для этого клуба. И подумайте только, что я стал играть за них лишь потому, что был сильно зол! Да, я был зол! В конце августа был практически решен вопрос моего перехода в «Архентинос Хуниорс», когда вдруг ко мне домой заявились болельщики этого клуба и начали требовать с меня 50 000 долларов, на что я им ответил: «Что?! 50 кусков?! Я дам их своему старику, и он положит вас всех сразу, какими бы здоровыми вы ни были. Вы можете оставаться здесь, сколько хотите, но от меня вы не получите ни сентаво». Они ушли, но пообещали, что сделают мою жизнь невыносимой, а я ответил им, что они просто обоссались. Потом я поднялся в дом и проспал всю сиесту.

Когда вскоре Клаудия с дочками вышли на улицу, эти имбецилы отправились за ними, оскорбляя и угрожая им. На лицевой стене дома они написали громадными буквами «Марадона — говнюк». Об этом прознали ребята из «Дефенсорес де Бельграно», и поверх той записи они сделали другую: «Диего под нашей защитой». И эти, из «Архентинос», уже больше не появлялись. Старик, я был согласен дать им денег на флаги и на вино, но я не собирался позволять им обогащаться за мой счет. И даже на поездку мундиаль я бы не дал им денег! Я считаю, что

все это убивает страсть: если ты даешь им денег, они начинают орать в твою поддержку, а как только перестаешь — тебя смешивают с дерьмом… Вот так и действует этот принцип: хочешь, чтобы тебя поддерживали и защищали — плати. Если мне хотели аплодировать, то лишь потому, что видели, как я играю… Мне никогда не надо было кому-либо платить, чтобы мне аплодировали, но в аргентинском — да и в мировом — футболе все это существует…

Тогда я сказал Франки: «Они оскорбляли Клаудию? Я разве что-то кому-нибудь обещал? Тогда пусть остаются ни с чем: я ухожу… в «Ньюэллз»!». И я ушел, пусть и на меньшие деньги, но ушел. Но все это пошло мне только на пользу, потому что в «Ньюэллз» я провел прекрасное время… Эта идея пришла в голову «Гринго» Джусти, который отправился к президенту клуба Вальтеру Каттанео. Мужик сперва посчитал, что над ним издеваются; он не мог поверить ни единому слову. В то время на каждом углу трубили, что я уже одной ногой в «Архентинос», и никто ничего не знал об инциденте, случившемся у дверей моего дома. Кроме того, «Архентинос» уже вел переговоры с одной группой агентов, которые были готовы поставить на это кучу денег, команда собиралась проводить домашние матчи в Мендосе, и тут появился я, чтобы положить конец всему.

Но как же обосрались ребята из «Архентинос»… За это чуть было не досталось Гильермо Копполе, который был совершенно не при делах. Я снова начал с ним сотрудничать, мы опять стали друзьями, хотя большинству это ни хрена ни нравилось. И однажды мы были на дискотеке «El Cielo», что-то выпивали, и тут ткуда ни возьмись появился Авила, агент Карлос Авила, который был просто взбешен: «Тебя, тебя!» — он кричал. — «Это тебя я смешаю с дерьмом, ты больше не продашь ни одного игрока!». Он уже схватил Копполу за руку, и тот собирался врезать ему. «Ты обосрал нам сделку, ты насрал Диего!» — кричал он ему в лицо, и я был вынужден держать Копполу, потому что видел, как он весь трясется. И тут Авилу словно осенило: «Ах, ты же Коппола! Я перепутал тебя с этим сукиным сыном Франки!». Авила перепутал двух седых мужиков! А убить он хотел того, кто побещал, что я буду играть в «Архентинос», тогда как я сам собирался в Росарио.

Джусти поговорил с Маркосом, Маркос — со мной, и я сказал ему, что его опередили. Не знаю, почему я согласился отправиться в «Ньюэллз», может быть, потому что продолжал мечтать об участии в Кубке Либертадорес, и думал, что в этом клубе моя мечта исполнится. На самолете я отправился в Уругвай, где сел на диету, составленную для меня китайским специалистом Лю Гуо Ченгом, и стал тренироваться под

руководством Даниэля Серрини, который был похож на культуриста, но знал толк в питании и тренировках. И благодаря этому я весил 72 килограмма.

Грондона позвонил Маркосу и предупредил его, что время подходит к концу, что пора определяться, так как уже было нужно просить международный трансферный лист. Менее, чем за неделю до этого, 5 сентября 1993 года, сборная потерпела самое кошмарное поражение из всех возможных — 0:5 от Колумбии, и все это отдавалось у меня болью в сердце. Тогда я сказал ему: «Ньюэллз», «Ньюэллз»… это то, что хочет Бог!».

Видимо, Бог хотел невообразимого праздника, который заставил меня вспомнить о моем приезде в Неаполь, когда на стадионе «Сан-Паоло» собралось 80000 человек. Они пришли только ради того, чтобы услышать, как я произнесу пару слов на итальянском и отправлю мяч на трибуны. Нечто подобное произошло здесь, 13 сентября в четверг, и на трибунах было не более сорока тысяч зрителей, потому что стадион «Парке Индепенденсия» не мог вместить больше. Какая красота! Эти люди пришли сюда только для того, чтобы посмотреть, как я тренируюсь! Мне рассказывали, что там были даже шриланкийцы, чей корабль сделал остановку в порту Росарио.

Хорхе Рауль Солари, имевший самое непосредственное отношение к моему появлению в команде, устроил из моей презентации настоящий праздник. Я помню, как ребята вынесли меня на руках к центру поля, и публика зашлась в экстазе. У меня до сих пор есть какое-то особенное чувство к «Ньюэллз Олд Бойз», и да и к «Росарио Сентраль» тоже. Я помню как болельщики этого клуба — самые фанатичные из них, объединившиеся в организацию под названием «OCAL» («Organizacion Canalla Anti Leprosa») оживились, когда узнали о том, что я перешел в «Ньюэллз», и выпустили следующее обращение: «Нужно помочь Марадоне, проказа2 тоже лечится».

«Прокаженные» — так они называли игроков «Ньюэллз Олд Бойз», и всех тех, кто имел отношение к этому клубу. И эти «прокаженные» до отказа заполнили трибуны в день моего неофициального дебюта, 7 октября 1993 года, когда «Ньюэллз» встречался с эквадорским «Эмелеком». Еще один праздник, организованный Солари. Я вышел на поле с моими дочерьми на руках и прочитал адресованное мне приветственное обращение, написанное огнем: «Диего, НОБ — твой дом». И я чувствовал, что это действительно так.

Официально я дебютировал в футболке «Ньюэллз Олд Бойз» в матче против «Индепендьенте», на стадионе «Авельянеда» 10 октября 1993 года. После почти девятилетнего перерыва я

вернулся в аргентинский футбол; я всегда говорю, что я в долгу перед ним, а если мне что-то и должны — так это минуты, которые я должен был провести, играя здесь, на своей земле, перед своим народом. Мы проиграли 1:3, но я чувствовал себя победителем: я нанес два потрясающих удара, и один из них взял Луис Ислас, когда всем уже казалось, что будет гол. Я сказал это тогда и повторяю сейчас: я чувствовал себя на седьмом небе от счастья, и это всего лишь через четыре месяца после моего ухода из «Севильи». Я чувствовал себя возродившимся, уже в который раз. Меня очень беспокоила тема сборной, Басиле, против которого я сделал несколько резких заявлений, сказав что он уже в усмерть упился из двух Кубков Америки… и я должен был поднять этого «мертвеца». После матча с «Индепендьенте» я сообщил всем о своем желании поговорить с Басиле, о том, что я готов поступить в его распоряжение и сделать все возможное для того, чтобы завоевать место в составе сборной.

В Росарио, красивом городе, я поселился в отеле «Ривьера». Это было моим главным местом пребывания, оттуда я вызжал по делам. Я очень эмоционально переживал все происходившее со мной, словно это был уже матч в мою честь.

Вскоре пришло время решающих матчей, и один из них был против Австралии, с которой мы оспаривали последнюю путевку на Мундиаль. Мы ее завоевали, но это нам дорого стоило.

Когда я вернулся, меня ждало другое событие: матч против «Боки» на стадионе «Ла Бомбонера», встреча с Сесаром Луисом Менотти. Я чувствовал колоссальное к себе уважение как со стороны партнеров, так и соперников, и мне казалось, что я принимаю участие в каком-то выставочном шоу. Но, увы, мы проиграли 0:2. К сожалению, Солари с нами уже не было.

Наконец настал тот фатальный для меня вечер, 2 сентября 1993 года, встреча с «Ураканом» на его поле. Я был измотан до предела: два матча против Австралии, еще один с «Бельграно» в Кордобе, и вот теперь этот. Мы вели в счете 1:0, я вел борьбу за потерянный мяч и услышал сзади какой-то шум… Меня опять сломали, сломали почти 13 лет спустя!

Это было кошмарное лето. Сперва вся эта говенная история с выстрелами в журналистов: да, я отреагировал чересчур бурно, но я не мог смириться с этим, не мог позволить им лезть в мой дом, в мою личную жизнь. Наконец, мой последний матч за «Ньюэллз», это была товарищеская встреча с бразильским «Васку да Гама» в Росарио. Я провел на поле 72 минуты, на две больше, чем меня обязывало соглашение с клубом и телевидением, и ушел. Ушел, чтобы больше никогда сюда не вернуться. Я рассказываю обо всем этом быстро потому, что так все и было на самом деле. Если я

выгляжу занудным в своих воспоминаниях, то это тоже верно.

Чтобы подвести итог, скажу, что меня привел в клуб «Индио» Солари, и со временем он ушел из нее. С ним у меня был ряд договоренностей, что представляется мне логичным на данном этапе моей карьеры. Затем пришел Хорхе Кастелли, и все начало меняться в худшую сторону. Он не любил «звезд», и после моего ухода команду также покинули «Тата» Мартино, «Чочо» Льоп, «Гринго» Скопони. Именно на них держался тот «Ньюэллз», именно они сделали его великим… Но Кастелли хотел видеть в команде молодых игроков, и впоследствии… эти молодые игроки так ничего и не поняли.

Мне очень жаль, что эта глава в моей истории закончилась так печально. Я ушел. Я не хотел получать деньги ни за что, ни про что, отнимать их у других. Тем более, там. Кроме того, впереди меня ждал мундиаль, и это всего лишь пять месяцев спустя после моего возвращения на поле. Тем временем, стервятники всех мастей в душе постепенно начинали радоваться, говоря везде, где только можно о том, что я уже не буду играть. Ведь тогда многим казалось невозможным, чтобы я, Марадона, выступил на чемпионате мира в США.

Примечания:

1 Двенадцатая — La Doce, самая многочисленная и хорошо организованная фанатская группировка «Бока Хуниорс».

2 Проказа — Lepra; прозвище клуба «Ньюэллз Олд Бойз».

Глава 12
ПРОЩАНИЕ

«Бока»-1995/96

Возвращение в «Боку» для меня было равноценно родам после 14-летней беременности.

Когда я вернулся с американского мундиаля, с отрубленными ногами и разбитым сердцем, в голове у меня была только одна мысль, что все уже закончилось, и что мне в жизни больше ничего не осталось. Дисквалификация вступала в силу в августе: очередные 15 месяцев…

Я говорил Клаудии о том, что мне очень хотелось бы лечь в кровать, заснуть и проснуться в футболке «Бока Хуниорс», готовым к выходу на поле, без запретов, без наказаний, без каких-либо преград. Но это была всего лишь иллюзия. В реальности я переживал кошмарный период в моей жизни. И это было время борьбы. Борьбы с теми, с кем судьба свела меня лицом к лицу: с Авеланжем, Грондоной, Пассареллой… Пассарелла!!!

Получилось так, что начиная с чемпионата мира в США, я был Люцифером, а Пассарелла — Богом. И я возмутился, когда он решил возвести себя в ранг святого, приказав пройти риноскопию1 всем игрокам сборной Аргентины. Это было дикостью, нелепой, дурацкой выходкой.

Я чувствовал, что мне надо чем-то было заняться в эти 15 месяцев, к которым меня приговорила ФИФА, и первым, кто мне протянул руку помощи, был клуб «Депортиво Мандийю», руководство которого предложило мне стать главным тренером команды… В паре с Карлитосом Френом мы приобрели неоценимый опыт: каждому из нас приходилось быть тренером, психологом, президентом в одном лице, даже брать в долг мячи у «Адидаса». Много что тогда на меня свалилось, но в то же время я заслужил уважение всех тех ребят, которые находились в моем подчинении. Когда я туда приехал, у них ничего не было: ни мячей для тренировок, ни сеток на воротах.

В первом матче, против «Росарио Сентраль», я руководил с трибуны, сидя рядом с моим братом Лало, как два обычных болельщика, потому что тогда я еще не получил разрешения на работу в качестве тренера. Мы проиграли 1:2, и я чувствовал себя

выжатым до предела, больше, чем даже после матча за сборную. Лучшим же результатом той короткой кампании стала ничья с «Ривером» на «Монументале».

Действительно, длилась она очень недолго: 2 месяца, с 3 октября по 6 декабря, всего лишь 12 матчей, в которых мы одержали одну победу, шесть раз сыграли вничью и пять проиграли. В один прекрасный день в раздевалке появился Освальдо Крус, который был владельцем клуба, и бросил клич:

— Эй парни, нужно выкладываться до конца!

Я стоял к нему спиной, а Френ — лицом. Я посмотрел на Карлитоса и спросил его:

— Ты сам его стукнешь или это сделать мне?

Затем я подошел к Крусу и посмотрел ему в глаза:

— Слышишь, ты, жирная п…а, какого дерьма ты приперся сюда разговаривать с игроками?! С игроками разговариваем мы… Уматывай!

— Нет, потому что…

— Проваливай, иначе я разнесу твою морду на кусочки!

И тогда он меня спросил:

— А ты кто такой?!

Я успел поставить ему пару шишек до того, как меня сняли… Если я тренер, то раздевалка — моя! Моя! И я терпеть не могу, когда начальники приходят сказать игрокам, что те не выкладываются. После этого я ушел. Логично, не правда ли?

1994-й год закончился плохо, но казалось, что 1995-й начался намного лучше: меня пригласили во Францию, где собирались провести матч в мою честь. Я бы очень хотел, чтобы такой матч был организован у меня на родине, но нет — приглашение поступило из-за рубежа, 1 января 1995 года, как раз в то время, когда я был дисквалифицирован. Тогда французский журнал «France Football» присудил мне «Золотой мяч», как дань уважения моей футбольной карьере. Я переживал необыкновенный эмоциональный подъем, и кроме того встретился с Копполой для того, чтобы расставить все точки над «i». Я попросил его сопровождать меня в этой поездке, так как считал, что в этой награде немалая доля заслуги принадлежит ему. С Гильермо я провел самые успешные годы моей карьеры, выиграл самые главные титулы, хотя об этом никто сейчас уже не помнит. Все предпочитают замалчивать это. С того момента он возобновил сотрудничество со мной — менеджером или кем-то еще, мы никогда не обсуждали с ним этот вопрос, — Болотникофф остался моим адвокатом, а эпоха Маркоса Франки подошла к концу.

Вскоре мне поступило предложение возглавить «Расинг».

Этот опыт оказался не таким удачным как в «Депортиво Мандийю», и не только по части результатов. В «Расинге» президентом был Хуан Де Стефано, который лично со мной вел себя очень хорошо, но при этом никогда не выполнял своих обещаний. Так что как руководителя я его не уважал. Я попросил его приобрести в команду еще одного защитника, но он этого не сделал. Я уже договорился с Гойо Эктором Альмандосом, которого считал тогда лучшим либеро Аргентины, и Альмандос попросил Карлоса Бьянки отпустить его. Однако, Бьянки тогда был со мной на ножах, и в итоге «Велес» запросил за Альмандоса 1,8 миллиона долларов. У «Расинга» же не было денег даже для того, чтобы купить футболку, а игроки прозябали в нищете. Фактически этой команде так же, как и «Мандийю», предстояло бороться за выживание.

Прошли четыре месяца постоянной борьбы, особенно, тяжело приходилось с арбитрами. Как тренер «Расинга» я обязан был бороться с настоящей футбольной мафией, которую я на дух не переносил. Тем временем Де Стефано проиграл президентские выборы; ранее я пообещал, что я уйду вместе с ним, и я ушел. За четыре месяца при мне в качестве главного тренера команда провела 11 матчей, из которых выиграла два, шесть свела вничью и в трех потерпела поражения.

Тем не менее, это был очень хороший опыт. Ты становишься более сентиментальным: начинаешь переживать за всех своих игроков, представлять себя на их месте. В «Расинге» я очень часто хотел выбежать на поле, чтобы начистить рыло арбитрам, которые просто выводили меня из себя. Хуан Бава, Анхель Санчес — с ними у меня был целый букет конфликтов, и я думаю, что это по моей вине проигрывал «Расинг», так как у судей была ко мне личная неприязнь. Но удовольствия от работы тренером я получал несоизмеримо больше. Мне нравилось проводить тренировки, руководить игроками, отдыхать вместе с ними, и в душе я испытывал радость оттого, что в моих руках находится целая команда, и очень сильная команда.

Любопытно, что через неделю мне представилась еще одна такая возможность. Приглашение пришло оттуда, откуда я его меньше всего ждал: от самого Пеле, который предлагал мне возглавить «Сантос». До истечения срока моей дисквалификации оставался ровно один день — 15 сентября 1995 года, и мне казалось, что он никогда не настанет. То, что предложил мне Пеле, было близко к идеалу — быть играющим тренером.

Он пригласил меня к себе домой, в Сан-Паулу, и 13 сентября я отправился туда вместе с Гильермо Копполой, Марсело Симонианом и Даниэлем Болотникофф. Мы хорошо провели

время, болтая не только о футболе, но и о многих других вещах, обсуждая возможность помощи детям из бедных семей в Бразилии и Аргентине.

В действительности я очень хотел стать играющим тренером, но только в «Боке». И были два момента, которые мешали осуществить это. Во-первых, у «Боки» не было в кармане ни шиша, и отнять хотя бы сентаво у Карлоса Эльера, вице-президента клуба, было намного сложнее, чем раздобыть горячую воду в Вилья Фьорито. Во-вторых, руководители клуба, особенно дон Антонио Алегре, не хотели даже ничего слышать об играющем тренере. Во главе команды стоял Сильвио Марсолини, который занимал эту должность еще в 1981 году, и никому не приходило в голову убрать его со скамейки запасных. В клубе начали распускать слухи, будто бы я раскачиваю почву под ногами Марсолини, и как только я появлялся на «Бомбонере», с ними сразу же начиналась истерика. Я приходил смотреть на «Боку», но как простой болельщик! Да, люди выкрикивали мое имя, но я не мог этому воспрепятствовать.

И в этой ситуации произошло самое лучшее, что могло произойти: компания «Пеле Спортс Маркетинг» пригласила меня в поездку по Европе.

По возвращении мне позвонил Эльер, а в воскресенье утром, когда я тренировался на поле в Тортугитас, раздался звонок по мобильному от Копполы. В тот же день Эльер с Копполой решили отобедать вместе, а я отправился смотреть по телевизору матч между «Бокой» и «Сан Лоренсо» в Кинта де Оливос вместе с президентом Аргентины Карлосом Менемом. В тот день «Бока Хуниорс» проиграл, и я пережил это поражение, словно сам принимал участие в игре. В плане «физики» я был готов на четыре балла из десяти, может быть, поэтому я так устал, грызя ногти.

Два дня спустя, 6 октября, я вновь был в гостях у президента страны, но на этот раз в более узком кругу: Менем, я, Клаудия, дети… Президент спросил меня: «Диего, что происходит с «Бокой»?», на что я ответил: «Я умираю от желания выяснить это, но пока еще не все плохо». На самом деле я прекрасно знал, что проблем было две: отсутствие денег и моя мечта стать играющим тренером.

В четверг они собрались без меня, все те, кто мог решить этот вопрос: Эльер и Спатаро со стороны «Боки», Коппола с Болотникофф с моей, и Карлос Авила… он пришел из-за денег. Обсуждались многие вопросы, в том числе, мое участие в товарищеских матчах в Японии, Южной Корее, Китае… Каждая из этих стран была готова заплатить больше миллиона долларов только за то, чтобы увидеть меня на поле в течение 90 минут.

Когда переговоры закончились, мне позвонил Коппола: «Посмотри, Диего, эти люди действительно хотят видеть тебя в «Боке». Я прочувствовал это на своей шкуре. А все остальное, в том числе и вопрос с Марсолини, можно урегулировать. Подробнее поговорим потом».

Этот звонок меня обрадовал, и я отправился спать в превосходном настроении, думая об одной-единственной фразе: «Эти люди действительно хотят видеть тебя в «Боке».

Когда я встал на следующий день, я почувствовал себя просто великолепно; обнял Клаудию, поцеловал ее и сказал: «Клау, я счастлив. То, что они действительно во мне заинтересованы, делает меня счастливым».

После этого я отправился тренироваться в Сенард, где работал с момента моего возвращения из Европы. Вместе с Виламитханой, под контролем доктора Лентини, с другими ребятами, с жутким запалом. Я выкладывался как никогда, и как только закончил, так сразу же сделал заявление для прессы. Я сказал то, что должен был тогда сказать, чтобы уже ни у кого не оставалось сомнений: «Я очень счастлив получить это предложение. Я чувствую себя игроком «Боки». Если в 1981 году это была «Хроника», то теперь — программа «Голоса футбола», с радио «Свобода». По другому сотовому меня слушал Карлос Эльер, для которого я специально добавил: «Карлитос, мне нравится это предложение». И на этом я не остановился, а позвонил Марсолини: «Сильвио, все хорошо. Есть вещи, которые я не разделяю, особенно в футбольных вопросах, но я знаю, что мы сможем прийти к общему знаменателю… Однажды мы уже смогли это сделать». Да, однажды мы уже это сделали — в 1981 году, когда он меня не хотел видеть в команде, но был вынужден меня принять; теперь я не хотел его, но был вынужден его терпеть.

Все было хорошо. У меня не было никакого права их торопить, и одна возможность вновь надеть футболку «Боки» делала меня очень, очень, очень счастливым. Вопрос с деньгами был решен, поскольку бизнесмен Эдуардо Эурнекиан, глава «Америки», взял эту сделку на себя. Он нашел Гильермо где-то в кафе, спросил его обо мне, и сказал ему: «Я хочу заняться этим делом». В итоге мы обо всем договорились, и сумма, которая была мне обещана, практически не отличалась от той, что я получал в «Наполи» с 1987 по 1993 год, а тогда речь шла о 20 миллионах долларов за 4 года.

Тогда мне оставалось только ответить Пеле, поблагодарить его и молиться, чтобы дни до моего дебюта пролетели быстро. Грондона попытался было обратиться в ФИФА, чтобы мне

немного скостили срок дисквалификации, однако понимания там он не встретил. Так что мне оставалось только ждать.

Для начала я вернулся на «Ла Бомбонеру». «Бока Хуниорс» тогда представлял из себя жалкое зрелище, и я прекрасно осознавал это. Однако, после того, как я услышал старую песню

«Он стоит десять «лимонов»,
Его зовут Марадона.
И все «курицы»
Отсасывают по полной»

Ко мне вернулось хорошее настроение. В воскресенье, 11-го, когда я вновь появился на этом стадионе, который был для меня словно родным домом, я спустился в раздевлаку, поздоровался с ребятами, которых уже считал своими партнерами, и сидя в ложе на «Ла Бомбонере», стал свидетелем… еще одного поражения, от «Бельграно» из Кордобы. Там же, на трибуне, я прочитал факс, который прислал мне Пеле, извещавший о том, что сделка сорвалась:

«Моим друзьям в Аргентине, в связи с последними событиями, в которые оказалась вовлечена компания, президентом которой я являюсь, а также Диего Армандо Марадоне я должен сообщить следующее:

1. Диего продолжает оставаться лучшим футболистом современности, а его оригинальный и созидательный футбол, еще долго будет восхищать всех тех, кто, как и я, любит эту игру.

2. К сожалению, бюрократические препоны между адвокатами и клубами помешали материализовать один из самых интересных проектов, которые я задумывал в своей жизни: сотрудничество между Диего Марадоной и моей компанией. Они не смогли интерпретировать то, что для меня и Диего было ясно и понятно.

3. Ничто не изменится в отношениях между Марадоной и Пеле. Я всегда уважал его как футболиста, но с момента нашей встречи я научился уважать его и как личность».

Да, Пеле как всегда оказался большим дипломатом.

Тем не менее, я вновь был дома, и для меня возвращение в «Боку» было равноценно родам после 14-летней беременности. Я хотел радовать людей своей игрой, хотел снова слышать в любом районе Буэнос-Айрес следующие слова: «Старуха, пошли на стадион, там сегодня будет играть Эль Диего». Потому ято я — Эль Диего, и я принадлежу тем, кто меня так называет: Эль Диего. Но в то же время я не хотел никого обманывать, поэтому контракт был следующего рода: я получаю деньги, только если выполняю взятые на себя обязательства. Люди из «Америки» также подписали со мной соглашение об участии в съемках фильма, посвященного Карлитосу Гарделю. Он назывался «День,

когда Марадона познакомился с Гарделем», и таким образом сбылась бы еще одна моя мечта, я бы спел дуэтом с «Эль Сорсаль».

В те дни меня окружало только хорошее, так, что я говорил Клаудии: «Я боюсь проснуться завтра и узнать, что все происходящее — это всего лишь сон». Помимо всего прочего руководство «Боки» исполнило данное мне обещание и купило Каниджу, для того чтобы мы играли вместе, как это было в сборной Аргентины! Это внушало мне доверие, поскольку я видел, что начальство подошло к делу серьезно, как это и должно быть в таком клубе как «Бока»; вместе с Кани мы могли свернуть горы!

Все шло хорошо, я тренировался как сумасшедший день за днем, но настало воскресенье… и я не смог выйти на поле! Это было последствием того жестокого наказания, несправедливого наказания. И я хотел бы, чтобы все поняли, почему я в свое время сказал: «Мне отрубили ноги». Потому что мне действительно их отрубили, черт подери!

Поэтому в течение недели я не появлялся на тренировках «Боки», потому что моя душа была не в силах вынести все это. И я заявил, что не приду до тех пор, пока с меня не снимут дисквалификацию. В каком же скверном настроении я тогда пребывал!

Те же самые чувства я испытывал на стадионе, когда приходил понаблюдать за игрой своей команды. Я прекрасно помню тот вечер, 18 августа, 1995 года, матч против «Платенсе» на стадионе «Велеса». Как же я тогда переживал! Я покинул ложу для почетных гостей и стал следить за ходом матча, слушая радио. В тот вечер я столкнулся лицом к лицу с Пассареллой; между нами было меньше метра, однако мы даже не посмотрели друг на друга… Не знаю, у меня что-то словно взорвалось в голове, я больше уже не мог выносить это ожидание, мое терпение подошло к концу. Это было очень тяжело — не иметь возможности выйти на поле.

Все мне говорили: «Это совсем недолго, совсем недолго…», но для меня 45 дней, что оставались до окончания дисквалификации, казались столетием. Целой вечностью! Всякий раз, когда команда появлялась на поле, окруженном переполненными трибунами, я хотел плакать. И это была чистая правда!

Тогда я лишний раз убедился в том, что должен поступать так, как считаю это нужным. Менее, чем через 15 дней, в четверг 31 августа, я отправился на частном самолете в Пунта-дель-Эсте. Мой тогдашний шеф, Эурнекиан, снял ферму своего друг,

Самуэля Либермана, чтобы я там оперативно готовился к своему возвращению. Кроме Гильермо Копполы меня сопровождали мой ассистент Херман Перес и человек, который знал, что скоро спровоцирует шумиху в Аргентине — Даниэль Серрини. Да, Даниэль Серрини. Я знал, что он сможет мне помочь как никто другой. Я взял его с собой еще и потому, что в стране лицемеров, где мы жили, никто никому никогда не дает второго шанса; я же хотел быть другим. На мундиале ошибся он, но и я тоже был хорош, и сейчас мы не собирались спотыкаться об один и тот же камень. Это пошло на пользу всем нам.

Я взял небольшую передышку, а 3 сентября, в воскресенье, я проснулся в семь утра и разбудил всех своим криком: «Эй, мы сюда приехали работать или что? Так давайте работать!». То место, «фермочка» Либермана, к тому располагало; там было все необходимое: футбольное поле, идеальные парки для пробежек… И вновь я сел на диету. А «Бока Хуниорс», тем временем, вновь заставил меня страдать, сыграв вничью с «Ланусом». Он никак не мог победить! Тогда я стал главным защитником Марсолини, и если бы его сняли, я бы не вернулся. Я был готов взять в команду даже Пассареллу, если бы он того захотел. Я говорю так, потому что в те дни наша с ним война достигла пиковой точки: болван устроил ту приснопамятную акцию со стрижками, и даже Редондо высказал ему все, что о нем думает. Я помню свои слова, сказанные Фернандо по поводу его отказа выполнить это идиотское требование Пассареллы: «Посмотри, как все меняется в жизни: теперь я буду просто обязан сделать себе футболку с надписью: «Держись, Редондо!». Кроме того, я сделал еще кое-что, и многие это восприняли как послание Пассарелле: выкрасил свои волосы в синий цвет и был готов в любой момент добавить желтую полосу.

Сбылась еще одна моя мечта: из Пунта-дель-Эсте я отправился в Буэнос-Айрес, из Буэнос-Айреса — отдохнув всего лишь несколько дней — в Мадрид, из Мадрида в Париж… И в Париже, 18 сентября я основал Всемирный профсоюз футболистов. Меня поддержала целая группа игроков, которую возглавлял Эрик Кантона. В то время он дисквалифицирован, как и я сам, и первым присоединился к этой идее. В него вошли также Джордж Веа, Абеди Пеле, Джанлука Виалли, Джанфранко Дзола, Лоран Блан, Раи, Томас Бролин, мой большой друг Чиро Феррара, Мишель Прюдомм… Суперкоманда! Наша миссия была проста и в то же время невыполнима: мы хотели добиться того, чтобы сильные мира сего нас выслушали. И чтобы футболисты раз и навсегда получили право голоса.

Оттуда на частном самолете я отправился в Стамбул, чтобы

присутствовать на благотворительном матче, весь сбор от которого должен был пойти детям Боснии. Я прибыл уже почти к окончанию встречи, сделал пару финтов, люди мне поаплодировали, и я снова улетел. На следующий день я должен был прибыть в Южную Корею: из Стамбула в Лондон, из Лондона — в Сеул. Наконец, пришло время всерьез примерить футболку «Боки».

Я был там, на другом конце света, но душа моя находилась рядом с «Бокой». В моем воображении я играл вместе с ребятами, делал навесы и кричал: «Бей, Кани!». Я думал о команде, о том, кого куда поставить — Маккалистера, Каррисо, Джунту… Поэтому я не захотел пропустить матч «Боки» с «Индепендьенте» в Буэнос-Айресе, но у меня была лишь возможность следить за его ходом по радио. Я и раньше так делал: в Вилья Фьорито мы с отцом двигали приемник туда-сюда, так как волна постоянно ускользала; в Барселоне я звонил по телефону, а мои сестры на том конце подносили трубку к динамику; то же самое я делал в Сеуле. Мне дали телефон с громкоговорителем, мы попросили сотрудников с Радио «Митре» периодически звонить мне, и я переживал игру так, словно находился на месте. Очередное воскресенье прошло без победы, и уже все начали говорить обо мне как о спасителе. Я себя таковым не чувствовал, но знал, что могу стать человеком, от которого будет исходить оптимизм. Я чувствовал себя посвежевшим, словно обновленным.

Я выкрасил полосу волос в желтый цвет, и моя голова стала похожа на футболку «Боки», только надпись на ней была другая: «Против всего». Против масок, против лгунов, против тех, кто говорил моей матери, что она родила пузырек эфедрина; против власть имущих, которые делают все, что им заблагорассудится, забывая о простых людях; против тех, кто на 15 месяцев лишил меня возможности заниматься тем, что я люблю больше всего на свете: играть в футбол.

Мое возвращение в большой футбол произошло 30 сентября 1995 года на Олимпийском стадионе Сеула. Мы обыграли сборную Южной Кореи со счетом 2:1, и я сыграл лучше, намного лучше, чем ожидал… И вновь на свет появилась песня о моем возвращении — «Постараться быть лучше» Диего Торреса.

У меня было всё, что нужно, и все, кто нужен: Менем, Билардо, Менотти… Все они были там, рядом со мной. Каждый сам по себе, но так или иначе, все они были со мной! Президент, который за несколько месяцев до того задал мне главный вопрос, окончательно сподвигнув меня на возвращение в «Боку», находился в Южной Корее с официальным визитом, а Билардо и Менотти приехали туда как журналисты. Как журналисты! Было

трудно себе представить, что они могут где-нибудь пересечься. Но, по крайней мере, они оба обрадовались моему возвращению.

Это было лучшее из всех моих возвращений, потому что у меня тогда получалось все, а когда у меня идет игра, я получаю наслаждение. И в тот вечер я наслаждался как ненормальный.

Я был счастлив, и не только за себя… Я был счастлив за моих дочерей; я позвонил им по телефону как только вернулся в отель, и мы втроем плакали как сумасшедшие. Я радовался за мою мать, за моего отца и всех моих близких. И я радовался потому, что заканчивались эти очень трудные для меня полтора года: у нас в Аргентине люди могут быть добрыми, когда хотят этого, но и всякой сволочи тоже навалом. И на поле я ответил им своей игрой, доказав, что со мной поступили несправедливо, лишив футбола на 15 месяцев; что когда я настраиваюсь, то могу бегать больше, чем кто-либо… И я сделал это без наркотиков! Единственным моим наркотиком всегда был футбольный мяч. Я буду повторять это до тех пор, пока эти лицемеры не поймут: кокаин не помогает играть в футбол, кокаин только вредит этому, кокаин убивает!

Я все прекрасно помню, абсолютно все, что случилось со мной в дни моего возвращения. Сбор в «Инду Клуб», поездка на микроавтобусе на «Ла Бомбонеру»…

И вот настало 7 октября 1995 года. Я видел, как с трибун нас приветствуют люди, и заметил там, наверху, несколько парней в футболках «Ривер Плейта». «Ну сейчас они что-нибудь в меня кинут», — подумал я… и ошибся. Я прочитал по их губам, что они хотели сказать так, словно были немыми, а я — глухим: «Все равно мы тебя любим!». И это было моей самой большой победой.

На самом деле я забыл обо всем, как только вышел на поле. Праздник был просто потрясающим… Но меня просто убили, заставив Дальму и Джаннину появиться там, на стадионе. Они меня убили! У меня задрожали колени, но это был слишком сильный для меня удар. Я благодарен всем за то, что мне хотели сделать сюрприз, но когда я увидел своих дочерей в футболках «Боки» с надписью «Папа, спасибо за то, что ты вернулся», я был в шоке. До этого я думал только об игре, но теперь все мои мысли спутались.

Кроме того, я поднял глаза, чтобы найти успокоение на небе, и мой взгляд попал на один из флагов, свешивавшихся с трибуны: «С 10-м номером? Бог!».

Первые 45 минут я потратил на адаптацию: я играл как дебютант, новичок, и совершил все те же самые ошибки, что до этого замечал у своих партнеров.

Но потом все это прошло, я столкнулся лбами с Хулио

Сесаром Торесани, который, видимо, хотел прославиться за мой счет, и мы с грехом пополам победили 1:0 благодаря голу Дарио Скотто. Я кричал от радости как никогда раньше, и при этом я чувствовал себя тренером команды. Эта идея никогда меня не покидала, и вот теперь она получила свое воплощение. Я не думал, что Марсолини стал бы бурно протестовать; наоборот, его это устраивало.

Я чувствовал себя на поле прекрасно, но в то же время отдавал себе отчет, что пока еще многого не могу сделать. По крайней мере, удары по воротам издалека (да и из штрафной площади тоже) мне не удавались. Но еще больше меня расстроило то, что мне пришлось отправиться на антидопинговый контроль. Случайность? До моего появления в «Боке» три раза подряд сдавать анализы на допинг вызывали Каниджу. Если это не преследование, то что же?

После окончания матча на пресс-конференции кто-то задал мне вопрос, вернулся ли я к жизни, на который я ответил: «А я никогда и не был мертвым, маэстро». Со стадиона мы отправились на праздник в «Кафе Соул», принадлежавшее Фон Кинтебии, и это был сюрприз, который приготовил для меня Коппола. В тот вечер состоялось открытие боулинга, и там, в районе Лас Каньитас, в те времена не было такого числа ресторанов как сейчас. Мы сделали это заведение знаменитым! И я оттянулся по полной программе, посмотрев матч в записи на гигантском экране… Все это было похоже на свадьбу из тех, что играли раньше, так как со мной была вся моя семья: жена, дочери, родители, тесть, теща, сестры, друзья и куча приглашенных знаменитостей, среди которых самым главным был Чарли Гарсия. Когда закончили показывать матч, он устроил еще один импровизированный праздник. Закончилось все тем, что Чарли играл на пианино, а мои дочери пели, расположившись рядом с ним. Большего я не мог и просить.

Я забыл о том, что вновь принимаю участие в национальном первенстве, что через семь дней меня ждет другой матч, другой праздник. И это был не просто еще один матч, старик! 15 октября я вновь вышел против «Архентинос Хуниорс», который был уже не моей командой, а командой моего племянника Дани, сына Аны и моего шурина Карлоса Лопеса. Вся моя семья собралась в ложе стадиона, включая мою мать, которая дымила своим «Мальборо» и проклинала на чем свет стоит одну газету, написавшую, что она согласилась бы на ничью, так как ее сын впервые в жизни играл против ее внука, и все это в День Матери!

Дани безо всякого уважения врезал мне по ногам, но тот вечер все равно был моим… И это несмотря на то, что я играл

против ребят вроде «Томатино» Пены, которому было три месяца от роду, когда я дебютировал в первом дивизионе. Он играл словно против своего отца!.. Они сфолили на Скотто рядом с линией штрафной, я подошел к мячу, ударил по нему… и попал в угол! Несколько секунд я размышлял над тем, кричать мне или не кричать, и склонялся к тому, чтобы обойтись без чрезмерного выражения восторга, но… На этом поле я, выступая за «Архентинос», забил четыре гола Гатти, когда мы боролись за выживание. И я подумал о тех подкупленных дебилах, о сукиных детях, которые меня теперь освистывали. Подумал о моей матери и поблагодарил как мог Бороду (Бога) за то, что он предоставил мне еще одну возможность подарить ей что-нибудь… Подарить ей гол.

Потом, когда я вернулся в раздевалку, когда я поцеловал мою мать, до меня дошло, что мой шурин, Морса, в одиночку дрался со всеми «баррабавас» «Архентинос». Он не смог вынести того, что меня освистывали, не смог.

Я был на пороге своего 35-летия, и собирался устроить по этому случаю большой праздник, из тех, что мне нравятся. Но еще до этого я отпраздновал его игрой. Нам предстояла поездка в Кордобу на матч против «Бельграно», который обыгрывал «Боку» последние четыре сезона, и я хотел взять реванш любой ценой. За неделю до этого случился адский скандал, который могла устроить только Мариана Наннис, жена Каниджи. Она обвинила меня во всех смертных грехах, в том, что я оказываю на ее мужа дурное влияние, хотя на самом деле я относился к нему со всей душой. Я опять был гнилым яблоком. Думаю, что та история больше достала меня, чем самого Кани: на меня навалилась депрессия, из-за чего я не мог тренироваться всю неделю. Из этого состояния меня смог вывести только Коппола. Вот так я и приехал в Кордобу.

Простые жители Кордобы были очень бедными, как и во всех аргентинских провинциях. Но меня они всегда принимали хорошо, поэтому я был рад этой поездке. Не знаю, болельщики ли «Бельграно» аплодировали мне, когда я там приземлился, но это меня настолько вдохновило, что когда я вышел на поле, то почувствовал себя так, будто я тренировался целый месяц без передышки. К тому же мне рассказывали, что Энрике Ньето, главный тренер «Бельграно», сказал своим игрокам: «Никаких фото с Марадоной! Я не потерплю дикарей в своей команде!». Однако, стоило мне ступит на газон, как все они подбежали ко мне, бочком-бочком, и оглядываясь по сторонам, с просьбами сфотографироваться… Я испытывал непривычное ощущение, и каждая игра напоминала мне прощальную. И всякий раз я уходил

с поля, преисполненный чувством гордости. Многие соперники бились что есть сил, нисколько меня не щадили, а потом, после финального свистка говорили: «Диего, я желаю тебе удачи всего мира». И эти слова были для меня бесценными. Подходил Баррос Скелотто и говорил мне: «Ты — феномен», подходил кто-то другой и сообщал: «Диего, если я тебя ударю, то не вернусь к себе домой». Но были и другие, которые хотели стать великими за счет Марадоны: «Теперь меня узнают, я тот, кто стер в порошок Марадону». Однако Марадона не позволял им этого… И я собирался бороться, чтобы меня никогда не смогли остановить.

Мы победили, победили в третий раз подряд… Усираясь, но выиграли 1:0. Я закончил этот матч в слезах, плача всерьез, и чуть ли не срываясь на крик, сказал: «Это была очень тяжелая для меня неделя, очень тяжелая. И кроме того, очень грустная».

Я чувствовал себя полным дерьмом, когда видел Кани, моего друга, в таком плохом настроении. Может быть, это чушь, но такой уж я есть. И в тот вечер я решил больше не позволять Наннис делать то, что ей взбредет в голову. Я никогда бы не позволил запрещать мне выражать мои чувства, если мне грустно, и этому не могла помешать ни Наннис, ни кто-либо другой.

После этого я устроил праздник в честь моего дня рождения, в Буэнос-Айрес Ньюс. Там была вся моя семья, мои партнеры по «Боке», Чарли Гарсия, Хуансе, Диего Торрес, Рики Маравилья, Андрес Каламаро… Я противоречивый? Ну, а кто нет? Там я собрал всех, кого я хотел видеть. Мой первый тост был следующим: «Я проживу много-много лет, хотя некоторые хотели бы, чтобы этого не случилось».

Эти «некоторые», которых было не так уж и мало, считали, что все мы, футболисты — невежды, и лучший ответ на это дал не я, а престижнейший Оксфордский университет.

То, что меня признали там, стало для меня одним из самых радостных событий в моей жизни. Ради того, чтобы прилететь туда, я предпринял огромное усилие. 5 ноября я сыграл против «Велеса», мы вновь победили — четвертый раз подряд, и со стадиона я направился в аэропорт Эсеиса. Меня сопровождали Клаудия с дочерьми, Коппола и Болотникофф. Оттуда я вылетел в Нью-Йорк, где сделал пересадку (янки запретили мне находиться на территории США) на «Конкорд» и через 3,5 часа приземлился в Лондоне, откуда меня доставили на машине в Оксфорд. Через 20 минут я уже стоял перед кучей студентов со всего мира, которые аплодировали мне так, словно я только что забил самый красивый гол в моей жизни. Идея с этой поездкой принадлежала аргентинскому парнишке, Эстебану Сичельо Хюбнеру, которому я буду благодарен до конца моих дней. В течение 35 минут я читал

лекцию, которую мне помогли написать Болотникофф и Коппола, и для меня это было большим испытанием: я читал вслух на публике впервые с того момента, как учился в начальной школе. Чувство, которое мной тогда двигало, было очень простым: я хотел развеять миф о том, что футболисты — невежды, я хотел защитить честь игрока.

Потом мне начали задавать вопросы, причем отвечать на них мне понравилось больше всего. Может быть, потому что я был взволнован, может быть, потому что они заслуживали этого больше других, но я признал, что тот гол англичанам, «Рука Божья», на самом деле был забит рукой… Диего. Но я им объяснил, я тут же им объяснил, почему я так поступил: я сделал бы точно так же, если бы против нас играла сборная другой страны, поскольку таково уж мое кредо — искать лучшее… для своих. Время — лучший лекарь, и поэтому я нашел в себе силы сказать, как все произошло на самом деле.

После этого мне бросили мячик для гольфа и попросили им пожонглировать. Я было отказался, сказав, что это обычно делают в другой обуви, но все равно я не смог удержаться… и начал чеканить мяч левой ногой — один, два, три, десять раз… и они рванули со своих мест. Они кричали мне: «Диегоууу, Диегоууу!» с английским акцентом, и у меня внутри все опустилось.

Я сказал им «большое спасибо», и сегодня повторяю это вновь и вновь. Спасибо за то, что заставили меня почувствовать гордость, за то, что заставили меня сказать все, о чем я тогда думал — в окружении студентов одного из самых престижных университетов мира. Они вручили мне мантию и назвали меня «Маэстро вдохновитель тех, кто все еще мечтает»… Они дали мне то образование, которое могли.

Потрясенный тем, что мне пришлось пережить, я вернулся в Буэнос-Айрес на самолете. Мой «Бока Хуниорс» снова вышел на ведущие роли и стал серьезным претендентом на победу в чемпионате. Настало 20 октября 1995 года, казалось бы ничем не примечательный день, но во время тренировки в тренажерном зале после матча с клубом «Химнасия и Эсгрима» из Хухуя и перед «класико» против «Сан-Лоренсо» один из журналистов освежил мою память, спросив меня:

— Диего, 19 лет назад ты дебютировал в первом дивизионе. Что ты чувствуешь сейчас, когда за спиной у тебя остались почти два десятилетия?

— Клянусь тебе, то же самое, что и тогда. Я все так же хочу выходить на поле, играть и побеждать… То же самое.

И это было действительно так. Дела для меня складывались намного лучше, чем я предполагал. В следующем туре мы

сыграли вничью с «Сан Лоренсо», но я был доволен своим выступлением, и тем, что у меня было несколько единоборств с Оскаром Руджери: два старичка, мы полностью отдавались игре. И в этот вечер мне аплодировала не только «инчада» «Боки»; я удостоился оваций и от представителей противоположного лагеря.

В итоге произошло то, что и должно было произойти: если бы я играл из рук вон плохо, все мои недоброжелатели сразу бы повылазили из щелей с заявлениями о том, что мне пора завязывать с футболом. Однако, у меня все шло хорошо, и поэтому меня начали атаковать исподтишка. Сперва президент «Сан Лоренсо» Фернандо Мьеле стал плакаться о том, что все подстроено для того, чтобы чемпионом стал «Бока Хуниорс». Грондона сказал ему, чтобы он прикусил язык, но было уже поздно. Затем один журналист запустил утку о том, что в «Боке» один из анализов на допинг дал положительный результат. Поскольку Каниджа тогда не играл, поэтому все взоры обратились в мою сторону… Меня в очередной раз поставили в безвыходное положение; я же не мог воспринимать это спокойно, и опять отгородился от окружающего мира.

Мне было грустно, правда, очень грустно. Казалось, что чем больше я давал людям, тем сильнее они хотели меня загнать в угол… Я имею в виду журналистов. «Появился Марадона!» — под таким заголовком они опубликовали мой снимок, когда после той трудной недели, после всех этих беспочвенных обвинений, я вышел из дверей моего дома. Клянусь моими дочерьми, я воспринял все это очень плохо, как проявление дурного вкуса. Вам кажется, что я преувеличиваю? Мне кажется, что нет, поскольку все это повторялось из раза в раз, и доставляло мне сильную боль. Я уже привык жить в центре циклона, но на этот раз я не хотел давать никаких объяснений. Я хотел немного тишины и покоя. Разве я просил невозможного? Я не святой, но покажите мне, кто является таковым! В Аргентине из числа живых их просто нет. Поэтому я стал всерьез думать о том, чтобы навсегда перебраться в другую страну, например, в Мексику.

Я не жалуюсь на всех подряд, только на отдельных типов, грязных журналистов. Я прекрасно обходился со всеми, даже с болельщиками «Ривер Плейта», с которыми вел борьбу всю свою жизнь, потому что мое сердце всегда принадлежало «Боке». На улице многие из них говорили мне: «Я из «Ривера», но ты живешь в моем сердце». Это меня просто воодушевляло, но вот все остальное бесило, особенно потому что к тому моменту мой баланс был максимально позитивным. После полутора лет вынужденного бездействия я вернулся ради того, чтобы показать,

что меня еще рано списывать со счетов. И я сумел доказать это, продемонстрировав всем, что если бы меня не изгнали с мундиаля, Аргентина вновь была бы чемпионом мира.

Каждую тренировку, каждый матч я проводил на пределе собственных возможностей и добился того, чего хотел: все рекорды по сборам от продажи билетов были побиты. Не было такого матча, когда бы трибуны не заполнялись до отказа. Это было моей целью, и она была выполнена. После этого оставалось показать, насколько убедительны наши претензии на чемпионство. За это я отдал бы свою жизнь. В то же время я лишний раз убедился в том, что в Аргентине процветает коррупция, как на поле, так и за его пределами. И что нам одним не под силу ее уничтожить.

Были и есть до сих пор тренеры, которые просят с игроков деньги за прохождение в основной состав. Об этом мне рассказал Инсуа, Рубен Инсуа, который отказался переходить в один клуб, потому что тренер требовал заплатить за право играть, а он не стал этого делать. Я спросил его: «Почему ты не заявишь об этом публично?» и получил ответ: «Из-за системы». Но, что за херня, о какой системе мы говорим?! Ко мне было собирались подкатить с подобными предложениями, но так и не решились, потому что прекрасно знали, куда бы я их послал.

Нельзя обойти стороной и тему арбитров. Со стороны клубов на них осуществлялось кошмарное давление, они ошибались, а весь мир считал, что судьи — продажные сволочи. Намекали на то, будто бы мы с ними обо всем договорились. А мы выигрывали все матчи со счетом 1:0, еле-еле держась на ногах от усталости. В нашу пользу не давали чистых пенальти, а вот в ворота нашего соперника, «Велес Сарсфилда», вообще никогда не назначали 11-метровых. Что я тут мог сказать? Что договорились с ними? Поэтому со мной и приключилась та знаменитая история с четвертой желтой карточкой.

Приближалось «класико» с «Ривером», и на моем счету было уже три предупреждения. Еще одно — и я получал дисквалификацию. Можно было проводить выборы в стране по поводу того, должен ли я был нарваться на желтую карточку в матче против «Банфилда», чтобы гарантированно принять участие в «класико» или нет? Бред какой-то! А если бы я нарвался на красную? Так вот и обстояли дела… А в перерыве ко мне подошел главный судья матча, Уго Кордеро, и спросил: «Диего, хочешь, чтобы я тебя предупредил?». Я захотел его убить прямо на месте: «Что?! Предупреди меня, если я того буду заслуживать, и перестань пудрить мне мозги, я и так уже слишком часто оказывался во всяком дерьме, чтобы ввязываться еще в одну

передрягу». Чем все закончилось? Тем, что он мне все-таки показал «горчичник», как будто бы мы действительно обо всем договорились.

Это спасло мою карьеру от досрочного завершения. Я не раз попадал в неприятные ситуации наподобие тех, что вынудили меня уйти из «Севильи», уйти из «Ньюэллз Олд Бойз». Мне доставляло — и доставляет — удовольствие играть в футбол, но если футбол заставляет плакать моих дочерей, я посылаю этот футбол в п…у. И хотя я благодарен ему за все, что он мне дал, для меня гораздо важнее улыбки Дальмиты и Джаннины, а не тридцати миллионов аргентинцев… И здесь не может быть никакого сравнения.

Мой контракт с «Бокой» истекал только через два года и я мечтал о том, чтобы в следующем сезоне сыграть в Кубке Либертадорес. Но для этого нам нужно было выиграть чемпионат, и я был скорее подавлен, чем взбешен. И в этом не было ничего хорошего, потому что лучшей мотивацией для меня всегда был вызов. А тут еще нас обыграл «Расинг» 6:4, и Маурисио Макри выиграл выборы президента клуба, и Алегре с Эльером должны были сложить полномочия.

Для меня это было жестоким ударом: я оказался в состоянии «грогги», и уже не смог оправиться от этого удара. Я даже не принял участия в заключительном матче сезона против «Эстудиантес», когда еще существовала минимальная вероятность завоевать чемпионский титул. Все было кончено.

Пошли разговоры о преемнике Марсолини, который ушел с поста главного тренера в самом конце чемпионата. И когда настало время называть конкретные имена, у меня произошла первая стычка с Макри, которому я сказал, что если придет Билардо, в «Боке» и духу моего не будет. И я решил предстать перед теми, перед кем действительно должен был это сделать — перед болельщиками «Боки». 16 декабря я вышел на поле стадиона «Ла Бомбонера», который был молчалив и холоден как никогда за все время, что я провел в «Боке». Я был возбужден, говорили, что это будет мой последний матч за «Боку». Я поднял вверх глаза и руки, как это делал всегда, и обнаружил кучу пустых желтых кресел и два полотнища. На одном было написано: «Спасибо за чемпионат», а на другом: «Сколько можно?! Хватит играть с инчадой! Хватит набивать карманы деньгами без побед!». На этот раз я почувствовал себя виноватым перед теми, кто каждое воскресенье заполнял «Ла Бомбонеру» до отказа, чтобы посмотреть на Марадону. Когда матч закончился со счетом 2:2, пять тысяч бедных болельщиков начали кричать: «Диего, не уходи! Диего, не уходи!». И я решил, что буду играть за «Боку», с

Билардо или без него. В очередной раз я поступил так только ради людей. Я спустился в раздевалку, позвонил Копполе и сказал ему: «Ступай и договорись обо всем».

Тем временем я занялся другими делами: в январе 1996 года я принял участие в кампании «Солнце без наркотиков» и публично признал свое пристрастие к кокаину. Единственное, что я хочу сказать: я сделал это ради детей. Я произнес тогда свое знаменитое: «Я был, есть и буду наркоманом» для того, чтобы показать, насколько в нашей стране распространена наркомания… Наркомания проникла во все сферы жизни, и я не хочу, чтобы от нее пострадали дети. У меня две дочери, и мне показалось, что было бы хорошо сказать все это; это была моя обязанность как отца и обязанность как личность. Жаль, что ничего хорошего из этого не вышло; наркомания оказалась слишком сильна, чтобы ее мог остановить Марадона. В то же время я четко понял: власть имущие не хотят, чтобы это произошло, и я для них не более чем дымовая завеса. И хватит об этом.

Тогда моя голова словно была расколота на две части: с одной стороны, эта кампания, отнимавшая у меня уйму сил и времени; с другой — возвращение в «Боку», где меня ждала встреча с Билардо. Я сразу внес ясность: с ним у нас все будет замечательно, потому что я выложил свои карты на стол, и все поняли правила игры. Но в то же время всем нужно было понять и то, что с Билардо я работаю только ради сохранения спокойствия болельщиков. Как и в случае с Марсолини. При этом я попросил «инчаду» принять во внимание то, что я сделан не из железа, и если что-нибудь случится, то — поминай, как звали… Под словами «что-нибудь случится», я подразумевал следующее: «Не убирай меня с поля, если перед этим заставляешь играть на уколах, как это было в «Севилье». К счастью, Билардо все понял.

Но беда подстерегала меня с другой стороны: с Маурисио Макри у меня никогда не было хороших отношений, потому что он говорил, что мы для него как рабочие, чье дело — продавать автомобили. Я сразу же ему сказал: «Со мной, парень, у тебя этот номер не пройдет». За всю свою поганую жизнь он ни разу не заходил в раздевалку, и потому для меня он был никем. И первая стычка с ним произошла из-за выплаты премий, по поводу которых он высказался следующим образом: «С Алегре и Геллером вы купались в деньгах, но ничего не выигрывали». Какого хрена он вообще лез не в свое дело?! У Макри вообще извилин в голове меньше, чем улиц в Венеции.

Я договорился, что прибуду на предсезонку чуть позже и оставался в Пунта-дель-Эсте. Мне позвонил один из друзей-

журналистов, спросил, как у меня дела, и рассказал, что в Эсеисе, где тренировалась «Бока», где когда-то мы начинали со сборной Билардо, приключилась следующая история с премиями. Макри заявил, что урезает их размер, нравится это кому-то или нет. Я не раздумывал ни секунды, взял частный самолет в Эль Хагуэле и полетел туда. Через полтора часа я вместе с ребятами утрясал этот вопрос. Мы сели вместе с начальниками, я помню, что там был Педро Помпилио, и высказали им все, что думали. Они выслушали Наварро Монтойю, Макалистера, и меня, как капитана команды, как ее представителя. Я попросил их уважать игроков и поступать так, чтобы доверие к ним не испарилось в одно мгновение.

Однако далеко не все было ясно. Мы принимали участие в летних турнирах, играя против «Расинга», «Индепендьенте», после чего должны были лететь в Мендосу для того, чтобы в конце января 96-го встретиться с «Ривером». Я предупредил Билардо, что не смогу сыграть в том матче, так как был связан соглашением с организаторами кампании «Солнце без наркотиков», и сказал ему, чтобы он подыскивал мне замену. У него она уже была готова, и он заявил мне: «Я должен буду определиться с командой в твое отсутствие, я должен найти выход… И я его найду». В тот момент меня доставали совсем другие проблемы, не имевшие ничего общего с временем: с одной стороны, я получил болезненный удар в правое бедро, а с другой — вопрос с премиями по-прежнему висел в воздухе, и я знал, что начальство мне врало. Да, они мне врали, и тогда я вышел из себя: меня не устраивало то, что на мне хотели нажиться. Усиления состава так и не последовало, и Макри стал для меня кем-то Картонеро Баеса, который прославился тем, что выступал в роли свидетеля на судебном процессе Монсона, когда того обвинили в убийстве.

После того, что случилось в Мендосе, я объяснил Макри причину своего отсутствия, и потом поступил в его распоряжение. Мы вдвоем были на радиопередаче в прямом эфире, и журналист спросил меня:

— Почему до болельщиков не дошло еще раньше, что ты не будешь играть?

— Все это кажется мне полной херней. Я сказал, что не буду принимать участие в летних матчах, однако все же вышел против «Индепендьенте» и «Расинга». Имена здесь не имеют значения, важны соперники, иначе бы — при всем моем уважении — здесь играли бы «Архентинос», «Олл Бойз», «Ферро». А здесь играли гранды аргентинского футбола.

И тут влез Макри, который начал нести чушь вроде «чего тебе

стоило предупредить всех», «если ты был травмирован, ты мог бы об этом сказать» и все в таком духе. Я не стал этого терпеть и оборвал его на полуслове: «Этот разговор — не для радио. Знаешь, Маурисио, мне кажется ты зашел слишком далеко. Нечего настраивать людей против меня. Билардо решает кому играть, а кому — нет независимо от наших желаний. Ты можешь узнать все у Билардо, а потом выгнать нас обоих, если хочешь. Потому что в противном случае мы будем продолжать поступать так, как поступали раньше, как того хотим мы вдвоем, или как того хочет Билардо. Я не хочу продолжать, потому что боюсь выйти за рамки, но пока за рамки вышел ты… До свидания». Как видите, микроклимат в клубе был еще тот.

Несмотря на все, я приступил к тренировкам в составе «Боки». Мы сыграли товарищеский матч против Армении, что было записано в контракте Каниджи, и впервые в жизни я услышал, как меня освистывают болельщики «Боки».

После этого мы отправились на юг, в Сан Мартин де лос Андес, где начали подготовку к сезону и несколько отдалились от дрязг и ссор. Но все равно, если кто-то спрашивал, являются ли мои плохие отношения с Макри слухом, я отвечал, что это чистой воды правда. Все существовавшие между нами разногласия я свел в одну простую формулу: его родители были очень богатыми, мои — очень бедными, так что делайте выводы сами.

Мы по-прежнему с ним не виделись, у нас не было иного выхода. Однажды он появился в Эсеисе, где мы тренировались, облаченный в футбольную форму. Бедняга, он хотел получить удовольствие, сыграв в футбол с нами, со своими наемными рабочими, и попал в мою команду, составив пару в атаке Канидже. Мы выиграли 1:0 благодаря моему голу, и когда спросили мое мнение о нем, я был последователен: как футболист… он хороший бизнесмен.

Когда спорам и ссорам пришел конец, я начал играть. Правда, на поле также шла борьба, тем более, что «Бока Хуниорс» был способен на то, чтобы изредка жалить соперников, но не сражаться за чемпионский титул. По большому счету, нашим пределом было четвертое или пятое место.

Официально цикл Билардо-Марадона начался с голеады, когда 8 марта на поле «Велеса» мы зыбили четыре мяча клубу «Химнасия и Эсгрима» из Хухуя. Счет открыл я с пенальти, а все остальное зависело лишь от того, насколько быстро будут доставлять мяч Канидже. В какой прекрасной форме был тогда Кани! Он в одиночку вытаскивал матчи — с «Платенсе», с «Ланусом». Какой же головкой члена был Пассарелла, не приглашавший его в сборную. Не вызывал он и Батистуту, таким

образом оставив за бортом двух лучших нападающих Аргентины.

Мы сражались как могли. Я был эдаким умелым старичком: делал точные передачи, иногда демонстрировал дриблинг, но вот голы давались мне с трудом, с огромным трудом…

Смогли ли бы мы подняться выше, если бы я реализовал какой-нибудь из пяти пенальти, что я смазал за эти фатальные полгода? Я хотел лишь забыть об этих пяти проклятиях, чтобы на них закончился кошмарный этап в моей карьере.

Неудачи стали нас преследовать начиная с 13 апреля 1996 года, в Росарио, в матче против «Ньюэллз Олд Бойз». До той встречи мы не знал поражений, хотя играли так себе. В тот вечер я прошел через все круги ада: сперва вратарь парировал мой удар с 11-метровой отметки, а под конец я получил мощный удар по правой ноге. Я ушел с поля, так как не мог больше терпеть эту боль, а с трибун несся свист в мой адрес. Они мне не верили! Они не верили в то, что я получил травму; как такое могло случиться?! Я словно чувствовал в ноге теннисный мяч, а какие-то недоумки еще и сомневались.

«Архентинос Хуниорс» мы забили четыре мяча и начали смотреть на турнирную таблицу уже совсем другим взглядом. Однако мое возвращение, черт побери, оказалось неудачным: 9 июня я вновь не смог забить проклятый пенальти, на этот раз «Бельграно». Лабарре отразил мой удар, я пошел к центру поля и услышал как с трибун несется: «Марадоооо, Марадоооо!» так, словно они меня прощали, делали мне снисхождение. Я даже не захотел посмотреть в их сторону! Я знал, что там сейчас плачут Клаудия и мои дочери. Они действительно плакали! Когда матч уже подходил к концу, и казалось, что все завершится никому не нужной ничьей, я подобрал мяч, прошел с ним немного и что есть силы ударил по воротам. Мяч просвистел надо всеми, перелетел через Лабарре и, ударившись о дальнюю штангу, оказался в сетке; я их сделал, я сделал их всех… Бог в очередной раз протянул мне руку помощи.

Я прекрасно понимал, что мое возвращение не пройдет тихо и мирно. На этот раз Бог оставил меня, и наши пути пересеклись с дьяволом… Нет, хуже чем с дьяволом. Это был Кастрильи. Вспоминая 16 июня 1996 года, матч в гостях против «Велес Сарсфилда», я прихожу к выводу, что именно те события повлияли на мое будущее в «Боке». Мы играли против нашего непосредственного соперника в борьбе за чемпионский титул, вели в счете, и первые полчаса той встречи я провел как никогда хорошо с того момента, как решил вернуться. Как всегда, настоящим героем смотрелся Каниджа, который открыл счет на 15-й минуте, и я то и дело загружал его мячами… А я умудрился

забить пяткой, и когда я это сделал, мне аплодировали даже болельщики «Велеса». Но нас ограбили, у нас украли победу. В наши ворота назначили штрафной удар и пенальти, которых и в помине не было! Не было!

Этот пенальти, назначенный за две минуты до перерыва, вывел меня из себя. Точнее, не пенальти, а Кастрильи! Только ради болельщиков «Боки» я обошелся с ним уважительно; а так я бы просто разбил ему морду. Я встал на его пути, убрал руки за спину и спросил его, почему он так поступил. Он был нем как рыба. Я спросил его еще раз: «Все мы люди, объясни, пожалуйста, зачем ты это сделал?». И вновь мой вопрос остался без ответа. Тогда я не выдержал и закричал: «Ты что, сдох?!». И он мне ответил, ответил так, что едва не сразил наповал: после окончания матча меня выбрали для прохождения допинг контроля. «А его, почему вы не возьмете на допинг-контроль его?!» — спрашивал я всех вокруг, но они только отводили глаза. Единственное, чего я хотел в тот момент — чтобы Кастрильи никогда больше не допустили к судейству. А чемпионство от нас уже ушло, ушло в который раз; если бы мы выиграли тот матч, уже никакая сила не смогла бы нас остановить. И тогда я бы мог уйти с высоко поднятой головой, уйти так, как я того заслуживал.

Я вернулся в матче с «Росарио Сентраль», 29 июня вечером, на стадионе «Хиганте де Арройито». Мы победили, сыграли довольно неплохо, продолжали претендовать на победу в чемпионате, но я… я вновь не реализовал пенальти! В третий раз подряд! Невезение? Да, но это невезение уже начинало меня доставать. Но только меня, потому что команда все равно продолжала набирать очки, несмотря на то, что я не забивал пенальти.

Все это начало казаться мне каким-то издевательством, тем более, что во встрече с «Ривером» произошло то же самое! Тот вечер, 14 июля, оставил в моей памяти двоякое впечатление: я попал с «точки» в штангу, но «курам» мы закатили аж четыре штуки! Один гол записал на свой счет Пепе Басуальдо, и три — Кани, который выглядел просто превосходно. Я чувствовал, что мы еще уступали «Велесу», но в то же время от матча к матчу наша игра улучшалась… «Носач» Билардо наконец-то смог построить команду: Наварро Монтойя в воротах, Гамбоа — либеро, Фаббри и «Рыжий» Макалистер — стопперы, Басуальдо и Кили Гонсалес — фланговые игроки, Каррисо — в центре поля, Верон — тут и там, Каниджа и Чами, белый и черный, — в атаке. Я? Я там, где это было нужно. Меня уважали все соперники без исключения. Уважали так, что я решился предложить себя в сборную Аргентины, но Пассарелла никак на это не отреагировал

и ничего мне не ответил.

После «суперкласико» с «Ривером» мы отправились в Китай, сыграть два товарищеских матча, часть вырученных средств от которых должна была пойти на оплату моего трансфера. Я никогда не представлял себе, что в этой стране меня так знают… Я не мог ни шагу сделать спокойно! Мне казалось, чтот тот вояж пошел команде на благо, однако Билардо был недоволен, так как нарушился ритм нашей подготовки.

В те дни мне поступило впечатляющее предложение, самое денежное за всю карьеру. В мои 35 лет мне предлагали 20 миллионов долларов за два года, проведенных в Японии. 20 миллионов долларов! У меня было достаточно причин для того, чтобы обдумать его, поверьте. Например, мне не нравилась политика руководства «Боки», которое для того, чтобы укрепить свои команды, выступавшие в низших дивизионах, скупало молодых футболистов по всей Аргентине. Это делал Гриффа, и я как-то заявил ему по этому поводу: «Скоро дойдет до того, что и мой отец начнет водить сюда ребят». Тем не менее, любовь к этому клубу была так велика, что все золото мира я бы не променял еще на одну победу в чемпионате и круг почета по стадиону «Ла Бомбонера». Эта победа бесценна.

Она не имела цены, но я сам ее подарил, твою мать. Вновь нас лишил праздника «Расинг». 7 августа, в тот кошмарный вечер, нас растерзал «Пьохо» Лопес, а я не забил свой пятый пенальти подряд. Мир рухнул. В раздевалке я заливался слезами, прекрасно понимая, что у меня уже нет никаких шансов исполнить мою последнюю мечту. Для нас чемпионат был закончен, и я хотел умереть. Неделю спустя, 11 августа, я вышел на поле для того, чтобы сыграть против «Эстудиантес», убежденный в том, что это будет мой последний матч в футболке «Боки». После встречи с «Расингом» Дальма и Джаннина проплакали все глаза после того матча с «Расингом», и я никогда не видел их такими расстроенными. Я взял на себя ответственность за все, что случилось с «Бокой» в том сезоне, за все хорошее и все плохое.

Правда, одиннадцать месяцев спустя я вновь надел футболку «Боки», чтобы выйти на поле. Одиннадцать месяцев! Сколько воды утекло!.. Но тогда я сам решил уйти, а не под чьим-либо давлением, и никакие власть имущие не могли повлиять на мое решение.

Если кто из них в те дни и сумел положить меня на лопатки, так это судья Эрнан Бернаскони. Он упек за решетку моего друга Гильермо Копполу, отняв у меня покой и сон. Для меня это оказалось кошмарным ударом. Единственное, что меня в то время

интересовало — чтобы восторжествовала справедливость. И эту справедливость мы ищем до сих пор. Сейчас сам Гильермо говорит, что все с ним случившееся, то «дело Копполы», прервало мою карьеру, когда я был готов летать по полю.

За тот год я прошел через все, пережил столько, что помню далеко не все из случившегося. Этот период словно стерт из моей памяти.

Сперва я отправился в Швейцарию, сразу после моего последнего матча. Эту поездку организовал мне Коппола, в то же самое воскресенье, когда мы вернулись со стадиона. Это Люцифер выбрать для меня клинику, в которой мне пообещали избавиться от наркотической зависимости. Мне показалось серьезным то место и те врачи, что меня осматривали. Через два дня после приезда я дал пресс-конференцию, на которой рассказал о себе все, вплоть до того, какая у меня группа крови. По крайней мере, я чувствовал себя уверенно, потому что анализ на допинг, взятый у меня после матча с «Эстудиантес», дал отрицательный результат.

Мой 36-й день рождения был одним из самых грустных в моей жизни. Я находился в Буэнос-Айресе и тренировался вместе с «Бокой», думая о том, чтобы все поскорее закончилось.

Я не знал, что мне делать, метался из стороны в сторону; сперва я говорил о том, что хочу играть в «Боке», затем объявлял об окончании карьеры, а заканчивалось все заявлением о готовности уехать из страны. Я противоречил самому себе, однако сейчас я знаю, почему это происходило: я не представлял себе жизни без футбола и не мыслил, что я буду делать в таком случае. До меня не доходили приглашения, сыпавшиеся отовсюду, изо всех уголков мира. Последнее в 1996 году поступило мне из Монтевидео, и исходило оно — ни много, ни меньше — от «Пеньяроля». Однако, в то время и против моей воле, во мне проснулось желание выступать за «Боку». Я вновь хотел надеть эту футболку, несмотря на то, что она была уже фирмы Nike, а между синим и желтым цветами появилась белая полоса, как будто на форменной одежде Мичиганского университета… Но это была футболка «Боки», и это была та футболка, которую я любил.

Тем временем состоялось заседание Международного профсоюза футболистов, который я сам и основал. Присутствовали Ди Стефано, Круифф, Сократес, Зидан, Стоичков, Клинсманн, Веа… Это было в феврале, когда во главе «Боки» стоял Эктор «Бамбино» Вейра, а Билардо уже ушел.

Когда я вернулся, началось мое выяснение отношений с «Бокой», которое совершенно меня вымотало, извело. Вымотало

так, что во время поездки в Чили, выступая на телевидении, я пережил страшный приступ, в результате которого оказался на полу. Из студии меня вывезли на кресле-каталке! И для меня это было словно предупреждение, сигнал тревоги… Это случилось 7 апреля; я собрался и 21-го подписал новый контракт с «Бокой». Мне ни хрена не было важно, что на футболке появилась белая полоса; команда находилась в плохом состоянии, болельщики — в еще более отвратительном, и я хотел протянуть им руку помощи. Я прошел кучу обследований, мой механизм функционировал хорошо, несмотря ни на что, и я был готов двигаться вперед. В июне я вновь отправился в Канаду и договорился там с Беном Джонсоном. Да, с Беном Джонсоном! Самым быстрым человеком на планете, настоящим феноменом, который очень мне помог.

9 июля 1997 года, когда я вновь сыграл за «Боку», в матче против «Ньюэллз», ставшем настоящим праздником, я весил менее 75 килограммов. Я летал! В тот вечер я забил со штрафного… Легенда продолжалась. Я сыграл в одном из последних матчей Клаусуры2, против «Расинга», и серьезно готовился к тому, чтобы выступить в Апертуре. Я готовился изо всех сил! И, как это было в «Наполи», я вмешался в вопрос о том, кого надо брать в «Боку», а кого нет… Там, в той комиссии, которой Макри вертел как хотел, был только один человек, способный заставить его замолчать — старичок Луис Конде, да покоится он в мире. Высокомерие Макри не позволяло ему спрашивать о том, чего он не знал… и он просто давал деньги. Для того, чтобы вы знали: близнецов Гильермо и Густаво Баррос Скелотто и Мартина Палермо купил я! Я их купил! И сегодня мне должен был полагаться процент, который я передал бы болельщикам «Боки». Потому что все те игроки, которых я заставил клуб купить, впоследствии были проданы за миллионы долларов… И они еще нагадили ему в конце 1999 года, когда не продали его в «Лацио» за 20 миллионов долларов; это был просто каприз, они не дали ему уехать, потом он получил травму и был вынужден начинать все сначала. И с близнецами произошло то же самое. Я сказал Гильермо: «Бери за руку своего брата и не оставляй его; если он не пойдет в «Боку», то и ты не ходи». Я сказал это для того, чтобы он смог заработать немного песо, потому что Густаво также мне очень нравился. А вот руководителям — нет, до тех пор, пока я их не убедил. Единственное, о чем я сожалею в той истории, что не взял себе процент; а то бы сегодня близнецы и Палермо были бы отчасти моими.

Все знают, что мое пребывание в «Боке» закончилось после

того, как очередная допинг-проба дала положительный результат — как раз в первом туре Апертуры, 24 августа, против «Архентинос Хуниорс». Они поступили со мной так подло, что я до сих пор не могу с этим смириться. Они говорят, что там опять был кокаин, и мне с трудом удается удержаться от того, чтобы не обоссаться от смеха. Говорят, что там был кокаин…

И тогда я сдался, да, я сдался. У меня было такое ощущение, словно мне протягивают револьвер для того, чтобы я застрелился. Мое пристрастие к наркотикам и так было для меня слишком тяжелой ношей, а тут меня еще решили убрать с поля, да вот таким вот способом… Ради Бога! Я имел представление о том, что такое кокаин, еще бы мне его не иметь, если кокаин был моим спутником на протяжеиии пятнадцати лет?! Стал бы я принимать кокаин перед матчем? Не смешите меня… Просто они еще раз подложили мне свинью.

Я вернулся, вернулся опять. Суд разрешил мне выйти на поле, я сыграл против «Ньюэллз», забил гол с пенальти, и мы победили. Впереди было «класико» на «Монументале», и я хотел быть там, хотел быть там! Я сыграл всего 45 минут, но все-таки я сыграл! Мы выиграли в своем стиле, одержав волевую победу со счетом 2:1, и я получил от этого ни с чем не соизмеримое удовольствие. Но я никогда не мог подумать, что это будет мой последний матч.

Пять дней спустя, 30 октября 1997 года, в 37-й день моего рождения, когда все только и обсуждали слухи относительно моей допинг-пробы, относительно того, принимал я наркотики или нет, кому-то взбрело в голову сказать, что мой отец умер. От отчаяния я чуть не сошел с ума, нашел телефон, позонил домой, поговорил с Тотой…

— Мама, мамочка, что случилось с отцом, что?!

— Ничего, мальчик… Он здесь. Почему ты спрашиваешь?

Это переполнило чашу моего терпения. Вся моя история в футболе началась потому, что я об этом мечтал. В дальнейшем она продолжилась она ради моей семьи. И вот теперь я почувствовал, что пришло время перестать доставлять им страдания. И я сказал футболу «прощай». Навсегда? Я никогда бы так не сказал.

Примечания:

1 Риноскопия — метод исследования полости носа, заключающийся в осмотре ее стенок.

2 Клаусура — «чемпионат закрытия», вторая часть национального первенства Аргентины

Глава 13
ВЗГЛЯД

О привязанностях, о звездах

«Без него я умру» — сказала Клаудия. И это для меня и есть вечная любовь.

До сего момента я вспоминал и рассказывал только о своей футбольной карьере, только об этом!

Но у меня всегда с огромным трудом получалось отделить футбол от всего остального. В этом и моя вина, и в то же время вина тех людей, которые хотят все знать, и тех журналистов, что не могут утерпеть, чтобы не спросить… Иногда я думаю, что вся моя жизнь уже снята на пленку, изображена и описана в журналах. Но это не так, не так. Есть вещи, которые я храню только внутри, в моем сердце, и никто, никто о них не знает. Чувства, ощущения, то, о чем невозможно рассказать, потому что… потому что не существует слов для того, чтобы сделать это!

Я хочу, чтобы то, о чем я продолжаю рассказывать, стало чем-то вроде дани уважения тем людям, к которым я наиболее привязан. Нет признаний, нет разоблачений, есть только любовь и ничего больше. И благодарность всем тем, кто меня поддерживал на протяжении двадцати лет, когда я играл в футбол.

Например, меня спрашивали: «Почему ты не расписался с Клаудией?» Что я им должен был ответить? Потому, что для того, чтобы сказать ей, что я ее люблю, мне не нужна была бумага! Затем меня стали спрашивать: «Почему ты с ней расписался?». Потому что мне так захотелось! Из-за любви к женщине, которая была рядом со мной на протяжении стольких лет. Ради моих стариков, ради тещи Почи, которая молча терпела, когда в магазине начинали перешептываться у нее за спиной; ради Коко, моего тестя, которому пришлось драться с кучей имбецилов. Ради них. Я устроил этот праздник только ради всех них! Не для того, чтобы похвастаться, а лишь для того, чтобы показать тем, у кого несколько лет назад не было денег на входной билет в Луна-Парк, что теперь он принадлежит им. И только им. То бракосочетание, 7 ноября 1989 года, которое выглядело как извинение, смогло собрать всех моих друзей: они прибыли из Испании, из Италии и

также из Вилья Фьорито. Да, из Вилья Фьорито…

И, знаете, что было написано на пригласительной открытке? «Дальма Нереа — Джаннина Динора, их дедушка и бабушка Диего Марадона — Дальма Сальвадора Франко де Марадона и Роке Николас Вильяфанье — Ана Мария Элия де Вильяфанье приглашают вас на свадьбу их родителей». Вот так! И если бы могли собрать всю семью, мы бы ее собрали.

Клаудия — это отдельная глава в моей жизни, она — единственная! Она — та, которую я выбрал…

Бог сказал мне: «Она предназначена для тебя, потому что второй такой как она не существует. Другая прервет твой полет на середине реки, и ты рухнешь в воду». Конечно, на самом деле это были другие слова, однако, наполненные тем же самым смыслом.

Клаудия — это настоящее сокровище; она готова отдать жизнь за мужа, за детей, за семью, даже за Гильермо. Она — сама чистота! Если кто-нибудь подойдет ко мне и обвинит ее… хотя бы в том, что она пила кофе и любезничала с каким-нибудь незнакомцем, я его убью!.. Все должны узнать ее такой, какая она есть на самом деле: прекрасная мать, чувственная жена, которая беспокоится и переживает за всех. Когда заболела мать Копполы, она была рядом с ней. Когда умерла мать Гатти, она появилась в их доме в четыре часа утра. И я не хочу ее ни с кем сравнивать, потому что она — единственная, она — моя драгоценность!

Она всегда умела сохранять мир и спокойствие в семье. Если бы в определяющие моменты моей жизни ее не оказалось бы рядом, как это может произойти с любой женщиной в мире… я не знаю, что бы со мной случилось, и чем бы все это закончилось.

Она всегда, всегда поддерживала меня, даже когда я полумертвый прилетел на Кубу. Она подставляла мне плечо, потому что обладает сильным характером и делает то, чего не смог бы сделать никто другой. Я хочу чтобы вы поняли: она не жалостливая спутница жизни, стоящая за моей спиной. Она — не просто жена чемпиона. Она — возлюбленная сеньора, которого зовут Диего Армандо Марадона, сопровождающая его в радости и горе, в славе и агонии. И она всегда рядом. Когда меня многие спрашивают: «Как же она тебя терпит, как она продолжает оставаться вместе с тобой, несмотря ни на что?», я отвечаю… Я отвечаю: потому что я никогда не поступаю подло по отношению к ней, чтобы решить свои проблемы. Я обо всем ее предупреждаю и делаю все только с ее согласия. Я выбрал ее, а она выбрала меня.

Я запомнил одну фразу, фразу, заставившую меня написать песню в ее часть там, в США, после той истории с проклятым

эфедрином. Тогда к нам пришли журналисты и задали Клаудии вопрос, что она собирается делать теперь. И она, ранее никогда не дававшая интервью, ответила: «Без него я умру». В тот момент я понял, что такое вечная любовь, любовь до гроба: «Без него я умру». Понятно?

Кроме всего прочего она — мать моих детей. Настоящая мать, которая в одиночку отправилась за океан для того, чтобы произвести их на свет в Буэнос-Айресе. Она хотела, чтобы мои дочери родились в Аргентине. Вы, те, кто говорит, что знает обо мне все, знаете, что я не присутствовал ни на первых, ни на вторых родах. И не потому, что валял дурака. Я находился в Италии, играл в футбола, выполняя условия моего контракта, проводя один матч за другим. Больше матчей, чем я, тогда в Италии не сыграл ни один иностранец… Когда родилась Дальма, 2 апреля 1987 года, я тренировался, готовясь ко встрече с «Эмполи». А когда появилась на свет Джаннина, 16 мая 1989 года, я сидел в запасе во время игры с «Ромой». И рождение обеих принесло мне удачу: сперва скудетто, а потом — Кубок УЕФА. Я не чувствую себя героем потому, что увидел моих дочерей позже остальных, наоборот: сегодня, после всего пережитого, я знаю, что если и есть тот, кто сможет меня в чем-либо упрекнуть, то это только они, мои дочери.

Мне ставят в вину то, что я делаю все для своих дочерей? Это и есть те самые лицемеры… Мои дочери лучше всех знают, кто я такой, они знают все мои достоинства и недостатки.

Я очень люблю моих родителей, дона Диего и донью Тоту, моих сестер…. Но они никогда меня не упрекали и никогда ни в чем не упрекнут. Знаете почему? Потому что они любят меня таким, какой я есть. Потому что мой отец — самый справедливый человек на свете, и если бы таких как он было больше, мир стал бы намного лучше. Во всяком случае для моей матери он продолжает оставаться самым лучшим. Я помню, как однажды она была у нас дома, застав момент, когда я ругался из-за какого-то пустяка с Клаудией. Ничего существенного, обычная семейная ссора. Однако Клаудия вспылила и сказала, что отберет у меня ключи и не пустит меня за порог… Это услышала моя мама и сразу же сказала ей: «Посмотри, у меня дома есть детская комната, в которую он всегда может вернуться».

Поэтому я говорил и продолжаю говорить: я не могу быть таким чудовищем, каким меня пытаются представить. Я читаю это в глазах моих сестер, которые по-прежнему любят меня. Ане уже пятьдесят, и мы с ней все так же обнимаемся и целуемся как дети. Я разговариваю с ними и спрашиваю, как идут дела у Аны, у Кити, у Мари, у Кали… Я купил огромный дом, потому что Бог

дал мне такую возможность и сказал мне: «Сюда смогут приходить все», и теперь в этот дом могут зайти все мои родственники. Мы прекрасно помним те времена, когда мы ввосьмером ютились в одной крохотной комнатушке, размерами меньше, чем кухня в моем сегодняшнем доме.

Рядом со мной всегда находились те, кого я хотел видеть, кому я доверял. Я хотел бы вернуть дружбу только двух человек — моих братьев Лало и Турко, которые отдалились от меня. И когда я пишу эти строки, я не думаю о них как о друзьях. Это глубоко личное, это глубоко внутри, и порой из-за нахлынувших воспоминаний на глаза накатывают слезы. Я хотел внушить им определенные истины, но по разного рода причинам не сумел этого сделать, и они выскользнули из моих рук. И я надеюсь, что когда-нибудь, пусть даже в старости мы с ними сможем стать, если не близкими друзьями, то хотя бы приятелями.

Ну а сегодня моим самым дорогим, близким и верным другом является Гильермо Коппола. Он — мой кумир… Такой же кумир, как те, что были у меня раньше… А теперь давайте вернемся к футболу.

Если бы меня заставили составить символическую сборную из тех игроков, с которыми я сталкивался в период с 1979 по 1997 год, это стало бы для меня приятной работой. Но в то же время это меня ни к чему не обязывает. Но я бы составлял ее один, без посторонней помощи. Как всегда, понятно?

Итак, в моей сборной играли бы пять человек: Фильол, Пассарелла, Кемпес, Каниджа… и я. Я говорю «пять», потому что с моей стороны было бы несправедливо не включить сюда многих, кто этого заслуживает наравне с остальными. В этой сборной нашлось бы место и добрым друзьям, и злобным монстрам. Впрочем, к этой пятерке я мог бы добавить Хуана Симона, который чего только не вытворял на юниорском Мундиале 1979 года; феноменального Тарантини с потрясающей выдержкой. Вальдано, который умен как на поле, так и за его пределами; Руджери, потому что тот с самого юного возраста смотрел только вперед; Бурручагу, потому что так как он, с полуслова, меня понимали очень немногие. Я внес бы в этот список Батисту, которому не нужно было бежать для того, чтобы отобрать мяч; Энрике, который говорит, что это он начал ту атаку, которая завершилась моим знаменитым голом в ворота англичан в 1996 году; Олартикоэчеа, потому что на каждый матч он выходил как на последний. У меня играли бы Барбас, Паскулли, Джусти, Гальего, Диас, и обязательно Бочини, кумир моей юности.

Конечно, я не забыл бы о своих друзьях, хотя имена некоторых из них не говорят ничего широкому кругу

болельщиков, но для меня они значат много больше, чем просто футболисты: «Негро» Каррисо, «Табита» Гарсия, «Гуасо» Доменеч…

Друзья, друзья, друзья. Как, например, Каниджа, хотя я не знаю, может ли он сказать обо мне то же самое. Я очень уважаю «Рыжего» Макалистера, и огромное впечатление на меня производит колумбиец Бермудес. Потрясающее впечатление! Я уже говорил о том, что если я вернусь в «Боку», то капитаном будет уже он; и он им стал — похоже, что Карлос Бьянки меня читает.

И если иметь в виду человека, который собрал бы в себе лучшие качества этих футболистов, то это будет Альфредо ди Стефано. Я имел счастье находиться рядом с ним во время интервью, вручения различных премий. Я его люблю, он меня любит и, несмотря на существенную разницу в возрасте, на многие вещи мы смотрим одинаково и понимаем друг друга с полуслова. Однажды, в 1988 году я пригласил Альфредо в Неаполь на одну из телепередач, в которой принимал участие, и когда настал момент представить его телезрителям, меня охватило настоящее волнение… В Аргентине, до отъезда в Испанию я много слышал о том, кто такой ди Стефано, но до конца еще не понимал, насколько это значимая фигура в мировом футболе. Истинные масштабы его таланта я узнал в Испании, когда выступал за «Барселону». Там я понял, что он был послом аргентинского футбола, самым великим за всю историю. Тогда я сказал ему это, и он ответил мне на лунфардо1: «Брось, парень, ты говоришь мне это, потому что ты мой друг». Примерно так же говорил и толстяк Анибаль Тройло, величайший бандеонист2 Аргентины.

В Италии многие вели постоянные споры о том, кто лучше: я или Пеле; в Испании вопрос, кто лучше — Пеле или Ди Стефано никогда даже не поднимался. И здесь я согласен с испанцами.

В тот же самый день они спросили Альфредо, в чем состоит разница между ним и мной? И Маэстро ответил: «Диего, технически, один на один, меня превосходит. Я был неспособен на то, что он вытворяет ногами, головой, телом. Мне недоставало ловкости, но я играл по всей ширине поля и по всей его длине. Диего может этого добиться соответствующей тренировкой». Ди Стефано был рядом со мной, когда французы из «France Football» вручали мне премию — мяч из драгоценных камней, символизирующих мой путь в футболе. Альфредо также удостоился приза как лучший европейский футболист за всю историю… Я чувствую близость с Альфредо по многим вопросам. Один из них — так, мелочь — то, что я мечтал играть под его

руководством. Я помню как в сезоне 1969/70, когда он работал в «Боке», у него были такие выдающиеся игроки как Рохитас, чей портрет висел у меня в комнатушке дома во Фьорито; Мадурга, Новельо, перуанец Мелендес… Я был сопляком, мне не было еще и десяти лет, когда отец впервые привел меня на трибуну. Я влюбился в «Почо» Пьянетти. Я вперивался в него взглядом, когда он появлялся в тоннеле и следил за ним все 90 минут. Для меня он был настоящим игрочищем, и хотя бил по ногам как скотина, играл на уровне лучших.

Много лет спустя наши с Альфредо пути пересеклись: я был игроком, а Ди Стефано — тренером. Это произошло в 1981 году, на стадионе «Ла Бомбонера». Нас обыграл «Ривер Плейт» со счетом 3:2, а я забил тогда гол-красавец Фильолу. Перотти сделал навес в штрафную с левого фланга, и я заметил, как Фильол направился к дальней штанге, ожидая моего удара. Тогда я не стал медлить и пробил точно в свободное пространство между ним и ближней стойкой. Когда он дернулся, мяч уже был в сетке. Потом Фильол перед всеми оправдывался, что он поскользнулся!

В Испании мы снова сошлись с ним лицом к лицу, хотя наше соперничество всегда носило только футбольный характер. Он решил, что меня необходимо опекать не только в зоне, где меня никогда не могли остановить, но и персонально, и приставил ко мне Санчиса; и я свел его с ума! В 1983 году, в том незабываемом финале Кубка Испании мы остались с трофеем. Они также нас обыгрывали, да. Однако мы с ним всегда считали и считаем, что тактика тактикой, а последнее слово всегда остается за футболистами.

Для того, чтобы собрать команду из тех игроков, которые оставили след в моей памяти, нужно разобраться, кто из них меня восхитил, а кто разочаровал и почему. Я же пойду более простым путем, называя имена тех, кто выделяется из общей толпы. «Пинг-понг», — кажется, так это называют? Хорошо, я словно буду бить мячом о стену — левой, правой, пик-пак… Сто ударов. Это не рейтинг, я ставлю порядковые номера лишь для того, чтобы не нужно было всех потом пересчитывать. Я перечислю имена ста футболистов, и коротко расскажу о каждом из них. Их будет ровно сто, а все остальные пригодятся для другой книги, которую я когда-нибудь обязательно напишу.

1. Пеле. Как игрок он был самым лучшим, но не смог использовать свой талант для того, чтобы возвысить футбол в глазах мировой общественности. Он думал как политик, считал, что сможет стать президентом всех бразильцев. А я уверен, что действующий или бывший футболист не должен думать о своем будущем президентстве. Мне бы пришлось по вкусу, если бы он

как и я возглавил какую-нибудь ассоциацию профессиональных футболистов, ставящей своей целью защищать их права. Которая, к примеру, занялась бы Гарринчей и не позволила бы тому умереть в нищете и безвестности. Которая могла бы противостоять власть имущим и не позволять им вредить и мешать нам. И я еще раз хочу повторить, что не собираюсь сравнивать себя с ним. Когда я говорю это, то имею в виду не только футбольные вопросы. У меня было несколько возможностей пересечься с ним. Первая — в 1979 году, когда журнал «El Grafico» повез меня в Рио-де-Жанейро. Потом в некоторых прощальных и товарищеских матчах. Последний раз мы могли сделать что-то вместе в 1995 году. Но тогда наши отношения были обострены; мы увидели друг друга, и между нами словно проскочила искра.

2. Роберто Ривелиньо. Я всегда считал его одним из самых великих, чем удивлял очень многих. Я не знаю, почему… Он был на поле самой элегантностью и в то же время настоящим бунтарем. То, что мне рассказывали о Ривелиньо, трудно себе представить. И он также выступал против власть имущих. Я влюбился в этого игрока, и когда познакомился с ним лично, то был просто покорен. Есть одна очень милая история, которая дает о нем полное представление. Вышло так, что он был на сборах со сборной Бразилии на чемпионате мира 1970 года в Мексике. Ничего не делал, потому что тем футболистам и не нужно было что-то делать для того, чтобы играть. И рядом с ним сидели Жерсон, Тостао… И тут вошел Пеле. Они подумали: «Сраный негр, что мы можем ему сказать? Разве что «все хорошо, сукин сын!»?». И тогда Ривелиньо, который всегда был за все в ответе, пришла в голову мысль. Он пристально посмотрел на Пеле, который уже был лучшим футболистом мира, и сказал ему: «Скажи мне правду, тебе хотелось бы быть левшой?».

3. Йохан Круифф. Я только однажды видел его «вживую», но он показался мне фантастическим футболистом. Он бежал и думал быстрее всех остальных, и в этом было его главное преимущество. Как Каниджа, он разгонялся от одного километра в час до ста и мгновенно тормозил, когда этого требовала ситуация. И он прекрасно видел все поле. Иногда он говорил глупости обо мне, не зная меня достаточно близко.

4. Анхель Клементе Рохас. Рохитас! В моем домишке в Вилья Фьорито был его портрет, прикрепленный к стене. Мне нравилось, как он двигал своим торсом, как обманывал соперников. В моей семье все болели за «Боку», я же стал поклонником Бочини, который играл за «Индепендьенте». Но первым моим кумиром все-таки был Рохас.

5. Убальдо Матильдо Фильол. Просто лучший вратарь из всех, кого я видел в своей жизни.

6. Даниэль Альберто Пассарелла. Лучший защитник из тех, с которыми мне приходилось сталкиваться. Лучше всех играл головой, причем и в своей, и в чужой штрафной площади. Сегодня аргентинский футбол испытывает явный недостаток в таких игроках. То, что между нами происходило за пределами поля, никоим образом не влияет на мое отношение к нему, как к футболисту.

7. Марио Альберто Кемпес. Я восхищаюсь им и как игроком, и как человеком. Мы были очень благодарны Менотти за чемпионат мира 1978 года, но забыли про Кемпеса, который был голеадором и душой той команды, всем…. Мы были несправедливы по отношению к нему, он заслуживает признания в Аргентине, а не того, чтобы мотаться по всему миру, работая тренером то там, то здесь. Я люблю его.

8. Рене Орландо Хьюзмен. «Сумасшедший» был самым великим из тех, кого я видел, в плане ловкости и дриблинга. Рене развлекался, играя в футбол, как это сейчас могут делать считанные единицы. И я расскажу кое-что о нем, что переполняет меня гордостью, потому что я говорю о доверии ко мне в те времена, когда я был еще парнишкой. В 1978 году, когда на сборах он напился до смерти, то позвонил мне и попросил, чтобы я забрал оттуда, где он был. И я допер его до второго этажа, на котором находился его номер. Мы тащили его вместе с Бертони, и он не разрешал мне уйти из комнаты до тех пор, пока он не заснет; он хотел, чтобы я с ним поговорил… Для меня это что-то незабываемое из того, что дал мне футбол. В те годы я был готов заплатить за билет только ради того, чтобы насладиться его гениальной игрой.

9. Мишель Платини. Высочайший уровень, настоящий феномен. В Италии он достиг всего, что только можно, но мне почему-то казалось, что он играл в футбол без огонька. Он был очень холоден, даже чересчур.

10. Христо Стоичков. Он стал выдающимся игроком, выступая в Испании за «Барселону». До этого он был просто бомбардиром, а там превратился в настоящего феномена. Кроме всего прочего, он настоящая личность.

11. Антонио Кабрини. Он всегда мне нравился… Он был красавчик, этот сукин сын. На Апеннинах его называли «первым женихом Италии», но в мой список он попал потому, что хорошо играл в футбол.

12. Антонио Карека. Потрясающий игрок и верный друг, каких я мало встречал в моей карьере.

13. Зико. «Директор матчей». Ему перешел в наследство от Пеле 10-й номер, и Зико без проблем оправдал это доверие. Выдающаяся личность и фантастический футболист.

14. Энцо Франческоли. Ему не нужно становиться чемпионом мира для того, чтобы войти в число лучших футболистов планеты. И как человек — он лучший. Я считаю его своим другом.

15. Хосе Луис Чилаверт. Он — великий вратарь, но…Я не принимаю тех людей, которые сперва говорят одно, а на следующий день — другое. Однажды, когда Чилаверту запретили выступать в Аргентине, я позвонил, чтобы высказать свою поддержку, так как считал, что в моей стране по отношению к нему допущена несправедливость. Но когда он начинает говорить мне о том, как я должен жить в своей собственной стране, это мне кажется уже чересчур. Чилаверт не нравится мне как человек, но при этом он является великолепным голкипером, который превращается в нападающего, как только приходит пора бить штрафные и пенальти. Но здесь он не изобрел ничего нового; первым был Игита.

16. Роналдо. Этот парень — отличный игрок, но его переехал поезд славы. И испортили рекламные контракты, которые вбили Роналдо в голову, что он — чемпион мира еще до начала французского мундиаля. Видимо, от одной этой мысли его скрутил приступ астмы перед финалом со сборной Франции. Его сгубило мучительное беспокойство по поводу того, как он сыграет; в этом нет его вины, у всех нас бывают неудачные дни. От него требовали невозможного — чтобы он забивал голы и в то же время рекламировал бутсы Nike. Столько всего ему вбили в голову, что все это его и подорвало. Я думаю, что он сможет выйти из этого непростого положения, хотя в связи с последней травмой сделать это будет очень непросто. Однако пока он не превзошел ни Ривалдо, ни Ромарио. Мне было очень жаль, когда он вновь получил травму; я видел, как он плакал на поле, и у меня разрывалось сердце. Я отправил ему телеграмму в больницу во Франции, где его прооперировали, чтобы показать, что мне небезразлична его судьба.

17. Марко ван Бастен. Машина для забивания голов, которая сломалась в тот момент, когда шансы стать № 1 в мире достигли максимума.

18. Ромарио. Я очень уважаю этого футболиста, и считаю, что он идеально подходит для завершения атак. Другого такого я еще не видел. Что он только не вытворял, находясь в штрафной площади соперника! Я никогда не сомневался в его возможностях, и для Ромарио всегда найдется место в моей идеальной команде.

19. Эдмундо. Это игрок с «сумасшедшинкой», но фантастический игрок! Я не согласен с Батистутой, который взъелся на Эдмундо за то, что тот укатил в Рио на карнавал; этот пункт был записан у него в контракте. Все бразильцы таковы, в чем я убедился, выступая в Италии: когда приходило время карнавала, они все разом исчезали — Фалькао, Тониньо Серезо — и оставались только мы, аргентинцы, у которых было меньше карнавалов чем в Сантьяго-дель-Эстеро3.

20. Паоло Мальдини. Другой выдающийся футболист, правда, ошибшийся в выборе профессии: с такими внешними данными он должен был стать актером, а не гонять мяч. Он слишком красив для футбола.

21. Рууд Гуллит. Бык…Он был более жесток, чем техничен, но все его недостатки компенсировались отменной физической подготовкой.

22. Кристиан Вьери. Он как цыган кочует из одной команды в другую с карманами, наполненными деньгами. Забивает и здесь и там, но его пока еще рано делать выводы относительно того, насколько он выдающийся футболист.

23. Габриэль Омар Батистута. Слава Богу, что он аргентинец. Мы не умеем ценить то, что имеем, и если бы в Аргентине не встали грудью на его защиту, Пассарелла не взял бы его на Мундиаль.

24. Роберто Баджо. «Красавчик», «Il Bello» как говорят в Италии. Кажется, что он никогда не перестанет играть на высочайшем уровне.

25. Пол Гаскойн. Начал за здравие, мог стать заметной фигурой, а кончает за упокой…

26. Гари Линекер. Голеадор с большой буквы; заслужил, чтобы о нем вспоминали чаще.

27. Зинедин Зидан. Я хотел бы сказать несколько слов в его защиту, потому что у него поразительное видение игры, однако мне кажется, что с каждым днем ему все меньше и меньше хочется выходить на поле. Чем-то похож на Платини: его футболу не хватает эмоций.

28. Алессандро Дель Пьеро. В отличие от Зидана он получает удовольствие от игры, я чувствую это сердцем. Если бы пришлось выбирать между Дель Пьеро и Зиданом, я бы выбрал итальянца.

29. Майкл Оуэн. На мой взгляд, единственное, что осталось в памяти после мундиаля-98: скорость, ловкость, мужество… Надеюсь, что травмы не испортят ему карьеру.

30. Лотар Маттеус. Это лучший соперник из тех, что противостояли мне за всю карьеру. Я думаю, что этих слов достаточно для того, чтобы охарактеризовать его.

31. Хорхе Альберто Вальдано. Экстраординарный футболист. Мне всегда нравилось, нравится и будет нравиться играть и говорить с ним. Навечно.

32. Рикардо Энрике Бочини. Он был моим идолом. Я сходил с ума, наблюдая за его игрой. Когда на мундиале я вышел на поле в матче против Бельгии, то первым делом отыскал его взглядом и сделал ему передачу. Я помню что тогда ему сказал: «Это было как разыгрывать «стенки» с Богом».

33. Клаудио Пауль Каниджа. Я люблю его как брата. С тех самых пор, как я впервые увидел Каниджу, я почувствовал необходимость опекать его. Так менять ритм не умеет никто на свете. Он заменил меня в сердцах людей.

34. Алемао. Я попросил «Чечо» Батисту позвать его в «Наполи». Впоследствии он смог показать все свои истинные возможности. Одним словом, игрочище.

35. Микаэль Лаудруп. Один из тех, кто впечатлил меня на чемпионате мира 1986 года. Играл в одно касание и делал это с легкостью.

36. Уго Санчес. Был неподражаем, действуя в штрафной площади соперника. Но я не в восторге от этих его выкрутасов, которые он делал, забивая гол. Слишком уж картинно.

37. Эмилио Бутрагеньо. Убийственный малыш. Мне бы очень хотелось сыграть вместе с ним. Их дуэт с Вальдано мог обезоружить любую оборону. Это был восхитительный дуэт.

38. Паоло Росси. Артист контратаки. Этот итальянец превратил мировое первенство 1982 года в праздник. Росси один из тех, о ком я говорил, что они не для «Наполи»: он был слишком изыскан.

39. Оскар Руджери. Победитель. С самого начала шел вперед, невзирая на обстоятельства. У него потрясающие выдержка и воля.

40. Серхио Хавьер Гойкоэчеа. Поразительный тип. На итальянском мундиале в 1990 году он спас нас всех. Аргентинцы его любят.

41. Рене Игита. Сумасшедший и привлекательный персонаж. Как я уже говорил, это он показал всему миру, что вратари также могут бить штрафные, пенальти и забивать голы. Так пусть же никто и никогда не отберет у него патент на это «изобретение».

42. Хуан Себастьян Верон. Один из лучших футболистов из числа тех, что есть у нас сейчас в Аргентине. У него великолепное видение поля и отменные личным качества. Несколько раз он садился в лужу, делая глупые заявления обо мне, и эта проблема все еще висит в воздухе.

43-44. Хавьер Савиола и Пабло Аймар. Эти двое меня просто

очаровывают, очень жаль, что они выступают за «Ривер». Бедному Савиоле решили вбить в голову, что он новый Марадона. Он — Хавьер Савиола, пусть они больше не капают ему на мозги.

45. Хуан Роман Рикельме. Он мне очень нравится, и он достоин футболки «Боки» с десятым номером. Вначале ему пришлось тяжело, потому что у Рикельме есть свой собственный, особый стиль, но затем он разыгрался. Он уступает мне в скорости, поэтому должен выжать максимум из всех своих остальных качеств.

46. Джордж Бест. Великий игрок, но еще более сумасшедший, чем я.

47. Чиро Феррара. Однажды я сказал, что это лучший защитник мира. Не знаю, был ли я прав, но я его так люблю, что посчитал его таковым. Мой лучший друг по «Наполи».

48. Освальдо Ардилес. Еще один из тех, кого я хотел бы слушать, как Вальдано. Он больше беспокоился о команде, чем о себе.

49. Диего Симеоне. В «Севилье» он рвал жилы за меня. А когда мы вместе играли в сборной, он, как и я, умирал за ее футболку. Что произошло потом? Не знаю… Мне кажется, что Пассарелла устроил ему «промывку мозгов»; во всяком случае мне он больше никогда не звонил.

50. Давор Шукер. От футбола в его исполнении возникал обман зрения: всегда казалось, что он играет лучше, чем это было на самом деле.

51. Фернандо Редондо. За пределами поля мы с ним очень разные, но на Мундиале мы понимали друг друга с полуслова. Я держался на расстоянии от него, и он знал, что в любой момент получит от меня мяч. Он — сильная личность, но мне порой не нравятся те решения, которые он принимает.

52. Джанфранко Дзола. Он был моим преемником в «Наполи». На тренировках он очень внимательно наблюдал за тем, что я делал, и кое-чему научился.

53. Кевин Киган. Был моим кумиром в течение долгого времени, и я получал наслаждение от его игры. Он в одиночку мог решить исход любого матча.

54. Иван Саморано. За какой клуб он бы ни выступал, хозяева всегда покупали игроков на его место, однако, чилиец срать хотел на всех, забивая один гол за другим. Он один из лучших людей, что есть в мире футбола.

55. Карлос Вальдеррама. Он показал всем колумбийцам, как нужно играть в футбол. Кое-что Вальдеррама перенял от Бочини. Он мог бы продолжать играть и в 40 лет, и в 50, так как ему не нужно бегать по полю.

56-57. Гильермо и Густаво Баррос Скелотто. Гильермо играет в наш, аргентинский футбол, и делает это без излишнего напряжения, как у всех остальных. У Густаво также есть свой стиль, он всегда нацелен на атаку, и мне очень нравится, что они выступают за один клуб.

58. Уго Орландо Гатти. «Сумасшедший» Гатти однажды назвал меня толстячком, а я в ответ забил ему четыре мяча. Но потом он неоднократно показывал, что он — достойная личность, и всегда занимал мою сторону. У него был свой стиль, и он порой вытворял на поле невообразимые вещи. Однако, в качестве вратаря я бы выбрал Фильола.

59. Карлос Агилера. Великий во всех смыслах этого слова. В итальянских клубах, за которые он выступал, он оставлял свой след и свои голы. Люди даже не представляют себе, как играл «Патито»!

60. Карл-Хайнц Румменигге. Немец, немец до мозга костей. Чтобы обыграть его, нужно было его убить.

61. Обдулио Варела. Конечно, я не видел его в деле, но запомнил одну сказанную им фразу, которая очень мне помогала в течение всей карьеры. Перед финалом ЧМ-50 против Бразилии на «Маракане» он произнес: «Задача выполнена, только если мы — чемпионы». Я бы хотел иметь в своей команде таких партнеров, как этот уругваец.

62. Эрик Кантона. Коллега и друг. И такой же безумец и бунтарь, как и я сам. Его дисквалифицировали за откровенность. Нужно узнать мнение болельщиков «Манчестер Юнайтед», ведь именно они выбрали его футболистом № 1.

63. Рауль. Вальдано заставил его дебютировать в юном возрасте, и Рауль сумел взвалить на свои плечи не какую-то там команду, а — ни больше, ни меньше — мадридский «Реал»!

64. Гаэтано Ширеа. Настоящий соперник и настоящий джентльмен. Меня очень расстроила его смерть.

65. Роналд Куман. Хороший игрок, хороший… Но он ошибся во мне; после одного из заседаний профсоюза он очень плохо обо мне отзывался, однако высказать мне все в лицо так и не решился.

66. Франц Беккенбауэр. Его я узнал еще в юности; я готовился к юношескому чемпионату мира 1979 года, а он, уже великий, был в «Космосе». Меня всегда восхищала элегантность, с которой он играл в футбол.

67. Сократес. Он был не только выдающимся игроком, но, как и я, борцом за права футболиста. В знак протеста он надевал на на голову ободки из ткани, хотя ФИФА и не разрешала этого делать.

68. Рамон Анхель Диас. Закончил свою карьеру, оставшись голеадором, однако, он должен признать, что забивать его научили мы, в 1979 году. До этого казалось, что для того, чтобы забить, ему нужно просверлить дырку в груди вратаря.

69. Рикардо Даниэль Бертони. Те «стенки», которые он разыгрывал вместе с Бочини, больше никто не мог сделать во всей истории футбола. Он был моим партнером по «Наполи» в первые годы моего пребывания там, когда перед нами стояла задача спастись от вылета, и всегда забивал важные мячи.

70. Мигель Анхель Бриндиси. Бриндиси выступал вместе со мной за «Боку» в 1981 году, и тогда он понял, что мячи должен забивать не только он один. У него было потрясающее видение поля, и он играл, словно прогуливался.

71. Бернд Шустер. Немца заставили пройти через семь кругов ада, чтобы отстранить его от футбола. Он сумасшедший, как и я, и всегда меня поддерживал в борьбе против президента «Барселоны» Нуньеса. Это экстраординарный футболист.

72. Хорхе Луис Бурручага. Вы только подумайте, что о нем говорят! Бурру закончил играть, не отстав от времени. Многие считали его моим «заместителем» в Мексике, и они правы. Он мне очень помог, сняв груз с моих плеч.

73. Серхио Даниэль Батиста. Прежде всего, он мой друг. На поле мы с ним пережили прекрасную эпоху. Он был похож на осьминога, который гипнотизировал своих соперников, и они сами отдавали ему мяч. Я хотел взять его к себе в «Наполи», но из-за вендетты с президентом клуба Ферлаино там оказался Алемао. А Батиста ведь сумел бы сделать карьеру в итальянском футболе.

74. Мартин Палермо. Он очаровал меня до самой смерти. Я очень переживал его травму, когда он одной ногой уже был в «кальчо». Я любил его, когда все вокруг его оскорбляли, и это я заставил «Боку» купить его.

75. Пауль Брайтнер. Он был для меня кумиром. Он пригласил меня принять участие в его прощальном матче, из-за которого и возник мой первый конфликт с президентом «Барселоны» Жозепом Нуньесом. Нуньес не мог понять, что если бы я встретился с немцем на футбольном поле, то исполнилась бы моя мечта. До меня так и не дошло, на какой позиции он играл; он был вездесущим.

76. Эль Лобо Карраско. Он знал, как управляться с мячом, и стал одним из тех, кто помог мне освоиться в «Барселоне».

77. Марсело Троббиани. Он держал мяч, вел его, бил и забивал! Кроме того, на него можно было положиться и за пределами поля. Он продемонстрировал это в «Боке» в 1981 году,

и в Мексике в 1986.

78. Педро Пабло Паскулли. На поле он был для меня братом и отличным партнером. Многие оспаривали его достоинства, но он всегда ухитрялся забивать важные мячи и в отборочном цикле чемпионата мира, и на самом мундиале в Мексике, против Уругвая.

79. Массимо Мауро. Вальдано на итальянский лад. Конечно, ему недоставало той мощи, но с мыслью все было в порядке.

80. Юрген Клинсманн. Высокий блондин, своими движениями походивший на танцора. Когда я увидел его в Мюнхене на прощальном матче Маттеуса, то не смог поверить своим глазам: он стал еще более худым, чем раньше.

81. Эктор Энрике. Фундамент сборной, ставшей чемпионом мира в Мексике. Бедняга, он говорил, что сделал мне пас, с которого я забил англичанам.

82. Альберто Сесар Тарантини. Больше, чем просто защитник, опекавший центрфорварда. От него исходило потрясающее желание биться до последнего, несмотря ни на какие обстоятельства.

83. Роберто Айяла. Он допустил большую ошибку, став капитаном сборной Аргентины. Иногда «пассарелизм» не позволяет ему видеть дальше собственного носа. Однажды он сел в лужу, заявив, что до него в сборной было только два капитана: Пассарелла и Руджери.

84. Америко Гальего. Он избрел амплуа «волнореза». Он был способен притягивать к себе мяч. Когда я начинал, то всегда чувствовал рядом с собой его плечо, о которое можно было опереться. Он присутствовал на крещении обеих моих дочерей, и был мне настоящим другом. Я не забываю об этом, потому что мое противостояние с Пассареллой развело нас в разные стороны.

85. Оресте Омар Корбатта. Мне бы хотелось увидеть его в деле, поговорить с ним, выпить с ним вина. Я представляю себе, что он был нашим Гарринчей. И это совсем не мало.

86. Роберто Перфумо. Он приучил аргентинскую оборону к порядку. Менотти говорил со мной о Федерико Сакки, но я совсем не видел Сакки! Но, к счастью, я видел Роберто: он был настоящим маршалом. Он — капитан. Поэтому, если мы говорим о том, кто достоин этого звания, то Перфумо — второй великий.

87. Альберто Хосе Марсико. Обладатель божественного дара, который играл во Франции и на «Бомбонере» в тот же самый футбол, что и на пустыре. К сожалению, он был вынужден покинуть «Боку», потому что на его место пришел я.

88. Карлос Бьянки. Как голеадор он впечатляет. Однажды, в 1981 году, мне пришлось сыграть против него на «Бомбонере»:

матч завершился вничью 1:1, и каждый из нас забил по голу. Потом… Кто-то говорит, что он испортился, кто-то — что он феноменальный тип; но я не хочу делать выводов на основе услышанного. У меня есть свое мнение, и я бы пожал ему руку за все то, что он сделал для «Боки» как тренер.

89. Фалькао. Лидер. Я видел его за пределами поля, и он произвел на меня впечатление обычного врача. Однако, накладывая швы, он знал, что нужно делать с мячом. Он вывел в чемпионы «Рому», а это многое значит.

90. Франсиско Варальо. Я завидую его рекорду по числу мячей, проведенных за «Боку». Как бы я хотел играть подольше, чтобы побить это достижение. Я читал о нем, и мне понравились в нем две черты: во-первых, то, что он был похож на Батистуту, а во-вторых, он оказался не из числа тех, которые ноют о том, что в их время все было лучше.

91. Хуан Симон. Идеальный игрок на позиции либеро. На юниорском чемпионате мира 1979 года в Японии он был настоящим монстром.

92. Хулио Олартикоэчеа. Играл так, словно каждый матч был для него последним, и играл хорошо.

93. Рикардо Джусти. Я никогда не забуду его лица, когда его предупредили в полуфинале против Италии на мундиале-90. Он понимал, что этот финал должен был стать последним в его карьере. Джусти был предан футболке сборной, он по-настоящему ее любил.

94. Питер Шилтон. Этот чудак обиделся на меня потому, что я забил ему гол рукой. А другой гол, ты его не видел, Шилтон? В итоге он так и не позвал меня на свой прощальный матч… Смотрите, я прямо весь дрожу! Скажите, сколько людей пойдет на прощальный матч вратаря? Одного из многих…

95. Джордж Веа. Этот негр — настоящий борец за пределами футбольного поля. Он одним из первых вступил в мой профсоюз футболистов, и продолжил сражаться за будущее своей страны, Либерии.

96. Хуан Альберто Барбас. Как мы с ним вместе мечтали, проживая в одном номере во время юниорского Мундиаля в Японии! И мы вместе попали в первую сборную, которую тренировал Менотти. Прекрасный товарищ, великолепно читавший игру… Оказавшись там, он был вынужден доказывать всем вокруг, что выбор Менотти был правильным. И потом, выступая в Европе, в Испании и Италии, он продемонстрировал, какова его истинная цена и его истинные возможности.

97. Томас Бролин. Швед с ловкостью латиноамериканца. Жаль, что он травмировался и не смог дать миру то, что имел.

98. Леонардо Романьоли. Этот паренек меня просто очаровывает. Ему не хватает физической подготовки, мышц, однако, какой у него потрясающий дриблинг! Все остальное он добудет в тренажерном зале.

99. Наката. Если бы все японцы начали бы играть как он, мы бы постоянно им проигрывали. Он знает, что это такое — бить по мячу, обводить… Хорошо, что пока они еще заняты другими делами, а не футболом.

100. Дэвид Бекхэм. Слишком красив для того, чтобы появляться на футбольном поле. Хотя он слишком занят своей «Спайс Гёрл». Иногда находит время и для футбола… Он выиграл с «Манчестером» все, что можно, но теперь он в долгу перед сборной. И, конечно же, в памяти останется, как он попался на удочку Симеоне, в 1998 году во Франции.

Однако, моя жизнь не состоит из одного лишь футбола и никогда не состояла. Я всегда преклонялся перед личностями, лидерами, персонами и благодаря тому, что я — Марадона, имел возможность познакомиться с ними. Так, например, я пригласил Рики Мартина, чтобы он отведал асадо и спел моим дочкам. Иногда эти люди, опять-таки потому, что я — Марадона, не верили в то, что они были моими кумирами, что я ими восхищался. Кого только нет в этой группе…

Мне очень хотелось бы увидеться с Майклом Джорданом, Сергеем Бубкой, негром Карлом Льюисом и со всеми Джонсонами: Мэджиком, Беном и Майклом.

В Майкле Джордане меня привлекает легкость и непринужденность, с которой он играет; радость, с которой он празднует каждое очко. За то, чтобы сфотографироваться с ним, я бы отдал что угодно, и как-то раз я сказал, что моей мечтой было познакомиться с ним, обнять его. Я говорю так о нем, потому что с команданте, с Фиделем Кастро, я уже сфотографировался. Из НБА, за чемпионатом которой я слежу по телевидению, он не единственный из тех, кто меня привлекает. Я восхищен и двумя «башнями» «Сан-Антонио Сперз» Тимом Данканом и Дэвидом Робинсоном, и таким монстром, как Шакил О'Нил.

Однажды я смотрел телевизор и чуть не умер, увидев как Шакил О'Нил прогуливался своими семимильными шагам и около стадиона, и кто-то бросил ему футбольный мяч. Этот тип перекинул мяч с ноги на ногу, обутые в безразмерные туфли, посмотрел в камеру и произнес: «Диегоумарадоуна». Я чуть не помер со смеха прямо перед телевизором! Я люблю тебя, Шакил!!!

Если брать в расчет автомобильные гонки, то здесь мне больше всех нравился Айртон Сенна. Если вдруг у меня когда-нибудь появится сын, я назову его Айртоном, в честь этого

бразильского пилота. И это обещание я дал на его могиле, когда посетил ее на кладбище в Сан-Паулу. Он был самым великим, потому что всегда двигался вперед, несмотря ни на что: в дождь, когда все тормозили, он нажимал педаль газа. Для этого нужно иметь не только восприимчивость, но и мужество.

Лучшим боксером из тех, что я видел на протяжении своей жизни, я считаю Рэя Шугара Леонарда. Но для моего отца, который понимает в этом деле, самым великим был Мохаммед Али, которого я не видел. В течение длительного времени я учился драться у отца и дяди Сирило, который также играл в футбол в Эскине. И кое-чему научился, вам не кажется? Такие ноги у меня благодаря тем тренировкам… Мне вообще очень нравится бокс: единственный раз, когда я посетил Лас-Вегас, пришелся на поединок, в котором Леонард победил Томми Хирнса. Это был захватывающий бой, и он навсегда врезался мне в память. Таким же образом никто и никогда не сравнится с Карлосом Монсоном. Если бы мне не вручили приз лучшему аргентинскому спортсмену века, я бы ни на секунду не сомневался, кто должен его получить. Конечно же, Карлитос Монсон.

Я говорю это потому, что прекрасно знаю, какая полемика развернулась вокруг этой премии: многие говорили, что ее достоин Фанхио, а не я. Я с уважением отношусь к Фанджо, как называют его в Италии, но я плевать хотел на тех, кто за него рвет на себе последнюю рубаху, и в то же время никогда не видел его в деле. И даже не имеет ни малейшего представления о том, кого он обыгрывал. Скажите мне, почему автодром Буэнос-Айреса носит имя Гальвеса, а не Фанхио? Кто-нибудь возмущался этим? Нет, никто не проронил ни слова. Поэтому я повторяю еще раз: если бы они хотели дать премию лучшему аргентинскому спортсмену века покойнику, пусть бы вручили ее дочери Монсона. К счастью, они выбрали того, кто еще жив, как например, я.

У меня также было достаточно возможностей познакомиться со знаменитостями, далекими от мира футбола. И из всех них я остановил выбор на одном человеке. Он меня просто поразил, и я не думаю, что найдется кто-нибудь, кто сможет его превзойти. Это, безо всякого сомнения, Фидель Кастро. Я трижды, включая этот последний раз, был на Кубе, и меня до сих пор охватывает волнение, когда я его вижу.

Я очень хорошо помню нашу первую встречу: был вторник, 28 июля 1987 года, почти полночь. Он принял нас в своем кабинете, прямо напротив Площади Революции. Я нервничал, запинался, ничего не мог толком сказать… Хорошо, что со мной были

Клаудия с Дальмитой на руках, моя мать и Фернандо Синьорини. Тогда мы стали говорить обо всем подряд, например, он поинтересовался, нужно ли отдельное помещение для того, чтобы покормить Дальму, на что я ответил: «Нет, команданте, не беспокойтесь, она сама справится». Мы понимали друг друга мгновенно, хотя отдельные слова имели для нас разное значение. Когда он говорил «мяч», то имел в виду бейсбол; когда я говорил то же самое, то речь шла о футболе. Он спросил меня:

— Скажи мне, тебе не больно, когда ты бьешь по мячу ногой или головой?

— Нет.

— Слушай, задница, почему же тогда было больно мне, когда я играл в детстве?

— Потому что раньше использовался другой мяч, более тяжелый и менее удобный.

— А что нужно сделать вратарю для того, чтобы отбить пенальти?

— Нужно оставаться в центре ворот и в момент удара попытаться угадать, куда полетит мяч.

— Но это трудно.

— Очень трудно. Поэтому мы говорим, что пенальти — это гол.

— Скажи, а как ты пробиваешь пенальти?

— Я отступаю на два метра и поднимаю голову только тогда, когда наступаю на правую ногу, а левую заношу для удара. Тогда я и выбираю точку, куда буду бить.

— Но подожди, что ты говоришь? Ты бьешь, не глядя на мяч?

— Да.

— Товарищ, то, на что способен человеческий разум, не имеет границ, и я всегда себя спрашиваю: чего он может добиться вместе с телом? Это одно из самых больших достижений спорта. В это невозможно поверить. Скажи, это правда, что ты редко не забиваешь с пенальти?

— Да, но те, что не забил — все мои.

На этом он остановился, попросил разрешения и ушел на кухню, откуда вернулся с громадными устрицами. Пока я выпил пять бокалов вина, Фидель побеседовал с Тотой о еде и обменялся с ней рецептами… Потом мы вернулись к футболу, и он мне поведал о том, что давным-давно он был правым нападающим. Тогда я сказал ему с подколкой: «Ка-а-ак? Вы, правым? Вы должны были быть левым!».

Он спросил меня, смог ли бы я однажды что-нибудь сделать для кубинского футбола, и я ответил, что да, и что, на мой взгляд, у кубинцев есть все для того, чтобы прогрессировать в

этом виде спорта:

— Единственная проблема — это жара, а так у вас есть все для успешного развития: ловкость, физическая выносливость и желание.

Когда мы уже собрались уходить, я посмотрел на его фуражку, поднял брови, и он угадал мои мысли и практически не слышал то, о чем я его попросил:

— Команданте, извините, вы мне ее подарите?

— Подожди, сперва я тебе ее подпишу, чтобы было ясно, от кого она.

Как она могла быть непонятно от кого?! Это была фуражка Команданте! Он подал мне ее, попрощался со всей моей семьей, мы обнялись, и он ушел. У меня было ощущение, словно я разговаривал с энциклопедией. Нужно было видеть, как он говорил: он словно касался руками неба. Это бестия, которая знает все и обо всем, и умеет так убеждать, что ты понимаешь, как ему удалось сделать то, что он сделал, имея в своем распоряжении десять солдат и три ружья… И с того дня я говорю всем окружающим: вы можете не соглашаться с тем, что он делает, но оставьте его в покое и дайте ему работать! Мне очень хотелось бы увидеть Кубу вне изоляции, и, может быть, это когда-нибудь произойдет.

В следующий раз мы с ним встретились на Рождество 1994 года. Я вошел в здание государственного Совета как к себе домой, и Кастро уже ждал меня там. Наша встреча прошла в очень теплой обстановке: он подарил мне еще одну фуражку, а я ему — футболку сборной Аргентины с десятым номером… Несколько месяцев спустя мне пришло письмо с грифом кубинского правительства. В этом письме Фидель просил разрешения разместить мою футболку в Музее кубинского спорта. Настоящий феномен!

И то, что Кастро сделал для меня в последнее время, не имеет цены. За то, что я до сих пор жив, я должен быть благодарен двум Бородам — Богу и Фиделю.

Если Команданте меня впечатлил, то меньше всего симпатий у меня вызвал Принц Монакский Альберт. В Монте-Карло этот сукин сын заставил меня оплатить счет за обед, на который он сам же меня и пригласил… Он просто-напросто встал и ушел раньше, заявив, что ему завтра рано вставать и он должен выспаться. Когда мы с Гильермо Копполой попросили счет, то там стояла пятизначная цифра!!! Я отправился в Монако для того, чтобы встретиться с принцессами, Стефани или Каролиной, а вместо них попал на этого паразита Альберта, который, видимо, посчитал, что для меня огромное счастье лицезреть его

физиономию, и заставил меня за это счастье заплатить.

Мне очень помог доктор Карлос Менем, и сделал это совершенно бескорыстно. Я сблизился с ним, когда произошла трагедия с его сыном, Карлитосом, в марте 95-го. Я посчитал, что смогу хоть как-то поддержать его… Когда перонисты проиграли выборы в 99-м, и к власти пришел Де ла Руа, я навестил его, потому что посчитал, что должен быть с ним не только в радости, но и в горе, показать, что я не преследую никаких корыстных интересов. И это произошло, когда он уже был не в фаворе и не на вершине власти. Я не из тех прихлебателей, кто ловит подходящий момент для того, чтобы забраться на триумфальную карету.

С кем бы мне очень хотелось бы познакомиться — я не думаю, что кого-нибудь смогу удивить своим откровением — это Че Гевара, мой дорогой Эрнесто Че Гевара де ла Серна, так звучит его полное имя. Его образ навсегда запечатлен на моем плече, и эта татуировка является настоящим произведением искусства. Но точнее будет сказать, что он живет в моем сердце. Эта любовь к нему родилась в Италии, а не в Аргентине. И это очень важно. В Аргентине я относился к нему как большинство моих соотечественников: считал его убийцей, террористом, революционером, который подкладывал бомбы в здания школ. Этому меня учили на уроках истории. Но когда я приехал в Италию, страну, где рабочие обладали серьезной властью, устраивали забастовки, я увидел, что каждую свою акцию они осуществляли с именем этого парня на устах, с его изображением на знаменах… И тогда я начал читать, читать, читать о нем. И я спрашивал себя: почему мы, аргентинцы, не говорили всей правды о Че? Почему мы не востребуем его останки и не похороним их на родине, как поступили с Хуаном Мануэлем де Росас? Не сумев найти ответ ни на один из этих вопросов, я решил отдать ему дань уважения, сделав татуировку на плече. Я научился его любить, узнал его биографию, прочитал его историю.

Мне хотелось бы, чтобы в школах рассказывали о нем правду, и я был бы доволен, если бы в Аргентине имя Че Гевары перестало быть синонимом зла.

В завершение я благодарю футбол и Бога за все то, что они мне дали: возможность помогать семье, встретить настоящих друзей, узнать людей, о знакомстве с которыми я мог только мечтать… Разве я мог все это себе представить в моей дырявой лачуге в Вилья Фьорито?

Примечания:

1 Лунфардо — жаргон портовых районов Буэнос-Айреса.

2 Бандеонист — музыкант, играющий на бандеоне — аргентинском варианте гармошки.

3 Сантьяго-дель-Эстеро — первый город на территории современной Аргентины, основанный в 1553 году.

Глава 14, заключительная
Я — ЭЛЬ ДИЕГО

Послание

Я сделал то, что мог. Думаю, что у меня вышло не так уж и плохо.

Всегда, всегда самой большой честью для меня было выступление за сборную Аргентины. Всегда, сколько бы миллионов долларов мне ни заплатили бы в клубе за то, чтобы я остался. Это ни с чем не сравнимо, поскольку престиж национальной сборной нельзя измерить деньгами, только славой. И мне хотелось бы, чтобы данную истину дети этого и будущего поколений вбили себе в голову. Футболка в бело-голубых тонах не продается, как не продается честь аргентинского футболиста. Хотя насчет последнего… В 1999 году, перед Кубком Америки, который проходил в Парагвае, потребовалось провести опрос среди игроков сборной, чтобы узнать, кто из них хотел бы приехать на этот турнир. Кто хотел бы приехать! Вот вам и подтверждение того, что от былого аргентинского духа не осталось и следа. Пусть Гронодона говорит, что это не так, пусть Бьельса хочет все приукрасить, пусть игроки объясняются, их агенты оправдываются, а журналисты интерпретируют это как им выгодно. От нашего духа не осталось и следа. И это меня бесит, бесит как очень немногое в моей футбольной карьере.

И я уверен, что точно так же, как и я, это переживают Руджери, Пумпидо, Олартикоэчеа, Джусти, Гойкоэчеа, которые могли бы сказать то же самое. Вместе с ними мы боролись за сборную, и если кто-то предупреждал о том, что травмирован, звонили ему и говорили: «Приезжай, все равно приезжай!». Мы не были примерами для подражания; мы просто были убеждены в том, что сборная в нас нуждается… И не было никакой усталости! Ведь ты представляешь свою страну, это наивысшая честь, которой ты можешь быть удостоен. Это было то, что я говорил, что повторял на тех собраниях. «Ты сломался? Все равно приезжай!» — говорили мы тем, кто уже знал, что не сможет сыграть.

Поэтому мне доставляло удовольствие быть капитаном сборной. Это позволяло мне выступать против власти, против тех,

кто хотел вставлять нам палки в колеса, кто действовал вопреки интересам футболистов. И я не думаю, что кто-то из моих тогдашних партнеров сможет бросить мне в лицо этот упрек: «Ты все делал плохо, ты не отстаивал наши интересы». Я вступал в конфликты с Блаттером, Грондоной, Авеланжем, Макри… Пусть я делал это, используя словарный запас футболиста, а не политика, и это часто выходило мне боком. Но результат, результат того стоит. Мне кажется, что если сегодня я поднимусь на Эйфелеву Башню и крикну изо всех сил, на мой зов соберутся футболисты со всего мира. Об этом мне сказал Кантона, об этом мне сказали Стоичков и Веа: «Мы входим в Ассоциацию футболистов мира, и ты — наш президент». Для меня это самая большая честь.

И я хочу, чтобы вы поняли: я не могу принять и понять, когда футболисты отказываются приехать в сборную по причине усталости, травмы или потому, что клубы, заключившие с ними многомиллионные контракты, отказываются их отпускать, потому что… Бразильцы играют по 700 тысяч матчей в год и приезжают всегда! Порой мне кажется, что теперь «аргентинский дух» вселился в них. В воскресенье Ривалдо играет за «Барселону», летит в Таиланд, забивает там за сборную, возвращается, выходит на матч против «Реала», отправляется на Кубок Америки и там рвет задницу за футболку своей сборной!.. И как бы то ни было, я говорю: «Да здравствует Ривалдо!». Так поступали раньше аргентинцы, так поступал я.

Теперь от всего этого не осталось и следа. И я не обвиняю в случившемся агентов; единственные, кто в этом виноват — сами игроки. И об этом я заявил на встрече с руководителями Ассоциации профессиональных футболистов Аргентины. «Для того, чтобы принимать решения, вам не нужен 20-летний Марадона. Хватит воевать и давайте объединяться!».

Поэтому я сейчас готов встретиться с Йозефом Блаттером, президентом ФИФА, но не для того, чтобы «сдаться», а для того, чтобы защитить права футболиста. На протяжении 25 лет моей карьеры я не сдавался, и не собираюсь делать это сейчас. 25 лет я считал, что права игрока превыше всего, и до сих пор придерживаюсь этого мнения. И никто не может опровергнуть эту правду: имя тренерам и руководителям делаем мы, футболисты, и руководителям — тоже.

Но эти слова власть имущие мне не простили. Я это пережил, и все еще продолжаю чувствовать на своей шкуре. И я готов к этому.

То, чего они так и не смогли добиться — изменить мою жизнь. Пусть что-то я делал хорошо, что-то — плохо, но это делал я сам. Меня не сделали ни Менотти, ни Билардо, ни Авеланж, ни

Блаттер, ни Менем, ни Де ла Руа. Никто из них не осыпал меня золотом; все свои деньги я заработал сам, бегая с мячом по полю. Говорите, слишком много денег? Благодаря мне власть имущие получили еще больше. Поэтому они зависят от нас, и если бы футболисты могли объединиться, мы бы их стерли в порошок!

Чиновники ничего не знают о футболе, о самой игре, и они убрали игроков с того важного места, которое те ранее занимали. Они хорошо проконсультированы, привлекают самых богатых спонсоров и думают о «Кока-коле» и «Хёндае» больше, чем о главных действующих лицах игры. Я ощутил это в полной мере, когда создал свой Профсоюз футболистов. На мундиалях крутятся миллионы, мы — а те, кто делает спектакль — получаем какие-то подачки, 1 % от прибыли. Это фабрика, которая обращается хорошо только с теми рабочими, которые согласны на все.

Поэтому сегодня футболисты зарабатывают миллионы, не прилагая таких усилий как раньше, им это не так важно. Они получают по 20 миллионов долларов ни за что, ни про что. Савиола и Аймар стоят 80 миллионов долларов, их не видно на отборочном турнире к Олимпиаде, но их трансферная стоимость остается прежней. Вьери переходит из одной команды в другую за все большую цену, хотя ни одной из них он не приносил чемпионского титула. Что тогда говорить о сборной? Кому она нужна? Если в ней не нуждаются… И нет никого, кто подошел бы к ним и сказал: «Посмотри, парень, если ты не будешь играть за сборную, тебя не купит ни один клуб, и ты не будешь стоить ни хрена». Придет момент, когда будут говорить о том, что Савиола — это разочарование, хотя он — настоящий феномен! Но, чтобы доказать это, он должен блеснуть в сборной. Должен появиться тот, кто сможет растолковать им эту простую истину.

Все это изменилось, когда ушли мы, старики. И это не потому, что мы были умнее остальных; просто мы понимали, что являемся представителями людей, представителями народа. Тогда мы, те самые представители, выходили на поле и думали о матери, об отце, о друге, обо всех… И получали истинное наслаждение, когда понимали, что отправимся праздновать наши победы к Обелиску[1].

Мне хотелось бы, чтобы все то, о чем я сейчас говорю, услышали футболисты «молодежки». Мне хотелось бы встретиться с ними и сказать: «Парень, ты из Росарио? Приезжай на поезде, на автобусе, приходи пешком… Главное — приезжай, а потом будет видно. И играй за сборную так, как ты сейчас играешь за своих родных и близких».

Сегодня судьба многих матчей решается за письменными столами в кабинетах. И это идет только во вред игрокам: я

заплатил очень высокую цену за то, чтобы защитить их, чтобы в полдень в Мексике не проводили матчи, чтобы в 1990 году коррупционеры не получили тот финал, который они хотели: Германия — Италия. Вместе мы могли бы победить все то зло, что есть в современном футболе. К примеру, матчи, исход которых предопределяли судьи. Например, в 90-м на всех углах трубили о принципах «Фэйр Плей», а уже в первом же матче камерунцы замучили нас своей грубостью! А потом, в финале, что с нами сотворил Кодесаль, тот судья! Выдуманный пенальти не имеет ничего общего с принципами честной игры. Вам так не кажется? По крайней мере, я в этом абсолютно уверен. Есть куча матчей на чемпионатах мира, судьбу которых решают судьи вместо того, чтобы оставаться незамеченными. Этого не должно быть! Полно арбитров, которые оказывают влияние на результат, делая все ради того, чтобы до финала дошли те команды, которых там хочет видеть ФИФА. Достаточно вспомнить чемпионат мира 1986 года в Мексике, когда не засчитали гол Мичела — и это после того, как мяч на полметра пересек линию ворот! И это сделали для того, чтобы Бразилия смогла идти дальше. На последнем мундиале — в 1998 году во Франции из сборной хозяев мне не запомнился ни один футболист. И это вовсе не потому, что никто из них не был мне интересен. Просто с самого начала, с самого открытия турнира было известно, что в финале сыграют Франция и Бразилия.

В Аргентине арбитров убивает высокомерие. Высокомерие! Это мне продемонстрировал Хавьер Кастрильи, когда в 1995 «Бока Хуниорс» играл с «Велесом», и единственными словами, которые я ему сказал, были: «Уважай людей!». И так вели себя они все, они не давали тебе открыть рот. Они прикрываются тем, что не всегда выигрывают те, кто должен выигрывать. Пусть же в конце концов они станут профессионалами! И пусть им не позволяют наплевательски относиться к звездам футбола; они не должны портить зрелище и вредить людям. Потому что люди приходят смотреть на Марадону, на Франческоли, на Гальярдо, и если судьи убирают их с поля, они идут против людей. Так они становятся знаменитыми, а потом появляются на телевидении. Кому они должны сказать за это спасибо? Конечно же нам, игрокам.

Я сожалею о том, что не сыграл дольше в аргентинском чемпионате. Мне очень жаль, что в моей стране меня не смогли удержать с тем, чтобы я побил национальные рекорды, чтобы я чаще выступал за сборную Аргентины, а не слушал из Италии по телефону репортажи о матчах с ее участием… Да-да, когда играли сборная или «Бока», я хватался за телефонную трубку. Я

считаю, что в этом нет моей вины, я был вынужден ехать за рубеж, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

Находясь в Италии, я подметил одну интересную особенность: в Аргентине великие игроки прошлого как правило становились тренерами команд низших дивизионов — Педернера, Грильо, Гриффа, Гандулья, Пандо, Сакки. У великих учителей, по моему скромному мнению, вырастают великие ученики. В Италии же этого не происходило. Там экс-звезды шли в депутаты, теле- и радиожурналисты, советники президента. Но «возиться в земле», как это делал почти до 80 лет дон Адольфо Педернера… Нет, увольте. А сейчас я боюсь, что мы уже потеряли эту нашу отличительную особенность. И поэтому своей задачей я вижу работу с футболистами.

Я имею в виду не только тренировку, но и все остальное. Я говорю об этом потому, что меня бесит, что все еще есть на свете футболисты, которые не хотят говорить правду и не находят в себе силы выступить против несправедливости. К примеру, сказать о том, что до сих пор есть тренеры, которые требуют с игроков деньги за то, чтобы те проходили в состав команды. В Аргентине есть тренеры, которые взимают мзду с футболистов! Я это знаю, и я выступаю против этого! Я знаю, потому что многие игроки приходили ко мне и рассказывали об этом.

Я сожалею о тех футболистах, которые звали меня выступить в суде против Рамона Диаса, и мне очень жаль, что такое могло случиться. Но еще было бы еще большим наказанием лишить игроков будущего возможности избежать того, как им будут залазить в карман. Это называется коррупцией. Коррупция — это когда тренер сборной ставит в состав травмированного игрока, чтобы «засветить» его и потом выгодно продать в Европе. И, к сожалению, я знаю, что это произошло на самом деле.

Если бы я заново родился, то попросил бы Бога, чтобы он одарил меня тем же самым. Я считаю, что он и так дал мне слишком много — возможность играть и забивать голы, которые доставляли удовольствие неаполитанцам и аргентинцам…

Я горжусь тем, что всегда был верен своим убеждениям, своим плюсам и минусам. И с этим я дожил до 40 лет и могу смотреть людям в глаза во всем мире. Я никому не нагадил больше, чем себе самому, и никому ничего не должен кроме моей семьи. Я каждый день борюсь за свою жизнь и вижу рядом с собой моих родителей, моих друзей, жену и двух дочерей, которые так изумительны, как я только мог об этом мечтать. И кроме всего того у меня есть уважение страны, которую я люблю… Да, несмотря ни на что я пользуюсь и наслаждаюсь уважением аргентинцев.

Все, о чем я рассказываю в этой книге — чистая правда, клянусь моими дочерьми. Я старался быть максимально честным во всем. О чем-то я рассказал, о чем-то нет, но главная мысль, которую мне хотелось бы до вас донести — это то, что я буду говорить правду до конца своих дней. Я не буду идти на компромисс, потому что я не выношу несправедливости.

Как я всегда говорю тем, кто приходит и хочет схитрить со мной: «Однако, Диего, если ты…». Меня, Диего, вытащили из Вилья Фьорито и пинком под зад отправили в Париж на Эйфелеву башню. На мне были штаны, одни-единственные, в которых я ходил и зимой, и летом — эти, из овечьей шерсти. Там меня попросили, от меня потребовали, чтобы я говорил то, что должен был сказать, чтобы я поступал так, как должен был поступать, чтобы я делал то, что они хотели.

И я это сделал.

Я… Я сделал то, что мог, и думаю, что у меня вышло не так уж и плохо.

Я знаю, что я — никто для того, чтобы изменить окружающий мир, однако я никому не позволю влезть и разрушить мой внутренний мир. Сломать игру… это словно как сломать мне жизнь. Никто и никогда не заставит меня поверить в то, что мои ошибки с наркотиками или в бизнесе изменили мои чувства. Ничего не изменилось. Я остался таким, каким был всегда. Это я, Марадона. Я — Эль Диего.

notes

Примечания

1

Обелиск — современный монумент, построенный в 1936 году в центре Буэнос-Айреса